Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Эллис Лак 2000

Максимиліанъ Волошинъ

Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова

Москва
Эллис Лак 2000
2004

Максимилиан

ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Том второй

Стихотворения и поэмы
1891–1931

Москва
Эллис Лак 2000
2004

ББК 84(2Рос-Рус)-5
В68

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Составление, подготовка текста
В.П. Купченко, А.В. Лаврова

Комментарии
В.П. Купченко

Научный редактор
С.И. Субботин

Художник
В.Н. Сергутин

Книга четвертая

ПУТЯМИ КАИНА

Трагедия материальной культуры

272. Мятеж

1

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж.

2

Из вихрей и противоборств возник
Мир осязаемых
И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом.
Но этот мир, разумный и жестокий,
Был обречен природой на распад.

3

Чтобы не дать материи изникнуть,
В нее впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в «Я», и вещество не может
Его объять собой и задушить.
Огонь есть жизнь.
И в каждой точке мира
Дыханье, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье –
Творящий ритм мятежного огня.

4

Мир – лестница, по ступеням которой
Шел человек.
Мы осязаем то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды – шлаки плоти,
Перегоревшей в творческом огне:
Все в свой черед служили человеку
Подножием,
И каждая ступень
Была восстаньем творческого духа.

5

Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.
Мятеж – безумие;
Законы природы – неизменны.
Но в борьбе за правду невозможного
Безумец –
Пресуществляет самого себя,
А приспособившийся замирает
На пройденной ступени.
Зверь приноровлен к склонениям природы,
А человек упорно выгребает
Противу водопада, что несет
Вселенную
Обратно в древний хаос.
Он утверждает Бога мятежом,
Творит неверьем, строит отрицаньем,
Он зодчий,
И его ваяло – смерть,
А глина – вихри собственного духа.

6

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком –
Опаснейшим и злейшим из зверей –
Безумным логикой
И одержимым верой.
Разум
Есть творчество навыворот. И он
Вспять исследил все звенья мирозданья,
Разъял вселенную на вес и на число,
Пророс сознанием до недр природы,
Вник в вещество, впился, как паразит,
В хребет земли неугасимой болью,
К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела,
Запряг в неимоверную работу:
Преобразил весь мир, но не себя,
И стал рабом своих же гнусных тварей.

7

Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным:
«Возвратитесь в стадо»,
Мятежнику:
«Пересоздай себя».

25 января 1923
Коктебель

273. Огонь

1

Плоть человека – свиток, на котором
Отмечены все даты бытия.

2

Как вехи, оставляя по дороге
Отставших братьев:
Птиц, зверей и рыб,
Путем огня он шел через природу.
Кровь – первый знак земного мятежа,
А знак второй –
Раздутый ветром факел.

3

В начале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзенная дыханьем и биеньем.
Планета стыла.
Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлажденных вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод –
Живую кровь, струящуюся в жилах.

4

Чудовищные твари размножались
На отмелях.
Взыскательный ваятель
Смывал с лица земли и вновь творил
Обличия и формы.
Человек
Невидим был среди земного стада,
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь, кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра
Оповестил зверей о человеке.

5

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец – невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав...
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажженный им от громовой стрелы.

6

Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.
И женщина – блюстительница пепла –
Из древней самки выявила лики

Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор, как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага, –
Пещера стала храмом,
Трапеза – таинством,
Огнище – алтарем,
Домашний обиход – богослуженьем.
И человечество питалось
И плодилось
Пред оком грозного
Взыскующего Бога,
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота, из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.

7

Тысячелетья огненной культуры
Прошли с тех пор, как первый человек
Построил кровлю над гнездом Жар-птицы,
И под напевы огненных Ригвед
Праманта – пестик в деревянной лунке,
Вращавшийся на жильной тетиве,
Стал знаком своеволья –
Прометеем.
И человек сознал себя огнем,
Заклепанным в темнице тесной плоти.

26 января 1923
Коктебель

274. Магия

1

На отмели незнаемого моря
Синбад-скиталец подобрал бутылку,
    Заклепанную
    Соломоновой печатью,
И, вскрыв ее, внезапно впал во власть
В ней замкнутого яростного Джина.
Освободить и разнуздать не трудно
Неведомые дремлющие воли:
Трудней заставить их себе повиноваться.

2

Когда непробужденный человек
Еще сосал от сна благой природы
И радужные грезы застилали
Видения дневного мира, пахарь
Зажмуривал глаза, чтоб не увидеть
Перебегающего поле фавна,
А на дорогах легче было встретить
Бога, чем человека,
И пастух,
Прислушиваясь к шумам, различал
В дыханьи ветра чей-то вещий голос,
    Когда, разъятые
    Потом сознаньем, силы
Ему являлись в подлинных обличьях
И он вступал в борьбу и в договоры
С живыми волями, что раздували
Его очаг, вращали колесо,

Целили плоть, указывали воду, –
Тогда он знал, как можно приневолить
Себе служить Ундин и Саламандр,
И сам в себе старался одолеть
Их слабости и страсти.

3

Но потом,
Когда от довременных снов
Очнулся он к скупому дню, ослеп
От солнечного света и утратил
Дар ясновиденья
И начал, как дитя,
Ощупывать и взвешивать природу,
Когда пред ним стихии разложились
На вес и на число, – он позабыл,
Что в обезвоженной природе живы
Всё те же силы, что овладевают
И волей и страстями человека.

4

А между тем в преображенном мире
Они живут.
И жадные Кобольты
Сплавляют сталь и охраняют руды.
Гнев Саламандр пылает в жарких топках,
В живом луче танцующие Эльфы
Скользят по проводкам
И мчатся в звонких токах;
Бесы пустынь, самумов, ураганов
Ликуют в вихрях взрывов,
Дремлют в минах
И сотрясают моторы машин;
Ундины рек и Никсы водопадов
Работают в турбинах и котлах.

5

Но человек не различает лики,
Когда-то столь знакомые, и мыслит
Себя единственным владыкою стихий:
Не видя, что на рынках и базарах,
За призрачностью биржевой игры,
Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор;
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

6

Поэтому за каждым новым
Разоблачением природы ждут
Тысячелетья рабства и насилий,
И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую расползшуюся жижу,
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уваженьем,
Равным силе,
Когда-то сдвинутой с устоев человеком.
Каждой ступени в области познанья
Ответствует такая же ступень
Самоотказа:
Воля вещества
Должна уравновеситься любовью.
И магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

7

Но люди неразумны. Потому
Законы жизни вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребленья и машинах.

30 января 1923
Коктебель

275. Кулак

1

Из кулака родилось братство:
Каин первый
Нашел пристойный жест для выраженья
Родственного чувства, предвосхитив
Слова иных времен: «Враги нам близкие,
И тот, кто не оставит
Отца и мать, тот не пойдет за мной».
Он понял истину, что первый встречный
Нам больше брат, чем близкие по крови.

2

Он – первый земледелец – ненавидел
Кровь жертвенных животных и принес
Плоды и колос вспаханного поля
В дар Богу,
Жаждавшему испарений крови.
Но был отвергнут его бескровный дар,
И он убил кочевника,
Топтавшего посевы.
«А эта кровь – тебе угодна, Ягве?»
И прочь ушел с пылающим клеймом:
«Отмстится всемеро тому, кто тронет
Отныне Каина».

3

Порвавши узы кровного родства,
Он понял хмель одиночества
И горький дух свободы.
Строитель городов – построил первый
тюрьмы;
Ковач металлов –
Сковал он первый плуг, топор и нож;
Создатель музыки, –
Прислушиваясь к ветру,
Он вырезал свирель
И натянул струну;
Ловец зверей – он на стенах пещеры
Обвел резцом
Виденья разгоряченных снов:
Бизонов, мамонтов, кабанов и оленей.

4

Так стал он предком всех убийц,
Преступников, пророков – зачинатель
Ремесл, искусств, наук и ересей.

5

Кулак – горсть пальцев, пясть руки,
Сжимающая сручье иль оружье, –
Вот сила Каина.

6

В кулачном праве выросли законы
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха и правом пулемета.
Их равенство – в предельном напряженьи

Свободных мускулов,
Свобода – в равновесьи
Звериной мощи с силами природы.

7

Когда из пламени народных мятежей
Взвивается кровавый стяг с девизом:
«Свобода, братство, равенство иль смерть» –
Его древко зажато в кулаке
Твоем, первоубийца Каин.

11 марта 1922
Феодосия

276. Меч

1

Меч создал справедливость.

2

Насильем скованный,
Отточенный для мщенья, –
Он вместе с кровью напитался духом
Святых и праведников,
Им усекновенных.
И стала рукоять его ковчегом
Для их мощей.
(Эфес поднять до губ –
Доныне жест военного салюта).
И в этом меч сподобился кресту –
Позорному столбу, который стал
Священнейшим из символов любви.

3

На справедливой стали проступили
Слова молитв и заповеди долга:
«Марии – Деве милосердной – слава»,
«Не обнажай меня без нужды,
Не вкладывай в ножны без чести»,
«In te, o Domine, speravi!»
Восклицают средневековые клинки.
Меч сосвященствовал во время

Литургии,
Меч нарекался в таинстве крещенья.
Их имена «Отклер» и «Дюрандаль»
Сверкают, как удар.
И в описях оружья
К иным прибавлено рукой писца:
«Он – фея».

4

Так из грабителя больших дорог
Меч создал рыцаря
И оковал железом
Его лицо и плоть его; а дух
Провел сквозь пламя посвященья,
Запечатляя в зрящем сердце меч,
Пылающий в деснице Серафима:
Символ земной любви,
Карающей и мстящей,
Мир рассекающий на «Да» и «Нет»,
На зло и на добро.
«Si! Si! – No! No!»,
Как утверждает Сидов меч «Тисона».

5

Когда же в мир пришли иные силы
И вновь преобразили человека,
Меч не погиб, но расщепился в дух:
Защитницею чести стала шпага
(Ланцет для воспаленных самолюбий),
А меч –
Вершителем судебных приговоров.
Но, обесчещенный,
Он для толпы остался
Оракулом

И врачевателем болезней;
И палачи, собравшись, хоронили
В лесах Германии
Усталые мечи,
Которые отсекли
Девяносто девять.

6

Казнь реформировал
Хирург и филантроп,
И меч был вытеснен
Машинным производством,
Введенным в область смерти, и с тех пор
Он стал характером,
Учением, доктриной:
Сен-Жюстом, Робеспьером, гильотиной –
Антиномией Кантова ума.

7

О, правосудие,
Держащее в руках
Весы и меч! Не ты ль его кидало
На чашки мира: «Горе побежденным!»?
Не веривший ли в справедливость
Приходил
К сознанию, что надо уничтожить
Для торжества ее
Сначала всех людей?
Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
Труп множили на труп,
Убийство на убийство
И зло на зло?

Не тот ли, кто принес «Не мир, а меч»,
В нас вдунул огнь, который
Язвит и жжет, и будет жечь наш дух,
    Доколе каждый
Таинственного слова не постигнет:
«Отмщенье Мне и Аз воздам за зло».

1 февраля 1922
Феодосия

277. Порох

1

Права гражданские писал кулак,
Меч – право государственное, порох
Их стер и создал воинский устав.

2

На вызов, обращенный не к нему,
Со дна реторт преступного монаха
    Порох
Явил свой дымный лик и разметал
    Доспехи рыцарей,
    Как ржавое железо.

3

«Несчастные, тащите меч на кузню
И на плечо берите аркебузы:
Честь, сила, мужество – бессмысленны.
Теперь
Последний трус стал равен
Храбрейшему из рыцарей».
    – «О, сколь благословенны
Века, не ведавшие пороха,
В сравненьи с нашим временем, когда
Горсть праха и кусок свинца способны
Убить славнейшего...»
    Так восклицали
Неистовый Орланд и мудрый Дон-Кихот –
Последние мечи средневековья.

4

Привыкший спать в глубоких равновесьях,
Порох
Свил черное гнездо
На дне ружейных дул,
В жерле мортир, в стволах стальных орудий,
Чтоб в ярости случайных пробуждений
В лицо врагу внезапно плюнуть смерть.

5

Стирая в прах постройки человека,
Дробя кирпич, и камень, и металл,
Он вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды, собраться для удара,
Он дал ружью – прицел,
Стволу – нарез,
Солдатам – строй,
Героям – дисциплину,
Связал узлами недра темных масс,
Смесил народы,
Сплавил государства,
В теснинах улиц вздыбил баррикады,
Низвергнул знать,
Воздвигнул горожан,
Творя рабов свободного труда
Для равенства мещанских демократий.

6

Он создал армию,
Казарму и солдат,
Всеобщую военную повинность,
Беспрекословность, точность, дисциплину,
Он сбил с героев шлемы и оплечья,
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Всё оперение турниров и парадов,

И выкрасил в зелено-бурый цвет
Разъезженных дорог,
Растоптанных полей,
Разверстых улиц, мусора и пепла –
Цвет кала и блевотины, который
Невидимыми делает врагов.

7

Но черный порох в мире был предтечей
Иных, еще властительнейших сил:
Он распахнул им дверь, и вот мы на пороге
Клубящейся неимоверной ночи
И видим облики чудовищных теней,
Не названных, не мыслимых, которым
Поручено грядущее земли.

5 февраля 1922
Коктебель

278. Пар

1

Пар вился струйкою
Над первым очагом.
Покамест вол тянул соху, а лошадь
Возила тяжести,
Он тщетно дребезжал
Покрышкой котелка, шипел на камне,
Чтоб обратить вниманье человека.

2

Лишь век назад хозяин догадался
Котел, в котором тысячи веков
Варился суп, поставить на колеса
И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
Пар выпер поршень, напружил рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
С усильем сдвинулся
И потащил по рельсам
Огромный поезд клади и людей.

3

Так начался век Пара. Но покорный
Чугунный вол внезапно превратился
В прожорливого Минотавра:
Пар послал
Рабочих в копи – рыть руду и уголь,
В болота – строить насыпи, в пустыни –

Прокладывать дороги;
Запер человека
В застенки фабрик, в шахты под землей,
Запачкал небо угольною сажей,
Луч солнца – копотью,
И придушил в туманах
Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство, сузил землю,
Сжал океаны, вытянул пейзаж
В однообразную раскрашенную
Ленту
Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок;
Замкнул
Просторы путнику,
Лишил ступни
Горячей ощупи
Неведомой дороги,
Глаз – радости открытья новых далей,
Ладони – посоха, и ноздри – ветра.

5

Дорога, ставшая
Грузоподъемностью,
Пробегом, напряженьем,
Кратчайшим расстояньем между точек,
Ворвалась в город, проломила бреши
И просеки в священных лабиринтах,
Рассекла толщи камня, превратила
Проулок, площадь, улицу – в канавы
Для стока одичалых скоростей,
Вверх на мосты загнала пешеходов,

Прорыла крысьи ходы под рекою
И вздернула подвесные пути.

6

Свист, грохот, лязг, движенье — заглушили
Живую человеческую речь,
Немыслимыми сделали молитву,
Беседу, размышленье; превратили
Царя вселенной в смазчика колес.

7

Адам изваян был
По образцу Творца,
Но паровой котел счел непристойной
Божественную наготу
И пересоздал
По своему подобью человека:
Облек его в ливрею, без которой
Тот не имеет права появляться
В святилищах культуры,
Он человеческому торсу придал
Подобие котла,
Украшенного клепками;
На голову надел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей;
Ноги
Стесал как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынув душу, вдунул людям пар.

8 февраля 1922
Феодосия

279. Машина

1

Как нет изобретателя, который,
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,
Так нет машины, не принесшей в мир
    Тягчайшей нищеты
    И новых видов рабства.

2

Пока рука давила на рычаг,
                    А воды
Вращали мельничное колесо –
                    Их силы
Не нарушали древних равновесий.
                    Но человек
К извечным тайнам подобрал ключи
И выпустил плененных исполинов.

3

Дух, воплощаясь в чреве, строит тело:
Пар, электричество и порох,
            Овладевши
Сознаньем и страстями человека,
            Себе построили
            Железные тела

Согласно
Своей природе: домны и котлы,
Динамо-станции,
Моторы и турбины.

4

Как ученик волшебника, призвавший
Стихийных демонов,
Не мог замкнуть разверстых ими хлябей
И был затоплен с домом и селеньем –
Так человек не в силах удержать
Неистовства машины: рычаги
Сгибают локти, вертятся колеса,
Скользят ремни, пылают недра фабрик,
И, содрогаясь в непрерывной спазме,
Стальные чрева мечут, как икру,
Однообразные ненужные предметы
(Воротнички, автомобили,
Граммофоны) –
Мильонами мильонов, – затопляя
Селенья, области и страны –
Целый мир,
Творя империи,
Захватывая рынки, –
И нет возможности
Остановить их ярость,
Ни обуздать разнузданных рабов.

5

Машина – победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.
И стали ей тогда необходимы:

Кишащий сгусток мускулов и воль,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

6

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
Она ему наглядно доказала,
Что духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек – такая же машина,
Что звездный космос только механизм
Для производства времени, что мысль
Простой продукт пищеваренья мозга,
Что бытие определяет дух,
Что гений – вырожденье, что культура –
Увеличение числа потребностей,
                    Что идеал –
                                Благополучие и сытость,
Что есть единый мировой желудок
И нет иных богов, кроме него.

7

Осуществленье всех культурных грез:
Гудят столбы, звенят антенны, токи
Стремят в пространствах звуки и слова,
            Разносит молния
            Декреты и указы
Полиции, правительства и бирж, –
Но ни единой мысли человека
Не проскользнет по чутким проводам.
Ротационные машины мечут
И день и ночь печатные листы,
Газеты вырабатывают правду

Одну для всех на каждый день и час:
Но ни одной строки о человеке –
О древнем замурованном огне.
Течет зерно по трюмам и амбарам,
Порта и рынки ломятся от яств,
Горячей снедью пышут рестораны,
Но ни единой корки для голодных –
Для незанумерованных рабов.
В пучинах вод стальные рыщут рыбы,
Взрывают хляби тяжкие суда,
          Поют пропеллеры
          В заоблачных высотах:
Земля и воды, воздух и огонь –
Всё ополчилось против человека.
А в городах, где заперты рабы, –
Распахнуты театры и музеи,
          Клокочут площади,
          Ораторы в толпу
          Кидают лозунги
          О ненависти классов,
О социальном рае, о свободе,
О радостном содружестве племен,
И нищий с оскопленною душою,
С охолощенным мозгом торжествует
Триумф культуры, мысли и труда.

1 марта 1922
Феодосия

280. Бунтовщик

1

Я голос вопиющего в пустыне
Кишащих множеств, в спазмах городов,
В водоворотах улиц и вокзалов –
В безлюднейшей из всех пустынь земли.

2

Мне сказано:
                    «Ступай на рынки, –
Надо,
Чтоб каждый раб был призван к мятежу.
Но не мечи им истин, а взрывай
Пласты оцепенелых равновесий:
Пусть истина взовьется, как огонь
Со дна души, разъятой вихрем взрыва».
Беда тому, кто убедит глупца!
        Принявший истину на веру –
                    Ею слепнет.
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой:
        Насилье истиной
        Гнуснее всех убийств.
Кто хочет бунта – сей противоречья,
Кто хочет дать свободу – соблазняй,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом, безумящим стада.

3

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы – мертвецы заклепанных гробов!
Вы – суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы, –
Вы мыслите разрушить динамитом
Всё то, что прорастает изнутри –
Из вас самих с неудержимой силой?
Я призываю вас к восстанью против
Законов естества и разума:
            К прыжку из человечества –
            К последнему безумью –
К пересозданью самого себя.

4

Кто написал на этих стенах кровью:
«Свобода, братство, равенство,
Иль смерть»?
Свободы нет.
Но есть освобожденье,
Среди рабов единственное место
Достойное свободного – тюрьма!
Нет братства в человечестве иного,
Как братство Каина.
Кто связан кровью
Еще тесней, чем жертва и палач?
Нет равенства – есть только равновесье,
Но в равновесьи – противоупор,
И две стены, упавши друг на друга,
Единый образуют свод.
Вы верите, что цель культуры – счастье,
Что благосостоянье – идеал?
Страдание и голод – вот резец,
Которым смерть ваяет человека.
Не в равенстве, не в братстве, не в свободе,
А только в смерти правда мятежа.

5

Закона нет – есть только принужденье.
Все преступленья создает закон.
Преступны те, которым в стаде тесно:
Судить не их, наказывать не вам:
Перед преступником
Виновно государство.
Не пресекайте, но готовьте русла
Избытку сил.
Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти.
Не противьтесь злому
Проникнуть в вас:
Всё зло вселенной должно,
Приняв в себя,
Собой преобразить.
А вы построили темницы и запреты:
Суд гасит страсть,
Правительство – мятеж,
Врач гасит жизнь,
Священник гасит совесть,
Довольно вам заповедей на «не»:
Всех «не убий», «не делай», «не укради», –
Единственная заповедь: «ГОРИ».
Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Ее источник – Ты!
Бог есть любовь.
Любовь же огнь, который
Пожрет вселенную и переплавит плоть.
Прислушайся ко всем явленьям жизни:

Двойной поток:
Цветенье и распад.
Беги не зла, а только угасанья:
И грех и страсть – цветенье, а не зло;
Обеззараженность
Отнюдь не добродетель!

6

Ни преступление, ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна: лишь подаянье
Есть мзда, достойная творца.
Как дерево – созревшие плоды
Роняйте на землю
И простирайте ветви
За милостыней света и дождя.
Дано и отдано?
Подарено и взято?
Всё погашается возвратом?
Торгаши!
Вы выдумали благодарность, чтобы
Поймать в зародыше
И удушить добро?
Не отдавайте давшему:
Отдайте иному,
Чтобы тот отдал другим:
Тогда даянье, брошенное в море,
Взволнует души, ширясь, как волна.
Вы боретесь за собственность?
Но кто же принадлежит кому?
Владельцу вещь?
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность,
Что можно подарить:
Вы отдали – и этим вы богаты,
Но вы – рабы всего, что жаль отдать.

7

С собою мы уносим только то,
От обладанья чем мы отказались.
Неужто вы останетесь хранить
Железный хлам угрюмых привидений?
Вы были слизью в лоне океана
И унесли его в своей крови.
Вы отреклись от солнечного света,
Чтоб затеплить во тьме пещер огонь.
Распады утомленных равновесий
Истратили на судоргу машин.
В едином миге яростного взрыва
Вы истощили вечности огня:
Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!
Вы – пламя, замурованное в безднах,
        Вы – факел, кинутый
        В пороховой подвал!
Самовзрыватель, будь же динамитом.
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней размах! Отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнуть новым
                                                солнцем –
Косматым сердцем Млечного Пути?

25 января 1923
Коктебель

281. Война

1

Был долгий мир. Народы были сыты
И лоснились: довольные собой,
Обилием и общим миролюбьем.
Лишь изредка, переглянувшись, все
Кидались на слабейшего и, разом
Его пожравши, пятились, рыча
И челюсти ощеривая набок, –
И снова успокаивались.
В мире
Всё шло как следует:
Трильон колес
Работал молотами, рычагами,
Ковали сталь,
Сверлили пушки,
Химик
Изготовлял лиддит и мелинит;
Ученые изобретали способ
За способом для истребленья масс;
Политики чертили карты новых
Колониальных рынков и дорог;
Мыслители писали о всеобщем
Ненарушимом мире на земле,
А женщины качались в гибких танго
И обнажали пудреную плоть.
Манометр культуры достигал
До высочайшей точки напряженья.

2

Тогда из бездны внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший: «Время
Топтать точило ярости! За то,
Что люди демонам,
Им посланным служить,
Тела построили
И создали престолы,
За то, что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра,
За то, что безразличью
Текущих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса,
За то, что в своевольных
Теченьях воздуха
Сплели гнездо мятежным духам взрыва,
За то, что жадность руд
В рать пауков железных превратили,
Неумолимо ткущих
Сосущие и душащие нити, –
За то освобождаю
Плененных демонов
От клятв покорности,
А хаос, сжатый в вихрях вещества,
От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не победят их вновь,
В себе самих смирив и поборов
Гнев, жадность, своеволье, безразличье...»

3

И видел я: разверзлись двери неба
В созвездьи Льва, и бесы
На землю ринулись...
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
И, вырывши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ:
Сами
И пастыри, и пища.

4

Время как будто опрокинулось,
И некрещенным водою Потопа
Казался мир: из тины выползали
Огромные коленчатые гады,
Железные кишели пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали
Снопы огня и жалили хвостом;
В морях и реках рыбы
Метали
Икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застилался, сыпались на землю
Разрывные и огненные яйца,
Тучи насекомых,
Чудовищных строеньем и размером,
В телах людей
Горючие личинки оставляли, –
И эти полчища исчадий,
Получивших
И гнев, и страсть, и злобу от людей,
Снедь человеческую жалили, когтили,

Давили, рвали, жгли,
Жевали, пожирали,
А города, подобно жерновам,
Без устали вращались и мололи
Зерно отборное
Из первенцев семейств
На пищу демонам.
И тысячи людей
Кидались с вдохновенным исступленьем
И радостью под обода колес.
Всё новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хороводы
Под гром и лязг ликующих машин.
И никогда подобной пляски смерти
Не видел исступленный мир!

6[1]

Еще! еще! И всё казалось мало...
Тогда раздался новый клич: «Долой
Войну племен, и армии, и фронты:
Да здравствует гражданская война!»
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Расстреливали, вешали, пытали,
Питались человечиной,
Детей засаливали впрок, –
Была разруха,
Был голод.
Наконец пришла чума.

[1] Пропуск в авторской нумерации

7

Безглазые настали времена,
Земля казалась шире и просторней,
Людей же стало меньше,
Но для них
Среди пустынь недоставало места,
Они горели только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну.
Так кончилась предродовая схватка,
Но в этой бойне не уразумели,
Не выучились люди ничему.

29 января 1923
Коктебель

282. Космос

1

Созвездьями мерцавшее чело,
Над хаосом поднявшись, отразилось
Обратной тенью в безднах нижних вод.
Разверзлись два смежённых ночью глаза,
И брызнул свет. Два огненных луча,
Скрестясь в воде, сложились в гексаграмму
Немотные раздвинулись уста,
И поднялось из недр молчанья Слово.
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыханья.
Десница подняла материки,
А левая распределила воды,
От чресл размножилась земная тварь,
От жил – растения, от кости – камень,
И двойники – небесный и земной –
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господь дохнул на преисподний лик,
И нижний оборотень стал Адамом.
Адам был миром, мир же был Адам.
Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растеньем рос,
Камнями костенел, зверел страстями,
Он видел солнцем, грезил сны луной,
Гудел планетами, дышал ветрами.
И было всё – вверху, как и внизу, –
Исполнено высоких соответствий.

2

Вневременье распалось в дождь веков,
И просочились тысячи столетий.
Мир конусообразною горой
Покоился на лоне океана.
С высоких башен, сложенных людьми
Из жирной глины тучных межиречий,
Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий.
Кишело небо звездными зверьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезей
По колеям ристалищ Зодиака.
Хрустальные вращались небеса,
И напрягались бронзовые дуги,
И двигались по сложным ободам
Одна в другую вставленные сферы.
А в дельтах рек – Халдейский звездочет
И пастухи Иранских плоскогорий,
Прислушиваясь к музыке миров,
К гуденью сфер и к тонким звездным звонам
По вещим сочетаниям светил
Определяли судьбы царств и мира.
Всё в преходящем было только знак
Извечных тайн, начертанных на небе.

3

Потом замкнулись прорези небес,
Мир стал ареной, залитою солнцем,
Под куполом из черного эфира,
Опертым на Атлантово плечо.

На фоне винно-пурпурного моря
И рыжих охр зазубренной земли,
Играя медью мускулов – атлеты

Крылатым взмахом умащенных тел
Метали в солнце бронзовые диски
Гудящих строф и звонких теорем.

И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вечность перспектив:
Всё было осязаемо и близко –
Дух мыслил плоть и чувствовал объем.
Мял глину перст, и разум мерил землю.

Распоры кипарисовых колонн,
Вощёный кедр закуренных часовен,
Акрополи в звериной пестроте,
Линялый мрамор выкрашенных статуй,
И смуглый мрамор липких алтарей,
И ржа, и бронза золоченых кровель,
Чернь, киноварь, и сепия, и жёлчь –
Цвета земли понятны были глазу,
Ослепшему к небесной синеве,
Забывшему алфавиты созвездий.

Когда ж душа гимнастов и борцов
В мир довременной ночи отзывалась
И погружалась в исступленный сон –
Сплетенье рук и напряженье связок
Вязало торсы в стройные узлы
Трагических метопов и эподов
Эсхиловых и Фидиевых строф.

Мир отвечал размерам человека,
И человек был мерой всех вещей.

4

Сгустилась ночь. Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина. В разрыве облаков

Был виден холм и три креста – Голгофа –
Последняя надежда бытия.

Земля была недвижным темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд и Первосилы,
И всё включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы внутрь земли воронкой
Вея Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью, а центром – Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.

Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий
И громоздились Библии камней –
Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры, шквалы ересей,
Смерчи народов – гунны и монголы,
Набаты, интердикты и костры,
Сто сорок пап и шестьдесят династий,
Сто императоров, семьсот царей.
И сквозь мираж расплавленных оконниц
На золотой геральдике щитов –
Труба Суда и черный луч Голгофы.
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвленной плоти.

5

Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир. Но Галилей
Сорвал его, зажал в кулак и землю
Взвил кубарем по вихревой петле
Вокруг безмерно выросшего солнца.

Мир распахнулся в центильоны раз.
Соотношенья дико изменились,
Разверзлись бездны звездных Галактей,
И только Богу не хватило места.
Пытливый дух апостола Фомы,
Воскресшему сказавший: «Не поверю,
Покамест пальцы в раны не вложу», –
Разворотил тысячелетья веры.

Он очевидность выверил числом,
Он цвет и звук проверил осязаньем,
Он взвесил свет, измерил бег луча,
Он перенес все догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.
Материя явилась бесконечной,
Единосущной в разных естествах,
Стал Промысел – всемирным тяготеньем,
Стал вечен атом, вездесущ эфир:
Всепроницаемый, всетвердый, скользкий –
«Его ж никто не видел и нигде».

Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мир стал тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол – механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По принципам закона сохраненья
Материи и Силы.
                                        Человек,
Голодный далью чисел и пространства,
Был пьян безверьем – злейшею из вер,
А вкруг него металось и кишело
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб сведенных корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности материи, он мыслил
Вселенную как черный негатив:

Небытие, лоснящееся светом,
И сущности, окутанные тьмой.
Таким бы точно осознала мир
Сама себя постигшая машина.

6

Но неуёмный разум разложил
И этот мир, построенный на ощупь
Вникающим и мерящим перстом.

Всё относительно: и бред и знанье.
Срок жизни истин: двадцать-тридцать лет –
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости, ни смысла тяготенья,
Ни масс планет, ни формы их орбит,
На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».

Нет вещества – есть круговерти силы;
Нет твердости – есть натяженье струй;
Нет атома – есть поле напряженья
(Вихрь малых «не» вокруг большого «да»);
Нет плотности, нет веса, нет размера –
Есть функции различных скоростей.
Всё существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство – лишь разнообразье форм;
Есть не одна, а много математик;
Мы существуем в Космосе, где всё
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота –
Лишь формы разложенья и распада,
Сам человек – могильный паразит,

Бактерия всемирного гниенья.
Вселенная – не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть – только случай
Посереди необратимых струй,
Бессмертья нет, материя конечна.
Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять мильонов солнц возникли
В единый миг и сгинут все зараз.
Всё бытие случайно и мгновенно,
Явленья жизни – беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознанье – вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную мятель.

7

Как глаз на расползающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей, облачных кулис,
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй, –
Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи, времени, пространства
И укрепляет сводами числа.

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнанья.
Системы мира – слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противопоставленных глубин.

Нет выхода из лабиринта знанья,
И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

Так будь же сам вселенной и творцом,
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим вавилонских башен,
Ты – заклинатель сфинксов и химер.

12 июня 1923
Коктебель

283. Государство

1

Из совокупности
Избытков, скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом,
Законом и согласьем. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Всё строится на выгоде и пользе,
На выживаньи приспособленных,
На силе.
Его мораль – здоровый эгоизм.
Цель бытия – процесс пищеваренья.
Мерило же культуры – чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови.
Судия, как выполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,

А конкурент:
Ему пощады нет.
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

3

Из всех насилий,
Творимых человеком над людьми,
Убийство – наименьшее,
Тягчайшее же – воспитанье.
Правители не могут
Убить своих наследников, но каждый
Стремится исковеркать их судьбу:
В ребенке с детства зреет узурпатор,
Который должен быть
Заране укрощен.
Смысл воспитания:
Самозащита взрослых от детей.
Поэтому за рангом палачей
Идет ученый комитет
Компрачикосов,
Искусных в производстве
Обеззараженных
Кастрированных граждан.

4

Фиск есть грабеж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретенья.
Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете

И на кредитном знаке герб страны
Есть то же самое, что оттиск пальцев
На антропометрическом листке:
Расписка в преступленьи.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,
Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники – одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, тайным, равным и прямым
Избрать достойного, –
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступленью.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное –
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности
И вкусы и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды:
Может спорить,
Шуметь в собраньях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак, –
Из патентованных наркотиков –
Газета
Есть самый сильно действующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

7

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами –
В чем
По существу нет разницы.
Но каждый,

Дорвавшийся до власти, сознаёт
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
    Активом те́ррора
    Покрыть пассив усобиц.
    Так революция,
    Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
    При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гарроты
Сжимает туже шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор –
    Вот достижения
    И гений революций!

13 апреля 1922
Феодосия

284. Левиафан

Множество, соединенное в одном лице,
именуется Государством — Civitas.
Таково происхождение Левиафана, или,
говоря почтительнее, — этого Смертного
Бога.

Гоббс. «Левиафан»

1

Восставшему в гордыне дерзновенной,
Лишенному владений и сынов,
Простертому на стогнах городов,
На гноище поруганной вселенной, —

Мне — Иову — сказал Господь:
«Смотри:
Вот царь зверей, всех тварей завершенье, —
Левиафан!
Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости моей».

2

И вот, как материк, из бездны пенной,
Взмыв Океан, поднялся Зверь зверей —
Чудовищный, огромный, многочленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцание зерцал,
И беглый огнь, и молний излученье.

3

«Он в день седьмой был мною сотворен, –
Сказал Господь, –
Все жизни отправленья
В нем дивно согласованы:
Лишен
Сознания – он весь пищеваренье.
И человечество издревле включено –
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца.
Тусклым, косным
Его ты видишь.
Рдяною рекой
Струится свет, мерцающий в огромных
Чувствилищах.
А глубже, в безднах темных,
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах, медленных и злобных,
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ, ему подобных,
И дам им власть друг друга пожирать».

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать:
Вскипела хлябь и сделалась багряна.
Я ж день рожденья начал проклинать.
Я говорил:

5

«Зачем меня сознаньем
Ты в этой тьме кромешной озарил
И, дух живой вдохнув в меня дыханьем,

Дозволил стать рабом бездушных сил,
Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?»

6

В раскатах гневных
Из бури отвечал Господь:
Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты
И смысл хулить моих предначертаний?
Весь прах, вся плоть, посеянные мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба –
Лишь первый шаг к пожарищам любви...
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
Как Я – тебя, так ты взыскуешь землю.
Сгорая – жги!
Замкнутый в гроб – живи!
Таким Мой мир приемлешь ли?

7

– «Приемлю...»

9 декабря 1915
Париж

285. Суд

1

Праху – прах. Я стал давно землей:
Мною
Цвели растенья, мною светило солнце.
Всё, что было плотью,
Развеялось, как радужная пыль –
Живая, безымянная.
И океан времен
Катил прибой столетий.

2

Вдруг
Призыв Архангела,
Насквозь сверкающий
Кругами медных звуков,
Потряс вселенную –
И вспомнил себя
Я каждою частицей,
Рассеянною в мире.

3

В трубном вихре плотью
Истлевшие цвели в могилах кости.
В земных утробах
Зашевелилась жизнь.

А травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнели, холодело солнце.

4

Настало
Великое молчанье.
В шафранном
И тусклом сумраке земля лежала
Разверстым кладбищем.
Как бурые нарывы,
Могильники вздувались, расседались,
Обнажая
Побеги бледной плоти: пясти
Ростками тонких пальцев
Тянулись из земли,
Ладони розовели,
Стебли рук и ног
С усильем прорастали,
Вставали торсы, мускулы вздувались,
И быстро подымалась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша.

5

Когда же темным клубнем,
В комках земли и спутанных волос
Раскрылась голова
И мертвые разверзлись очи, – небо
Разодралось, как занавес,
Иссякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть.

6

И каждый
Внутри себя увидел солнце
В Зверином Круге...

7

...И сам себя судил.

5 февраля 1915
Париж

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1925–1929 ГОДОВ

286. Поэту

1

Горн свой раздуй на горе,
в пустынном месте над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии широко
Душу крылил и качал, междометья людей заглушая.

2

Остерегайся друзей, ученичества шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным другом.

3

Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мертвых – живым – она намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает смятение множеств.

5

Если тебя невзначай современники встретят успехом –
Знай, что из них никто твоей не осмыслил правды.
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.

6

В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы Любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемет вещает о сущности братства, –

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

<1925
Коктебель>

287. Доблесть поэта

1

Править поэму, как текст заокеанской депеши:
Сухость, ясность, нажим – начеку каждое слово.
Букву за буквой врубать на твердом и тесном камне:
Чем скупее слова, тем напряженней их сила.
Мысли заряд волевой равен замолчанным строфам.

Вытравить из словаря слова «Красота», «Вдохновенье» –
Подлый жаргон рифмачей... Поэту – понятья:
Правда, конструкция, план, равносильность,
сжатость и точность.
В трезвом, тугом ремесле – вдохновенье и честь поэта:
В глухонемом веществе заострять запредельную зоркость.

2

Творческий ритм от весла, гребущего против теченья,
В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем; не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой – ты не актер и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.

В дни революции быть Человеком, а не Гражданином:
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах:
Совесть народа – поэт. В государстве нет места поэту.

17 октября 1925
Коктебель

288. Памяти В.К. Цераского

Он был из тех, в ком правда малых истин
И веденье законов естества
В сердцах не угашают созерцанья
Творца миров во всех его делах.

Сквозь тонкую завесу числ и формул
Он Бога выносил лицом к лицу,
Как все первоучители науки:
Пастер и Дарвин, Ньютон и Паскаль.

Его я видел изможденным, в кресле,
С дрожащими руками и лицом
Такой прозрачности, что он светился
В молочном нимбе лунной седины.

Обонпол слов таинственно мерцали
Водяные литовские глаза,
Навеки затаившие сиянья
Туманностей и звездных Галактей.

В речах его улавливало ухо
Такую бережность к чужим словам,
Ко всем явленьям преходящей жизни,
Что умиление сжимало грудь.

Таким он был, когда на Красной Пресне,
В стенах Обсерватории – один
Своей науки неприкосновенность
Он защищал от тех и от других.

Правительство, бездарное и злое,
Как все правительства, прогнало прочь
Ее зиждителя и воспретило
Творцу творить, ученому учить.

Российская усобица застигла
Его в глухом прибрежном городке,
Где он искал безоблачного неба
Ясней, южней и звездней, чем в Москве.

Была война, был террор, мор и голод...
Кому был нужен старый звездочет?
Как объяснить уездному завпроду
Его права на пищевой паек?

Тому, кто первый впряг в работу солнце,
Кто новым звездам вычислил пути...
По пуду за вселенную, товарищ!..
Даешь жиры астроному в паек?

Высокая комедия науки
В руках невежд, армейцев и дельцов...
Разбитым и измученным на север
Уехал он, чтоб дома умереть.

И радостною грустью защемила
Сердца его любивших – весть о том,
Что он вернулся в звездную отчизну
От тесных дней, от душных дел земли.

10 ноября 1925
Коктебель

289. Таноб

1

От Иоанна Лествичника чтенье:
«Я посетил взыскуемый Таноб
И видел сих невинных осужденцев.
Никем не мучимы, себя же мучат сами.
Томясь, томят томящего их дух.
Со связанными за спиной руками
Стоят всю ночь, не подгибая ног,
Одолеваемые сном, качаясь,
Себе ж покоя не дая на миг.
Иные же себя томяще зноем,
Иные холодом, иные, ковш
Воды пригубив, отвергают, только б
Не умереть от жажды, хлеб иные,
Отведав, прочь бросают, говоря,
Что жившие по-скотски недостойны
Вкушать от пищи человеческой,
Иные как о мертвецах рыдают
О душах собственных, иные слезы
Удерживают, а когда не могут
Терпеть – кричат. Иные головами
Поникшими мотают, точно львы
Рыкающе и воя протяженно.
Иные молят Бога покарать
Проказою, безумьем, беснованьем,
Лишь бы не быть на муки осужденным
На вечные. И ничего не слышно
Опричь: «Увы! Увы!» и «Горе! Горе!»
Да тусклые и впалые глаза,

Лишенные ресниц глазничных веки,
Зеленые покойницкие лица,
Хрипящие от напряженья перси,
Кровавые мокроты от биенья
В грудь кулаком, сухие языки,
Висящие из воспаленных уст,
Как у собак. Всё тёмно, грязно, смрадно».

2

Горючим ядом было христианство.
Ужаленная им душа металась,
В неистовстве и корчах совлекая
Отравленный хитон Геракла – плоть.
Живая глина обжигалась в жгучем
Вникающем и плавящем огне.
Душа в борьбе и муках извергала
Отстоенную радость бытия
И полноту языческого мира.
Был так велик небесной кары страх,
Что муки всех прижизненных застенков
Казались предпочтительны. Костры
Пылали вдохновенно, очищая
От одержимости и ересей
Заблудшие, мятущиеся души.
Доминиканцы жгли еретиков,
А университеты жгли колдуний.
Но был хитер и ловок Сатана:
Природа мстила, тело издевалось, –
Могучая заклепанная хоть
Искала выхода. В глухом подполье
Монах гноил бунтующую плоть
И мастурбировал, молясь Мадонне.
Монахини, в экстазе отдаваясь
Грядущему в полночи жениху,
В последней спазме не могли различить

Иисусов лик от лика Сатаны.
Весь мир казался трупом, Солнце – печью
Для грешников, Спаситель – палачом.

3

Водитель душ измученную душу
Брал за руку и разверзал пред ней
Зияющую емкость преисподней
Во всю ее длину и глубину.
И грешник видел пламя океана
Багрового и черного, а в нем,
В струях огня и в огневертях мрака
Бесчисленные души осужденных,
Как руны рыб в провалах жгучих бездн.
Он чувствовал невыносимый смрад,
Дух замирал от серного удушья
Под шквалами кощунств и богохульств;
От зноя на лице дымилась кожа,
Он сам себе казался гнойником;
Слюна и рвота подступали к горлу.
Он видел стены медного Кремля,
А посреди на рдяно-сизом троне
Из сталактитов пламени – Царя
С чудовищным, оцепенелым ликом
Литого золота. Вкруг сонмы сонм
Отпадших ангелов и человечий
Мир, отданный в управу Сатане:
Нет выхода, нет меры, нет спасенья!
Таков был мир: посередине – Дьявол –
Дух разложенья, воля вещества,
Князь времени, Владыка земной плоти –
И Бог, пришедший яко тать в ночи –
Поруганный, исхлестанный, распятый.

В последней безысходности пред ним
Развертывалось новое виденье:

Святые пажити, маслины и сады
И лилии убогой Галилеи...
Крылатый вестник девичьих светлиц
И девушка с божественным младенцем.
В тщете земной единственной надеждой
Был образ Богоматери: она
Сама была материей и плотью,
Еще не опороченной грехом,
Сияющей первичным светом, тварью,
Взнесенной выше ангелов, землей
Рождающей и девственной, обетом,
Что такова в грядущем станет персть,
Когда преодолеет разложенье
Греха и смерти в недрах бытия.
И к ней тянулись284 упованья мира,
Как океаны тянутся к луне.

4

Мечты и бред, рожденные темницей,
Решетки и затворы расшатал
Каноник Фрауенбургского собора
Смиреннейший Коперник. Галилей,
Неистовый и зоркий, вышиб двери,
Размыкал своды, кладку разметал
Напористый и доскональный Кеплер,
А Ньютон – Дантов Космос, как чулок
Распялив, выворотил наизнанку.
Всё то, что раньше было Сатаной,
Грехом, распадом, косностью и плотью,
Всё вещество в его ночных корнях,
Извилинах, наростах и уклонах –
Вся темная изнанка бытия
Легла фундаментом при новой стройке.
Теперь реальным стало только то,
Что было можно взвесить и измерить,

Коснуться пястью, выразить числом.
И новая вселенная возникла
Под пальцами апостола Фомы.
Он сам ощупал звезды, взвесил землю,
Распялил луч в трехгранности стекла,
Сквозь трещины распластанного спектра
Туманностей исследовал состав,
Хвостов комет и бег миров в пространстве,
Он малый атом ногтем расщепил
И стрелы солнца взвесил на ладони.
В два-три столетья был преображен
Весь старый мир: разрушен и отстроен.
На миллионы световых годов
Раздвинута темница мирозданья,
Хрустальный свод расколот на куски
И небеса проветрены от Бога.

5

Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:
В лабораториях и тайниках
Ее пытал, допрашивал с пристрастьем,
Читал в мозгу со скальпелем в руке,
На реактивы пробовал дыханье,
Старухам в пах вшивал звериный пол.
Отрубленные пальцы в термостатах,
В растворах вырезанные сердца
Пульсировали собственною жизнью:
Разъятый труп кусками рос и цвел.
Природа, одурелая от пыток,
Под микроскопом выдала свои
От века сокровеннейшие тайны:
Механику обрядов бытия.
С таким же исступлением, как раньше
В себе стремился выжечь человек

Всё то, что было плотью, так теперь
Отвсюду вытравлял заразу духа,
Охолощал не тело, а мечту,
Мозги дезинфицировал от веры,
Накладывал запреты и табу
На всё, что не сводилось к механизму:
На откровенье, таинство, экстаз...
Огородил свой разум частоколом
Торчащих фактов, терминов и цифр
И до последних граней мирозданья
Раздвинул свой безвыходный Таноб.

6

Но так едка была его пытливость,
И разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под ощупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества,
Подточенного тлёю Энтропии;
От выверенных Кантовых часов,
Секундами отсчитывавших время, –
Метель случайных вихрей в пустоте,
Простой распад усталых равновесий.
Мир стер зубцы Лапласовых колес,
Заржавели Ньютоновы пружины,
Эвклидов куб – наглядный и простой –
Оборотился Римановой сферой:
Вчера Фома из самого себя
Ступнею мерил радиус вселенной
И пядями окружность. А теперь,
Сам выпяченный на поверхность шара,
Не мог проникнуть лотом в глубину:
Отвес, скользя, чертил меридианы.
Так он постиг, что тяготенье тел

Есть внутренняя кривизна пространства,
И разум, исследивший все пути,
Наткнулся сам на собственные грани:
Библейский змий поймал себя за хвост.

7

Строители коралловых атоллов
На дне времен, среди безмерных вод –
В ограде кольцевых нагромождений
Своих систем – мы сами свой Таноб.
Мир познанный есть искаженье мира,
И человек недаром осужден
В святилищах устраивать застенки,
Идеи обжигать на кирпичи,
Из вечных истин строить казематы
И вновь взрывать кристаллы и пласты
И догматы отстоенной культуры:
Познание должно окостенеть,
Чтоб дать жерло и направленье взрыву.
История проникнута до дна
Коллоидальной спазмой аскетизма,
Сжимающею взрывы мятежей.
Свободы нет, но есть освобожденье!
Наш дух – междупланетная ракета,
Которая, взрываясь из себя,
Взвивается со дна времен, как пламя.

16 мая 1926
Коктебель

290. Коктебельские берега

Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля по дороге в Гурзуф.

25 декабря <1926
Коктебель>

291. Дом поэта

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветр, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.
А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.
Земля могил, молитв и медитаций –
Она у дома вырастила мне
Скупой посев айлантов и акаций
В ограде тамарисков. В глубине
За их листвой, разодранной ветрами,
Скалистых гор зубчатый окоем
Замкнул залив Алкеевым стихом,
Асимметрично-строгими строфами.
Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда вулкан
Метал огонь из недр глубинных трещин
И дымный факел в небе потрясал.
Вон там – за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье
(Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье),
Как рухнувший готический собор,

Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костер,
Широко вздувший каменное пламя,
Из сизой мглы, над морем вдалеке
Встает стена... Но сказ о Карадаге
Не выцветить ни кистью на бумаге,
Не высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.
Заклепаны клокочущие пасти.
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена.
И та же страсть и тот же мрачный гений
В борьбе племен и в смене поколений.
Доселе грезят берега мои
Смолёные ахейские ладьи,
И мертвых кличет голос Одиссея,
И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла,
Провалами беспамятства чернея.
Наносы рек на сажень глубины
Насыщены камнями, черепками,
Могильниками, пеплом, костяками.
В одно русло дождями сметены
И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто.
Сарматский меч и скифская стрела,
Ольвийский герб, слезница из стекла,
Татарский глёт зеленовато-бусый
Соседствуют с венецианской бусой.
А в кладке стен кордонного поста

Среди булыжников оцепенели
Узорная арабская плита
И угол византийской капители.
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата –
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата.
Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень –
Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы – Россия – не пришли.
За полтораста лет – с Екатерины –
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли;
По скатам выкорчеваны сады.
Народ ушел. Источники иссякли.
Нет в море рыб. В фонтанах нет воды.
Но скорбный лик оцепенелой маски
Идет к холмам Гомеровой страны,
И патетически обнажены
Ее хребты и мускулы и связки.
Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью напились
В недавние трагические годы.
Усобица и голод и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний Ужас подняли со дна.
В те дни мой дом – слепой и запустелый –
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер –
Фанатики непримиримых вер –
Искали здесь под кровлею поэта
Убежища, защиты и совета.

Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя – губить, друг друга – истреблять,
И сам читал – в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил:
Ни власть не отняла, ни враг не сжег,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом как дар
Нечаянный – мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.
Всей грудью к морю, прямо на восток,
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь ее течет, не иссякая.

Войди, мой гость: стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров – убог. И времена – суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь – их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почетней быть твердимым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я – мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.

Я не изгой, а пасынок России.
Я в эти дни ее немой укор.
И сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, паденья и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познанье.
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё – Европа и Россия.
Гражданских смут горючая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек.
Но небо и земля – извечно те же.
Поэтому живи текущим днём.
Благослови свой синий окоём.
Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

25 декабря 1926
Коктебель

292. Четверть века
(1900-1925)

Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег.
Мудрой судьбою закинутый в сердце
Азии, я ли не испытал
В двадцать три года всю гордость изгнанья
В рыжих песках туркестанских пустынь?
В жизни на этой магической грани
Каждый впервые себя сознает
Завоевателем древних империй
И заклинателем будущих царств.
Я проходил по тропам Тамерлана,
Отягощенный добычей веков,
В жизнь унося миллионы сокровищ
В памяти, в сердце, в ушах и в глазах.
Солнце гудело, как шмель, упоенный
Зноем, цветами и запахом трав,
Век разметал в триумфальных закатах
Рдяные перья и веера.
Ширились оплеча жадные крылья,
И от пространств пламенели ступни,
Были подтянуты чресла и вздуты
Ветром апостольские паруса.
Дух мой отчаливал в желтых закатах
На засмоленной рыбацкой ладье –
С Павлом – от пристаней Антиохии,
Из Монсеррата – с Лойолою в Рим.

Алые птицы летели на запад,
Шли караваны, клубились пески,
Звали на завоевание мира
Синие дали и свертки путей.
Взглядом я мерил с престолов Памира
Поприща западной тесной земли,
Где в утаенных портах Средиземья,
На берегах атлантических рек
Нагромоздили арийские расы
Улья осиных разбойничьих гнезд.
Как я любил этот кактус Европы
На окоёме Азийских пустынь –
Эту кипящую магму народов
Под неустойчивой скорлупой,
Это огромное содроганье
Жизни, заклепанной в недрах машин,
Эти высокие камни соборов,
Этот горячечный бред мостовых,
Варварский мир современной культуры,
Сосредоточившей жадность и ум,
Волю и веру в безвыходном беге
И в напряженности скоростей.
Я со ступеней тысячелетий,
С этих высот незапамятных царств,
Видел воочью всю юность Европы,
Всю непочатую ярь ее сил.
Здесь, у истоков Арийского мира,
Я, преклонившись, ощупал рукой
Наши утробные корни и связи,
Вросшие в самые недра земли.
Я ощутил на ладони биенье
И напряженье артерий и вен –
Неперекушенную пуповину
Древней Праматери рас и богов.
Я возвращался, чтоб взять и усвоить,

Всё перечувствовать, всё пережить,
Чтобы связать половодное устье
С чистым истоком Азийских высот.
С чем мне сравнить ликованье полета
Из Самарканда на запад – в Париж?
Взгляд Галилея на кольца Сатурна...
Знамя Писарро над сонмами вод...
Было... всё было... так полно, так много,
Больше, чем сердце может вместить:
И золотые ковчеги религий,
И сумасшедшие тромбы идей...
Хмель городов, динамит библио́тек,
Книг и музеев отстоенный яд.
Радость ракеты рассыпаться в искры,
Воля бетона застыть, как базальт.
Всё упоение ритма и слова,
Весь Апокалипсис туч и зарниц,
Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф.
Я был свидетелем сдвигов сознанья,
Геологических оползней душ
И лихорадочной перестройки
Космоса в «двадцать вторых степенях».
И над широкой излучиной Рейна
Сполохов первых пожарищ войны
На ступенях Иоаннова Зданья
И на сферических куполах.
Тот, кто не пережил годы затишья
Перед началом великой войны,
Тот никогда не узнает свободы
Мудрых скитаний по древней земле.
В годы, когда расточала Европа
Золото внуков и кровь сыновей
На роковых перепутьях Шампани,
В польских болотах и в прусских песках,

Верный латинскому духу и строю,
Сводам Сорбонны и умным садам,
Я ни германского дуба не предал,
Кельтской омеле не изменил.
Я прозревал не разрыв, а слиянье
В этой звериной грызне государств,
Смутную волю к последнему сплаву
Отъединенных историей рас.
Но посреди ратоборства народов
Властно окликнут с Востока, я был
Брошен в плавильные горны России
И в сумасшествие Мартобря.
Здесь, в тесноте, на дне преисподней,
Я пережил испытанье огнем:
Страшный черед всеросийских ордалий,
Новым тавром заклеймивших наш дух.
Видел позорное самоубийство
Трона, династии, срам алтарей,
Славу «Какангелия» от Маркса,
Новой враждой разделившего мир.
В шквалах убийств, в исступленьи усобиц
Я охранял всеединство любви,
Я заклинал твои судьбы, Россия,
С углем на сердце, с кляпом во рту.
Даже в подвалах двадцатого года,
Даже средь смрада голодных жилищ
Я бы не отдал всей жизни за веру
Этих пронзительно зорких минут.
Но... я утратил тебя, моя юность,
На перепутьях и росстанях Понта,
В зимних норд-остах, в тоске Сивашей...
Из напряженного стержня столетья
Ныне я кинут во внешнюю хлябь,
Где только ветер, пустыня и море
И под ногой содроганье земли...

Свист урагана и топот галопа
Эхом еще отдается в ушах,
Стремя у стремени четверть пробега,
Век – мой ровесник, мы вместе прошли.

16 декабря 1927
Коктебель
В дни землетрясения

293

Весь жемчужный окоём
Облаков, воды и света
Ясновиденьем поэта
Я прочел в лице твоём.

Всё земное – отраженье,
Отсвет веры, блеск мечты...
Лика милого черты –
Всех миров преображенье.

16 июня 1928
Коктебель

294. Аделаида Герцык

Лгать не могла. Но правды никогда
Из уст ее не приходилось слышать –
Захватанной, публичной, тусклой правды,
Которой одурманен человек.
В ее речах суровая основа
Житейской поскони преображалась
В священную, мерцающую ткань –
Покров Изиды. Под ее ногами
Цвели, как луг, побегами мистерий
Паркеты зал и камни мостовых.
Действительность бесследно истлевала
Под пальцами рассеянной руки.
Ей грамота мешала с детства книге
И обедняла щедрый смысл письмен.
А физики напрасные законы
Лишали власти таинства игры.
Своих стихов прерывистые строки,
Свистящие, как шелест древних трав,
Она шептала с вещим напряженьем,
Как заговор от сглаза и огня.
Слепая – здесь, физически – глухая, –
Юродивая, старица, дитя, –
Смиренно шла сквозь все обряды жизни:
Хозяйство, брак, детей и нищету.
События житейских повечерий –
(Черед родин, болезней и смертей) –
В душе ее отображались снами –
Сигналами иного бытия.
Когда ж вся жизнь ощерилась годами
Расстрелов, голода, усобиц и вражды,

Она, с доверьем подавая руку,
Пошла за ней на рынок и в тюрьму.
И, нищенствуя долу, литургию
На небе слышала и поняла,
Что хлеб – воистину есть плоть Христова,
Что кровь и скорбь – воистину вино.
И смерть пришла, и смерти не узнала:
Вдруг растворилась в сумраке долин,
В молчании полынных плоскогорий,
В седых камнях Сугдейской старины.

10 февраля 1929
Коктебель

295. Сказание об иноке Епифании

1

Родился я в деревне. Как скончались
Отец и мать, ушел взыскати
Пути спасения в обитель к преподобным
Зосиме и Савватию. Там иноческий образ
Сподобился принять. И попустил Господь
На стол на патриарший наскочити
В те поры Никону. А Никон окаянный
Арсена-жидовина
В печатный двор печатать посадил.
Тот грек и жидовин в трех землях трижды
Отрекся от Христа для мудрости бесовской
И зачал плевелы в церковны книги сеять.
Тут плач и стон в обители пошел:
Увы и горе! Пала наша вера.
В печали и тоске, с благословенья
Отца духовного, взяв книги и иная,
Потребная в молитвах, аз изыдох
В пустыню дальнюю на остров на Виданьской –
От озера Онега двенадцать верст.
Построил келейку безмолвья ради
И жил, молясь, питаясь рукодельем.
О, ты моя прекрасная пустыня!

Раз, надобен от кельи отлучиться,
Я образ Богоматери с Младенцем –
Вольяшный, медный – поставил ко стене:
«Ну, Свет-Христос и Богородица, храните
И образ свой, и нашу с вами келью».

Пришел на третий день и издали увидел
Келейку малую как головню дымящу.
И зачал зря вопить: «Почто презрела
Мое моление? Приказу не послушала? Келейку
Мою и Твоея не сохранила?» Идох
До кельи обгорелой, ан кругом
Сенишко погорело вместе с кровлей,
А в кельи чисто: огнь не смел войти.
И образ на стене стоит – сияет.

В лесу окрест живуще бесы люты.
И стали в келью приходить ночами.
Страшат и давят: сердце замирает,
Власы встают, дрожат и плоть, и кости.
О полночи пришли однажды двое:
Один был наг, другой одет в кафтане.
И, взяв скамью – на ней же почиваю, –
Нача меня качати, как младенца.
Я ж, осерчав, восстал с одра и беса
Взял поперек и бить учал
Бесищем тем о лавку, вопиюще:
«Небесная Царица, помоги мне».
А бес другой к земле прилип от страха,
Не может ног от пола оторвать.
И сам не вем, как бес в руках изгинул.
Возбнухся ото сна – зело устал, – а руки
Мокром мокры от скверного мясища.

В другой же раз, уснуть я не успел –
Сенные двери пылко растворились,
И в келью бес вскочил, что лютый тать,
Согнул меня и сжал так крепко, туго,
Что пикнуть мне не можно, ни дохнуть.
Уж еле-еле пискнул: «Помози ми».
И сгинул бес, а я же со слезами
Глаголю к образу: «Владычица, почто
Не бережешь меня? Ведь в мале-мале

Злодей не погубил». Тут сон нашел
С печали той великия, и вижу,
Что Богородица из образа склонилась,
Руками беса мучает, измяла
Злодея моего и мне дала.
Я с радости учал его крушить и мять,
Как ветошь драную, и выкинул в окошко:
Измучил ты меня и сам пропал.
По долгой по молитве взглянул в окно –
светает.
Лежит бесище то, как мокрое тряпье.
Помале дрогнул и ногу подтянул,
А после руку...
И паки ожил. Встал, как будто пьян.
И говорит: «Ужо к тебе не буду, –
Пойду на Вытегру». А я ему: «Не смей
Ходить на Вытегру – там волость людна.
Иди, где нет людей». А он, как сонный,
От келейки по просеке пошел.

Увидел хитрый Дьявол, что не может
Ни сжечь меня, ни силой побороть,
Так насади мне в келию червей,
Рекомых мравии. Начаша мураши
Мне тайны уды ясть, и ничего иного –
Ни рук, ни ног, а токмо тайны уды.
И горько мне и больно – инда плачу.
Аз стал их, грешный, варом обливать,
Рукой ловить, топтать ногой, они же
Под стены проползают. Окопал я
Всю келейку и камнем затолок.
Они ж сквозь камни лезут и под печь.
Кошницею в реке топить носил.
Мешок на уды шил: не помогло – кусают.
Ни рукоделья делать, ни обедать,
Ни правил править. Бесьей той напасти
Три было месяца. На последях

Обедать сел, закутав уды крепко.
Они ж, не вем как, – все-таки кусают.
Не до обеда стало: слезы потекли.
Пречистую тревожить всё стеснялся,
А тут взмолился к образу: «Спаси,
Владычица, от бесьей сей напасти».
И вот с того же часа
Мне уды грызть не стали мураши.
Колико немощна вся сила человека.
Худого мравия не может одолеть,
Не токмо Дьявола, без Божьей благодати.

2

Пока в пустыне с бесами боролся,
Иной великой Дьявол Церковь мучал
И праведную веру искажал,
Как мурашей, святые гнезда шпарил,
Да и до нас дошел.
Отец Илья, игумен Соловецкий,
Велел писать мне книги в обличенье
Антихриста, в спасение Царя.
Никонианцы, взяв меня в пустыне,
В темнице утомили, а потом
Пред всем народом пустозерским руку
На площади мне секли. Внидох паки
В темницу лютую и начал умирать.
Весь был в поту, и внутренность горела.
На лавку лег и руку свесил – думал
Души исходу лучше часа нет.
Темница стала мокрая, а смерть нейдет.
Десятник Симеон засушины отмыл
И серою еловой помазал рану.
И снова маялся я днями на соломе.
На день седьмой на лавку всполз и руку
Отсечену на сердце положил.

И чую: Богородица мне руку
Перстами осязает. Я Ее хотел
За руку удержать, а пальцев нету.
Очнулся, а рука платком повязана.
Ощупал левой сеченую руку:
И пальцев нет, и боли нет, а в сердце радость.
Был на Москве в подворье у Николы
Угрешского. И прискочи тут скоро
Стрелецкий голова – Бухвостов – лют
разбойник
И поволок на плаху на Болото.
Язык урезал мне и прочь помчал.
В телеге душу мало не вытряс мне,
Столь боль была люта...
О, горе дней тех! Из моей пустыни
Пошел Царя спасать, а языка не стало.
Что нужного, и то мне молвить нечем.
Вздохнул я к Господу из глубины души:
«О скорого услышанья Христова!»
С того язык от корня и пополз,
И до зубов дошел, и стал глаголить ясно.

Свезли меня в темницу в Пустозерье.
По двух годех пришел ко мне мучитель
Елагин – полуголова стрелецкой,
Чтоб нудить нас отречься веры старой.
И непослушливым велел он паки
Языки резать, руки обрубать.
Пришел ко мне палач с ножом, с клещами
Гортань мне отворять, а я вздохнул
Из сердца умиленно: «Помоги мне».
И в мале ощутил, как бы сквозь сон,
Как мне палач язык под корень резал
И руку правую на плахе отсекал.
(Как впервой резали – что лютый змей кусал.)
До Вологды шла кровь проходом задним.
Теперь в тюрьме три дня я умирал.

Пять дней точилась кровь из сеченой ладони.
Где был язык во рте – слин стало много,
И что под головой – всё слинами омочишь,
И ясть нельзя, понеже яди
Во рту вращати нечем.
Егда дадут мне рыбы, щей да хлеба,
Сомну в единый ком, да тако вдруг глотаю.
А по отъятии болезни от руки
Я начал правило в уме творити.
Псалмы читаю, а дойду до места:
«Возрадуется мой язык о правде Твоея», –
Вздохну из глубины – слезишка
Из глазу и покатится:
«А мне чем радоваться? Языка и нету».
И паки: «Веселися сердце, радуйся язык».
Я ж, зря на крест, реку: «Куда язык мой дели?
Нет языка в устах, и сердце плачет».
Так больше двух недель прошло, а всё молю,
Чтоб Богородица язык мне воротила.
Возлег на одр, заснул и вижу: поле
Великое да светлое – конца нет...
Налево же на воздухе повыше
Лежат два языка мои:
Московский – бледноват, а пустозерской
Зело краснешенек.
Взял на руку красной и зрю прилежно:
Ворошится живой он на ладони,
А я дивлюсь красе и живости его.
Учал его вертеть в руках, расправил
И местом рваным к резаному месту,
Идеже прежде был, его приставил, –
Он к корню и прильни, где рос с рожденья.
Возбнух я радостен: что хочет сие быти?
От времени того по малу-малу
Дойде язык мой паки до зубов
И полон бысть. К яденью и молитве
По-прежнему способен, как в пустыне.

И слин нелепых во устах не стало,
И есть язык, мне Богом данный, – новый –
Короче старого, да мало толще.
И ныне веселюсь, и славлю, и пою
Скорозаступнице, язык мне давшей новой.

3

Сказанье о кончине
Страдальца Епифания и прочих,
С ним вместе пострадавших в Пустозерске:
Был инок Епифаний положен в сруб,
Обложенный соломой, щепой и берестом
И политый смолою.
А вместе Федор, Аввакум и Лазарь.
Когда костер зажгли, в огне запели дружно:
«Владычица, рабов своих прими!»
С гудением великим огнь, как столб,
Поднялся в воздухе, и видели стрельцы
И люди пустозерские, как инок Епифаний
Поднялся в пламени божественною силой
Вверх к небесам и стал невидим глазу.
Тела и ризы прочих не сгорели,
А Епифания останков не нашли.

16 февраля 1929
Коктебель

296. Святой Серафим

ПРОЛОГ

...Когда я говорю о Боге – слова
как львы ослепшие, что ищут
источника в пустыне...

У ступеней Божьего престола
Волнами гудящих ореолов
Бьет ключом клокочущая бездна...
На закатах солнц в земных пустынях
Там кипят рубиновые ветры
Устремленных к солнцу облаков.
А когда стихают ураганы
Песнопений ангельских и хоров,
То со дна миров из преисподней
Слышен еле различимый голос
К небесам взывающей земли:

«Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая,
Радость радости земной!
Торжество непобедимое,
Ангельски дориносимая
Над родимою землей,
Купина неопалимая!

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения славнейшая,
Огнезрачных серафим,
Очистилище чистейшее!

Госпожа всенепорочная,
Без истленья Бога родшая,
Незакатная звезда.
Радуйся, о благодатная!
Ты молитвы влага росная,
Живоносная вода!

Ангелами охраняемый,
Цвет земли неувядаемый,
Персть, сияньем растворенная,
Глина, девством прокаленная,
Плоть, рожденная сиять,
Тварь, до Бога вознесенная,
Диском солнца облаченная,
На серпе луны взнесенная,
Приснодевственная мать!

Ты покров природы тварной,
Свет во мраке,
Пламень зарный
Путеводного столба!
В грозный час,
Когда над нами –
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на суд,
В час, когда вся плоть проснется,
Чрево смерти содрогнется,
Солнце мраком обернется
И, как книга, развернется
Небо надвое,
И разверзнется пучина,

И раздастся голос Сына:
«О, племя упрямое!
Я стучал – вы не открыли,
Жаждал – вы не напоили,
Я алкал – не накормили,
Я был наг – вы не одели...»

И тогда ответишь Ты:
«Я одела, я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий дух покрыла,
Солнце мира приютила
В чреве темноты».

В час последний
В тьме кромешной
Над своей землею грешной
Ты расстелешь плат –
Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе – одесную
Агнцу предстоят,

Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзенной духом глины,
Без изъятья – навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного суда».

Со ступеней Божьего престола
Смотрит вниз – на землю Богоматерь.
Под ногами серп горит алмазный,
А пред Нею кольчатая бездна
Девяти небесных иерархий:
Ангелы, Архангелы, Архаи,
Власти, и Начала, и Господства,
Троны, Херувимы, Серафимы...

Дышит бездна,
Разжимаясь и сжимаясь,
Поглощая свет и отдавая,
И дыханье бездны:
Аллилуйя!
Аллилуйя!
Слава Тебе, Боже!

И вокруг Господнего подножья
В самом сердце Вечности и Славы,
Чище всех и ближе всех к престолу –
Пламенные вихри Серафимов
Веют вечной вьюгою любви.

И в плаще клубящихся сияний,
Звездных бурь и ураганов солнц,
В пламенах гудящих шестикрылий,
Весь пронизан зреньем, и очами
Весь покрыт извне и изнутри,
Предстоит пред Девою Пречистой
Серафим.

И Серафиму Дева
Молвит:
«Мой любимиче! Погасни
В человеках. Воплотись. Сожги
Плоть земли сжигающей любовью!
Мой любимиче! Молю тебя: умри
Жизнью человеческой, а Я пребуду
Каждый час с тобою в преисподней».

И, взметнув палящей вьюгой крыльев
И сверля кометным вихрем небо,
Серафим низринулся на землю.

I

Каждый сам находит пред рожденьем
Для себя родителей. Избравши
Женщину и мужа, зажигает
В их сердцах желанье и толкает
Их друг к другу. То, что люди
Называют страстью и любовью,
Есть желанье третьего родиться.
Потому любовь земная – бремя
Темное. Она безлика
И всегда во всех себе подобна.
И любовники в любови неповинны:
Нету духам в мир иного входа,
Как сквозь чрево матери. Ключарь же
Сам не знает, для кого темницу
Юдоли земной он отпирает.

Вечный дух, сливающийся с плотью,
Сразу гаснет, слепнет и впадает
В темное беспамятство. Отныне
Должен видеть он очами плоти,
Помнить записями вещества.
Потому входящий в жизнь в начале
Пробегает весь разбег творенья:
В чреве матери он повторяет пляску
Древних солнц в туманных звездовертях.
Застывая в черный ком земли,
Распускается животной, дремной жизнью
Незапамятного прошлого – покамест
Всё кипенье страстных руд и лав
Не сжимается в тугой и тесный узел
Слабого младенческого тела.
И, прорвав покровы чревных уз,
С раздирающим, бессильным криком
Падает на дно вселенных – землю.

Богородица сама для Серафима
Избрала чету
И час рожденья:
Сидора с Агафьей Мошниных,
В граде Курске,
В месяце июле,
Девятнадцатого дня,
За шесть лет до смерти
Государыни Елисаветы
Дочери Петра Великого.

Сын рожденный наречен был Прохор.

Дрёмной жизнью жил младенец Прохор.
Дивные виденья озаряли
Детский сон. В душе звучали хоры
Ангельских далеких песнопений.
Жития подвижников пленяли
Детский дух преодоленьем плоти.
И о чудесах повествованья
Были милы, как напоминанья
Об утраченном, живом законе жизни.

Лет семи с верхушки колокольни
Оступился он. Но чьи-то крылья
Взвились рядом, чьи-то руки
Поддержали в воздухе и невредимым
На землю поставили.
Мать шептала про себя:
«Что убо будет
Отроча сие?» – И, прозревая
Дивные предназначенья, сына
К жизненным делам не понуждала.

Прохор же читал святые книги,
В церкви служб не пропускал и в храме
Чувствовал себя как в доме отчем.

Вырос Прохор юношей. И стал
Круглолицым, русым и румяным
Статным русским молодцем. Славянство
Плоть имеет детскую – не тронутую тленьем,
Чистую от записи страстей
И как воск готовую принять
Пламя духа и сгореть лучистым,
Ярким светочем пред темною иконой.

Стало Прохора тянуть в пустыню,
Прочь от суеты, в лесные скиты,
К подвигам, к молчанью и к молитвам.
Девятнадцать лет имел он от рожденья.
Дух небесный врос в земное тело,
Земный узел был затянут туго.
Духу наступало время снова
Расплести завязанное.

II

Богородица сама избрала место
На Руси меж Сатисом и Сарой
Для подвижничества Серафима.

По́гиб гор порос от века бором,
Дрёмный лес пропах смолой и зверем,
Жили по рекам бобры и выдры,
Лось, медведи, рыси да куницы.
Место то незнаемо от человека.

Сотни лет безлюдья и пустыни,
Сотни лет молитвы и молчанья.

Разверзалось небо над лесами,
Звезды и планеты колдовали
И струились пламенные токи,
И, пронизаны неизреченным светом,
Цепенели воды и деревья.

Раз пришел на гору юный инок.
Много лет провел один в молитвах.
И срубил из сосен церковь
В честь Пречистой Девы Живоносных Вод.
Основал обитель. Был над ней игумен.
В старости замучен был в темнице
Грешною императрицей Анной.
Так возник в лесах дремучих Саров.
Поздней осенью, замерзшими полями
Прохор шел в обитель. Было ясно.
Изморозь березовые рясна
Убирала к утру хрусталями.
В Саров он пришел в канун Введенья.
Слышал в церкви всенощное бденье,
Восторгаясь пенью и усердью
Иноков в молитве.

Прохор послушанье нес в столярне.
Сладок подвиг плотничьей работы,
Ибо плоть древесная – безгрешна
И, не зная боли, радуется
Взмаху топора и ласке струга,
Как земля – сохе, как хворост – искре.
Плоть сосны благоухает солнцем,
Телом девичьим нежна береза,
Вяз и дуб крепки и мускулисты,
Липа – женственна, а клен – что отрок.
Больше всех других дерев любил он
Кипарис – душистый, с костью схожий.
Резал крестики для богомольцев.
Всё же время ни за отдыхом, ни за работой
Умственной не прекращал молитвы.
Стала жизнь его одною непрерывной,
Ни на миг не прекращаемой молитвой:
«Господи Исусе Сыне Божий,
Господи, мя грешного помилуй!»

Ею он звучал до самых недр
Каждою частицей плоти, как звучит
Колокол всей толщей гулкой меди.
И, как благовест, – тяжелыми волнами
В нем росло и ширилось сознанье
Плоти мира – грешной и единой.

Как ни туго вяжет плоть земная,
Как ни крепко выведены своды
И распоры тела, но какой темнице
Удержать верховный омут света,
Ураган молитв и вихри славословий?
Тело Прохора не вынесло напора
Духа. Прохор слег в постель. Три года
Болен был. И Саровские старцы
От одра его не отходили.
Иноки служили литургии
И справляли всенощные бденья,
Чтобы вымолить его у смерти.
А когда больного причастили,
У одра явилась Богоматерь,
Протянула руку и сказала:
«Сей есть рода нашего. Но рано
Землю покидать ему». Коснулась
Правого бедра. Раскрылась рана,
Вытекла вода, и исцелился Прохор.

Выздравев, был Прохор посылаем
По Руси за сбором подаяний.
Он ходил по городам, по селам,
По глухим проселочным дорогам,
По лесным тропам, по мшистым логам,
Голым пашням, пажитям веселым.
С нежной лаской лыковые лапти
Попирали и благословляли
Землю темную, страдальную, святую.

Так минули годы послушанья.
Возвратившись в монастырь, он вскоре
Удостоен был монашеского сана.
Старец же Пахомий, прозревая
Прохора божественную тайну,
Повелел, чтоб в иноческом чине
Он именовался *Серафимом,*
Что означает «пламенный».

III

Служба утром шла в Страстной Четверг.
Серафим-иеродьякон служит
Литургию. Воздух в церкви полон
Вещим трепетом незримых крыльев,
Молнийные юноши сверкают
В златотканых белых облаченьях,
И звенит, сливаясь с песнопеньем,
Тонкий звон хрустальных голосов.

Говорит священник тайную молитву:
«Сотвори со входом нашим входу
Ангелов, сослужащих нам, быти!»
Вспыхнул храм неизреченным блеском;
В окруженьи света, сил и славы,
Точно в золотистом, пчельном рое,
С западных церковных врат к амвону
Сын Господний в лике человечьем
К ним идет по воздуху. Вошел
В образ свой, и все иконы церкви
Просветились и обстали службу
Сонмами святых. Преображенье
Было зримо только Серафиму.
Онемел язык и замер дух.
Под руки ввели его в алтарь,
Три часа стоял он без движенья,
Только лик – то светом разгорался,
То бледнел, как снег.

IV. Тварь

Не из ненависти к миру инок
Удаляется в пустыню: русла
И пути ему видней отсюда,
Здесь он постигает различенье
Всех вещей на доброе и злое,
На поток цветенья и распада.
Мир в пустыне виден по-иному,
За мирским виднее мировое,
Мудрость в нем рождается иная,
Он отныне весь иной – он Инок.

Серафим из монастырской кельи
Жить ушел в пустыню со зверями.
Сам себе в лесу избу построил
На речном обрыве возле бора,
Огород вскопал, поставил ульи.
(Пчёлы в улье то же, что черницы.)
Мох сбирал, дрова рубил, молился
По пустынножительскому чину.
Раз в неделю он ходил за хлебом
И, питаясь крохами, делился
Со зверьми и птицами лесными.
В полночь звери к келье собирались:
Зайцы, волки, лисы да куницы,
Прилетали вороны и дятлы,
Приползали ящерицы, змеи,
Принимали хлеб от Серафима.
Тишину и строгость любят звери,
Сердцем чтут молитву и молчанье.
Раз пришла монахиня и видит:
Серафим сидит на пне и кормит
Сухарями серого медведя.
Онемела и ступить не смеет.
Серафим же говорит: «Не бойся,
Покорми его сама». – «Да страшно –
Руку он отъест». – «Ты только веруй,

Он тебя не тронет... Что ты, Миша,
Сирот моих пугаешь-то? Не видишь:
Гостью-то попотчевать нам нечем?
Принеси нам утешеньица».
Час спустя медведь вернулся к келье:
Подал старцу осторожно в пасти
Пчельный сот, завернутый в листы.
Ахнула монахиня. А старец:
«Лев служил Герасиму в пустыне,
А медведь вот Серафиму служит...
Радуйся! Чего нам унывать,
Коли нам лесные звери служат?
Не для зверя, а для человека
Бог сходил на землю. Зверь же раньше
Человека в нем Христа узнал.
Бык с ослом у яслей Вифлеемских
До волхвов Младенцу поклонились.
Не рабом, а братом человеку
Создан зверь. Он преклонился долу,
Дабы людям дать подняться к Богу.
Зверь живет в сознаньи омраченном,
Дабы человек мог видеть ясно.
Зверь на нас взирает с упованьем,
Как на Божиих сынов. И звери
Веруют и жаждут воскресенья...
Покорилась тварь не добровольно,
Но по воле покорившего, в надежде
Обрести через него свободу.
Тварь стенает, мучится и ищет
У сынов Господних откровенья,
Со смиреньем кротко принимая
Весь устав жестокий человека.
Человек над тварями поставлен
И за них ответит перед Богом:
Велика вина его пред зверем,
Пред домашней тварью особливо».

V

Келья инока есть огненная пещь,
В коей тело заживо сгорает.
И пустынножительство избравший
Трудится не о своем спасеньи:
Инок удаляется в пустыню
Не бежать греха, но, грех приняв
На себя, собой его очистить,
Не уйти от мира, но бороться
За него лицом к лицу с врагом,
Не замкнуться, но гореть молитвой
Обо всяком зле, о всякой твари,
О зверях, о людях и о бесах.
Ибо бесы паче всякой твари
Милосердьем голодны, и негде
Им его искать, как в человеке.
Бес рожден от плоти человечьей:
Как сердца цветут молитвой в храме,
Как земля весной цветет цветами,
Так же в мире есть цветенье смерти –
Труп цветет гниеньем и червями,
А душа, охваченная тленьем, –
Бесами, – затем, что Дьявол – дух
Разрушенья, тленья и распада.
Человек, пока подвластен миру
И законам смерти и гниенья,
Сам не знает, *что* есть искушенье.
Но лишь только он засветит пламя
Внутренней молитвы, тотчас бесы,
Извергаемые прочь, стремятся
Погасить лампаду и вернуться
В смрадные, насиженные гнезда.
Грешник ходит – и не слышно беса.
Вслед же иноку они клубятся стаей.
Потому-то монастырь, что крепость,
Осаждаем бесами всечасно.

Бес уныния приходит в полдень
И рождает беспокойство духа,
Скуку, отвращение, зевоту,
Голод и желанье празднословить,
Гонит прочь из кельи точно хворост,
Ветрами носимый, иль внушает
То почистить, это переставить,
Ум бесплодным делая и праздным.
Бес вечерний сердце жмет и тянет
Горестной, сладимою истомой,
Расстилается воспоминаньем,
Соблазняет суетою неизжитой.
Бес полунощный наводит страхи,
Из могил выходит мертвецами,
Шевелится за спиной, стучится в окна,
Мечет вещи, щелкает столами,
На ухо кричит, колотит в двери,
Чтоб отвлечь сознанье от молитвы.
Бес же утренний туманит мысли
Теплым телом, манит любострастьем,
Застилает мутным сном иконы,
Путает слова и счет в молитвах.

Хитры и проникновенны бесы.
Но в обителях со вражьей силой
Братья борется, как с голубями,
А пустынники – те, как со львами
Или с леопардами в пустыне.
Ибо к тем, кто трудится в пустыне,
Дьявол сам с упорством приступает.

VI

Серафим лицом к лицу боролся
С дьяволом и с бесами. Нельзя
Ангелу в лицо взглянуть от блеска,
Так же нестерпимо видеть бесов.

Ибо бесы – гнусны. Всё, что скрыто
Человеку в собственной природе
Темного, растленного и злого,
Явлено ему воочью в бесе:
Сам себе он в бесьем лике гнусен.
Серафим, приняв всю тягу плоти,
Чрез нее был искушаем бесом.
Русский бес паскудлив и озорист,
Но ребячлив, прост и неразумен.
Ибо плоть славянская незрела
И не знает всех глубин гниенья.

И когда он вышел из затвора,
То увидели, что лик его
Стал сгущенным светом, всё же тело –
Что клубок лучей, обращенных внутрь.
В небе
Ближе всех он был у Бога,
Здесь же стал *убогим* Серафимом.
Был на небе он покрыт очами,
А теперь его покрыли раны.
Ибо раны – очи, боль есть зренье
Человеческой смиренной плоти.
А над поясницей развернулось
Шестикрылье огненное, оку
Невидимое. И стал согбенен
Серафим под тягой страшной крыльев.
И ходил он, опираясь на топорик.
А затем, чтоб пламенным порывом
От земли не унестись, с тех пор
На плече носил мешок с камнями
И землей, а сверху клал
Самую большую тягу,
Приковавшую его к земле:
Евангелье Христово. А так как крылья
Не давали ему ни сесть, ни лечь – он спал,

Став на колени, лицом к земле,
На локти опершись
И голову держа в руках.

VII

Так, очищенный страданьем, прозорливый,
Растворил он людям двери кельи
И отверз свои уста, уча.

Хлынула вся Русь к его порогу.
В тесной келье, залитой огнями,
Белый старец в белом балахоне,
Весь молитвами, как пламенем, овеян,
Сам горел пылающей свечой.
Приходили ежедён толпами
Праведники, грешники, страдальцы,
Мужики, чиновники, дворяне,
Нищие, калеки и больные
И несли ему на исцеленье
Плоть гниющую
И омертвелый дух.
Приводили ребятишек бабы,
Землю, где ступал он целовали,
Лаяли и кликали кликуши,
В бесноватом бес в испуге бился
И кричал неистово: «Сожжет!»

Серафим встречал пришедших с лаской,
Радостный, сияющий и тихий,
Кланялся иным земным поклоном,
Руки целовал иным смиренно,
Всех приветствовал: «Христос воскрес!»

Говорил: «Уныние бывает
От усталости. Не грех веселость.
Весел дух перед лицом Творца!

Надо скорбь одолевать, нет дороги унывать.
Иисус – всё победил, смертью смерть
Христос убил,
Еву Он преобразил и Адама воскресил!»

Говорил, встречая темный народ:
«Ох, беда-то какая ко мне идет...
Люди с людьми-то что делают...
Что слез-то пролито, что скорби тут».

Матери, которой сын резвился
Средь лампад, стоявших пред иконой:
«С малюткой ангел Божий играет, матушка.
Дитя в беспечных играх
Как можно останавливать!»

О свечах горящих говорил он:
«Телом человек свече подобен.
Как она, он пламенем сгорает.
Вера – воск. Светильник есть надежда.
Огнь – любовь. Будь Господу свечой!
Если кто ко мне имеет веру,
За того горит перед иконой
У меня свеча. Потухнет – преклоняю
За него колени, ибо знаю,
Что он впал сегодня в смертный грех.
Как не может воск не разогретый
Оттиск дать печати, так и души,
Не смягченные грехами и страданьем,
Не воспримут Божию печать».

Прибежал однажды утром в Саров
Мужичонко в зипуне, без шапки,
Спрашивал у встречных у монахов:
«Батюшка, ты, что ли, Серафим?»
Привели его. Он бухнул в ноги,

Говорит: «Украли лошадь.
Нищий я. Семья... Кормить чем буду?..
Говорят, угадываешь ты...»
Серафим, за голову обнявши,
Приложил ее к своей и молвит:
«Огради себя молчаньем, сыне!
Поспеши в посад Борисоглебов,
Станешь подходить – сверни налево,
Да пройди задами пять домов.
Тут в стене калитка. Против входа
Прямо у колоды конь привязан.
Отвяжи и выведи. Но молча!»
Как сказал, так и случилось всё.

Он вникал во все дела людские,
Малые, житейские, слепые,
Говорил с душевным человеком
О мирском, с духовным – о небесном.
А таких, кому речей не надо,
Деревянным маслицем помажет,
Даст воды испить из рукавички,
Даст сухарик, напоит вином
И с души весь слой дорожной пыли
Отряхнет и зеркало протрет,
Чтоб земные души отразили
Божий Лик в глубинах темных вод.

VIII

Болен был помещик Мотовилов.
На руках был принесен он в Саров.
Старец строго вопросил больного:
«Веруете ль вы в Христа, что Он –
Богочеловек, а Богоматерь
Истинно есть Приснодева?» – «Верю».
– «Веруете ль, что Господь как прежде
Исцелял, так и теперь целит?»

– «Верую». – «Так вот – извольте видеть:
Иисус целил больных, снимая
С них грехи, болезни ж принимая
На Себя. И есть Он – прокаженный,
Все-больной, все-грешник, все-страдалец.
Было так, так и поныне есть.
Коли верите, то вы здоровы».

«Как же я здоров, коль вы и слуги
Под руки поддерживаете меня?»
– «Вы совершенно здравы,
Всем вашим телом. Крепче утверждайтесь
Ногами на земле. Ступайте смело.
Вот, Ваше Боголюбие, как хорошо пошли!
Божья Матерь Сына упросила:
Ей молитесь и благодарите».

В ноябре приехал Мотовилов
Старца поблагодарить. Снежило.
День был пасмурный. Пошли по лесу.
Старец посадил его на пень,
Сам присел на корточки и молвит:
«Каждый человек есть ангел,
Замкнутый в темницу плоти.
Если бы соизволеньем Божьим
Мы могли увидеть душу
Ничтожнейшего из людей такою,
Как есть она, мы были б сожжены
Ее огнем в то самое мгновенье,
Как если б были ввергнуты в жерло
Вулкана огнедышащего.
Был сотворен Адам
Неподлежащим действию стихий:
Ни огнь ожечь, ни потопить вода
Его не в силах были.
Каждой твари он ведал имена.
И понимал глаголы Господа и ангелов.

Был Адам в раю подобен углю
Раскаленному. И, вдруг погаснув,
Плотен стал и холоден, и черен.
Но Христос вернул ему прообраз,
Дух Святой вдохнув в учеников».
— «А что же значит
Быть в Духе, батюшка?» —
А Серафим, взяв за плечи:
«Теперь мы оба в *Духе*.
Что ж ты не смотришь на меня?»
— «Не могу смотреть на вас... От лика
Точно молнии... Глаза от боли ломит».
— «Не устрашайтесь, Ваше Боголюбие,
Теперь вы сами светлы, как я,
Ибо тоже в полноте вы Духа Божьего,
Иначе вам меня таким не увидать.
Не бойтесь. Смотрите прямо мне в глаза».

Глянул — и ужас объял его: поляна
Белая, и лес, крупа снежит,
А посреди поляны ярче солнца
В самом знойном блеске полуденных лучей —
Как вихрь сверкающий, клубится шестикрылье.
А в сердце света Лик Серафима —
Уста шевелятся, глаза глядят,
Да руки поддерживают за плечи.

«Что чувствуете, Ваше Боголюбие?» — «Мир
И тишину такую, что нету слов».
— «Се есть мир, о коем сказано:
Мой мир даю вам!
А что еще вы чувствуете?» — «Радость
Необычайную». — «Се есть радость
В духе рожденного. Жена, когда рожает,
Терпит боли. А родив,
Себя не помнит от радости.
Еще что чувствуете?» — «Теплоту».

– «Какую ж теплоту-то, батюшко?
Ведь мы в лесу сидим. Теперь зима.
Под нами снег и снег на нас.
Какая же теплота?» – «А вот как в бане,
Как пару поддадут...» – «А запах тоже
Такой же, как из бани?» – «Нет.
В детстве матушка, бывало, покупала
Духи в Казани в лучших магазинах –
Так даже в них благоуханья нет такого».
– «Так, Ваше Боголюбие,
Я так же, как и вы, всё чувствую,
Но спрашиваю, дабы убедиться: так ли
Вы всё восприняли? Нет слаще
Благоухания Святого Духа.
Вот вам тепло, а снег на вас не тает,
Затем, что теплота не в воздухе, а в вас.
О ней же сказано, что Царство Божье
Внутри нас есть. Сияние ж такое
От духа, если он просветится сквозь плоть.
Рассказывают о пустыннике Сысое,
Что пред смертью лик его
Как месяц просиял.
Он говорит:
“Вот лик пришел пророков...”
Потом лицо сильнее заблистало:
“Вот лик апостолов...”
И стало вдвое сильней сияние:
“Ангелы пришли за мной”.
Вдруг стал он точно солнце:
“Вот сам Христос приидет!”
И предал дух и стал
Он весь как молния.
Вера, Ваше Боголюбие, не в мудрости,
А в сих явленьях духа.
Вот в этом состояньи
Мы оба и находимся.

Запомните сей час:
Для ради сокрушений сердца вашего
Предстательством самой Пречистой Девы
И по смиренным просьбам Серафима
Господь вас удостоил лицезренья
Великолепий славы».

Так «Служке Божьей Матери и Серафима»,
Как звал себя до смерти Мотовилов,
Был явлен подлинный небесный облик старца.

IX

В очищенье и в преображенье плоти
Три удела емлет Богоматерь:
Иверский, Афонский и Печерский.
А теперь – Дивеевский – четвертый
Послан был устроить Серафим.
Как лампаду в древнем срубе, старец
Женский монастырь возжег с молитвой
В самом сердце северной Руси.
Ни один был камень не положен,
Ни одна молитва не свершалась,
Ни одна не принята черница
Без особого соизволенья
Старцу Божьей Матери на то.
Каждый колышек был им окрещен,
Каждый камешек был им омолен,
И сама Небесная Царица
Собственными чистыми стопами
Всю обитель трижды обошла.
А отдельно, рядом с общим скитом,
Рядом с женской скорбною лампадой,
Серафим затеплил скит девичий –
Ярый пламень восковой свечи
От сердец Марии и Елены –
Двух святых и непорочных дев.

Девочкой Мария увязалась
За сестрой-монахинею в Саров.
Было ей тринадцать лет. Крестьянка.
Тонкая. Высоконькая. Ликом
Нежная и строгая. Так низко
Над глазами повязь опускала,
Что видала лишь дорогу в Саров,
Кончики бредущих ног, а в мире
Только лик Святого Серафима.
В девятнадцать лет – отроковица
И молчальница ушла из жизни.
Серафим ей тайны о России
Открывал, пред смертию посхимил,
Называл ее своей невестой
И начальницей небесных дев.

Во миру была сестра Елена
Светской девушкой. Любила танцы,
Болтовню, и смех, и развлеченья.
Раз в пути она ждала в карете
Лошадей. Раскрыла дверцу:
Видит в небе, прямо над собою
Черный змий с пылающею пастью.
Силы нет ни крикнуть, ни позвать.
Вырвалось: «Небесная Царица!
Защити!» И сгинул змий. Воочью
Поняла она весь смрад и мерзость беса
И решилась в монастырь уйти.
За благословеньем к Серафиму
Обратилась, а в ответ ей старец:
«И не думай, и никак нельзя.
Что ты – в монастырь? Ты выйдешь замуж».
Три зимы молила Серафима.
Он же всё:
«Как в тягостях-то будешь,
Лишь не будь скора: ходи потише –
Понемногу с Богом и снесешь».

Уж совсем отчаялась. Но старец
Ей пока дозволил поселиться
В общине Дивеевской. И снова:
«Ну, теперь пора и обручиться
С женишком». – «Я замуж не могу».
– «Всё еще не понимаешь, радость?
Ты пойди к начальнице-то вашей,
Ксении Михайловне, – скажи ей,
Что тебе убогий Серафим
С женихом велит, мол, обручиться,
В черненькую ряску обрядиться –
Вот ведь замуж за кого идти!
Вижу весь твой путь боголюбивый.
Здесь тебе и жить, и умереть.
Будь всегда в молитве и в молчаньи.
Спросят что – ответь. Заговорят – уйди».
Слишком быстрою была Елена:
Вся – порыв, вся – пламень, вся – смиренье.
Потому пред ней и обнажилась
Нежить гнусная и бесья суета.
Серафим же говорил: «Не бойся.
Львом быть трудно. Будь себе голубкой.
Я ж за всех за вас пребуду львом».
Раз, призвавши, он сказал Елене:
«Дать хочу тебе я послушанье:
Болен братец твой, а он мне нужен
Для обители. Умри за брата».
Преклонясь, ответила: «Благословите,
Батюшка!» И вдруг смутилась: «Смерти
Я боюсь...» – «Что нам с тобой бояться?» –
Успокоил Серафим. Вернулась
И слегла. И больше не вставала.
Перед смертью Огнь Неизреченный
Видела, и райские чертоги.
Так и умерла «за послушанье».
И в гробу два раза улыбнулась.

Серафим же, зная час кончины,
Торопил сестер: «Скорей грядите,
Ваша госпожа великая отходит».
Плачущим же говорил: «Не плачьте.
Ничего не понимают – плачут.
Кабы видели – душа-то как взлетела:
Точно птица выпорхнула! Расступились
Серафимы с Херувимами пред ней».

X

В Благовещение к Серафиму
Евдокия-старица пришла.
Светлый встретил инокиню старец:
«Радость-то нам, радость-то какая!
Никогда и слыхом не слыхалось:
Божья Матерь будет в гости к нам».
– «Не достойна я...» – «Хотя и не достойна,
Упросил я Деву за тебя.
Рядом стань и повторяй за мною:
"Аллилуйя! Радуйся, Невеста
Неневестная!" Не бойся. Крепче
За меня держись. Нам Божья
Благодать является». Раздался
Шум, подобный шуму леса в бурю,
А за ветром ангельские хоры,
Распахнулись стены, и под сводом
Затеплились тысячи свечей.
Двое ангелов вошли с ветвями
Расцветающими. Следом старцы
И сама Небесная Царица.
И двенадцать чистых дев попарно.
Говорит Царица Серафиму:
«Мой любимиче, проси, что хочешь, –
Всё услышу, всё исполню Я».
Стал просить убогий о сиротах

Серафимовых и всем прощенье
Вымолил. А старица упала
Замертво. А после слышит, будто
Спрашивает Богоматерь: «Кто же
Это здесь лежит?» А Серафим:
«Старица, о коей я молился».
Божья Матерь говорит: «Девица!
Встань. Не бойся: здесь такие ж девы,
Как и ты. Мы в гости к вам пришли.
Подойди сама и расспроси их,
Кто они». Сначала Евдокия
Светлых юношей спросила: «Кто вы?»
– «Божьи ангелы». А после старцев...
«Я – Креститель. Я на Иордане
Господа крестил. И обезглавлен
Иродом». – «Я – Иоанн, любимый
Ученик. Мне дано Откровенье».
После к девам подошла по ряду.
Назвались святые девы Фёклой,
Юлианией, Варварой, Пелагеей,
Ксенией, Ириной... Все двенадцать
Рассказали ей и жизнь, и муки,
Всё, как писано в Четьи-Минеях.
После с Серафимом все прощались,
Руку в руку с ним поцеловались.
И сказала Богоматерь: «Скоро,
Мой любимиче, ты будешь с нами».

Старец стал готовиться к отходу.
Телом одряхлел, ослабли силы.
Говорил: «Конец идет. Я духом
Только что родился. Телом – мертв».
Начал прятаться от богомольцев,
Издали и молча осеняя
Знаменьем собравшийся народ.
В Новый год был чрезвычайно весел,
Обошел во храме все иконы,

Всем поставил свечи, приложился,
С братией простился, ликовался,
Трижды подходил к своей могиле,
В землю всё смотрел, как бы ликуя.
После же всю ночь молился в келье,
Пел пасхальные веселые каноны:
«Пасха велия... Священнейшая Пасха!»,
Духом возносясь домой – на небо.
И взнесенный дух не воротился в тело.
Умер, как стоял, – коленопреклоненный.
Только огнь, плененный смертной плотью,
Из темницы вырвавшись, пожаром
Книги опалил и стены кельи.

Но земли любимой не покинул
Серафим убогой после смерти.
Раз зимой во время снежной вьюги
Заплутал в лесных тропах крестьянин.
Стал молиться жарко Серафиму.
А навстречу старичок – согбенный,
Седенький, в лаптях, в руке топорик.
Под уздцы коня загреб и вывел
Сквозь метель к Дивеевским заборам.
«Кто ты, дедушка?» – спросил крестьянин.
– «Тутошний я... тутошний...» И сгинул.
А зайдя к вечерне помолиться,
Он узнал в часовне на иконе
Давешнего старичка и понял,
Кто его из снежной вьюги вывел.

Всё, с чем жил, к чему ни прикасался:
Вещи, книги, сручья и одежды,
И земля, где он ступал, и воды,
Из земли текущие, и воздух, –
Было всё пронизано любовью
Серафимовой до самых недр.
Всё осталось родником целящей,
Очищающей и чудотворной силы.

– «Тутошний я... тутошний...» Из вьюги,
Из лесов, из родников, из ветра
Шепчет старческий любовный голос.
Серафим и мертвый не покинул
Этих мест, проплавленных молитвой,
И, великое имея дерзновенье
Перед Господом, заступником остался
За святую Русь, за грешную Россию.

<1919, 1929
Коктебель>

297. Заклинание

Марусе

Закрой глаза и разум угаси.
Я обращаюсь только к подсознанью,
К ночному «Я», что правит нашим телом.
Слова мои запечатлятся крепко
И врежутся вне воли, вне сознанья,
Чтобы себя в тебе осуществить.
Творит не воля, а воображенье.
Весь мир таков, каким он создан нами.
Достаточно сказать себе, что *это*
Совсем легко, и ты без напряженья
Создашь миры и с места сдвинешь горы.

Все органы твои работают исправно:
Ход вечности отсчитывает сердце,
Нетленно тлеют легкие, желудок
Причастье плоти превращает в дух
И темные отбрасывает шлаки.
Яичник, печень, железы и почки –
Сосредоточия и алтари
Высоких иерархий – в музыкальном
Согласии. Нет никаких тревожных
Звонков и болей: руки не болят,
Здоровы уши, рот не сохнет, нервы
Отчетливы, выносливы и чутки...
А если ты, упорствуя в работе,
Физических превысишь меру сил, –
Тебя удержит сразу подсознанье.

Устав за день здоровым утомленьем,
Ты вечером заснешь без сновидений
Глубоким сном до самого утра.
А сон сотрет вчерашние тревоги
И восстановит равновесье сил,
И станет радостно и бодро, как бывало
Лишь в юности, когда ты просыпалась
Весенним утром от избытка счастья:
Вокруг тебя любимые друзья,
Любимый дом, любимые предметы,
Журчит волна, вдали сияют горы...
Всё, что тебя недавно волновало,
Будило гнев, рождало опасенья,
Все наважденья, страхи и обиды
Скользят, как тени, в зеркале души,
Глубинной тишины не нарушая.
Будь благодарной, мудрой и смиренной.
Люби в себе и взлеты, и паденья,
Люби приливы и отливы счастья,
Людей и жизнь во всем многообразьи,
Раскрой глаза и жадно пей от вод
Стихийной жизни – радостной и вечной.

21 марта 1929
Коктебель

298. Владимирская Богоматерь

Не на троне – на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею, –
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Немею –
Нет ни сил, ни слов на языке...
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой меняет выраженье.
Кто разверз озёра этих глаз?
Не святой Лука-иконописец,
Как поведал древний летописец,
Не Печерский темный богомаз:
В раскаленных горнах Византии,
В злые дни гонения икон
Лик Ее из огненной стихии
Был в земные краски воплощен.
Но из всех высоких откровений,
Явленных искусством, – он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, –
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междоусобий.
И с тех пор в часы народных бед

Образ Твой, над Русью вознесенный,
В тьме веков указывал нам след
И в темнице – выход потаенный.
Ты напутствовала пред концом
Ратников в сверканьи литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим лицом.
Не погром ли ведая Батыев –
Степь в огне и разоренье сел –
Ты, покинув обреченный Киев,
Унесла великокняжий стол?
И ушла с Андреем в Боголюбов,
В прель и в глушь Владимирских лесов,
В тесный мир сухих сосновых срубов,
Под намёт шатровых куполов.
А когда Хромец Железный предал
Окский край мечу и разорил,
Кто в Москву ему прохода не дал
И на Русь дороги заступил?
От лесов, пустынь и побережий
Все к тебе за Русь молиться шли:
Стража богатырских порубежий...
Цепкие сбиратели земли...
Здесь, в Успенском – в сердце стен
Кремлевых,
Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!
Простирались старцы и черницы,
Дымные сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари...
Черной смертью и кровавой битвой
Девичья святилась пелена,
Что осьмивековою молитвой
Всей Руси в веках озарена.

Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кумашные помосты
Подняли перед церквами крик –
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик:
Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в грядущем – Лик самой России –
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль и не цветут цветы:
В мире нет слепительнее чуда
Откровенья вечной Красоты!

Посыл – *А. И. Анисимову*

Верный страж и ревностный блюститель
Матушки Владимирской, – тебе –
Два ключа: златой – в Ее обитель,
Ржавый – к нашей горестной судьбе.

26 марта 1929
Коктебель

СТИХОТВОРЕНИЯ 1891–1931 ГОДОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ

299. Наступление ночи

Уже скрылося солнце за горы,
Оделася мглою земля,
И на самом краю небосклона
Горит золотая заря.
И с болот поднимается белый
Туман, покрывая поля,
И какой-то прохладой сырою
Всего окружило меня.
Лес в тумане стоит одинокий,
Не видно вокруг ни души,
Лишь вдали, за рекою широкой,
Разводят огонь рыбаки.
И всё тихо, не слышно ни звука –
Как будто всё вымерло вдруг,
И волною усталой чуть плещет
Река о прибрежный песок.
Уж на небе погасла зарница
И взошла молодая луна,
И в реке серебром отливает,
Об брег ударяясь, волна.
И все яркие звезды на небе,
И лес, и огонь, и луну –
Всё река на себе отражает
И катит во мраке волну.

24 февраля 1891
<Москва>

300. Весна

Ты знаешь пруд: со всех сторон
Склонились ивы над водою.
Как листьев кружевных убор
Прекрасен раннею весною!
Когда вода едва стекла,
Растаял снег в лугах широких,
И звуками земля полна
Внизу и в небесах глубоких.
Ольха, орешник, березняк
И даже старый дуб порою
Местами весело шлестят,
С горы спускаясь чередою.
А поле, солнце и трава!
Ряд ландышей в лесу душистый,
Везде, везде видна весна –
Весна и лес тенистый.
Не парит солнце с высоты
Как в очень жаркий полдень летом,
Но животворные лучи
Всё ярким обливают светом:
И лес, и воду, и луга,
И чудных ландышей сребристых.
В ручье прозрачная вода
Сверкает меж цветов душистых.

<Март 1891
Москва>

301. Одоакр

Крутою каменной тропою,
Гористой и лесной страною,
Под вечер, когда пал туман,
Давно в ущелье над рекою
Повиснули громады скал
У путника над головою.
В одеждах бедных, небогатых,
Местами даже и в заплатах
Какие-то шли люди там.
Но были ростом все высоки,
Что впору хоть богатырям,
Красивы, сильны, чернооки.
Они к селению спешили,
Чтоб ночь им путь не преградила.
Но между тем настала мгла,
И путь они вдруг потеряли.
Ни зги не видно, ночь темна,
Во мгле же – пропасти, провалы,
Да лес кругом: еще темней;
Хотя б луна – всё ж посветлей.
Вот вдруг огонь мелькнул вдали,
Спешат меж пропастей по скалам,
Скорей бегут – и вот пришли:
Их взорам хижина предстала.
Они скорей в нее, а там старик,
Над книгою согнувшийся, сидит.
Взошли, но хижина низка.
Один из них был так высок,
Что выше был и потолка
И упирался в потолок.

Оставил соху он и борону,
Пошел он к Великому Городу.
Оставил родную Германию,
Оставил детей и жену,
Пошел за богатством в Италию,
За славой пошел на войну.
Он знал, что весь Рим раздирался
Раздорами, злобой, войной.
Он слыхал, что вон тот возвышался,
Богатым являлся домой.
Подумал немного и борону
Он в старом сарае сложил:
«Пускай их клюют теперь вороны».
Сам же меч и кольчугу надел.
И скоро себе он товарищей
В селеньях кругом понабрал,
По Альпам они все отправились –
Теперь он в Пассау попал.

Старик взор на него поднял,
И вдруг пророчески сказал:
«Иди в Италию ты с Богом!
Теперь одет ты плохо, беден,
Но погоди еще немного –
Ты многим очень будешь грозен.
Всем Римом сам ты править будешь.
Но вдруг придет сильнейший – ты падешь.
И власть и славу ты забудешь,
Безвестным от ножа умрешь».

18 марта 1891
<Москва>

302. Над рекой

Как тут стрекозы реют
Над омутом зеркальным,
Кубынчики белеют
Под ивою печальной.

Какая тут прохлада!
Какая тишина!
Высокою травою
Одеты берега.

Зеленая береза
Склонилася к воде,
И темный бор печальный
Там виден вдалеке.

Длинная осока
Вокруг брегов растёт,
Вдруг весело кузнечик,
В траве треща, прыгнёт.

И только лишь порою
Потянет ветерок
И, зыблемый волною,
В воде плывет листок.

Лежать в траве прекрасно
Над дремлющей рекой.
И что-то тихо плачут
Листы над головой.

21 марта 1891

303. Разрушенный замок

Зажглись мириады полночных светил,
И мир весь усталый в тумане почил.
Стоит гробовая кругом тишина
И слышно порою, как плещет волна.
Развалины замка стоят на скале,
Бойницы чернеются тут при луне,
И крепкие башни, как прежде, стоят
И в страшную бездну с утеса глядят.
Но грозного звука не слышно рогов,
Не слышно веселого клика бойцов.
Прошли времена, как грозу наводил
И грозным величьем всех замок страшил.
Тут больше не будет роскошных пиров
И служит жилищем он только для сов;
Уж он не увидит веселых забав –
Погибнет, разрушен в пустынных горах.
Но все же, стоя на могучих скалах,
Прошедшею славой наводит он страх.
Печален, разрушен, стоит в высоте
И грозные башни видны при луне,
И будто рыдают там волны внизу,
Прошедшую вспомнив вдруг замка судьбу.

2 апреля 1891

304

К прекрасному душа стремится,
Всё хочется мне что-то написать.
Но нету сил – перо валится,
И остается мне страдать.

305

Вы простите, конечно, меня,
Что мой труд посвятить вам посмел.
И поверьте мне в том, что ведь я
Оскорбить вас совсем не хотел.

306

Вам некто дал на днях мои стихотворенья.
Как вам понравились они?
Могу ли вновь мои творенья
Вам посвятить и поднести?

307

Когда я раз тебя увидел,
Тебя я тотчас полюбил.
И всё я в мире ненавидел
И для тебя одной лишь жил.

10 апреля <1891
Москва>

308. Ночь

Ветер песню несет,
Кто-то тихо поет
Ночью лунною там под горою.
Тихо светит луна,
Тихо спят берега
И прохлады полна эта ночь над рекою.

12 мая 1891
На лодке, во время поездки
на Воробьевы горы

309. Спящее царство

Посвящение

Позвольте мне одно сказанье
Вам, не докучив, рассказать.
Надеюсь я, мое желанье
Не станете опровергать.
Я вами только вдохновляюсь,
Пишу я только лишь для вас.
Как будто духом обновляюсь,
Когда увижу вас хоть раз.
Зачем люблю, к чему страдаю –
Ведь вы не любите меня.
Но тем не менее желаю
Всегда вам счастья и добра.

На свете где-то есть страна –
Преданье старины гласит:
Полдневным солнцем спалена,
В ней также озеро лежит.
И странно, ни одна волна
По озеру не пробежит.
Как будто всё застыло в ней:
Леса, вода, песок, гранит,
И меж заснувших тополей
Старинный замок там стоит.
И на запорах у дверей
Замок огромнейший висит.
Дорога к замку заросла
Густым терновником, травой,
Людская уж давно нога
Ее не мяла под собой.

Уж много лет тому прошло,
Как эта мертвая страна
Была обильна и сильна
И всё вокруг нее цвело,
И всё там было хорошо,
Трудом и жизнию полно.
Ей правил рыцарь молодой.
Он был со всеми справедлив.
Красивый, сильный, удалой,
Был, кажется, совсем счастлив.
Он девушку одну любил,
Хотел жениться он на ней,
Но рок ему не так судил:
Один волшебник-чародей
Ему жестоко насолил.
И в том пруду меж тополей
Невесту ночью утопил.
А на страну он сон наслал,
Но в этом не совсем успел.
И рыцарь всяку ночь вставал
И ночью в замке пир гремел.
И ночью замок оживал,
И на пруду там кто-то пел.
Из замка рыцарь выходил
И всё свою невесту звал.
Но час урочный проходил –
И вновь весь замок засыпал.

20 мая <1891>

310

Туманит зренье
Мне любовь,
И ваше пенье
Волнует кровь.

21 мая <1891>

311

Коль увидеть хочешь
Черные ты очи,
Так взгляни на небо
Ты во мраке ночи.
Коль увидеть хочешь
Ты ее ланиты,
Летом в палисадник
Розовый пойди ты.
Коль услышать хочешь
Бури рокотанье,
Загляни ты в сердце,
Полное желанья.
И услышишь громы
Перекаты бури
И увидишь небо –
Небо без лазури.
Только улыбнись ты,
Сердце всё забудет,
Небо прояснится
И весна наступит.
И весна наступит,
Снова будет лето –
Вот что значит радость
Пылкому поэту.

1 июня <1891>

312. Буря

Небеса от туч чернеют,
Волны пенятся внизу,
Чайки низко, низко реют,
Предвещая мне грозу.
И я жду желанной бури,
Будто сердцу веселей.
Всё туман и нет лазури,
Птицы носятся живей.
И давно уж в отдаленье
Гром с угрозою гремит,
И за вихрем новый вихрь
С силой новою летит.
Он ревет внизу в ущелье,
Будто стонет там во мгле,
А в лесу трещать деревья,
Облака же все в огне.
Море волны воздымает,
С воем их несет к земле,
И, об скалы ударяясь,
Разбиваются оне.
Страшна ночь и страшна буря.
Ветер бешено ревет
И, как будто негодуя,
Море все преграды рвет.
Но пройдет гроза – и утро
Будет светло и свежо.
Так и сердцу после бури
Будет как-то хорошо.

2 июня <1891>

313. Карл Испанский

«Теперь веселися, родная страна,
Врагов твоих сломлена сила.
Пиратов и мавров дружина моя
Теперь уж навек победила.
С триумфом теперь возвращаюсь домой,
Кто может сравниться во славе со мной?»
Так Карл Испанский друзьям говорит,
С триумфом в Гранаду въезжая.
Со всех колоколен звон медный летит,
Страна веселится от края до края.
И в церковь идет он поспешной стопой
И падает ниц пред иконой святой.
И молит он Бога, чтоб эта страна
Правленьем его процветала,
Чтоб Карлова мавры страшились меча
И бедных чтоб меньше бывало.
Окончив молитву, он радостный встал,
Но вдруг чье-то пенье вдали услыхал.
Казалось, те звуки не с неба летели,
Но падали наземь слезами,
Казалось, не смертные люди то пели –
Так стонет лишь сердце в печали.
Карл, задумчив, на площадь идет,
С смущеньем пред ним расступился народ.
И Карл под аркой в тени увидал:
Слепцов двое нищих сидели.
«Что будет?» – со страхом народ ожидал.
А звуки, рыдая, летели:
Как грома раскаты, как ропот волны,
Терзали и мучили душу они:

– «Хуана! Хуана! Что каждое утро
На гору ты, плача, выходишь.
Стоишь на утесе и вдаль на дорогу
С слезами отчаянья смотришь?
А ночью холодной ты дома тоскуешь,
В окошко не видно огня.
Хуана! Хуана, зачем ты плачешь,
Зачем ты во мраке сидишь?
Кого, о Хуана, по этой дороге
Из дальнего края ты ждешь?
Зачем же на гору ты каждое утро
Рыдая и плача, идешь?»
– «А как же не плакать? Невольные слезы
Рекою так льются из глаз.
О, бедный мой Хозе! О, бедный мой Хозе!
Увижу ль тебя еще раз?
Ах! Жестокий король его в латы одел,
Тяжелый дал меч ему в руки.
И бедный очаг мой с тех пор опустел.
Ах! где он? далёко, далёко!»
– «Хуана! Хуана! Как? Ты не слыхала:
Король наш неверных разбил
И кровью горячей арабов и мавров
Пустыни пески напоил!»
– «Ах! Но что мне за дело до этих побед.
Быть может, мой Хозе уж умер,
И на этих песках он недвижен лежит,
И ворон клюет ему очи!
Ах! Разве победы вернут его к жизни,
Развеют ли горе мое?
О, бедный мой Хозе! О, бедный мой Хозе!
Увижу ль тебя я еще?
О Хозе! Мой Хозе! Зачем тебя нет тут?
Зачем ты оставил меня?
Умру я в слезах, о тебе вспоминая,
Всем сердцем, душою любя.

Зачем же, о Хозе, меня в миг разлуки
Своим ты мечом не убил?
Тогда б не терпела я все эти муки,
Какие терплю я теперь!
Да будет же проклят король тот жестокий
За то, что он сына убил.
И крови за то, что пролил он потоки
И радости бедных лишил!»

314. Утро

Белеет неба полоса
И с позлащенными краями
Несутся к югу облака,
Скрываясь за лесами.
Покрыто поле пеленою
Тумана белого кругом,
И, возвращаясь из ночного,
Идут мальчишки с табуном.

315

Если б знали вы,
Как страдаю я,
Полюбили бы
Вы сейчас меня.

316

Смеешься ты, а я страдаю,
И глаз с тебя я не свожу.
Чего хочу – того не знаю
И как помешанный хожу.

317. Желания

Хотелось бы мне
Иметь крылья орла
И с тобой улететь
Поскорее туда –
Туда, куда нету дороги.
Туда, в ту страну,
Что чудес вся полна,
Где на озере ночью
Играет волна.
Где всё счастьем и радостью дышит.
Где стоят в высоте
Выси горных цепей,
А внизу подо мной
Гладь зеленых степей.
Изумрудом зеленым сверкает.
И где пышные розы
В долинах цветут
И где птицы так звонко
Прекрасно поют,
Разливаясь в безмолвии ночи.
Где так светит луна,
Мне б хотелось туда
С тобою, мой друг,
Улететь навсегда
И счастием там насладиться.

8 мая 1891

318. На смерть Надсона

Он жил, но жизнь ему была не в радость,
С младых уж лет ее узнал он тягость.
С младых уж лет он с музой породнился,
Он ею жил и ею веселился.
Но рано смерть безжалостной косою
Его сразила под собою.
И песни не допел он сей –
Лежит в могиле он своей.
И кажется, аккорд ее последний
Еще звучит, теряясь в отдаленье.

10 мая 1891

319. Сократ

Хоть истинной не знал Сократ дороги,
Но уж Христа он почитал –
Ни Зевса, ни иного бога –
Он Совесть божеством считал.
Всегда в его нравоученье
Видна и вера и любовь
Но пал он жертвой подозренья
Слепой ненависти врагов.

16 мая 1891

320

Когда сижу я над обрывом
И в даль туманную гляжу
И вижу: подо мной внизу
На север речка убегает
И меж зеленых берегов
Волной на солнышке играет.
Когда весь мир от жару дремлет,
Трещат кузнечики в траве,
То с небес нисходит ко мне
Святое вдохновенье.

321

Стихи просятся наружу,
Вылетают, окрылёны
Легкой рифмой. Я природу
Воспеваю, восхищённый.

322. Киев

Тут Русь родная родилась,
Татар тут сила разразилась,
Отсюда кротости ученье разлилось,
По всей Руси распространилось.

323

Носилася чайка над морем
И в бездну морскую ныряла.
Зачем я не птица, так думал я с горем,
И сердце так воли желало.
Ах! Если б мне крылья! Тогда б улетел
Я в небо высоко, высоко.
Но видно таков уже смертных удел,
Закон неотъемлемый рока.

324. Весенний вечер в степи

Травою покрыто зеленою
  Безбрежное море степей,
Ковыль будто волны колышет,
  Становится запад алей.
По небу заря разливается,
  Последний луч солнца блестит,
И к северу с юга далекого
  Журавлей вереница летит.

12 июля 1891

325

Конечно: это не Кавказ,
Не Крым, не Альп вершины.
Но этот вид мой любит глаз –
Синеющую даль, зеленые равнины
И эту речку под ногами
Между зеленых берегов.
Не правда ль? Посудите сами –
Ну, разве вид сей не хорош?

12 июля 1891

326

Не правда ль, райский уголок –
Кругом леса да нивы,
Шумящий под горой поток
И солнца переливы.

12 июля 1891

327. Из письма к М. Сакулину

Я вновь то место посетил
И те увидел небеса,
И те дремучие леса,
В которых я с тобой бродил.
Я вновь увидел этот пруд
И парк, и лодку, и луга.
Какая чудная страна!
Как было весело нам тут!
Мне было только жалко там,
Что нет тебя со мной,
А то полазил бы с тобой
По дебрям разным и лесам.
Да, жалко! Жалко! О тебе
В деревне спрашивали все.

20 июля <1891>
Из Матвейкова

328. Русалки

Когда широкой тенью
Покроет ночь весь лес,
Тогда под темной сенью
Там счета нет чудес.
Смотрите: над рекою
Свет тихий льет луна,
Сверкает полосою
От месяца вода.
И белой пеленою
С болот встает туман,
Клубится над рекою,
Летает по полям.
При месяца сиянье,
Мне кажется, видны
Как будто очертанья –
Иль то мечты одни!
Иль то воображенья
Одна только игра...
Но нет, я слышу пенье,
Я слышу голоса.
Смотрите: над рекою,
Над гладью сонных вод
Несется вереницей
Русалок хоровод.
Они все так прекрасны,
Они к себе манят,
Но ласки их опасны
И сердце леденят.
Тела их из тумана,
Объятья холодны.

Смотрите: сквозь их тело
Скользят лучи луны.
Смотрите: как играют
Они там над рекой,
Купаются, ныряют,
Смеются меж собой...
Но вот они вдруг скрылись,
Одна луна блестит.
Мечты иль нет то были –
Ничто не говорит.

29 июля <1891>
Матвейково.
Ночью у пруда

329. Утро

Потянул ветерок,
По осоке шурша,
Заалелся восток,
Загорелась заря.
Понеслись облака
Из-за леса гурьбой,
Заблестел на кресте
Солнца луч золотой.
Зазвонили вдали,
Люди в церковь идут.
Всё проснулось кругом,
Птицы песни поют,
В голубой вышине
Заливаются...

4 авг<уста> 1891

330

Ты пела, я слушал, и тихо листы
Шелестели у нас над главами;
И шла меж деревьев задумчиво ты,
Шуршала трава под ногами.
Мне было так сладко... Приятно... И мы...
Но это ведь было меж нами!
Прошло то мгновенье. Тот сладостный миг
Над нами пронесся мечтою.
Сижу я один – головою поник.
Зачем ты теперь не со мною?

11 августа 1891

331. Осень

Промчалось веселое лето,
Настали осенние дни.
Как грустно и тяжко поэту,
Когда наступают они.
Как грустно лесною тропою
Идти между голых дерев.
Шуршат лишь листы под ногами,
Упали они, пожелтев.
Кисти рябин покраснели,
Меж желтых листочков висят,
Одни только сосны да ели
В зеленом уборе стоят.
Как грустно сидеть над рекою,
Она холодна и тиха,
И ветер несет над водою
Пожелтевшие листья, кружа.
Как грустно идут вереницей
Печальные серые дни,
И медленно птица за птицей
К югу летят журавли.

20 авг<уста> 1891

332. Поэт

Смерть пришла и песня спета,
Лира сломана лежит;
К небесам душа поэта,
Оставляя мир, летит.
Песни чудные пропали,
Словно семя без плода,
Прогремели, прожурчали,
Словно вешняя вода.
И печальный прах поэта
Тихо спит в тиши лесной,
Позабытый целым светом,
Не оплаканный слезой.
Воспевая в песнях Бога,
Он на свете всех любил,
Но ненавистью и злобой
Свет ему за то платил.
Разорвав оковы тела,
Зла не выдержав, душа
Прямо к Богу полетела
В голубые небеса.
И чего она искала
На земле и не нашла,
То на небе увидала
И в сиянии пропала
Лучезарном божества.

333

Нету сил, перо валится,
Я писать уж не могу,
Всё в глазах моих мутится,
И меня клони́т ко сну.

334

Недвижно на голом утесе сижу я
И в даль голубую гляжу.
И вижу, как волны одна за другою
Об черные скалы дробятся внизу.
Жемчужные брызги взлетают высоко,
При солнечном блеске горят,
И звуки прибоя далёко, далёко –
Туда, в поднебесье летят.
Мне сладко и страшно, и вслушаться любо
В ревущую песню волны,
А черные скалы стоят так угрюмо,
Такого величья полны!
Да! Старым утесам
Уже не впервые
Выдерживать бешеный натиск волны –
Ведь рано иль поздно коварное море
Смирится и ляжет спокойно у ног.

335. Солдатка

Слёзы душат меня,
Не дают мне вздохнуть,
И тревожно моя
Подымается грудь.
Тихо в хате в ночи,
Чуть сверчок лишь трещит.
Ну, проклятый, молчи,
Без тебя всё болит.
Сяду ль я у окна,
Сердце щемит моё,
Будто обруч, тоска,
Грустно мне без него.
Грусть меня всё томит,
Я дышать не могу.
Чуть лампада горит
Пред иконой в углу.
Как-то буду одна,
Без него-то я жить?
Чаша горя полна –
Успевай только пить.

336

Любви не знаю,
Увы!
И не страдаю,
Как вы!

337. Сбор винограда

Сбор веселый винограда.
Все увенчаны цветами,
Девы, юноши толпами
Собрались под сенью сада.
Говор, песни, смех, веселье,
Гроздий полные корзины,
Свежей юности похмелье,
Тихий рокот мандолины.
Птиц веселых щебетанье...
Первый молодости трепет
И любви неясный лепет,
Счастья, радости, страданья...

338

Пускай осмеян я толпою,
Пусть презирает меня свет,
Пускай глумятся надо мною,
Но всё же буду я поэт –
Поэт и сердцем и душою.
И с непреклонной головою
Пойду среди всех этих бед.
Мне дела нет до мнений света –
Пустой бессмысленной толпы.
Ей песни не понять поэта,
Ей не понять его мечты.

339. Н. Давыдову

Благословенно будет небо!
В тебе увидел нынче я
Жреца поэзии и Феба
И вдохновенного певца.
Так подадим друг другу руки,
Одной дорогою пойдем,
И вместе подлость и пороки
Громить сатирою начнем.
Певец любви! Певец балета,
Тебя иная служба ждет.
Она достойней для поэта,
Она ко славе поведет.
Вперед! Решайся же скорее,
Союз навеки заключим.
На бой отважней и смелее
С тобою вместе полетим!

340. Н. Давыдову

Я чувств своих тебе, писатель,
Сказать словами не могу,
Пусть наградит тебя Создатель,
Я ж от души благодарю.

341

Тихо всё. Стоят чинары.
В надвигающейся мгле
Зажигаются Стожары
В поднебесной вышине.
На вершине Чатыр-Дага
Солнца луч еще горит,
А внизу на дне оврага
Ручеек во мгле журчит.
Море тихо, и волною
Ветерок не шелохнет.
Из аула под горою
Говор смешанный идет.

342. Сафо

(стоит в отчаянии на скале
на берегу моря и ломает руки).

«Зачем, о, боги, ниспослали
Вы мне несчастный этот дар?
Пусть лучше б на земле меня не знали,
Чем этот вечно тлеющий пожар,
Который уж со дня рожденья
В душе моей невидимо царит.
Душа моя во время песнопенья
Из мира тесного летит.
Но я прикована судьбою,
Цепями жизни к сей земле.
О, боги! Сжальтесь надо мною!
Возьмите дар непрошеный себе!

(*После длинной паузы.*)

Меня задушит этот жар,
А дух летит к воротам рая.
Прости, прости, несчастный дар!
Прости, прости, страна родная.
Теперь прощайте, радость, горе!
Наступит мир мне и покой».

(*Бросается со скалы в море.*)

И Ионическое море
Сомкнулось над ее главой...

343. К Л. Л<ями>ной

Воспоминаньем вдохновленный
О делах минувших лет,
Аполлоном пробужденный,
Шлю тебе я свой привет.
Отчего, не знаю, право,
Вспоминаются всё мне
Наши игры и забавы
Ах! вернутся ли оне?
Это время миновалось,
Не воротится опять.
Нам теперь с тобой осталось
О прошедшем вспоминать.
Как туман перед рассветом
От лучей зари редеет,
Точно так же у поэта
Всё прожитое бледнеет.
Но теперь воспоминанья
Невозвратного былого
В бледно-розовом сияньи
Предо мной проходят снова.
И прошедшего картины
Вновь я вижу пред собою:
Вон Матвейкова долины,
Где гуляли мы с тобою,
Вон и пруд, и парк широкий,
Вон зеленые леса,
А за ними бег далекий
Направляет свой река.
Да! то время миновалось,
Не воротится опять.

Нам с тобой теперь осталось
О прошедшем вспоминать.
А грядущее? кто может,
То, что будет, угадать?
Ну! Авось нам Бог поможет:
Эти дни вернет опять!

344. Ночь

Ночь тиха и туманна. Чуть светит луна,
Деревьев листы освещая.
Над миром заснувшим царит тишина,
Тишина непробудно-немая.
Всё устало, всё спит; предо мной на реке
Столб серебряный лунного блеска
Бриллиантом дробится в волне
И минутные слышатся всплески
На заснувшей, хрустальной воде.
И лишь изредка птица ночная
Застонет в трущобе лесной
И долго звучит, замирая,
Ее голос в прохладе ночной.
Всё так тихо, прекрасно. Ужели
Эта ночь для того создана,
Чтоб в объятьях спокойного сна
В душной комнате спать на постели?

345. Вечер

Люблю вечернею порою,
Когда с болот встает туман,
Сидеть над спящею рекою,
Глядеть, как в небе надо мною
Несется тучек караван.
В последних солнечных лучах
Несется цепь их золотая,
На горизонте пропадая.
Кругом нисходит ночи мрак.
Замолкли птицы. Всё безмолвно.
Царит ночная тишина.
Какой-то неги будто полна,
Свои задумчивые волны
Струит заснувшая река.
Покрыто всё сребристой мглою,
Стоит в тумане темный лес,
И над спокойною рекою
Сияет месяц средь небес.

20 окт<ября> 1891

346. Железная дорога

Железная дорога! Железная дорога! Сколько воспоминаний, сколько забытых картин воскресает в уме моем при этом слове! Далеко, далеко протянула ты свои чугунные рельсы; прорезала дремучие леса, перелетела через реку стройным мостом и окутала своей железной сеткой всю необъятную матушку Русь. Сколько картин открываешь ты перед глазами удивленного путешественника; сколько видов! И это всё мчится мимо – назад, назад! И уступает место новым видам, новым впечатлениям!

Когда едешь в поезде и смотришь в окно – это целый калейдоскоп. Вот едем лесом, зелеными стенами стоит он с обеих сторон дороги, махает приветливо своими верхушками и манит под свою тень отдохнуть от солнечного зною. Какое разнообразие листвы и деревьев! Вот старый дуб протягивает свои корявые жилистые ветви, покрытые темно-зелеными вырезными листьями. Вот рядом береза, одетая словно мелким кружевом ее яркой листвой. Вот вечнозеленая ель в бархатном уборе. Вот клен со своими грациозными листьями. Вот... но поезд мчится дальше, и лес остался далеко позади.

Мы подъезжаем к большому городу: он кипит народом, люди бегут, кричат о чем-то, куда-то спешат. Поезд останавливается. На станции еще большая суетня, все торопятся не опоздать. Но вот звонок – и поезд опять в поле, летит на всех парах. Вдали виден дом, окруженный зеленью и садами. Кое-где видны деревни. Поезд убавляет ход, мы подъезжаем к реке и медленно вползаем на мост. Под нами далеко расстилается река и вьется вдаль серебристой лентой. По реке во всех направлениях идут, пыхтя и выпуская из себя клубы дыма, пароходы, ползут нагруженные доверху товарами неуклюжие тяжелые баржи, шныряют маленькие катера и лодки. Но вот

и речка, и пароходы, и мост уже давно позади. Смеркает. Далеко, далеко раскинулась перед нами огромная степь. Ни спереди, ни сзади – нигде не видно никакого жилья, только там, далеко, на самом горизонте, курится как будто синеватый дымок и блестит золотой крест. Ветер колышет степной ковыль. Солнце уже до половины опустилось. Несутся легкие круглые тучи с позолоченными краями. Пурпурный цвет неба на горизонте переходит в оранжевый, желтый, зеленоватый и, наконец, сливается с лазурным нежным цветом неба. Но вот уже совсем стемнело. Заря потухла. Только на самом горизонте видна еще красноватая полоса. Лазурный цвет неба перешел в темно-синий. И на нем начали зажигаться, одна за другой, золотые звездочки. В вагонах совсем тихо Кругом полумрак. Невольно дремота одолевает вас, и вы засыпаете, облокотившись головой об стену. Но вот вы вдруг просыпаетесь от какого-то шума, приподнимаетесь, смотрите в окно. Поезд подъезжает к ярко освещенной станции. По платформе бегут люди, входят в вагон. Раздается свисток, поезд трогается – и опять всё сливается в мерном, усыпляющем шуме колес.

12 нояб<ря> 1891

347. Троекурово

Среди полей, покрытых рожью колосистой,
Среди повыжженных равнин
Раскинулся твой парк тенистый,
Где прежде я бродил один.
Лежишь ты, как оазис средь пустыни,
Среди однообразных нив;
Пруды, мосты, развалины былой гордыни
До наших дней печально сохранив.
Твои дома, твой парк широкий
Хранят величье прошлых дней.
Ты открываешь вид далекий
На гладь обширную полей.
Внизу у ног твоих сребристой лентой вьется,
Играя меж зеленых берегов,
Красавица Сетунь! И сердце пылко бьется,
Смотря с твоих возвышенных холмов.
Кругом посмотришь – тишь и гладь,
И скажешь: Божья благодать.

1 дек<абря> 1891

348

Расскажи, о, странник, Спарте,
Что мы здесь легли костями.
Но себя не посрамили,
Не нарушили законов.
Возвести, что триста греков
Тут сражались за свободу
Против трех мильонов персов.
Что мы тут, как львы, сражались,
Били, резали, кололи,
Пали все в неравной битве,
Все погибли за свободу,
Что покрылся вечной славой
Леонид, наш вождь бесстрашный.

10 дек<абря> 1891

349. Весна

В первый раз ты на бал выезжаешь,
В первый раз появляешься в свет,
Ты еще красотой не пленяешь,
Не умеешь кокетничать, нет!
Тебе стыдно за голые плечи,
Тебе стыдно от взоров толпы,
Тебе странны те светские речи,
В пору светлой, цветущей весны.
Но поверь мне, что ты для поэта
Ты прекрасней красавиц других,
Что среди беспощадного света
Потеряли и совесть и стыд.
Ты одна только тут непритворна,
В вихре вальса, забывшись, летишь,
Твои ножки скользят так проворно,
Ты так весело, бойко глядишь.
Ты еще так кротка и невинна,
Твои жесты все жизни полны,
И глядишь ты на мир так наивно
В пору светло-цветущей весны.
Веселися же юной порою
И поверь мне, что юноши нет,
Чтоб теперь не увлекся тобою,
Тебе только шестнадцать ведь лет.

2 января 1892

350

Откуда вы, станицы журавлей,
Несетеся, эфир крылами рассекая?
Из той ли вы страны, где между тополей
Таврида спит, красавица немая.
И море Черное, брега ее лаская,
Лежит у ног возлюбленной своей.
Или оттуда, где Кавказ суровый
Стоит во броне ледяной,
Воздвигнутой по воле Иеговы
Невидимою мощною рукой.
Иль, может быть, с роскошного Востока,
Лежащего в тени своих садов,
Покорного писанию Пророка,
Святым преданиям отцов.
Из той страны роскошных снов,
Куда стремится каждый издалёка,
Иль, может быть, от нильских берегов,
Где высятся одни лишь пирамиды,
Уж сорок, кажется, иль более веков?
Зачем летите вы на север хилый,
Что вас заставило родной покинуть край,
Тот светлый юг, столь сердцу милый?

10 янв<аря> 1892

351

Солнце жаром палит,
Раскаляя гранит,
И ни облачка на небосклоне.
Все деревья стоят,
И листы не шумят,
И не двинется ветер на воле.
Тихо плещет волна,
Будто неги полна,
И гуляет себе на просторе.
И без меры в длину,
Без конца в ширину
Расстилается Черное море.

14 января 1892
<Москва>

352

Роза – цвет самой Киприды
И эмблема красоты,
Что полуденной Тавриды
Пред тобою все цветы?

353. К N. N.

Написано по просьбе Саблина

Позволь мне поздравить тебя, дорогая,
Здоровья и счастья тебе пожелать,
Чтоб весело жизнь твоя молодая
Прозрачной рекою широко неслась.
Конечно! – для счастия многого надо,
Но что же – здоровье уж есть у тебя.
А это ведь самое первое благо,
При том ты воздушна, легка...
Конечно, ведь ты не такое созданье,
Что дунешь – оно разлетится, как пар.
Но ты ведь (прости за такое názванье)
Скорее воздушный, мне кажется, шар.

25 янв<аря> 1892

354. Святая роза

Иисус, людей Спаситель,
Дал себя за них распять,
Всех скорбящих Утешитель,
Проповедник и Учитель,
Показал пример страдать.
А они венец терновый
Из шипов ему сплели.
Он терпел, на всё готовый,
И струи горячей крови
По челу его текли.
Из той крови, по преданью,
Роза выросла одна:
Утешение в страданье,
Жизни вечной ожиданье
Посылает нам она.
Эта роза есть святая
Та великая любовь,
Что Он умер, завещая,
Когда, людям всё прощая,
Он молился за врагов.

26 янв<аря> 1892

355. Полдень

Полдень. Солнце жаром пышет,
Нивы желтые палит.
Сонный ветер не колышет
Листья дремлющих ракит.
Всё спешит скорей укрыться
Под живительную тень –
Мухи, люди, даже птицы –
И невольно давит лень.
Вон в тени между травою
Ручеек блестит, журчит
И живительной струею
К себе путника манит.
Рожь на солнце колосится,
Наливается зерно,
И от тяжести клонится
До земли почти оно.
Всё так кажется красиво,
Всё так кажется светло,
И желтеющая нива,
И зеленое гумно.

29 янв<аря> 1892

356

Солнце садится, заря разгорается,
В поле туман пеленой поднимается,
Птицы замолкли, и лес не шумит,
Говор нестройный с деревни летит.
Вот показалося облако пыли.
Бабы ворота в избах отворили,
Пыльной дорогою стадо идет,
Издали ветер уж топот несет.
Звон колокольчиков, крики, мычанье,
Хлопанье плетью, баранов блеянье.
Вот и в деревню вступили. Шумят
Бабы и дети, гоняя телят.

27 февр<аля 1892>

357

Как всё весело вкруг и красиво,
Как сверкает река бирюзой,
Как волнуются желтые нивы,
Как прозрачна лазурь надо мной.
Как приветливо солнце сияет,
Отражаясь в прохладной воде,
Как приятно меня продувает
Ветерок. А вверху, в вышине
Громко, весело песнь раздается,
Разливаясь, гремит надо мной.
Стая ласточек быстро несется,
Щебеча над открытой рекой.
И невольно широкой струею
Ширь полей мне вливается в грудь,
И, шумя своей темной листвою,
Манит лес в свою тень отдохнуть.

358. Земля и море

Посвящается П. Зв<олинско>му

Сладострастно изгибаясь
Вкруг роскошных берегов,
Море шепчет, улыбаясь,
Тихим рокотом валов:
«Я люблю тебя издавна,
О, красавица моя!
И нигде не знаю равной,
Ни красивее тебя.
О, зачем же отвергаешь
Ты всегда мои мольбы
И лишь только позволяешь
Целовать твои стопы?»
Так земле шептало море
И, алмазами блестя,
На серебряном просторе
Разливалося, журча.
И земля, на солнце нежась
И насмешливо смеясь,
Ничего не отвечала –
И вот, море, разъяряясь,
Шлет полки валов могучих,
И они шумят, ревут,
Но, разбившися о кручи,
Белой пеною падут.
И бессильной злобой полны,
Но, горя любовью к ней,
Вновь и вновь ложатся волны
У возлюбленной своей.

В гимназии на гимнастике.
14 февраля <1892>

359. Таврида

Я помню ночь над спящею землею,
Когда впервой увидел море я.
Всё спало вкруг. Казалось, тишиною
И чудной негой ночь была полна.
И тихий ветерок ветвями кипариса
Шумел сквозь сон, как будто, надо мной,
И ароматы роз ко мне неслися,
Вдали шумел немолкнущий прибой.
Гигантов-гор немые очертанья
Виднелись мне в том сумраке ночном.
Я был один и весь в свои мечтанья
И сладостные грёзы погружен.
И думал я: «Ты ль это, о Таврида,
Страна былых, низвергнутых богов,
Где некогда богиня Артемида
Имела храм близ этих берегов?
Ты ль та страна, где жрица молодая
Томилась столько лет в печали и слезах,
С глубокой горечью и плачем вспоминая
О тех покинутых родимых берегах?»

28 февр<аля> 1892

360. Ночь

Месяца тихого блеск,
Шум набежавшей волны.
Моря немолчного плеск.
Горы безмолвья полны.
Всё так прекрасно вокруг
Мир весь заснул в тишине.
Но отчего же, мой друг,
Грустно и горько так мне?
И отчего в эту ночь
Горе мое и тоску
Дальше и от сердца прочь
Я отогнать не могу?
И отчего же меня
Воздух так давит ночной?
Весь я – как будто не я,
Сам я как будто не свой.

Матвейково

361

Грустно ветер на улице воет,
Вьюга дикую песню поет.
Сердце как-то и плачет и ноет,
Время скучно и долго идет.
И о прошлом с тоскою мечтая,
Я сижу, прислонившись к окну.
А за мной, трепеща и мерцая,
Тихо светит лампада в углу...

<Март 1892>

362. К N. N.

Душа моя в полночный час
Не раз уж тосковала.
И понял я, увидя вас,
Чего она искала.
И в жизнь мою проникли вы,
Как светлый луч в ненастье,
Зажгли в груди огонь любви
И сердцу дали счастье.
Я только лишь тогда живу,
Как раз лишь вас увижу,
Ваш образ в сердце я ношу,
Люблю и ненавижу.
Теперь пришел великий час
Христова Воскресенья,
Могу ли я поздравить вас,
О, чудное творенье?
Могу ль в сей праздник для небес
Обычаем отчизны
Я вам сказать «Христос Воскрес»
Без вашей укоризны?
Быть может, вы, прочтя письмо,
Со взором удивленным
Как будто спросите его:
Кто ты, поэт влюбленный?
Но что вам в имени его,
Что в имени поэта?
Оно не скажет ничего
Безвестное для света.

И лучше пусть останусь я
В печали и забвеньи,
Тебя душою всей любя
И славя в песнопеньи.

28 марта 1892

363

Борьба стихий! Хаос вселенной!
Кто может счастье испытать?
Кто может в бурю, дерзновенный
Меж волн ладьею управлять?
Взглянуть кто может несмущенный
Тогда в глаза Творцу людей,
Когда молоньи, разьяренный,
Он грозно мечет из очей.

364. Лето

Вот снова бал. Шум, говор, хохот.
Горят огни. Блестит паркет.
Несется с хор оркестра грохот
И веселится людный свет.
Ты гордо так перед толпою
Стоишь, блистая красотой.
Бледнеет всё перед тобою,
Твоих очей горящий зной.
Как огнь душу прожигает
И всё в тебе людей пленяет,
Как лето жаркою порой –
Ты подавляешь красотой.
Но уж, увы! своей рукою
Коснулся ныне свет тебя.
И, пламень сердца холодя,
Он тяготеет над тобой.
Теперь признанья и моленья
От всех поклонников твоих
Внимаешь и без сожаленья
Ты отвергаешь тотчас их.
Теперь не та уже ты стала,
Какой была еще тогда,
Когда впервой при блеске бала,
Ты в свет холодный выступала,
Кругом с смущением глядя.
Уж нет той робости движений
И той сердечной простоты,
Того стыдливого смущенья,
Которым так пленяла ты.

Но ты царица. Ты прекрасна.
Кого сравнить теперь с тобой?
Ты хороша, но и ужасна
Своею жгучей красотой.

10 апреля <1892>

365. Осень

Вот промчалися годы. И много воды
В это время утечь уж успело,
Много, много теперь изменилася ты,
Много, много теперь постарела.
Так, бывало, нахлынут осенней порой
На природу внезапно морозы
И завянут, поникнут своей головой
Прежде чудные, пышные розы.
Так завяла теперь и твоя красота,
Седина в волосах появилась,
Ты не та, ты не та, что ты прежде была,
Ты во многом теперь изменилась.
Побледнела, поблёкла окраска ланит,
И очей твоих блеск молненосный.
Старость скоро придет – неустанно твердит
Тебе голос какой-то несносный.
Да, бывало то юною, лучшей порой:
Молодежь всё тебя окружала,
И ходил за тобою поклонников рой,
Ты ж искания их отвергала.
Ты теперь и сама выйти замуж не прочь,
Но, увы! уж пора миновалась.
И одна лишь осенняя грустная ночь
Взамен счастья и блеска осталась...

366. Москва

Недвижно я стою, смущением объятый.
Гляжу: внизу передо мной,
Повитые туманной синевой,
Виднеются и храмы и палаты.
Заката луч на куполах
Горячим золотом сверкает и искрится.
Москва! Москва! Кто духом не смутится?
В чье сердце не войдет невольно страх?
Да! Семь веков! А что ты претерпела!
Тебя татарин грабил злой
И жёг тебя – и ты горела.
Под Иоанновой рукой
Ты казни страшные терпела.
Но ты в беде не оскудела,
Ты встала вновь! И грянул бой!
Мы отступали, на сожженье
Тебя оставивши, и нам
Ты послужила во спасенье,
Но в гибель дрогнувшим врагам.

<1892>
На Воробьевых горах

367. Песня

Я плыву. Луна златая
Ярко светит. Тишь вокруг.
Чу! Русалка молодая
Там вдали мелькнула вдруг.
Нет! То тихий ветер в поле
Налетел вдруг на меня.
Ах! Гуляй, гуляй на воле,
Моя легкая ладья.
    Под кормою
    Полосою
Блещут отблески луны.
    И сверкая,
    И играя
От движения волны.
Размахнусь веслом широким,
«Берегись! С дороги прочь!»
Берега уже далеко,
А кругом немая ночь.
Берегов не видно боле,
Тишь и гладь вокруг меня,
Ах! Гуляй, гуляй на воле,
Моя легкая ладья.
    Под кормою
    Полосою
Блещут отблески луны,
    И сверкая,
    И играя
От движения волны.

15 июня 1892
Воробьевы горы

368. Н.Н.***

Пускай тебя клеймят позором
И говорят, что ты жесток.
Я не поверю этим вздорам,
Нет! Быть жестоким ты не мог.
Ужели только лицемеря,
Свои поэмы ты писал?
Нет! Этим толкам я не верю.
Нет! Ты народ не презирал.
Но ты любил его душою,
С ним вместе плакал и страдал.
Нет! Только б ложию одною
Ты б так сердца не потрясал.

27 июня 1892

369

Ах вы, годы, мои годы!
Ах, ты юность моя! где ты?
Где пора любви, свободы?
Ах! Промчались эти лета!
Где и та, с которой ночи
Мы в ту пору коротали,
И которой чудны очи
Мне всю душу прожигали?
Но и та по воле рока
Вечным сном уже почила,
И в стране иной, далекой
Ее грустная могила.
Да! Бывало той порою:
Только солнце заходило,
Мы уж с нею под сосною.
Быстро время проходило.
Не успеешь оглянуться –
А восток уже белеет,
Птицы с криком пронесутся,
Ветер утренний повеет.
И пора уж расходиться.
Золотое время было.
Ах! Ему не возвратиться.
А прошедшее всё мило!

28 июля 1892

370. Элегия

Дождливые ночи, дождливые дни,
Печальные думы наводят они.
Бывало, наступит такая пора:
Проснешься, а дождик давно уж с утра,
Как мелкою сеткою, всё моросит.
Заглянешь в окошко: картины унылы,
В них видится скука и холод могилы.
Вон лес в отдалении темный стоит,
У леса деревня на скате видна:
Убогие избы соломой покрыты,
Дорога пред избами стадом изрыта –
И всё покрывает дождя пелена.
Как грустно! Гулять ли я, что ли, пойду –
Лишь только по грязной дороге скольжу.
Домой ворочуся ли, стану читать,
Да мысли не лезут и лень понимать.
И стану в окошко глядеть я опять.
И вижу унылые те же картины –
И ту же деревню, и те же равнины.
И скучно, и нечем досуга занять...

Село Проскурово
30 июля 1892

371

Гроза гремела. Содрогалась,
Как будто в судоргах, земля.
И в воплях к небу порывалась.
А небо, страшно грохоча,
Как будто рушилось на землю,
И пламень тучи разверзал.
А я, громам и стонам внемля,
На это в ужасе взирал.
Но вот, гроза уже промчалась,
И ветер тучи разогнал,
И снова солнце показалось,
И свод небесный засиял.
И обновленная природа,
Восстав как будто бы от сна,
Блистала блеском изумруда,
И капли крупные дождя
На каждом листике блистали.
Так после гнева и печали,
Омывшись чистыми слезами,
Вновь обновляется душа.

30 июля 1892
Воробьевы горы

372

Что такое жизнь –
Зло или добро?
Что есть цель для жизни?
Вот уже давно
Эти два вопроса
Пред людьми стоят.
Но, увы! Их люди
Долго не решат.
Кто же из народа
Первый произнес,
Задал сей от века
Роковой вопрос?
То был не философ,
То был не мудрец –
Сам он появился
Из людских сердец.
Многие решали –
Не могли решить.
Что же людям делать?
Как им поступить?
Только лишь однажды
Был вопрос решен,
Но, увы! нам, людям,
Недоступен он.
Кто же был тот смелый,
Кто решил вопрос?
То был наш Учитель
Иисус Христос.

Он сказал: «Любите
Всех, как и себя.
Вам закон великий
Будет от меня».
Вот где цель для жизни:
Эта цель – добро,
Жизнь же – достиженье
Вечное его.

10 сент<ября> 1892
Матвейково

373

Счастлив писатель, чьи творенья
Столетий давность перейдут,
Кого потомки в восхищеньи
Борцом за правду назовут...

374. Писателю

(на мотив Некрасова)

Выйди, писатель, на поприще жизни,
Сей просвещенье любви и добра.
Верь, ты послужишь на пользу отчизне,
Честно посеяв свои семена.
Верь, что принявшие слово ученья,
Свято в сердцах его будут хранить,
Верь, что и внуки твои с восхищеньем
Будут тогда о тебе говорить.
Сей просвещенье рукою ты сильной,
Семя ученья бросай в борозды.
Верь, что приидет час жатвы обильной,
Он же – награда тебе за труды.

10 сент<ября> 1892
Матвейково

375. Сотрудникам

Вперед! Сотрудники-друзья!
Изданьем нового журнала
Мы, право, сделаем немало –
В том головой ручаюсь я.
Вперед! Вперед! Долой сомненья!
Долой отживших ряд идей!
Мы будем сеять просвещенье,
Возбудим силу и движенье
В среде замолкнувшей своей.
Возбудим нашим словом к жизни
Во тьме погрязнувших глупцов.
Вперед! На мой придите зов!
Послужим правдой мы отчизне!
И не возбудим укоризны
Теней угаснувших певцов!

29 сент<ября> 1892
Москва

376

Иудеи, Христа распиная,
Увенчали терновым венцом
И, колена пред ним преклоняя,
Называли Великим Царем.
А он кротко терпел всё, моляся
За своих палачей и врагов,
И из ран на горячий песок
Кровь на землю струями лилася...

20 окт<ября> 1892

377. Жизнь

Как волны, блуждая в бушующем море,
Дробятся и бьются о твердый утёс,
Так радость, веселье, несчастье и горе
Гуляют без цели в житейском просторе,
В том мире печали и слёз.
Тут много несчастий, тут много страданья,
Да тьма, да волненье кругом.
А что эта жизнь, те страсти, желанья –
Тому не найдешь никакого названья,
Того не постигнешь умом.

26 окт<ября> 1892
Москва

378

Тучи свинцовые, тучи тяжелые
Низко повисли над темной землей.
В парке деревья стоят уже голые,
Листья завяли, шумят под ногой.
Грустно глядеть на картину унылую,
Дождичек мелкий с утра моросит.
Веет оттуда холодной могилою,
Всё так уныло и грустно глядит...

379

Дождь прошел – и вся природа
От велика и до мала,
Словно празднуя свободу,
Засверкала, засияла.
Каждый кустик и былинка –
Всё жило, всё трепетало,
И жемчужные росинки
На листах дерев блистали.

380. Герои

Герои страшные войны и истребленья
Вступают в мир тяжелою стопой,
И им предшествуют и ужас, и смятенье,
И помнит имена их вечно род людской.
Герои же труда, ревнители прогресса,
Ах! вам иная доля суждена:
Лишь вы исчезнете, туманная завеса
Закроет тотчас ваши имена.
Не странно ли: кто истреблял мильоны,
Живет. А вы, погибшие под бременем борьбы,
Забыты вы, забыты ваши стоны...
Не горькая ль насмешка тут судьбы?

11 ноября 1892
Москва

381. Бред

Как грустно мне, как страшно в эту ночь.
Какой кругом туман! Как давит эта мгла.
О, дайте мне просвет! Уйдите, тучи, прочь.
Душа моя тоски и ужаса полна.
В небесной глубине звезды нет ни одной,
И кажется, что ночь становится темней.
Мне страшно! Я боюсь! Душа полна тоской,
О, Боже, помоги! Дай света поскорей!

10 декаб<ря> 1892
Ночью. Москва

382. Свобода

В память 21 января 1793 года

Allons, enfants de la patrie!
Le jour de gloire est arrivé.
Contre nous de la Tyrannie
L'étendard sanglant est levé.
Marseillaise

Историю людей прилежно изучая,
Я часто отдаюсь ей сердцем и душой.
Картины прошлого, как будто оживая,
Рядами тесными проходят предо мной.

Я вижу грозный Рим, неведомые страны,
Италии прекрасной небеса,
Истоки Азии и царство Тамерлана,
Воинственные Средние века...

Но чаще прочего встает в воображеньи
Кровавая и страшная пора,
Пора иных идей, всеобщего броженья,
Пора свободная – свободы топора!

И, полный ужаса, тогда я вижу в страхе
С страданьем сжатые и бледные уста,
И кроткий лик погибшего на плахе,
Казненного своим народом короля.

И страшный ряд теней, теней окровавлённых
Ужасным призраком встает передо мной,
То призраки людей, невинных и казнённых,
То жертвы бедные свободы дорогой.

И холод ужаса по жилам пробегает,
И страшно мне, и грустно мне тогда
Смотреть, как тот народ свободу оскверняет –
Свободою и правдою считает
Орудия войны, секиру палача...

Была пора. В полях вассалы
Под свист работали бичей,
А знать безумно пировала
В чрезмерной роскоши своей.
Что день – то новые налоги,
Народ в цепях изнемогал
И на роскошные чертоги
Со злобной завистью взирал.
Кругом несчастья, мор и голод,
Чрезмерный труд и нищета,
Слепая ненависть и холод –
Томилась бедная страна...
И час настал... Дотоль смиренный,
Народ, как страшный зверь, восстал.
И ужас хладный оковал
Вельмож, жестоких и надменных.
«Долой всех сильных и богатых!
Кто был могуч, пусть сгинет тот!
На фонари аристократов!» –
Кричал разъя́ренный народ.
«Свобода! Правда! Прочь оковы,
Вериги рабства и труда!»
Народ к борьбе готов суровой
Во имя братства и добра.
Попрано прежнее правленье.
«Свобода!» – их девиз один.
Возникла сила и стремленье.
Народ не раб – а гражданин!

О, Божество мое, свобода!
В тебя ли верили они?
Ты неповинна в той крови –
Крови несчастного народа.

Расторгнув цепь своих оков,
Рабы тюрьму свою разбили
И страшной местью отомстили
За длинный ряд былых веков.

К чему, о Боже! Сколько сил
Они напрасно погубили,
Невинных жертв они казнили!
Кто перед ними правым был?

Они свободы Божество
Невинной кровью оросили,
С злорадным смехом осквернили
Изображение его.

Они на зло своих врагов
В стране равенство объявили,
Но только правду и любовь
Увы! Совсем они забыли.

Вот он! Страдалец тот святой
Невинный и казненный,
Злодейской свергнутый рукой,
Та жертва подлости людской,
Своим народом оскорбленный.

Людовик был низвергнут и казнен,
Ошибок прадедов виновник непричастный.
О, Франция! Навек тебе ложится он –
Укор пылающий средь той поры ужасной
О, изверги! Жестокие злодеи!

Позор для родины! Позор страны родной!
Смотрите! Вашею кровавою рукой
Осквернены французские Лилеи.
Иль мало вам, что тысячи людей
Под топором свободу вашу проклинали?
Вы на Людовика – наследника царей
Кровавый стяг ненависти подняли.
О, Франция! Стыдись! Позор тебе, позор!
И знай, что до скончанья мира
Стоит он пред тобой. Твоим сынам укор,
Как мученик святой кровавого кумира.

Декабрь 1892
Москва

383

Посмотри, как ночь прекрасна,
Как лазурны небеса.
Льет сиянье месяц ясный,
Спит усталая земля.
Только мы одни с тобою,
Только мы одни не спим,
Над усталою рекою
Ночью лунною сидим...

384. К N.N.

Написано
для Софии Пав<ловны> Теш
по ее просьбе

Я вас узнала в добрый час
И, коль придется нам расстаться,
Воспоминание о вас,
Поверьте, будет оставаться
Одним из самых дорогих
Воспоминаний всех моих.

385

Я жертва жизненной тревоги,
Гонимый бурею челнок.
Мне цели нет, мне нет дороги,
Я просто брошенный листок.
Я счастья светлого не знаю,
Мне нету близких на земле.
Да счастья я и не желаю.
Чего желать от жизни мне?
Я всё изведал, всё увидел,
Но не увидел лишь добра,
И этот мир возненавидел,
Как вековой источник зла.

386

Вчера мне приснился загадочный сон –
Мне снилось, как будто в мечты погружен,
Пред морем житейским я тихо стоял:
Прозрачные волны – волна за волною
Неслись и манили меня за собою,
И тихо мне голос какой-то шептал:
«Не верь, о, безумец, морской тишине –
Коварная буря таится во мгле.
Плыть вдаль не решайся – послушай меня.
Уж много безумцев в неясные дни
С отвагою чёлны свои направляли –
Они все погибли, мне жалко тебя!»
Я с робкой боязнью на море взирал,
И голос мне новый с укором шептал:
«Не слушай, не слушай коварных речей!
Ты должен пуститься в открытое море,
Ты должен изведать опасность и горе,
За правду пожертвовать жизнью своей.
Там, средь океана, есть остров чудесный»...

Москва

387. Весна

Опять весна! Шумливыми струями
Бегут ручьи, синеют небеса
Под яркими горячими лучами.
Уж пробивается зеленая трава.
Всё весело, светло... всё в жизни торжествует,
Всё счастием, всё радостью полно.
Но лишь меня та радость не волнует,
В душе моей всё холодно, темно.
О, солнце вечное! Ужели же лучами
Ты эту тьму не в силах разогнать,
Ужели же один в том празднике природы
Я не могу участия принять?..

Москва
Май 1893

388. К Мод. Сак<ули>ну

Прощай! Прощай! В последний раз,
А там пройдут, быть может, годы
Чем мы увидимся, и нас
Изменят жизни непогоды.
Но что бы ни было, всегда,
В часы веселья иль страданья,
Мы будем помнить, как тогда,
В тот тихий вечер расставанья
В лесу сидели мы одни,
Продлить желая миг разлуки,
И разошлись, сказав «прости»,
Пожав друг другу крепко руки.

31 мая <1893> в Москве.
11 часов вечера, при прощан<ии> около
Петр<овско->Разум<овской> дороги

389. Ночь у моря

Спит старик Океан. Спят кругом берега,
Спит недвижное вечное море.
И не плещет о темные скалы волна,
Не гуляет в безбрежном просторе.
Даже ветер притих, не шевелит листы,
Звезды тихо сияют, мерцая.
И сижу я один, погруженный в мечты,
И таинственной ночи внимаю.
Неземной аромат чуть расцветших цветов
Набегает прозрачной волною.
Всё так чудно кругом – и обнять я готов
Целый мир ненасытной душою!

5 июня 1893
Коктебель

390. В Коктебеле

Тут хорошо. Спокойно, безучастно,
Без бури и тревог тут жизнь моя течет.
Тут воздух вечно чист, тут небо вечно ясно,
И море синее волной не шелохнет.
Тут в красоте своей спокойны вечно горы,
И дали синева прозрачна и ясна,
И всё кругом так чудно нежит взоры,
И жизнь тут так дивно хороша.

Июнь 1893

391. На Карадаге

Я был там, на этой вершине крутой.
Там ветер ревел и свистел надо мной,
И в очи глядело мне море.
Над кряжами гор, лесов и равнин,
На этой вершине стоял я один –
Один в бесконечном просторе.
В долинах глубоких внизу подо мной
Я видел: копо́шится род там людской,
Аулы в ущельях дымятся;
А тут всё так чудно, спокойно вокруг,
И с низа долины ни шорох, ни звук
Сюда уж не может подняться!

Июль 1893
Коктебель

392

В. Румянцеву

От берегов цветущих Крыма,
Где нежится прозрачная волна,
Где солнечным лучом земля всегда палима,
И моря даль так чудно хороша,
Где в небесах стоят спокойны вечно горы,
И небо блещет чудной синевой,
Где всё к себе невольно манит взоры, –
Привет тебе, Румянцев дорогой,
Я ныне шлю. Среди красы чудесной,
И в шепоте волны, и в шелесте лесов
Я слышу чудный звук мелодии небесной,
Великой и простой – понятной мне без слов.
Тут всё гармония, краса и совершенство,
Природа вся в один аккорд слилась –
Аккорд великого и вечного блаженства,
И чудной музыкой в душе отозвалась.

Июль 1893
Коктебель

393

Минуты чудные! Минуты вдохновенья!
Как мало вас, но как вы хороши!
Когда исчезнет вдруг, хотя бы на мгновенье,
Тяжелое и страшное сомненье
Всей пошлостью людской измученной души.
Как хорошо! Восторг неизъяснимый
Наполнит душу всю божественным огнем.
Воскреснет дух, приниженный, гонимый,
И с новой силою и с новым торжеством.
И вновь так верится в чудесное призванье
Во имя честности и правды и добра.
Приходят силы вновь. И крепнет upованье,
И хочется сказать: «О, жизнь, ты хороша!»

Феодосия
2 сентяб<ря> 1893

394

Ужасный век! Ужасные явленья!
Вся молодежь в разврат погружена,
А ведь из них должны создаться поколенья
И силы новые для жизни и труда!
Грядущего приподнята завеса,
И там, вдали лишь мрак и пустота.
Так где ж он – век науки и прогресса,
Свободной жизни, честного труда?
И где же те, кто с силой благородной
За правду шел спокойно погибать?
Кто речью пламенной, могучей и свободной
За истину дерзали восставать?
О, где же вы – иссякнувшие силы?
Придите побороть объявший нас разврат!
Ужели ж мы дадим, что те из их могилы
На нас потом с презреньем поглядят?
Пора! Пора! Настало наше время,
Откликнитесь все те, в ком честь еще живет!
Мы силой общею порока сбросим бремя,
И нас с презрением никто не назовет!

20 сент<ября> 1893
Феодосия

395

О.В. Яш<еро>вой

Среди людской тревоги и волненья,
Средь всякой пошлости, средь всякой суеты,
Средь скромной гордости и гордого смиренья
Мы с вами встретились на жизненном пути.
Мы встретились бесцельно и случайно,
По странной прихоти бессмысленной судьбы,
Но вот, как будто бы какой-то силой тайной
Мы вдруг заметили друг друга меж толпы.
И мы сошлись. Мы поняли друг друга,
Почти не говоря, почти без всяких слов.
Я в вас нашел ценителя и друга,
Вы поняли вполне весь смысл моих стихов.
Вы поняли мои желанья и стремленья,
Вы поняли мой высший идеал,
К чему стремился я, чего всегда желал, –
И мне послали слово ободренья.
Я вас благодарю. Поверьте, что всечасно
Я буду помнить гордый ваш завет,
И именем всего, что честно и прекрасно,
Я вас благодарю, мой пламенный поэт!

13 октября <1893>
Феодосия

396. Памяти Тургенева

Тому полстолетья теперь миновало,
Когда над великою русской землей
Впервые свободы заря засияла,
Лучами рассеявши мрак гробовой.
Тогда пробуждалися новые силы,
Впервые свободная речь полилась,
Любовь без завета к несчастной и милой
Отчизне в сердцах молодежи зажглась.
Ты вышел тогда к ним, спокойный и смелый,
Ты нам говорил про наш бедный народ,
Ты звал нас за общее правое дело
И сильной рукою нас двинул вперед.
Ты выучил нас уважать человека
В несчастнейшем нищем и в жалком рабе.
Великий писатель великого века,
Ты тверд был и верен в суровой борьбе.
Ты был величайшим из светлой плеяды
За правду боровшихся русских людей,
И ты привлекал к себе общие взгляды
Глубокою правдой спокойных речей.
Ты вечно был верен прекрасной природе
И высшей, незримой другим красоте.
Ее ты нашел в нашем русском народе,
В крестьянской работе и в душной избе.
Ее ты нашел в бесконечных страданьях,
Средь лжи и разврата, средь темной толпы.
И каждое слово в великих созданьях
Полно этой чудной, святой красоты.

Тому полстолетья теперь миновало,
Когда над великою русской землей
Впервые свободы заря засияла
И слово твое пронеслось над толпой.
Почтим же и мы нашей слабой хвалою
Поэта великого русской земли.
Да помнятся вечно родною землею
Простые и светлые речи твои!

18 октября 1893
Феодосия, в гимназии

397–399. Стихотворения, посвященные О.В.Я<шеро>вой

I

Я долго ждал, но ты не приходила:
Немая ночь сменила шумный день,
Луна сиянием полнеба озарила
И черным саваном кругом ложилась тень.
Пустая улица зияла как могила.
Я долго ждал, но ты не приходила.

Уже толпа по улицам редела,
Над спящим городом ложилась тишина,
Одиннадцать часов раздельно прогудело,
У берега чуть плескалась волна,
Вдали по улице коляска прокатила...
Я долго ждал, но ты не приходила.

И вот, измученный бесплодным ожиданьем,
Я с кислой миною отправился домой
И пал в постель с подавленным рыданьем,
Томимый грустию, и горем, и страданьем,
Измученный и телом и душой.
Не зная, что тебя так сильно рассердило,
Я очень долго ждал, но ты не приходила.

II

Плачу, сидя на бульваре. Слезы льются на дорожку
Проклинаю свою долю
И шепчу всё: «Оля! Оля!
Я влюблен в тебя, как кошка!»

Слезы каплют. Слезы льются. Горе давит, будто ноша.
Слезы землю размывают
И теперь уж надевают
Все прохожие калоши.

Сжалься, Оля, надо мною. Выдь, пройдися по бульвару!
Я мгновенно просияю
Да и так, что, уверяю,
Грязь вся высохнет от жару.

III

На Ваше грустное посланье
Я Вам обязан отвечать.
Увы! Не слово оправданья –
Хочу лишь истину сказать.
Люблю ли я? Давно тревожит
Вопрос мучительный меня.
Ответить ум на то не может,
А сердцу сам не верю я!
Порой мне кажется: люблю я;
Трепещет сердце, как в огне.
Все мысли к вам тогда стремлю я
И я люблю тогда вполне.
Но миг пройдет – опять сомненья,
Опять не знаю, что сказать.
Люблю иль нет? И в горестном смущеньи
Я не могу решенья угадать!
Судите ж сами! Что могу я
В ответ на всё теперь сказать?
Скажу «люблю» – вас обману я,
Скажу, что нет – боюся вам солгать!

Феодосия

400

Почему в душе моей
Столько горя, столько муки?
И в бессильи пали руки,
Слезы льются из очей.
Отчего в душе моей
Столько горя накипело?
Всё противно, надоело,
И всё хочется скорей
Мне на волю, где в просторе
Горы видны в высоте,
В величавой красоте
Днем и ночью плещет море!
Где под солнечным лучом
Всё трепещет и сияет
И всю душу прожигает
Мне божественным огнем.
Тут так душно, как в неволе,
Мутно небо, дождь и грязь.
Небо хмурится, сердясь,
Сердце просится на волю,
В душном городе томясь!

28 ноября 1893
Феодосия

401

Мне душно здесь, средь этой лжи и прозы,
Средь этих пошлых фраз, напыщенных речей,
Мне гадко здесь! Подавленные слёзы
Невольно катятся с измученных очей.
Я должен, как и все, и лгать и притворяться,
Быть искренним всегда приличье не велит,
Кто хочет в обществе блистать или вращаться,
Пусть общему себя закону подчинит!
Я не могу. Мне чужды их стремленья,
Мне горько здесь, мне душно здесь средь них,
Я воздуха хочу, хочу уединенья,
Чтоб быть с одним собой, чтоб быть средь дум своих.
Чтоб быть одним в сообществе природы,
И знать, любуяся ее спокойной красотой,
Что я один, что полон я свободы
И что никто не властен надо мной.

7 декабря 1893

402. Зима

Печальные зимы бывают на юге –
Порывистый ветер ревет и шумит;
Но нет в нем рыдания северной вьюги,
И дикая песня родным не звучит.
И нету, не видно тут снега родного,
С утра только дождик, по улицам грязь.
И как-то тоскливо без снега, ей-Богу!
И мутные волны так плещут сурово,
Угрюмые тучи нависли, сердясь.
А то ли наш север! Теперь там белеют
Ковром белоснежным луга и поля.
Пушинки на солнце сверкают, белеют
И падают, ярким алмазом блестя.
Там лес, как дворец заколдованный, дремлет,
Сверкая и искрясь на солнце в мороз,
И чуткое ухо скрипу полозьев внемлет,
Как едет вдали проезжающий воз.
А воздух! Как чист, как светел и ясен,
Какое сиянье разлито кругом!
Родимый мой север! О, как ты прекрасен
Морозным и светлым сверкающим днем!

7 декабря 1893

403. В наш век

В наш век обмана и разврата,
В наш век практических афер,
Когда всё то, что было свято,
Толпой осмеяно теперь;
Когда ужасный яд сомненья
Нас окружил и затопил,
И благородные стремленья
Народной силы задушил,
Когда так низок и ничтожен
Толпы и века идеал,
Поступок всякий подло ложен,
Всех эгоизм обуял.
Нам в век такой не нужно песен,
Довольства, счастья и любви,
Наш круг теперь уж слишком тесен,
Мы чересчур уж стеснены.
Не нужно их. Нам нужно слово,
Чтобы звучало, как металл,
И чтобы звук его сурово
По сердцу с болью ударял!
Нам речь нужна и речь живая,
Чтоб наши силы разбудить,
Чтоб мы познали, понимая,
Что так нельзя, так подло жить!

20 декабря 1893
Феодосия

404. На рубеже

Я весел и молод. Вся жизнь впереди.
Мне горе не пало на долю.
Сокрытые силы трепещут в груди
И рвутся скорее на волю.
Что будет, то будет! Спускаю челнок
Я смело в житейское море.
Я знаю, что труден мой путь и далек,
Что встречу я злобу и горе,
Что может челнок мой погибнуть в борьбе,
Не выдержав схватки неравной,
Но смело пойду я навстречу судьбе
Дорогой прямою и славной.
О, Боже великий! Молю за себя:
Коль беды стеснятся отвсюду,
Дай бодрость мне снова! И, веря в Тебя,
Я цели своей не забуду.
Я буду всю жизнь сражаться тогда
За правду, любовь и свободу,
За верность отчизне, за честность труда,
За счастье родного народа!

4 января 1894

405

Случаются в жизни мгновенья:
В душе воскресают моей
Из жизни прожитой виденья
Прекрасней, светлей и ясней.
И полный тоскою, робея,
И вновь понимая тогда,
Что прежде был лучше, честнее,
Почти ненавижу себя.

406

В.А. В<олл>к-Л<ане>вской

Вам в день вашего рожденья –
День счастливейший ваш, знаю,
Приношу я поздравленья
И всех лучших благ желаю.
Пусть звездою незакатною,
Ярким светочем сияя,
Светит сила благодатная,
Никогда не угасая.
Средь житейского волненья,
Среди трудностей дороги
Пусть ее благословение
Оградит вас от тревоги.
Пусть средь горя и несчастия
Даст она вам силы снова,
Ободрит слезой участия,
Укрепит могучим словом.
Пусть и в счастьи и в волнении
Вы останетесь такою,
Как и в этот день рождения:
Доброй, милой и простою.

15 января 1894
Феодосия

407–410. Мысль и форма

I

Когда в уме твоем родится мысль внезапно,
Не торопись ее скорее выражать.
Дай ей в душе твоей созреть и укрепиться,
Лелей и береги, как любящая мать.
Когда же ты ее почувствуешь родною,
Когда она с тобой составится в одно,
Ты можешь дать в словах ей выраженье
И мысль бесплотную облечь во естество.
И слово каждое ты прежде взвесь, обдумай,
Почувствуй музыку и тайный смысл стихов.
И только лишь тогда твое произведенье
Восстанет в красоте и стройной и простой,
И стих твой прозвучит, как звонкий голос меди,
Пленяя всех могучей красотой.

20 января 1894

II

Мысль и форма должны находиться в гармонии полной,
Другую она дополняет и делает лучше и выше.
Мысль – это то же, что дух в человеческом теле.
Форма же – тело само, оживленное духом бессмертнь м,
Без тела душа недоступна понятью людскому.
Так же и мысль есть лишь достоянье немногих.
Тело ж одно без души остается бесчувственным трупом –
Так же и форма ничто без дыханья божественной мысли.
Вместе же соединяясь, они велики и понятны.

III

Людскому уму недоступны виденья из мира иного,
Все понимают лишь то, что могут увидеть глазами
Иль объяснить всем известным законом природы.
А дух гениальный, в сознаньи невидимой силы,
Сбросивши прочь человеческой мысли оковы,
В бездне хаоса находит великие мысли и чувства,
Которых понять невозможно толпе полудикой.

IV

Форма должна быть достойна в ней сказанной мысли.
Может только художник представить нам мысль тако<во>ю.
Чтобы доступное гению сделалось тоже доступно
Темной толпе, не унизив значение мысли великой.

21 января 1894
Феодосия

411

Не знаю, право, где я видел
Этот печальный взгляд очей –
Глубокий, вдумчивый, прекрасный,
Как даль безбрежная морей.
Не знаю, право, где я видел
Эту улыбку на устах –
Как будто бледный луч заката
На солнцем выжженных горах.
Лица ее совсем не помню,
А всё улыбка, грустный взгляд
Меня повсюду провожают,
За мной внимательно следят.
И кто она – не знаю тоже,
Но если только встречусь с ней,
Я средь толпы ее узнаю
По взгляду вдумчивых очей.

30 января 1894
Феодосия

412. Фантазия

Утомленный жизненной борьбою,
Потерявший веру в идеал,
Без любви, без счастья, без надежды,
Ничего я в жизни не искал.
Жизнь катилася, пуста, однообразна,
Сер и вял вставал пройденный мною путь,
На душе и в сердце было пусто
И хотелось только лечь и отдохнуть.
И печальный, грустный, тихо я влачился,
Без борьбы смиряясь пред своей судьбой,
Но как Божий вестник, ты ко мне явилась,
Встала укоризной ты передо мной.
И в груди разбитой вновь воскресли силы,
Вспомнились надежды, первая любовь,
Верой в идеалы, верой новой светлой
Взволновалась вспыхнувшая кровь.
И я вновь пошел дорогою своею,
Полный новой силы, с гордой головой,
С новою надеждой, с новою любовью,
Не склоняясь больше робко пред судьбой.

30 января 1894
Феодосия

413

Далеко за полночь длился спор горячий,
И лились потоки пламенных речей;
Верой и восторгом, светлым упованьем
Озарялись лица споривших гостей.
Спорили так страстно, с верой беззаветной,
С верой в идеалы, в правду и любовь,
Смело и свободно, с силой убежденья
Их слова лилися, возбуждая кровь.
Утомленный спором, жаркими речами,
С воспаленной жаром головой,
На балкон из комнаты я вышел;
Чудною прохладой, влажной и немой,
На меня пахнула тихо ночь, лаская.
Зашелестел ветвями темный старый сад,
Весь облитый светлым месяца сияньем.
И повеял фиалки тонкий аромат.
Ветерком тихонько мне в лицо пахнуло,
Всюду нега ночи, всюду тишина...

<Февраль 1894>

414–415. К К. П<онса>р

I

Средь толпы предо мной
Промелькнула она,
Как осенней порой
Луч блестящего дня.
Я успел разглядеть
Только облик лица,
Но хотел бы смотреть
Без конца, без конца!
И хотел бы прижать
Ее страстно к груди,
Целовать, целовать
В беззаветной любви.
Ей хотел бы сказать,
Пока стало бы сил,
И любить и любить,
Как никто не любил!

4 апреля <1894>
Феодосия

II

Средь широкого залива
В тихом трепете волны
Чудно блещут переливы,
Блещут отблески луны.
И мерещится невольно
Всё любовь, любовь везде,
И так сладко и так больно
В этой чудной тишине.

Спит земля кругом и море,
Спят долины, горы спят.
Только там, вдали в просторе
Что-то волны говорят.
И чрез горы и долины
Так и хочется всё мне
Крикнуть имя Клементины
В этой мертвой тишине.

8 апреля <1894>
Феодосия

416

Бело небо. Бело море.
Очертанья сизых гор
Тонут медленно в просторе,
И напрасно ищет взор
Между небом и водою
Чуть заметную черту;
Надо мной и подо мною
Всё слилося лишь в одну,
Без границ и очертанья
Массу белую воды,
А кругом царит молчанье
Непробудной тишины.

16 апреля 1894
Коктебель

417. Света! Света!

«Licht! Licht! Mehr Licht!»
Goethe

Беззащитный, безответный,
О народ несчастный мой!
Неприглядный, безотрадный
Мрак нависнул над тобой!
Света! Света! Больше света!
Где найти в тумане свет?
Нужно знанья – знанья нету;
Нужно силы – силы нет!
Нужно выбраться скорее
Из сгущающейся тьмы.
Всё страшнее, всё темнее
Этот сумрак. Гибнем мы!
Кто найдется, отзовется,
Кто нам силы в грудь вольет,
Кто укажет свет и скажет:
«Вот он виден». Русь, вперед!
Света! Света! Больше света!
Братья! Двинемся вперед.
Наше слово в жизни снова
Свет и знанье принесет!

5 мая 1894
Феодосия

418. На рубеже

Братством, истиной, свободою
Называются они!

Некрасов

Смелый, бодрый в жизнь вступаю.
Жизнь – вся передо мной.
Что я сделаю, не знаю,
Но на подвиг рвусь душой.
Я ведь молод. Силы жизни
Всё волнуются в груди,
На служение отчизне
Мчатся помыслы мои.
На служенье идеала,
На служенье красоты.
Всё, о чем душа мечтала,
Рвутся пылкие мечты.
Может, в будущем, с летами
И остынет этот жар,
И покажутся мечтами
Эти мысли. Стану стар,
Ослабеют жизни силы,
Ослабеет пыл в груди,
Но останутся мне милы
Эти пылкие мечты.
Будь, что будет! С Богом, смело!
Что о будущем гадать!
То, что старость не сумела,
Может юность рассказать.
Пока в сердце есть стремленья,
Пока силы есть в груди,
До последнего мгновенья
Я все помыслы мои

Устремлю на жизнь народа,
На печаль земли родной!
Братство, истина, свобода –
Вот девиз священный мой!

12 мая 1894
Феодосия

419. Святая роза

Он страдал на кресте. По щекам, по челу
    Кровь катилась горячей струей,
И из крови Христа у подножья креста
    Родилася, блестя красотой,
Роза высшей любви. В жизни нет таких роз,
    Чтоб сравнялися с ней красотой!
Кто пролил много слез, много зла перенес,
    Тот найдет в ней желанный покой.
Она учит любить, она учит страдать,
    Всепрощенье дарует врагам,
Учит жить для других и любить, как самих,
    Наших ближних. Отдать беднякам
Всё, что есть лишь у нас. В мире нету нигде
    Другой розы, прекрасней, светлей,
Что из крови Христа у подножья креста
    Родилась для спасенья людей.

13 мая 1894
Феодосия

420. Слово

Сила могучая – слово свободное
В дар человеку дано.
Чувство прекрасное, мысль благородную
Выразить может оно.
Слава тому, кто свой дар обличения
Даром в земле не зарыл;
Словом своим воспитал поколения,
Думать толпу научил.
Кто же потворствовал злым начинаниям,
Общим порокам служил,
Тот не исполнил святого призвания,
Долг малодушно забыл.
Будем же действовать словом карающим,
Не подчиняясь законам толпы,
Руку протянем во тьме погибающим,
Выведем словом из тьмы!

14 мая 1894
Феодосия

421

Не встречалось мне в жизни страданья,
Но хотел бы я лучше страдать,
Чем спокойно, без мук и желанья,
В тине пошлых страстей погибать.
В этой жизни не видно спасенья,
Яд снедает так медленно нас,
Что мы сами свои опасенья
Подавляем в себе всякий раз.
Мы почти и не видим живого,
У нас нету совсем своего.
Ни поступка, ни нового слова –
У нас нет ничего, ничего!
Нет! Уж лучше страдать и бороться,
Хоть погибнуть – но в честной борьбе,
В ней вся жизнь трепещет и бьется,
В ней исход нашей вечной судьбе.

14 мая 1894
Феодосия

422

Был мрак кругом. В надвинувшейся тьме
Мы шли и шли, куда? – не сознавали.
Но силы бодрые копились в тишине
И первого толчка для выхода лишь ждали.
И он был дан, свободен стал народ,
И с треском рухнуло покинутое зданье.
С какою силою мы двинулись вперед!
С какою верою, с какою жаждой знанья!
Как сразу вспрянуло всё общество кругом,
И всё слилось в одном только стремленьи,
И с светлой радостью, и с гордым торжеством
Мы славили тогда свое освобожденье.
И сколько личностей, и сколько свежих сил
Нам дал народ, стряхнувший это бремя!
Он нам тогда сторицей возвратил
Годов сороковых посеянное семя.
Да, то была пора – пора веселых дел,
Общественных вопросов, пробужденья.
Но наш порыв всё медленно слабел,
И впало общество опять в оцепененье.
А что ж теперь? Что ж в будущем нас ждет?
Где нам искать желанного ответа?
Кругом туман, кругом нас тьма гнетет,
И нет нигде ни проблеска, ни света.

14 июня <1894>

423. Рассвет

Я был на вершине. Далеко
Внизу подо мной расстилались равнины и горы.
Светало. Восток уж алел, пламенея,
И клочья тумана, лежавшего ночью над морем,
Как белые птицы в лазури небес поднимались.
И таяли там постепенно.
В горячих лучах восходящего чудного солнца
Синий дымок и здесь и там поднимался
Торжественно, тихо,
Как дым алтаря к престолу великого Бога.
А солнце – прекрасное солнце
Спокойно из вод выплывало,
Румяня своим бледно-розовым светом
Обрывы бесплодные гор.
И мир весь приветствовал нового дня пробужденье.
И птицы свистели так радостно, весело в чаще,
Леса тихим шумом листов
Привет свой ему посылали,
И ветер, ласкаясь, шаля, в лицо мне, подкравшися, дунул,
И море сверкало брильянтовым пышным покровом.
И сами угрюмые горы смотрели кругом, улыбаясь,
Приветствуя светлого дня пробужденье.
И мир весь так чудно прекрасен и светел казался,
Так чисто невинен,
Как будто бы зло еще в жизнь людей не проникло,
И не было рабства, войны,
И богатых и бедных,
И не было горя, нужды беспросветной,
Как будто всё было наполнено радостью светлой

И чистой любовью, и вечным святым поклоненьем
Великой природе, в том храме прекрасном,
Который зовем мы вселенной.

19 июня 1894
Коктебель

424. Муза

Редко муза моя
Наземь сходит ко мне,
Да и то лишь всегда
При ночной тишине.
Некрасива она,
Но полны все черты
Лишь духовной, святой
Неземной красоты.
Полон скорбной любви
Взгляд прекрасных очей,
Страшной правдой звучит
Звук спокойных речей.
Будит совесть от сна
И на подвиг зовет:
«Что ты сделать успел?
Что же впредь тебя ждет?» –
Говорит она мне
И глядит мне в глаза;
И ласкающий взгляд
Ободряет меня.
«Что ты сделать успел?
Ты не знаешь ведь свет,
Ты не знаешь печаль,
Ты не видывал бед.
А наступит пора,
Еще хватит ли сил!
Много ль ты их теперь
У себя накопил?
Ты читал, говорил,
Но ведь не было дел,

Всё слова и слова!
На словах всякий смел.
Мало в жизни иметь
Лишь обширный запас
Из красивых речей
И заученных фраз.
В жизни надобен труд.
У кого же он есть,
Может ближним своим
Много пользы принесть».
Так она говорит,
Ободряет меня,
И звучат горячо
Тогда речи ея.
Я с восторгом ловлю
Каждый звук ее слов
И на подвиг идти
И бороться готов!
Но исчезнет она –
И забуду тотчас,
Кроме громких речей
И заученных фраз.

21 июня 1894

425

Чем думаешь больше, тем больше в уме
Мучительных мыслей рождается,
Что бродишь без света, что бродишь во тьме.
Невольно сомненье является.
И смотришь с надеждой вдаль пред собой,
Появится ль искра спасения?
Но больше сгущается мрак пред тобой,
И больше растут всё сомнения.

27 июня 1894

426. Любовь и дружба

Любовь изменчива, а дружба неизменна,
Любовь изменится, а дружба никогда.
Любовь зажжется вдруг, угасится мгновенно,
Пройдет и прошумит, как вешняя вода.
А дружба нет! Ни горе, ни волненья
Великих уз не в силах разорвать;
Чем <больше> суждено несчастий и сомнений,
Тем больше вырастет взаимное влеченье.

27 июня 1894

427. Перед бурей

Едет всадник вдоль по лесу,
Сердце ноет и болит;
Бор столетний, бор могучий
Грустно, жалобно скрипит.
«Что ты стонешь так уныло?
Ах, скажи мне, что с тобой?»
Отвечает лес могучий:
«Буря будет. Сам большой
Нынче по лесу гуляет,
Вырывает дубы вон».
Едет всадник. Вдоль по лесу
Слышен тихий грустный стон;
Отголоски будит эхо,
Откликаются вдали,
Будто где-то замирает
Звук натянутой струны.
Страшно, грустно. Сердце ноет
И тоскует пред бедой.
Ах! Страшнее буря в сердце
И ужаснее земной.

28 июня 1894
Коктебель

428

Жизнь не тем хороша, что нам в жизни дано
Право вечно любить, наслаждаться;
Есть другая любовь, она выше ее,
От нее может грудь разорваться.
И кто раз для других и себя позабыл,
Кто за них даже жизнь положит,
Только тот лишь вполне эту жизнь возлюбил,
И счастливым назваться он может.

429. Вечер

Вечер. Меркнет. Воздух ясен.
Тишь как ночью. И в просторе
Нет ни шороха, ни звука.
Как стекло, спокойно море.
Цвета нежно-голубого.
Очертанья гор далёко
С бледно-розовым отливом
Вдаль ушли. Светло, глубоко
Небо синее. По краю
Отблеск чистого заката.
Мир весь тих, спокоен, ясен,
Всё вокруг так чисто, свято,
И он кажется невинным,
Как и в первый день творенья,
Когда не было на свете
Зла, ни рабства, ни мученья.

28 июня 1894
Коктебель

430–432. Море

I

Я люблю смотреть на море
Днем, и вечером, и утром,
Как оно лазурью блещет,
Серебром и перламутром.
Как белеет от тумана
И чернеет пред грозою,
Как о берег тихо плещет
Чуть заметною волною;
Как бушует в непогоду,
И, увенчанные пеной,
Волны ринутся на скалы,
Лезут с воем вверх на стены.
Я люблю оттенок каждый,
Каждый новый проблеск силы,
Как мгновенную улыбку
На лице прекрасной милой.

28 июня <1894
Коктебель>

II

Брожу я с думою печальной,
Внимая ропоту волны,
Как отголосок тихой дальней,
Полузабытой старины.

Зовет и манит звук прибоя
Куда-то ввысь, куда-то вдаль,
И всюду тихая печаль
Разлита в мире надо мною.

3 июля 1894

III

Я люблю тебя, чудное море мое,
Не за то, что ты сильно и вечно,
Наша жизнь пред тобою, как капля, ничто,
И как волны твои, быстротечна.
Я люблю твой прибой, твой чарующий шум,
То суровый, то тихий и нежный,
В нем слышны отголоски мучительных дум
И блаженство любви безмятежной.
Я люблю по часам над тобою сидеть,
Слушать тихие песни прибоя,
Чтоб потом самому тоже снова пропеть,
Что бывало пропето тобою.

7 июня <1894>
Коктебель

433

Прозрачною дымкой спустилася ночь голубая.
Чуть движется ветер, деревья тихонько лаская.
Луна золотая облила серебряным светом
И берег и море, и стала над мысом, одетым
Прозрачною дымкою южной чарующей ночи.
И звезды глядели, как тихие грустные очи.
На всём красота, во всем мире богато разлита
Везде и во всём есть она, и ничто для нее не закрыто.
Вот тихо на берег волна, чуть шумя, набежала,
Облитая тихим, насквозь проникающим светом,
Погибла, исчезла – и вот ее больше и нету.

4 июля 1894

434. В степях

Поля! Поля! Всё ширь да гладь.
Так вот она, святая воля!
Как хорошо в степи дышать,
Простор кругом, за полем поле
Идет в синеющую даль.
Привет тебе, о мать-природа!
Привет вам, степи! Прочь печаль!
Здесь ширь, здесь воля, здесь свобода.

27 июля 1894
Синельниково

435–437. Ночи

I

Что за тишь, что за гладь!
Как не хочется спать!
Да и можно ли спать в эту ночь,
Когда шепот волны
И сиянье луны
Гонит сон от очей моих прочь.
Эта ночь для любви:
Наслаждайся, живи
И люби, пока можешь любить;
Ведь и Богом она
Для того создана,
Чтобы всё и себя позабыть.

2 августа 1894
Коктебель

II

Ночь-красавица тихой волшебною чарой
Усыпила умолкнувший свет;
Я пришел к тебе с песней, хоть древней и старой,
Но прекрасней нигде ее нет.
Это песня горячей любви и страданья,
Песня юности светлой моей,
Песня лучших надежд, упованья,
И безоблачных радостных дней.

Эта песня всегда такой ночью поется,
Спокон века, и пелась всегда.
И чье сердце при звуке ее не забьется,
Значит, тот не любил никогда!

2 августа 1894
Коктебель. 11 ч. ночи

III

Сколько прелести, чар и страданья и грёз
В этой ночи роскошной сокрыто;
И в томленьи любви много радостных слез
Из горячего сердца пролито.
Запах роз и горячая песнь соловья,
Страстный шепот морского прибоя,
Неужели же ты, дорогая моя,
Проведешь эту ночь не со мною?
Оглянися кругом: в бледном свете луны,
В соловьиную песню сокрыта,
В аромате цветов, в тихом шуме волны
Тут любовь всюду в мире разлита.
Так ужель в эту ночь не отдаться и нам
Тоже страсти своей беззаветной?
Как царица – любовь открывает свой храм,
Призывая нас песнью приветной.

3 августа. 1894
Коктебель

438. Сонет

Ничего нет вечного на свете,
Всё пройдет, исчезнет без следа -
И цветы, расцветшие по лету <?>,
Унесет холодная зима.
И любовь, и юность, и надежды –
Все пройдут, как вешняя вода,
И сомкнутся сном тяжелым вежды;
Но не верю я, чтоб никогда
И ничто нам дух не возродило,
Как цветы вторично оживило
После сна веселая весна.
И они опять цветут беспечно,
Одеваясь в яркие цвета.
Смерти нет, и жизнь бесконечна!

4 августа 1894
Коктебель

439

Как волны ласкающей прилив
Набежит на скалы вековые,
И они, как будто бы ожив,
Вдруг заблещут новым ярким цветом.
Так любовь пахну́ла мне привет<ом>,
Разогнав печали роковые
И внезапно сердце оживив.

5 августа 1894
Коктебель

440

Следуй первому влеченью,
Сердце – лучший проводник;
Оно то тебе укажет,
Пред чем станет ум в тупик.
Ум всего не понимает,
А для сердца ясно всё;
И что сердце тебе скажет,
То и будет хорошо.

441. Сурп-Хач

Посвящается С.П. Теш,
в память посещения
этого монастыря

Пусть Вам на севере далеком
Напомнят звуки этих слов
О море синем и глубоком,
О вечном ропоте валов,
Стране, лучами так палимой,
Где ввысь ушли вершины гор,
И где манит невольно взор
Великий и неизмеримый
Всеобнимающий простор.

Монастырь святого Креста.

Лес высокий и тенистый,
Всюду горы и пустырь.
Что такое? Стены зданья!
А! Так вот он, монастырь!
Что ж, однако? Где ж монахи?
Вкруг всё тихо. Лишь журча,
В арке белого фонтана
Льется светлая струя...
Над фонтаном плющ обвился,
Надпись стертая видна,
Водоем из камня сделан,
Всюду веет старина.
Стены брошенного зданья,
Башня старая, балкон,
Купол маленький над церквью,
Лес и лес со всех сторон.

Вот и дверь в стене! Идемте!
Полутемный коридор
Нас выводит на тенистый
Небольшой прохладный двор.
Вдоль стены растут деревья,
Пара старых темных плит,
Из-под зелени и моха
Барельеф на них сквозит.
Вправо серые ступени,
Все поросшие травой.
Дверка маленькая с грубой
Деревянною резьбой.
Вход во храм. Во храме тихо,
Полусумрак. Из окон
Две струи блестящих света
В мрак ворвались. Ряд икон
Почерневших, полустертых.
В глубине пред алтарем
Помост каменный высокий,
Книга старая на нем.
Этот храм и это зданье
Доживают пятый век,
Здесь спасался от нашествий
В ту эпоху человек.
Здесь бывали и татары,
Вольной Генуи сыны,
Много б, много рассказали
Тут остатки старины.
Жизнь сюда не проникала
Уж давно. Стоит с тех пор
Он в лесу тут одиноко,
Заключен в объятьях гор.
Все монахи разбежались,
Кельи пусты. Иногда
Заезжают лишь туристы
Да другие господа.

Сбоку зданья над дорогой
Есть балкон. Отсюда вид
На леса, долины, горы
Далеко кругом открыт.
Славно там сидеть под вечер,
Горы вдаль ушли, синей
Всех цветов и всех оттенков
Голубых полутеней.
Хорошо там и просторно,
Так свободно дышит грудь,
Так приятно средь природы
От дороги отдохнуть.

6 августа 1894
Старый Крым

442

Прекрасны бывают старинные сказки.
Недавно в одной я из них прочитал,
Как бедный ребенок без крова и ласки
Сироткой в чужой стороне проживал.
Однажды какая-то добрая фея
Увидела слёзы ребенка того
И, горькую долю малютки жалея,
Чудесный подарок дала для него.
Когда у него наполнялись слезами
От жгучего горя и боли глаза,
То в жемчуг, рожденный морскими волнами,
Внезапно его превращалась слеза.
Но чудный подарок неопытной феи
Не мог никогда ему счастия дать:
Все люди его притесняли сильнее,
Чтоб чудного жемчуга больше набрать.
Есть смысл глубокий в той сказке старинной:
Чудесный ребенок – несчастный поэт,
Которого гонит и мучит безвинно
Холодный, жестокий, расчетливый свет.
Чем больше растоптаны светлые грезы
И льется из сердца разбитого кровь,
То тем вдохновенней звучат его грёзы,
Тем выше становится к людям любовь.

31 августа
Коктебель

443

По полям, по лугам, по долинам немым,
Прокатилася первая трель.
Зашумел темный дуб, отголоском глухим
Отозвалась зеленая ель.
Как в предсмертной тоске застонала сосна,
Задрожали осины кругом,
И березы в саду, пробудяся от сна,
Зашептали в безмолвьи ночном.
И леса и поля – всё наполнилось вдруг
Странной жизнию, речью живой.
Соловьиные трели катились вокруг
Разливаясь в прохладе ночной.
И будили они отголоски вдали,
Откликались, звучали опять,
Ударяясь о берег широкой реки
И о тихую водную гладь.
И чуть слышно их звук замирал вдалеке
В этой чуткой прохладе ночной,
И катились опять всё сильнее они,
Будто в море волна за волной.

17 сентября 1894
Феодосия

444. Над могилой В.К.Виноградова

Да, он умер... Полны изумленья
Мы стоим пред могилой немой,
Будто здесь отдохнул от мученья
Кто-то близкий, любимый, родной.

Да, он умер... Ужасное слово!
Оно страшно и дико звучит!
Не найдем никого мы другого,
Кто его нам теперь заменит.

О болезни его мы слыхали,
Знали все, как он страшно страдал,
Но, что будет, мы знать не желали,
И удар неожиданно пал.

Весть о смерти мгновенно промчалась.
Всякий был глубоко поражен.
«Да, он умер!» – кругом раздавалось,
Но казалось, что жив еще он.

Только тут вот, при этой могиле,
Мы познали вполне в первый раз,
Как его глубоко мы любили,
И как много он сделал для нас.

20 сентября 1894
Феодосия

445

Когда Анджело Моисея
Рукой искусною кончал,
И мертвый мрамор под ударом
Резца внезапно оживал,
В каком-то диком исступленьи
Занес он молот свой над ним:
«Живи ж!» И мрамор неподвижный
Зажегся гневом неземным.

29 сентября 1894
Феодосия

446. Песня о нужде

Слава тебе, о нужда беспросветная!
Светоч прогресса ты в небе зажгла.
Вечно звучит тебе песня приветная:
Слава тебе, о нужда!

Только среди беспросветного мрака
Мысль о свете могла возродиться,
Только среди беспросветного мрака
Начали люди ко свету стремиться.
Слава тебе, о нужда!

Только под гнетом тяжелого рабства
Мысль о свободе могла возродиться,
Только под гнетом тяжелого рабства
Начали люди к свободе стремиться.
Слава тебе, о нужда!

Только в эпоху и лжи и разврата
Мысль о правде могла возродиться.
Только в эпоху лжи и разврата
Начали люди ко правде стремиться.
Слава тебе, о нужда!

Только среди притеснений тяжелых
Мысль о братстве могла возродиться,
Только среди притеснений тяжелых
Начали люди ко братству стремиться.
Слава тебе, о нужда!

Слава тебе, о нужда беспросветная:
Светоч прогресса ты в небе зажгла.
Вечно звучит тебе песня приветная:
Слава тебе, о нужда!

30 сентября 1894
Феодосия

447. К портрету Е.В. Д<уран>те

Часто я в раздумьи вижу пред собою
Эти строгие, чудные черты,
Полные любовью высшей, неземною,
Полные духовной, вечной красоты.
Видно в них так много мысли и желанья,
Чистые надежды, чистые мечты,
К горю и несчастью много состраданья,
Много детской веры, детской чистоты.
Только то ль при встрече с ней самой узнаю,
Что сказал так ясно мне ее портрет?
Или этих мыслей я не угадаю
Или этих мыслей в ней и вовсе нет?
Только быть не может, чтоб лицо такое
Было бы духовно слабому дано,
И чтобы под этой чудной скорлупою
Не было бы скрыто чудное зерно!

1 октября 1894
Феодосия

448. В альбом Е.К. П<апахри>сто

Когда среди речей веселых,
В тиши ночей, при блеске дня,
Или под гнетом дум тяжелых
Вы, может, вспомните меня,
Прочтите эти строки снова –
Они напомнят вам тогда
Те годы счастия святого,
Когда цвела кругом весна.
Когда еще мы юны были,
Под обаяньем красоты
Мы жили, верили, любили
И свято верили в мечты.

3 октября 1894
Феодосия

449. В альбом Д.О. Д<уран>те

Любовь – это старое слово,
Для тех, кто еще не любил,
Но как оно чудно и ново
И полно ликующих сил
Для тех, кто познал лишь впервые
Его безграничную власть,
В ком силы кипят молодые
И бьется горячая страсть.

27 октября 1894

450

С бодрым духом, с жаждой боя,
Как на праздник, как на пир,
Полны силой огневою,
Мы вступаем ныне в мир.
И волнуя и пируя,
И лаская и маня,
Жизнь на воле вширь, как поле,
Развернулася, блестя.
Так не будемте унылы,
Что потом, среди забот,
Эта бодрость, эта сила
Вместе с юностью пройдет.

30 октября <1894>

451. Памяти И.А.Крылова

Меж нас, назад тому полвека,
Жил добрый дедушка Крылов,
И нет в России человека
Кто б из его правдивых слов
Не почерпал житейских правил,
Не повторял его речей
Из басен тех, что он оставил
На пользу родины своей.
Он нас учил, как поучает
Старик в семье своих внучат,
И правду жизни облекает
В чудесно-сказочный наряд.
Но то была семья большая,
Вся наша русская земля
Кругом, от края и до края,
Была тогда его семья.
И эти речи проникали
Глубоко в русские сердца,
Мы их с издетства повторяли
И не забыли до конца.
Да ведь и правда! Нет другого,
Кто б был настолько нам родной –
И память дедушки Крылова
Не позабудется толпой.
И вот тебя мы вспоминаем
И через даль былых годов
Тебе, как внуки, посылаем:
«Спасибо, дедушка Крылов!»

9 ноября 1894

452. Жизнь

Я вышел утром. Предо мной
Земля сияла красотой.
Сквозь бледный розовый туман,
Святым восторгом обуян,
Смотрел я вдаль. Манили взор
Вершины белоснежных гор,
Что далеко в лазурь ушли,
Там, на краю самой земли.
И бедной персти слабый сын,
Я от сияющих вершин
Не в силах взор был отвести,
И, полон чудною мечтой,
Решился я туда идти.
И я пошел. Передо мной
Был чудный путь. За садом сад,
Цветов воздушный аромат...
То здесь, то там журчал ручей,
Колонны стройных тополей
Тянулись вдаль за рядом ряд.
Там вился дикий виноград –
Навес их сплетшихся ветвей
Над головой повис моей.
Мне было весело идти.
Встречались люди по пути,
Но чем я дольше шел тропой,
Сильнее становился зной,
Всё меньше зелени, цветов –
И легкий звук моих шагов
Стал тише, тверже, но верней.

Простор лугов, садов, полей
Давно остался уж внизу.
Был полдень. Голову мою
Потоком пламенных лучей
Палило солнце все сильней.
Еще пустынней стал мой путь,
Хотелось лечь и отдохнуть.
Но я всё шел, всё шел вперед:
Кто ищет света – тот найдет, –
Так думал я. А зной пылал;
От раскаленных солнцем скал,
От груд набросанных камней
Он стал еще, еще сильней.
На высоту, где лишь орлы
Чертят широкие круги,
Да вьются молнии, блестя,
Взбираться смело начал я.
С трудом, цепляясь за кусты,
Держась за выступы скалы,
Изломы острые камней
Иль продираясь средь шипов,
Ногой дрожащею своей
Ища опоры меж кустов,
Я выше, выше, выше лез.
И надо мной был свод небес,
Да горы, горы без конца
Ушли далёко в небеса.
Случайно вниз я поглядел
И, пораженный, обомлел.
Вдруг закружилась голова
И я упал. Но как? куда?
Не помню, право. И когда
Глаза с трудом я вновь открыл,
Я был один, лишенный сил,
Разбитый, раненый, больной,
Во прах поверженный борьбой.

Уж вечерело. Солнца луч
Венчал верхи гранитных круч.
Но и последний луч исчез
В лазури дремлющих небес.
И вот, во мраке одинок,
Как ветром сорванный листок,
Я думал с страстною тоской
О тех, сиявших красотой
Вершинах, чудных и немых, –
Стремленьях дум и грёз моих.
Но я не видел больше их!
Давно вершины облекла
Немой и мертвой ночи мгла.
Припав горячей головой
К холодным, смоченным росой,
Гранитным плитам, я рыдал.
И вторил мне лишь ветра вой
В глухом ущельи между скал,
Да отдаленный моря гул.
И, утомленный, я заснул...

24 ноября 1894
Феодосия

453. Пророк

Ему должно расти, а мне умаляться.
Иоанн. III, 30

I

Толпами идут к Иордану евреи –
Явился великий пророк в Иудее.
Как Божия буря, свободно, сурово,
Гремит по долинам могучее слово:
«Я глас вопиющего в дикой пустыне:
Пути приготовьте для Господа ныне!
О вы, порожденье ехидны и змея!
Еще ведь не поздно! Покайтесь скорее!
Секира лежит уж при корне у древа.
Покайтесь! Страшитесь Господнего гнева!
Зане он засохшее древо подкосит
И в пламя обрубки негодные бросит.
Господь вас отвергнет, сыны Авраама,
Рассыпет по миру, сожжет ваши храмы,
И лучше воздвигнет для высшей награды
Из этого камня достойные чада.
Покайтесь! Покайтесь! Креститесь водою!
Иной и сильнейший грядет к вам за мною,
Чьей обуви даже, с молитвой немою,
Не смею коснуться греховной рукою.
Чрез пламя и духа Он даст вам крещенье,
И смертью своею свершит искупленье!»

II

Закованный в цепи, пророк вдохновенный
Сидит в заключеньи, немой и согбенный.
Не льется, как прежде, потоком сурово
Чрез горы и долы могучее слово.
Жестокой неволи мертвящая сила
Пророка свободную волю сломила,
И пали на камень холодный в бессильи
В размахе могучем орлиные крылья.
И мгла беспросветная горестной ночи
Смежила орлиные зоркие очи.
Но вот до темницы, где узник томился
Молва долетела: в стране появился
Учитель великий, чьей силой слепые
Прозрели и видят, и ходят хромые,
Пред кем мертвецы из могил воскресают,
И буря и волны пред ним утихают.
Он учит законам любви и смиренья
И людям грехов обещает прощенье.
И радостью узника взор засветился:
«Народ маловерный! Мой путь совершился.
Уж тот, о котором учил я в пустыне,
Меж нами во славе является ныне!
Мои же умолкли суровые речи
И грозное слово пророка Предтечи
Потонет без вести, как искры мерцанье
В великом и вечном блестящем сияньи.
Мой подвиг окончен. Мой долг – умалиться.
Так всё по писанью должно совершиться!»

6 декабря 1894
Феодосия

454

Черные тучи грядою
Весь небосклон облегли,
Горы синеют и тонут
В мутной туманной дали.
Всё так томительно серо,
Тяжесть лежит на груди.
Мгла и туман предо мною,
Мгла и туман позади.

21 декабря 1894

455

Быстро промчались весенние грозы –
Лучшие песни счастливой весны.
Листья опали с поблекнувшей розы,
Скрыты под ними все лучшие грёзы –
        Сердца святые мечты.

Годы проходят, проносятся годы,
Круче становится жизненный путь.
Грозно растут роковые невзгоды
И в ожиданьи ночной непогоды
        С болью сжимается грудь.

<Декабрь 1894
Феодосия>

456

Тяжелые думы, горячие слёзы!
Опять вы со мною – я радуюсь вам.
Во мне оживили вы прежние грёзы
И властно зовете к забытым трудам.
Как это ни странно – я радуюсь горю.
Когда моя жизнь спокойно течет,
То мысль засыпает – и тихо по морю,
Житейскому морю челнок мой плывет.
И я засыпаю, довольный собою,
Счастливый безоблачным счастьем своим,
Счастливый, как счастлив ребенок порою,
Играющий в жмурки с ребенком другим.
Когда ж соберутся свинцовые тучи
И ветер завоет, и вал заревет,
Тогда в ожиданьи беды неминучей
И мысль встрепенется и дух оживет.
Сокрытые силы стремятся на волю
И мыслию хочешь всю жизнь обнять,
Клянешь с отвращеньем счастливую долю
И хочешь работать и хочешь страдать.
Но миг пронесется, пройдет возбужденье –
И снова я счастлив, не знаю чему,
Без мыслей, без дела, без дум, без волненья
По тихому морю спокойно плыву.

20 февраля 1895
Феодосия

457. Народные песни

Песня могучая, песня народная!
В чем твоя сила великая?
Сила поэзии, сила свободная,
Мощь необузданно-дикая?
Где ты находишь огонь вдохновения?
В битве ли с Божьими грозами?
В жизненной ль школе труда и терпения,
Вечно стоящих угрозами?
Или сама эта сила могучая
Входит в сердца неизвестных избранников
И выливается громом созвучия
И утешеньем несчастных изгнанников,
Нищих, скорбящих, терпящих несчастия?
Что эта сила, стихийно свободная?
Ум пред тобой сознается в бессилии,
Песня могучая, песня народная!

26 февраля 1895
Феодосия

458

Душно здесь в неволе!
Душно и тоскливо.
Эта жажда воли,
Смутные порывы...

Разве это жизнь?
Разве это счастье?
О, когда ж настанет
Буря и ненастье!
Горе легче скуки,
Тишь страшнее бури.
Лучше скорбь и муки,
Небо без лазури,
Чем тоска, томленье,
Скука и порывы...
Душно в заключеньи,
Душно и тоскливо!

19 марта 1895
Феодосия

459

Я вышел недавно за город гулять,
Измученный стуком и шумом.
Мне воздухом чистым хотелось дышать,
Отдаться волнующим думам.
Порывистый ветер свистел мне в лицо,
На камни волна набегала
И, белую пену подняв высоко,
Потоками брызг обдавала.
И страшно хотелось бежать мне вперед,
Вперед без оглядки, быстрее,
Туда, где тот парус, белея, плывет,
Где даль голубая синее.
И я ускорял торопливо шаги,
Как будто бы что-то случилось –
И не было прежней томящей тоски,
И сердце усиленно билось.
И стало мне так хорошо и светло,
Так чудно казалось всё в мире,
И это во мне всё росло и росло
И делалось шире и шире.
Когда ж, утомленный, на камни я сел,
Уж вечер царил над землею.
Внизу в отдалении город белел,
Окутанный синею мглою.
Я долго смотрел, как сгущалася мгла,
Как стали огни зажигаться...
И так не хотелось в тот вечер тогда
Мне в город домой возвращаться!

19 марта 1895
Феодосия

460

Сердце мое растворяется,
Чаще слетают мечты –
Это весна приближается
В блеске своей красоты.
Это весна приближается,
Мрак ароматных ночей.
В грёзы душа погружается,
Чувства играют сильней.
Страстные думы, томление
Сразу нахлынули вновь:
Это земли воскресение,
Это души пробуждение –
Это весна и любовь!

3 апреля 1895
Коктебель

461

Посвящается А.М. П<етров>ой

Я вечером долго над морем сидел,
Глядел, как в синеющей дали
Темнеющий отблеск заката алел,
А волны мне сказку шептали.
И грустную сказку: о прежних годах,
О прежнем, потерянном счастьи,
О прежних, погибших навеки мечтах,
О сердце, сгоревшем от страсти...

11 апреля 1895
Феодосия

462

Подними свой взор печальный,
Тихий взор твоих очей,
Полный темным мягким светом,
Полный блеском без лучей.
Как глубоки эти очи –
Я б хотел в них заглянуть
И навеки в этом свете,
В мягком блеске утонуть.

24 апреля 1895
Феодосия

463

Посвящается Ал. Мих. Петровой

Буря грустно завывала,
Я сидел один, больной.
И сгущался мрак тяжелый
Над моею головой.
Ум устал давно работать,
Холодела в сердце кровь,
И с тоскою вспоминалась
Невозвратная любовь.
Но средь бури и ненастья
Вдруг нагрянула весна,
Разогнала тучу с неба,
И шепнула мне она:
«Я пришла! Чего ты плачешь?
Я несу с собою вновь
И томление и счастье,
И надежды и любовь».
Отвечал во сне я грустно:
«Ах! оставь. Ведь никогда
Никого не полюблю я
Как любил ее тогда!»
А весна в ответ на это
В окна комнаты моей
Вдруг пахнула ароматом
Зеленеющих степей,
Обдала дыханьем ночи,
Мягким запахом цветов –
Южной ночи, лунным блеском,
Звучным пеньем соловьев.

И навстречу этим звукам
Задышала грудь сильней,
Лед растаял, и забилось
Сердце громче и полней.
И душа затрепетала
Жаждой жизни и любви,
О которой так мне пели
В звучных песнях соловьи.

16 мая 1895
Феодосия

464

В.А. В<олл>к-Л<аневск>ой
(на фотографической карточке)

Спустя, быть может, много лет,
Раскрывши свой альбом случайно,
Вы этот встретите портрет
И, может быть, вздохнете тайно.
Не обо мне, конечно. Нет.
Об этом я мечтать не смею.
Но о надеждах прежних лет,
О тех мечтах, которых свет
Разгонит прозою своею.

30 мая 1895
Феодосия

465

Я у моря ль сижу с вечной скорбью своей,
Неотвязною думою полный,
И всё кажется мне, будто шепчут о ней
Эти вечно шумящие волны.
Я по нивам иду, где пестреют цветы,
Где фиалки в тени расцветают.
Ароматом своим они только мечты
Всё о ней, всё о ней навевают.
Даже здесь, в тишине наших южных ночей
Звезды, тихо мерцая лучами,
Каждый час, каждый миг говорят мне о ней –
И сжимается сердце слезами.

20 июня 1895
Коктебель

466

Море да небо,
Небо да море.
Вольные тучи
Летят на просторе.
Пенятся волны,
Да ветер бушует.
Дышится вольно
И сердце ликует!

28 июня 1895
Коктебель

467. «Quasi una fantasia»

Посвящается В.А. Воллк-Ланевской

Мне часто грезится огромный светлый зал.
Все ложи, лестницы – всё залито толпою.
Толпа гудит, как в море бурный вал,
Как старый, крепкий лес, застигнутый грозою.
Но вот смолкает всё. Средь мертвой тишины
Я смело выхожу на самый край эстрады.
Я вижу массу лиц. Ко мне обращены
Теперь со всех сторон бесчисленные взгляды.
Сперва я поражен, и голос мой дрожит.
Но, быстро поборов невольное смущенье,
Я делаюсь смелей. Толпы знакомый вид
В душе моей зажег святое вдохновенье.
Вольнее льется речь и крепнет голос мой,
Как ветра пред грозой суровые порывы,
Я чувствую в себе безудержный прибой –
Свободных, гордых сил могучие приливы.
Вся зала замерла. Как грозный водопад
Смиряет человек десницею суровой,
Так я теперь – толпу... Одно лишь слово, взгляд...
И он мне покорён, тот зверь многоголовый.
Его, послушного движенью моему,
Могу заставить я страдать и веселиться,
Все страсти в ней воззвать, когда лишь захочу,
Любить и проклинать, и плакать и молиться.
Теперь... теперь... я бог! Как новый Прометей,
Могучий силою святого вдохновенья,
Я высек вновь огонь из сердца у людей,
Я новый мир создал в душе их на мгновенье.

Теперь вся жизнь толпы, всей тысячной толпы
Слилась в душе моей в один аккорд могучий –
Аккорд, составленный из вечной красоты
И наших душ таинственных созвучий.
Да! Я могуч! Хотя толпою так владеть
Придется мне теперь почти одно мгновенье –
Его довольно мне. А там хоть умереть,
Сверкнув как молнии свободной отраженье!
Вот кончил я уже... Всё замерло, молчит.
Но это тишина пред близкою грозою.
Чу! вот он! Первый вихрь безудержно летит –
И всё смешалось в хаос предо мною.
Я слышу рёв толпы. Стихийный дикий стон
Восторга бурного и гром рукоплесканий.
Но силы больше нет. Я слаб и изнурен.
Я падаю без сил средь шумных ликований.

2 июля 1895
Коктебель

468

Ал. П<ешковско>му

Есть люди на свете: их нервы как струны –
Едва прикоснешься – рождается звук.
И каждый поступок, неловкое слово
Для них уже служит источником мук.
Их сердце так чутко. Их ласка готова
Всегда отозваться на первое слово.
Их жизнь есть ряд бесконечных мучений,
Безумных мечтаний, бессонных ночей.
Им нету покоя от разных вопросов,
И каждое горе их давит сильней.
На каждом шагу обливаяся кровью,
Их сердце полно бесконечной любовью.
И всякий, кто ждет себе утешенья,
Идет к ним с рассказом о муках своих,
И горе чужое бередит их раны,
Но тот уж спокойный уходит от них.
И долго их сердце страдает и бьется,
Пока, переполнясь от мук, разорвется.

13 июля 1895
Коктебель

469. Думы

Я их не звал. Они ко мне
Пришли и стали молчаливо.
Так часто ночью, в тишине,
Родится странный звук пугливо,
Трепещет долго в тьме ночной,
Дрожит, чуть слышно, замирая,
И сердце странною тоской
Невольно сжаться заставляя.
Они пришли ко мне толпой
И молча мне глядели в очи,
Склоняясь молча надо мной
В немом безмолвьи темной ночи.
И этой ночи тишина
Полна присутствия немого,
Казалась так грозна, страшна,
Так беспредельна, так сурова...

3 ноября 1895
Феодосия

470

Чу! Я слышу жизни трепет!
Приближается весна,
Всюду горы и долины
Пробуждаются от сна.
Скоро с гор и по долинам
Хлынут звонкие ручьи,
И цветы заблещут в поле
И засвищут соловьи.
Вместе с вешними ручьями
Из груди больной моей
Хлынут волны чудных песен,
Неба южного светлей.
И польются эти песни
Как весенние ручьи,
В них цветов заблещут краски
И засвищут соловьи.

25 февраля 1896
Феодосия

471

Что-то в душе шевельнулось –
Там, далеко в глубине.
Сердце ли снова проснулось,
Вспомня о близкой весне?

28 февраля 1896
Феодосия

472

Это солнце! Это море!
Всё ликует и цветет.
Что-то манит и ласкает,
Что-то вдаль меня зовет.
Что-то хочется мне сделать,
Что-то хочется сказать,
Как-то хочется смеяться,
Как-то хочется рыдать.
Знать, весна своим дыханьем
Отуманила меня, –
Светом солнца, пеньем птицы,
Шумом звонкого ручья.

473

Забытые, старые сказки,
Преданья седой старины,
Как теплые детские ласки,
Как тихие летние сны,
Как милые светлые глазки,
Как лепет прибрежной волны,
Чаруют, тревожат, ласкают,
Манят в беспредельную даль,
Неясные сны навевают
И снова в душе пробуждают
По годам прошедшим печаль.

3 апреля 1896
Феодосия

474

Прозрачна тихая волна,
Как будто замерла она.
 В просторе тонет взор.
Печали нет, и жизнь легка,
Душа вольна и широка,
 Как тот морской простор.

21 апреля 1896
Феодосия

475

Е.А. В<олл>к-Л<аневск>ой

Если в жизни вам взгрустнется,
Если вспомнится былое,
Если сердце вдруг сожмется
Непонятною тоскою –
Не гоните эти грёзы,
О былом воспоминанья –
Это жемчуг, а не слёзы.
Эти грустные мечтанья
Говорят о том, что было,
Что навеки миновалось,
И о том, что много силы
Для грядущего осталось.
Эти слезы очищенья
Смоют грязь, что заставляла
Падать вас в изнеможеньи,
И зажгут в душе стремленье
На борьбу за идеалы.

4 мая 1895
Феодосия

476

В.Н<и>ч

Она как птичка весела –
Всегда хохочет и смеется;
Всегда приветлива, мила,
Всегда в ней сердце чутко бьется.
Хотя бывает иногда,
Что смех кончается слезами...
Так среди солнечного дня
Потоки летнего дождя
Вдруг хлынут шумными струями.
Но миг – и ветер дождь унёс,
И мир глядит еще яснее.
И звонкий хохот после слёз
Звучит как будто веселее.

18 июля 1896
Коктебель

477. Кошмар

Мне снился старинный заброшенный дом,
Огромная зала пустая...
И окна без стекол зияли кругом,
Недобрые мысли внушая.
Уж ночь опускалась, и в зале пустой
Неясные тени ложились
На стены, на двери с дубовой резьбой
И тихо в углах шевелились.
А сам я летал, как летучая мышь,
Беззвучно крылом рассекая
Недвижимый воздух – и мертвая тишь
Меня подавляла, пугая.
Зигзагами, в страхе я мчался вперед
Скорее, скорее, скорее...
Чем бешеней был мой беззвучный полет,
Тем тени сгущались сильнее.
И ужас безумный сжимал мою грудь,
Давил мое сердце клещами...
Я силился вскрикнуть, проснуться, вздохнуть,
Я силился двинуть руками.
Но всё бесполезно. И душная мгла
Клубилась, чернея, сгущаясь,
Когда, наконец, я, очнувшись от сна,
Проснулся, в бреду задыхаясь.

19 июля 1896
Коктебель

478. Надпись на бюсте Гёте

Взглянув на этот строгий профиль,
Поймешь, как в личности одной
Скрыт Фауст с страстною душой
И злой, холодный Мефистофель.

21 августа 1896
Нижний Новгород

479. Друзьям

Друзья! Мы часто собирались,
Чтоб вместе время проводить,
Мы разговором развлекались,
И книги разные читались –
Немного редко, может быть.
Но после каждого собранья
Под гнетом тяжкого сознанья
К себе домой я приходил,
Того сознанья, что уверен
Я был всегда, что день потерян
И проведен бесплодно был.
Что ж было там? Играли мило,
Шел самый пошлый разговор,
Но книга мысли не будила
И чувства в нас не шевелила,
Не возбуждала жаркий спор.
И часто пламенное слово
Уж было вырваться готово.
Я так хотел сказать бы: «Что ж?
Что ж это пошлое собранье
Не будит в вас негодованье?
Стыдитесь! Вы ведь молодежь!»
Друзья! Мы молоды и смелы!
Для нас вся жизнь впереди:
Ужель в нас мысль не созрела,
Что ведь и нам пора за дело?
Ужели чувства нет в груди,
Чтобы прекрасным восторгаться
И чтобы чутко откликаться
На каждый искренний порыв,

Чтобы, исполнясь духом новым,
Всегда на подвиг быть готовым,
Себя хоть временно забыв.
Друзья! Мы молоды и смелы –
Нас не страшит игра судьбы.
Пред нами мир раскинут целый.
Идемте ж гордо, с мыслью смелой –
Для нас он поле для борьбы.
Из тайников души глубокой
Для жизни вольной и широкой
Любовь мы вызовем на свет –
Любовь к науке, правде, знанью,
Стремленье к высшему признанью,
Надежду будущих побед.
Пускай же жизнь нам ум волнует,
Пусть наше сердце вдаль зовет,
И душу манит и чарует,
Пусть всё сияет и ликует,
Пусть сила крепнет и растет...

3 сентября 1896

480

О. М<арк>с

У морских берегов, где дробятся валы
О подножья громадные скал,
В яркий солнечный день познакомились мы,
Там впервые я вас увидал.
Там у моря есть дом. Прямо в окна глядит
Само море во всей красоте.
Даль волнует, зовет и куда-то манит,
Так и просит отдаться мечте.
А у дома кругом виноградник растет,
Тополя гордым строем стоят.
Там всё счастье сулит, всё ликует, цветет,
Всё ласкает усталый ваш взгляд.
И сидел я не раз в этом доме у вас,
Слушал тихие сказки волны;
И теперь в тишине вспоминаются мне
Это море, да волны, да вы.

12 сентября 1896
Феодосия

481

В.А. В<олл>к-Л<аневс>кой

Среди пошлых речей этих серых людей,
Вечно чуждых всего молодого,
Я от вас лишь одной только слышал порой
Вдохновенно-прекрасное слово.
Только в вас лишь одной находил я ответ
На мои молодые порывы,
Только в вас лишь одной мне сиял красотой
Образ юности пылкой, счастливой.
Разговор ваш меня оживлял, ободрял,
Глубже мыслить меня заставляя;
Страстный холод восторга по мне пробегал,
Новой силой мой дух окрыляя.
О юность, искусство, свобода и свет,
Вдохновенно прекрасное слово!
Я вам посылаю горячий привет
Во имя всего молодого!

20 октября 1896
Феодосия

482

В.А. В<олл>к-Л<аневс>кой
на карточке

Молодость, молодость! В чем твоя сила?
Сила твоя в беззаветных порывах,
В вере в себя и в горячем стремленьи
К высшим и лучшим своим идеалам.
Будемте ж юны и молоды вечно,
Будем все в мире любить бесконечно!

483

Л.А. С<оломо>с
на карточке

Случайно сказанное слово,
Сухой цветок, письмо, портрет
Имеют силу вызвать снова
Воспоминанья прежних лет.
И я надеюсь, что, быть может,
Когда-нибудь и мой портрет
В вас тени прошлого встревожит,
Напомнив то, чего уж нет.

<Октябрь 1896>

484

В.Г<ауфле>ру

Как звонкий звук трубы, разнесшись по лесам,
Разбудит в тишине ряд откликов далеких,
Так и в моей душе, в ответ твоим стихам
Родилось много чувств, прекрасных и высоких.
Те чувства есть всегда; в угрюмой тишине
Они спокойно спят. Когда ж призыв могучий
Их к свету вызовет – подобные волне,
Сверкая и дробясь мильонами созвучий,
Прекрасны, как гроза, шумливы, как поток,
Они нахлынут вдруг бунтующей толпою –
Так волны пенятся, взлетая на песок
Во время бурного прибою.

17 октября 1896

485

В. Н<и>ч

Зачем печально говорить,
Что вас природа обделила –
Она вам лучшее дала –
Она вам сердце подарила.
Что мы своим сухим умом
Понять стараемся напрасно,
То сердцу вашему всегда
Бывает ясно.

31 октября 1896
Феодосия

486. В альбом М. К<адыгро>б

Я вам в жизни пожелаю
Не здоровья и не счастья,
Не блаженного довольства
И не кроткого участья.
Я желаю вам лишь сердце,
Сердце страстное, больное,
Откликавшееся чутко
На страдание чужое;
Я желаю вам здоровый
Ум со взглядами простыми,
Чтобы все явленья жизни
Не казались вам чужими.
А потом, чтоб вы любили
Много, искренно и страстно,
Много б вынесли страданья,
Но страдали б не напрасно.
Чтоб вы не были вовеки
Золотою серединой,
Чтоб вы были человеком,
Не заеденным рутиной.

1 ноября 1896

487. Сократ перед судом

Мужи афиняне! пред вами
Я говорю в последний раз...
Моими дерзкими речами
Не потревожу больше вас.
Вы чересчур поторопились!
Я стар, и смерть недалеко.
Вы б от меня освободились
Ведь очень скоро и легко.
Теперь же те, кого всегда я
При жизни сдерживал не раз,
Как негодующая стая
Восстанут грозно против вас.
Их сила будет несдержима.
Они огнем своих речей
Вас будут жалить нестерпимо...
И кто моложе – тот больней.
Я осужден к позорной казни
Не потому, чтоб защитить
Себя не мог я! Из боязни
Я не хотел народу льстить.
Не для мольбы об оправданьи
Я шел сюда: я шел, чтоб дать
Вам образец самосознанья,
Чтобы судить и поучать.
И что мне смерть? Мой голос тайный
Всегда меня предупреждал,
Когда ошибкою случайной
Я справедливость нарушал.
Теперь молчит он. Я спокоен.
Смерть – это тихий, мирный сон

Без сновидений. Старый воин
Идет на отдых – близок он!
Но если лучше и прекрасней
Нас ждет там мир, как говорят,
То ваша доля ведь ужасней
И я счастливей вас стократ.

Пора кончать. Еще лишь слово:
Я оставляю вам детей...
Язвите их, как я сурово
Язвил вас сам. Когда сильней
Они почувствуют стремленье
К деньгам, чем к истине святой,
То мучьте их без сожаленья –
И в этом долг ваш предо мной.

Теперь пора. Судьба случайно
Несет мне смерть и жизнь вам.
Чей жребий лучше – это тайна,
И разрешить ее не нам.

10 ноября 1896
Феодосия

488

Вера, чувство, знанье. Вот
Три великие ступени,
Чрез которые идет
Человека мощный гений.
В детстве верит он всему,
В детстве нет сомнений.
Жизнь является уму
Будто рой видений.
Юность светлая придет –
Это время чувства:
Тут любовь его влечет,
Правда и искусство.
Зрелый возраст – это ум,
Сил своих сознанье,
Ряд высоких, гордых дум,
Время созиданья.
Но чтоб истину открыть,
Нужно веру, знанье
И любовь соединить
С жаждою познанья.

28 октября 1896
Феодосия

489. Гимн

Смело, с гордой головою,
Как на праздник, как на пир,
Полны силой огневою
Мы вступаем ныне в мир.
И лаская, и чаруя,
И тревожа, и маня,
Жизнь на воле, вширь, как поле,
Развернулася, блестя.
Не страшат нас скорбь и муки,
Смело мы снесем нужду...
Слава знанью и науке!
Слава честному труду!

15 ноября 1896
Феодосия

490

Л.А. С<оломо>с

Грациозно так и ловко
Наклоненная головка,
Шаловливо-детский взгляд,
Белых складок группировка,
Бутоньерка и наряд
Мне невольно говорят:
«Берегитесь! Я плутовка!»

14 декабря 1896
Феодосия

491. Многим

Когда, одушевясь идеею святою,
Вам юноши твердят про высшие права,
Про правду, про любовь, – качая головою,
Вы отвечаете: «Ах, это всё одни красивые слова».

Когда вам говорят о деле просвещенья,
Что мы идем вперед с трудом, едва-едва,
Что есть же всё-таки предел долготерпенья...
Вы отвечаете: «Ах, всё одни лишь страшные слова».

Когда вам говорят про братство, про свободу,
Что нужно мысли дать гражданские права,
Зовут на честный труд, служение народу...
Вы отвечаете: «Ах, это всё одни лишь громкие слова».

«Слова, слова, слова!» – твердите вы с презреньем...
Когда ж наступит миг и ваша голова,
Внезапно осветясь, постигнет с изумленьем,
Что это всё для вас «забытые слова»?

20 декабря 1896
Феодосия

492

Н. К<адыгро>б

Вам всего тринадцать лет –
Это возраст детства,
Но зато же в вас и нет
Фальши и кокетства.
А когда наступит час
Взрослой называться,
То научат скоро вас
Лгать и притворяться.
Но покамест вы дитя, –
Можно жить теперь шутя,
Прыгать и смеяться.
Оставайтесь же всегда
Милой и простою
И не будьте никогда
Барышней пустою.

25 декабря 1896
Феодосия

493

Посвящается В.А. В<олл>к-Л<аневск>ой

Над унылым грязным городом
Зимний вечер опускается,
И туман ползет по улицам,
И, чернея, мрак сгущается.
Тихо, грустно в темной комнате,
Экипажей шум доносится.
И невольно дума грустная
Из души на волю просится.
Тени серые сгущаются
За узорными гардинами,
И проходят тени прошлого
Позабытыми картинами.
Ты, я знаю, тоже в комнате
Одинехонька сидишь.
Наклонила грустно голову
И в унылый мрак глядишь.
Подкрадусь я так тихохонько,
Чтоб тебе не услыхать,
И начну чуть слышно на ухо
Речи тихие шептать,
Речи тихие, унылые
О прошедшем, о былом,
О прекрасных снах промчавшихся
И о детстве золотом...
В вечер тихий, грустный, пасмурный
Хорошо всегда мечтается,
Так печально и так радостно
Прожитое вспоминается...

26 декабря 1896
Феодосия

494

Шумный бал окончен, а в глазах мелькают
    Пляшущие пары, яркий блеск свечей,
Громко отдаются в уши звуки вальса
    И нестройный говор праздничных гостей.
Отдается гулко звук шагов, и месяц
    Из-за крыш высоких на меня глядит.
Душно среди зданий. Нужно выйти к морю.
    На меня пахнуло свежестью морской.
Вал пришел и глухо о берег разбился
    И опять сокрылся в полумрак ночной.
Вал за валом глухо били в темный берег,
    И шептали что-то странным языком
О какой-то тайне, скрытой в темном море,
    О каком-то горе, мрачном и глухом.
А в душе рождался робко и несмело
    Рой неясных мыслей, образов и дум.
И глубоко где-то тихо шевелился
    Грустный стих – печален, мрачен и угрюм.

2 января 1897
Феодосия

495

В.А. В<олл>к-Л<аневск>ой

Если вам когда-нибудь случалось
На скале прибрежной отдыхать,
Когда солнце тихо погружалось
В синих волн задумчивую гладь,
Вы, конечно, часто наблюдали,
Как сверкал последний золотистый луч
На одетых синей дымкой дали
Снеговых громадах неподвижных туч:
Краски света меркнут постепенно,
Становясь бледнее и темней...
Их уж нет, горевших вдохновенно
Ярким светом солнечных лучей.
Сходит ночь, на землю опускаясь,
Затеплились звезды трепетным огнем,
Всё сильней и ярче разгораясь
И мерцая трепетным огнем.
Наша юность – яркий блеск заката
На громадах белых облаков –
Она силой гордою богата
И безумной роскошью цветов.
Но те краски скоро потемнеют.
И, когда погаснет догоревший луч,
В высоте небесной засветлеют
Звезды золотые из разрыва туч.
Это звезды истины и знанья,
И они не меркнут никогда;
Они выше страсти и желанья –

Символы надежды, символы труда.
Мы сошлись при блеске молодого света,
Чуждые сомненья, страха и забот.
Каждого он может превратить в поэта,
Каждого чарует, манит и зовет.
И когда придется снова нам расстаться
С этой светлой верой – бодрой, молодой,
То дай Бог нам снова повстречаться
Под одной и той же яркою звездой.

14 января 1897
Феодосия

496

В.А. В<оллк>-Л<аневск>ой

С этой детской простотою,
Артистической душою
  И сердечной глубиной,
С взглядом светлым, бодрым, ясным,
Поэтически прекрасным
  Вы явились предо мной.
Вам понятен голос чувства,
Тайны чистого искусства,
  Тайны вечной красоты,
Мимолетных ощущений,
Сердца трепетных движений,
  Мира грёзы и мечты.
Мира звуков непонятных,
И тревожных и приятных,
  Полных чудной красоты,
Полных тайною движенья,
И стремленья, и мученья,
  И сердечной простоты...

15 января 1897
Феодосия

497

Плещут в море волны,
Ходят в небе тучи,
Высоко над нами
Ярко блещут звезды.
В сердце всё сомненья,
В голове всё думы,
Но звездой сияет
Высоко над ними
Мне твой образ милый
Тихо и спокойно.

22 января 1897
Феодосия

498. Фритьоф Нансен

«Вперед!» – сказал он сам себе,
Вперед – пока в груди есть сила,
Вперед – назло самой судьбе,
Хотя бы там ждала могила.
Вперед. В груди восторг кипит
И рваться дух не перестанет,
Пока во мне огонь горит,
Что к неизвестному нас манит.

На севере дальнем, немом и холодном,
Где мрак над землею царит,
Таинственный сфинкс на льдяном пьедестале
Безмолвно и гордо лежит.
Загадочный взор он во мрак устремляет
И звездное небо его
Неясным сияньем своим обливает.
На гордом челе у него
Написано «Тайна». У ног его плещут
Полярные волны. И трупы людей
Лежат у подножья: то трупы погибших
От взгляда его неподвижных очей.

Он пришел, и смел и молод,
С гордой верою своей,
Заглянуть пытливым взором
В глубину его очей.
И очей тех взор холодный
Погасить не в силах был

Пламень гордый и свободный,
Что в его очах светил.
И во тьме полярной ночи
Он воздвиг средь тех высот
Знамя знанья и науки.
Там написано: «Вперед!»

6 февраля 1897
Феодосия

499. Посвящение

Дорогой Александре Михайловне
Петровой от ее дитю.

Первый лепет
Мысли пробужденной,
Первый трепет
Страсти возбужденной,
Молодой весны
Радостные сны.
Странный шепот
Темной ночи длинной,
Страстный рокот
Трели соловьиной.
Блеск луны.
Плеск волны.
Мимолетное виденье,
Мимолетное мученье,
Мимолетные мечты –
Здесь находят отраженье
В полном блеске красоты.
Вам, я знаю, были милы
Эти первые творенья,
Пробужденье юной силы,
Мысли робкие движенья.
Жизнь прошедшая, прощай!
Я на север уезжаю
В мой родимый, милый край.

Вам же в память оставляю
Эту часть души своей,
Эти лучшие созданья
Светлой юности моей.
Жизнь уносит... До свиданья!

19 августа 1897
Коктебель

500. Прощанье

Огни последние мелькнули,
Шепнув «прости» душе моей,
И тихо скрылись... потонули
В вечернем сумраке степей.
В неясном сумраке вагона,
Забившись в дальний уголок,
Я с грустью думаю о прошлом...
А поезд мчится... Путь далек.
Под тихий говор, дребезжанье,
Под равномерный шум колес,
В душе встают воспоминанья
О том, где жил я, где я рос.
Улыбки, слезы, шутки, речи,
Оттенок мысли, жаркий спор
И впечатленье первой встречи,
И задушевный разговор,
И лиц знакомых выраженье,
Характер, *тон* случайных слов,
Глубокой мысли отраженье,
Отрывки собственных стихов
Проходят пестрыми толпами.
И грустно мне. И жаль мне их...
А поезд мчится вдаль степями,
И в сердце бьется грустный стих.

<Август 1897>

501

Час урочный настает.
Стрелка стала. Полночь бьет.
Народился новый год.
Старый тихо исчезает.
Сколько терний, сколько роз,
Сколько счастья, сколько слез
Новый год приготовляет!
Юность новый год встречает,
Старость старый провожает.
С этим годом прочь уходит
Много счастия былого,
Молодого, дорогого
И такого, что уж снова
Старость в жизни не находит.
«Здравствуй, юность дорогая!» –
Говорит нам новый год.
Откровенная, живая,
Бриллиантами сверкая,
Без сомнений, без забот
Юность смело вдаль идет,
Ничего не разбирая.
Здравствуй, новый светлый год!
Там, что в будущем случится –
Радость, счастье, горе, зло, –
　　　　Всё равно,
На душе теперь – светло:
Юность горя не боится.

Так давайте веселиться,
Хохотать, и пить, и петь.
«Дальше должен я смотреть,
Выше должен я стремиться!»

31 декабря 1897
Москва

502. 19 февраля

Все мы в детстве, конечно, слыхали
Вечно юную сказку о том,
Как в заброшенном замке царевна
Тихо спит заколдованным сном.
Быстро мчатся столетья и годы,
А заброшенный замок зарос
Виноградом, шиповником диким
И колючими вязями роз.
Тихий сон над царевной витает,
То он давит, как страшный кошмар,
То ей грезится, будто приходит
Смелый витязь избавить от чар
И ее, и заброшенный замок,
Наклоняется нежно над ней
И снимает своим поцелуем
Непробудную дрёму с очей...
Да, знакомая старая сказка!
И ее мы слыхали не раз –
И воочью она перед нами
Совершилась в России у нас.
Не царевна в заброшенном замке,
А истерзанный русский народ
По избам, кабакам да острогам
Спит уж тысячу лет напролёт.
Только в сказке царевна проснулась,
Когда минула тысяча лет,
А народный-то сон еще долог,
И посмотришь – конца ему нет.

И невежеством замок зовется,
А, чтоб стены его охранять,
Приказали не розы, а розги,
Кабаки да остроги сажать.
Бесконечно тяжелым кошмаром
Его давит мучительный сон,
И в последнее время тревожней,
Беспокойней становится он...

После страшного кошмара
Николаевских времен
Снился раз ему прекрасный
И почти чудесный сон.
Видит он: приходит витязь
(Как к царевне в замке том),
Говорит: «Народ мой верный,
Осени себя крестом!
Я даю тебе свободу –
Пробудись! Восстань от сна!»
Но была та речь народу
Непонятна и темна.
Видит он: упали стены
Одряхлевшие кругом,
Сон исчез... Но, к сожаленью,
Это было только сном!
И хоть стены крепостные
Въявь упали, – тем сильней
Сон народный охраняют
Кабаки и ряд церквей.
А чтоб как-нибудь случайно
Потревожен не был он,
Послан был начальник земский
Охранять народный сон.

503

Увядший цветочек
Из дальней страны!
Во мне пробудил он
Забытые сны.
Зима удалилась,
Исчезли снега,
Серебряной пеной
Блестят берега.
Я вижу: сияет
Лазурь надо мной,
Всё веет, всё дышит
Теплом и весной.
Лазурное море
Живет и горит
И каждой волною
Со мной говорит.
О солнце! О моря
Простор голубой!
С какою любовью
Я рвусь к вам душой!
Туда, где фиалки
Цветут, где «она»
Сидит у окошка,
Бледна и грустна!

<Февраль 1898
Москва>

504

Думы непонятные
В глубине таятся.
Силы необъятные
К выходу стремятся.
Путь далек... Ладья легка...
Жизнь, как море, широка...
Дышится и верится
И легко поётся.
Силами помериться
Сердце так и рвётся.
Путь далек... ладья легка...
Жизнь, как море, широка...

25 июня 1898
Еленкой

505. Доля русского поэта

В вековом исканьи света,
В тине пошлости и зла
Доля русского поэта
Бесконечно тяжела.
Жажда жизни, жажда воли
Исстрадавшейся душой –
Тяжелее этой доли
    Не сыскать другой!
Не жилица в этом мире
Наша муза. Ведь она
В глубине самой Сибири
Жгучим горем рождена.
Эти песни прилетели
И родились средь степей,
В буйном ропоте метели,
Под зловещий звон цепей,
Под запорами острога,
В душной камере тюрьмы.
Боги! Боли слишком много –
Счастья здесь не сыщем мы.
И с надорванной душою,
Исстрадавшийся от мук,
Наш поэт с своей тоскою
Умирать идет на юг.
Юг служил всегда могилой
Нашей музы. И поэт
Здесь мечтал собраться с силой,
Видя моря блеск и свет.
Но, как раненая птица,
Мысль подняться не могла...

<До 6 сентября 1898>

506

В чем мое горе? – спросил я у ветра ночного.
Он не ответил... С угрозой суровой,
С горьким рыданьем бесследно промчался он мимо,
Вечно холодный, унылый и вечно гонимый.

В чем мое горе? – спросил я у сумрака ночи.
Он не ответил... И стали короче
Тени ночные... И снова они разрастались
И в тишине неподвижной о чем-то шептались.

В чем мое горе? – спросил я у снов. И толпою
Встали туманные сны предо мною.
Тени забытой любви предо мной промелькнули
И улыбнулись... И грустно мне в очи взглянули.

16 ноября 1898
<Москва>

507

Мой дух широк: он обнимает
Весь мир, как неба синий свод.
Он всё собою отражает,
На всё свой отклик подает.
Глубоко сердце мое: полно
Оно сокровищ дорогих.
Но только буря, вспенив волны,
Наверх выбрасывает их.
Мысль – это молния. Сверкает
Она внезапно. Горд, могуч
Ее полет. Громады туч
Она зигзагом рассекает
И озаряет вечный мрак,
Объявший всё.
Я сам – червяк.

<Апрель 1899>

508

Вот парк Монсо. Здесь Мопассана
Поставлен бюст. В тени ветвей
Над книгой жгучего романа
Склонилась девушка. У ней
Печальный вид, распущен локон...
На грудь упал увядший лист...
Здесь жил Флобер... Из этих окон
Глядел великий романист
На плеск толпы, на зелень сада,
На этот потемневший пруд,
Где ивы старые растут,
И возвышается аркада,
Плющом обвитая...

Октябрь 1899
Париж

509. Версальский сыр

В осенний, холодный, но солнечный день
Бродил я по парку в Версале.
На мраморных старых ступенях дворцов
Увядшие листья лежали.
И шорох шагов в полумраке аллей
Тревожил покой сновидений
Старинного парка и тени былых,
Исчезших давно поколений.
Всё то же... По-прежнему мрамор статуй
Рисуется в воздухе чистом...
Да! Трудно, бродя по версальским садам,
Немного не стать роялистом.
Какое величье! Подобный размах,
Создавший такие чертоги,
Возникнуть мог только, когда на земле
Царили не люди, а боги.
Когда всемогущий «Roi le Soleil»
Сиял в одиноком сияньи...
Тогда на царей не бюджет, не народ –
Лишь дамы имели влиянье.
Прекрасное время! Madame Ментенон
Сидела в Большом Трианоне,
Людовик же в самом Версале сидел,
Сияя величьем на троне.
Порою, наскучив сияньем своим
И ролью всесильного бога,
По этим аллеям в Большой Трианон
Он шел, чтоб развлечься немного.
Я видел там старый бильярд... Неужель
Случалось, что здесь, в Трианоне

Играл сам великий Roi le Soleil
В порфире своей и в короне?
О, если б придворным поэтом я стал,
Я б спеть попросил свою музу,
Как он высочайшей рукой отправлял
Торжественно «желтого в лузу».
Но я, coq le Dieu! – не придворный поэт!
Мне нравится это сиянье
Тогда лишь, когда его больше уж нет –
И этому есть основанья:
Версальские парки смотреть ведь никто
Из смертных тогда не пускался,
Когда здесь единственный солнце-король
Один, как сыр в масле, катался.
О, да! То был истинный лимбургский сыр –
И тонкий, и острый: прекрасный
Образчик сыров, отравляющих мир
Гниеньем и вонью ужасной.
Но эти французы толк знают в сырах –
Сыр гнил у них долгие годы
И подан был, наконец, как десерт
На пире народной свободы.
И съел с аппетитом французский народ
Свой сыр, и теперь в нетерпеньи
Сырам своим новым прогнить не дает,
А ест, лишь начнется гниенье.
В России наш сыр прогнивает давно
По разным дворцам и хоромам.
Как жаль, что наш вечно голодный мужик
Совсем не рожден гастрономом.
Но, впрочем, потребности можно развить
В нем медленным, мирным процессом,
Когда его выжмет сперва капитал
Фабрично-промышленным прессом.

21 декабря 1899 (2 янв. 1900)
Берлин

510

Теперь сижу в Берлине я,
И очень скучно в нем.
Густые хлопья инея
Повисли под окном...
А выйду ль я на улицу –
Мне встретится студент
Со шрамом по всему лицу,
Стоит как монумент
С осанкой сверхъестественной
Торжественный жандарм...
Гирляндою божественной
Идут ряды казарм.
Здесь всё живое прячется,
Куда ни поглядишь...
«И верится, и плачется»,
И хочется в Париж.

9 января 1900
Берлин

511

Люблю осенний сон аллей,
Старинных парков увяданье,
В туман окутанные зданья
И дымы синие полей.
И боль разлуки мне милей
Печальных радостей свиданья.

<Февраль-март 1900
Москва>

512. На Дунае

Свежий ветер. Утро. Рано.
Дышит мощная река...
В дымке синего тумана
Даль прозрачна и легка.

В бесконечных изворотах
Путь Дунай прорезал свой
И кипит в водоворотах
Мутно-желтою волной.

Уплывают вдаль селенья.
Церкви старые видны,
Будто смутные виденья
Непробудной старины.

И душа из тесных рамок
Рвется дальше на простор...
Вот встает старинный замок
На скалистом кряже гор.

Эти стены, полный ласки,
Обвивает виноград...
Как глаза античной маски
Окна черные глядят.

И рисуется сурово
Стен зловещих силуэт,
Точно мертвого былого
Страшный каменный скелет...

31 мая 1900
Линц

513

...И бысть в Берлине велий глас,
Подобный грому божьей бури:
«Дрожи, дракон! Иду на вас,
Чтоб приготовить путь культуре».
Сказал – и вдаль плывут суда
С священным воинством Европы,
Чтобы для правого суда
Воздвигнуть грозные окопы.
И вот восток объят зарей,
Всё небо зарево покрыло,
И над пылающей страной
Восходит с запада светило.
Свидетель грозных непогод,
Где речь достойную найти мне,
Чтобы воспеть его восход
В ликующем, победном гимне!
Свершилась воля... Пал Пекин...
Над ним висит зловещий фатум.
И представитель власти – Цин
Принял союзный ультиматум.
Пускай же, выбившись из сил,
Ведут мятеж упорный буры,
Но над Китаем уж почил
Благословенный луч культуры,
Уж их архивы сожжены,
Сожгите ж в пламени пожара
Дотла их книги: мы верны
Священным принципам Омара!

<Декабрь 1900
Ташкент>

514. Вечер

Уж давно закат усталый,
Грустный, алый
Догорал.
И вставал в дали прозрачной
Грозный, мрачный
Черный вал.
На песок холодный, влажный,
Гордый, важный
Он взбегал
И, взметнувшись вверх высоко,
Вдруг глубоко
Он вздыхал.
И сражен в борьбе великой
С песнью дикой
Умирал...
На просторе ширь морская,
Вся сверкая
Багрецом,
Волновалась и шумела,
И горела,
Как огнем...

<1900—начало 1901?>

515

Стемнело. И черные тени
На серые стены легли.
А мы всё сидели с тобою
И тихие речи вели...

И всё говорили о разных
Совсем нам ненужных вещах –
Ненужных и серых, как тени
На этих угрюмых стенах,

Ненужных и серых. Но что-то
Звучало сильнее речей...
К плечу голова опускалась,
Сплеталися руки тесней...

И что-то в душе разрасталось
И было так ясно, без слов...
Но ты вдруг сказала, вставая:
«Пойдемте-ка – ужин готов».

<Январь 1901?>

516. Камни Парижа

В поэзии старых больших городов
Есть близкое что-то к природе:
Стихийною силою веет от них.
И в уличном шуме, в народе,
Струящемся бурной и пестрой волной,
Когда приглядишься поближе,
Услышишь рев бури и дальний прибой...
Я помню, бывало, в Париже
Дыханье всемирной столицы внимал
Я с дикой и странной любовью:
Здесь каждый вершок обагрен и облит
Героев священною кровью;
Есть жгучее что-то в его мостовой,
Вспоённой волною восстаний
И веет дыханьем борьбы вековой
От этих соборов и зданий...
Сперва он меня и пугал, и давил
Своей красотой непонятной,
Но после, как женщину, я полюбил
Весь этот Париж необъятный

Спускается вечер, и ясен, и тих,
Струится красавица Сена.
Оттенки прозрачны, как пушкинский стих,
Как краски у Клода Лоррена.
И вот огоньки уж на Сене зажглись,
И высится, мрачен и страшен,
Темнеющей массой Palais de Justice
С рядами таинственных башен.

Кипящая жизнь подмывает волной
Старинные зданья и стены
И лижет, и точит гранит вековой,
Как воды красавицы Сены.
Но вся пестрота этой жизни людской,
Безумно несущейся мимо,
Без этих остатков минувших веков
Была бы почти нестерпима.
Они в нее вносят трагичный аккорд,
Как реквием отжитой силе.
Так мумии предков на древних пирах
Меж пьяных гостей проносили.

В глухих переулках молчанье и тишь,
Здесь звуки и блеск угасают
И только в пролетах карнизов и крыш
Далекие звезды сияют.
О, камни Парижа! О, если б они
Былое поведать могли бы!
На площади башни чернеют во тьме,
Как две сталактитовых глыбы.
Воспетый поэтом собор Notre Dame!
Фантазии юной приманки!
Напрасно искал я на темных стенах
Зловещее слово «'ανάγκη».
Всё стерто. Израненный, старый собор
Чуть виден средь мрака ночного,
Но самое кружево черных камней
Сплетается в страшное слово.
Здесь поле иной грандиозной борьбы:
Теперь торжествует мещанство.
Надломлена сила великих церквей,
Могучих твердынь христианства.
Да будет! Сияющий разум стряхнет
Оковы и веры, и чувства!
Мне жаль только этот таинственный мир
Забытого ныне искусства.

Прохладу и сумрак старинных церквей,
Проникнутых тихой любовью,
Где весь отдаешься невольно во власть
Прекрасному средневековью.
Слегка выделяясь, во мраке видны
Пилястры, карнизы, оконца.
И только розетки сияют вверху,
Как два фиолетовых солнца.
Висят разноцветные нити лучей,
На сводах дрожащие пятна,
Весь сумрак какой-то прозрачный, цветной,
Таинственно-тихий, понятный...
А в окнах... там целый особенный мир
Готических старых соборов –
Вся эта гармония красок, цветов,
Фигур, переплетов, узоров.
Теперь там всё тихо. Трепещущий свет
Едва озаряет ступени,
Статуи и стены. От темных колонн
Ложатся гигантские тени.
И тени шевелятся, тянутся вверх,
Как длинные черные руки,
И вдруг раздвигают покров тишины
Органа могучие звуки...
И тяжко вздыхает огромный собор,
Рокочут далекие своды,
И тихо, и глухо им вторят из тьмы
Пустых галерей переходы.

В глухих переулках молчанье и тишь.
И шум, и огни угасают...
И только в пролетах карнизов и крыш
Далекие звезды сияют.
Слепыми глазами большие дома
Глядят в темноту. Оживают
И шепчутся камни при звуке шагов,
И беглые тени мелькают...

Вот Лувр. Расцветал он как чудный цветок
В течение долгих столетий.
Как сердце Парижа, он рос вместе с ним,
И камни священные эти
Слагал в бесконечной работе веков
Бесчисленный ряд поколений.
Теперь там сквозь окна при свете луны
Виднеются белые тени.
Там белые мраморы в залах стоят,
Их лица прекрасны и строги.
Повиты туманною дымкой веков,
Там дремлют античные боги,
И слышится мраморный гимн красоте
В созвучьях ритмических линий...
Там в зале на пурпурном фоне встает
Таинственный облик богини.
В лице ее только одна красота:
Ни горя, ни счастья, ни муки...
Мучительно-дивной загадкой у ней
Отломаны чудные руки.
Глядел я, и делались эти черты
Всё чище, понятней и ближе.
И... виделось старое кладбище мне
Одной из окраин в Париже.
Кругом монументы богатых мещан,
И скромно лежит между ними
Простая могила. На белой плите
Написано славное имя
Того, кто бессменно стоял на часах
У трупа заснувшей свободы,
Когда, истомленные страшной борьбой,
Во тьме задыхались народы.
В то время в развалинах старых твердынь
Шипели и ползали гады,
И молча защитники света во тьме
Слагали свои баррикады.

И лишь наступали чудовища тьмы,
Тогда начиналась потеха,
И он пригвождал их к позорным столбам
Сверкающей молнией смеха.
Но часто в ликующем вихре борьбы
Неверны бывали прицелы,
И верных друзей поражали не раз
Его ядовитые стрелы...
Родился не здесь он, родился в стране
Преданий и сказок – на Рейне,
Где высятся замки и льется рейнвейн,
И звался он Генрихом Гейне.
Но даже по смерти язвит его вновь
Врагов ядовитое жало:
Мещанская пошлость и злоба ему
В посмертном венце отказала.
Где памятник Гейне? Поэт оскорбил
Немецкую скромность стихами!!!
Зато на чужбине могилу его
Украсили люди цветами:
Над нею склонились цветы хризантем
И грустные белые розы...
Сбылось предсказанье поэта: в цветы
Теперь расцвели его слезы.
И здесь, у подножья богини – в лучах
Холодного лунного света,
Мне чудился бледный, прекрасный, немой
Страдальческий облик поэта.
Больной он приплелся сюда...
И сел. Бесконечное чувство
Любви и страданья в глазах... а лицо
Всё залито светом искусства.
Он с нею прощался... Он встал и пришел,
Собравши последние силы,
И больше не мог уже встать никогда
Со страшной «матрацной могилы».

Но в нем не угасла горячая мысль,
Она еще долго боролась,
А в трупе жил только сверкающий смех
И ясный, чарующий голос...

В глухих переулках молчанье и тишь,
И шум, и огни угасают...
И только в пролетах карнизов и крыш
Далекие звезды сияют.
Чем ближе к бульварам, тем звуки слышней:
Там вечная кипень людская,
Там вечный поток разноцветных огней
Несется, гремя и сверкая.
Но только люблю я не эту толпу
Бульваров, кофеен и прочих
Вертепов и зрелищ – люблю я толпу
Здоровых парижских рабочих.
Я помню картину: народ затопил
Все окна, балконы, веранды.
На старых деревьях бульваров висят
Парижских мальчишек гирлянды.
Знамена и солнце... Струится толпа
Рекой разноцветной, веселой...
То здесь загорится, то вспыхнет вдали
Горячий мотив карманьолы,
И вдруг разольется как вихрь, как пожар,
Подхватит, как буря... Тогда мне
Казалось, что здесь, у меня под ногой,
Шевелятся самые камни,
Что стоит дать волю вражде вековой,
Безумной, слепой, но понятной –
И в щепы размечет толпа, разнесет
Весь этот Париж необъятный.
Но нынче он весел – державный народ.
Проходят за ротами роты
Рабочих и женщин, и снова горят

И искрятся смех и остроты.
Я видел, как школьники-дети несли
Огромное красное знамя
С девизом «Ni dieu et ni maître!» Девиз,
Написанный их же руками!
Да, Франция может без страха глядеть.
Чего ей бояться на свете,
Когда из ее материнской груди
Выходят подобные дети.

В глухих переулках молчанье и тишь,
И шум, и огни угасают...
И только в пролетах карнизов и крыш
Далекие звезды сияют.
В красивом развесистом парке Монсо
Есть мраморный бюст Мопассана,
И девушка тихо задумалась там
Над мраморной книжкой романа.
Я долго стоял и глядел на него...
Далекие звуки рыдали...
Осенние листья носились над ним
И мраморный лоб целовали...

На улицах всюду молчанье и тишь.
И шум, и огни угасают.
И шепчет сквозь сон необъятный Париж,
И ясные звезды мерцают...

<Январь 1900 – февраль 1901>

517

Жизнь – бесконечное познанье...
Возьми свой посох и иди! –
...И я иду... и впереди
Пустыня... ночь... и звезд мерцанье.

<1901>

518. К Герцену

Слава великим гробам!
Тучи сгущаются снова...
Но недоступна рабам
Тайна свободного слова.

Раб обнажил уже меч,
Стонет и рушится зданье.
Куйте ж свободную речь
В огненном горне познанья.

12 мая 1902
Париж

519

На заре. Свежо и рано.
Там вдали передо мною
Два столетние каштана,
Обожженные грозою.
Уж кудрявою листвою
На одном покрылась рана...
А другой в порыве муки
Искалеченные руки
Поднял с вечною угрозой –
Побежденный, но могучий,
В край, откуда идут грозы,
Где в горах родятся тучи.
И, чернея средь лазури,
Божьим громом опаленный,
Шлет свой вызов непреклонный
Новым грозам, новой буре.

Над чернеющими пнями
Свежесрубленного леса
Шепчут тонкие побеги
Зеленеющих берез.
А в лесу темно, как в храме,
Елей темная завеса,
Пахнет хвоей под ногами,
И, как гроздья, среди леса
Всюду пятна птичьих звезд.
И от карканья ворон
Гул стоит со всех сторон,
Как торжественный, спокойный
Колокольный мерный звон –

Гулкий, стройный
и унылый...

А над срубленными пнями,
Как над братскою могилой,
Тихо двигая ветвями,
Им березы шелестят...
«Мир уставшим... Мир усопшим», –
Вместе с дальним гулом сосен,
Наклоняясь, говорят...
И им вторит издалёка,
Нарушая цепь их дум,
Рокот вольного потока –
Вечной Жизни бодрый шум.
Думой новою объятый,
Я стою... И мне слышны
Словно дальние раскаты
Человеческой волны...

<23 июля 1902
Неаполь>

520

Я – Вечный Жид. Мне люди – братья.
Мне близки небо и земля.
Благословенное проклятье!
Благословенные поля!
Туда – за грань, к пределам сказки!..
Лучи, и песни, и цветы...
В полях люблю я только краски,
А в людях только бред мечты.
И мир как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод...

Ноябрь (?) 1902
Париж

521

Город умственных похмелий,
Город призраков и снов.
Мир гудит на дне ущелий
Между глыбами домов.

Там проходят миллиарды...
Смутный гул шагов людских
К нам доносится в мансарды,
Будит эхо в мастерских...

В мир глядим с высоких гор мы,
И, волнуясь и спеша,
Шевелясь, родятся формы
Под концом карандаша.

Со сверкающей палитры
Льется огненный поток.
Солнца больше чтить не мог
Жрец Ормузда или Митры.

Днем я нити солнца тку,
Стих певучий тку ночами,
Серый город я затку
Разноцветными лучами.

По ночам спускаюсь вниз
В человеческую муть я,
Вижу черных крыш карниз,
Неба мокрого лоскутья.

Как большие пауки,
Ветви тянутся из мрака,
Камни жутко-глубоки
От дождливых бликов лака.

<До 6 января 1904
Париж>

522. Tête Inconnue

Во мне утренняя тишь девушки.
Во мне молчанье непробужденной природы,
Тайна цветка, еще не распустившегося.
Я еще не знаю пола.
Я вышла, как слепая жемчужина, из недр природы.
Мои глаза еще никогда не раскрывались.
Глубокие нити связывают меня с тайной,
И я трепещу от дуновений радости и ужаса.
Меч вожделения еще не рассек моей души.
Я вся тайна. Я вся ужас. Я вся тишина.
Я молчание.

<Январь 1904>

523. «Весна» Миллэ

В голосе слышно поющее пламя,
Точно над миром запела гроза.
Белые яблони сыплют цветами,
В туче лиловой горит бирюза.

Гром прокатился весеннею сказкой,
Влажно дыханье земли молодой...
Буйным порывом и властною лаской
Звуки, как волны, вздымает прибой.

<Февраль-март> 1904
Париж

524

Весна идет, щебечут птицы,
Прозрачный воздух свеж и тих.
На эти белые страницы
Я заношу Вам первый стих.
Весна идет. Вольна дорога,
Вольнее крылья вешних птиц.
И в книге жизни очень много
Не зарисованных страниц.

<Весна 1905
Париж>

525

И с каждым мгновеньем, как ты отдалялась,
Всё медленней делались взмахи крыла...
Знакомою дымкой душа застилалась,
Знакомая сказка по векам плыла...
И снова я видел опущенный локон,
Мучительно тонкие пальцы руки;
И чье-то окно среди тысячи окон,
И пламенем тихим горят васильки...
...Я видел лицо твое близким и бледным
На пурпурно-черном шуршащем ковре...
Стволы-привиденья, и с гулом победным
Великий и Вещий сходил по горе...
И не было мыслей, ни слов, ни желаний,
И не было граней меж «я» и «не я»,
И рос нераздельный, вне снов и сознаний,
Единый и цельный покой бытия...

28 августа 1905
Париж

526

Казнимый может при известных условиях считаться живым, провисев в петле не только минуты, но даже и часы. Современная же медицина не имеет еще надежных способов для определения момента наступления действительной смерти.

Проф. П. Минаков. Рус. Ведом. № 244

Лежать в тюрьме лицом в пыли
Кровавой тушей, теплой, сильной...
Не казнь страшна... не возглас «пли!»
Не ощущенье петли мыльной.

Нельзя отшедших в злую тень
Ни потревожить, ни обидеть.
Но быть казнимым каждый день!
И снова жить... и снова видеть...

Переживя свою судьбу,
Опять идти к крестам забытым,
Лежать в осмоленном гробу
С недоказненным, с недобитым.

И каждый день и каждый час
Кипеть в бреду чужих мучений...
Так дайте ж смерть! Избавьте нас
От муки вечных возрождений!

<После 5 октября 1905>

527. Набат

Набат гудит... Иду! Иду!
Сейчас, теперь – во сне, в бреду.
Как гулко бьется сердце башни,
Опалено, потрясено...
А сквозь зубчатое окно
Синеет даль, желтеют пашни...
Перебивая, торопясь,
Как змеи черные виясь,
И завиваясь в складки знамени,
Удар за ударом
Гудящим пожаром,
Клубами ревущего пламени,
Гудя, вырастая,
К земле припадая,
Неся миллионы бичей
Спокойствию будней,
Летит над затишьем янтарных полудней
Торжественно мирных полей.

Удар за ударом бичует и хлещет,
И жжет мою душу и мечется в ней.
И башня собора гудит и трепещет
До самых гранитных корней.
И сердце, сожженное жгучим приливом,
Сжимая руками, слепой, как в бреду –
За огненным кличем, за Божьим призывом
Иду!

Осень 1906

528

Я здесь расту один, как пыльная агава,
На голых берегах, среди сожженных гор.
Здесь моря вещего глаголящий простор
И одиночества змеиная отрава.

А там, на севере, крылами плещет слава,
Восходит древний бог на жертвенный костер,
Там в дар ему несут кошницы легких Ор...
Там льды Валерия, там солнца Вячеслава,

Там брызнул Константин певучих саламандр,
Там снежный хмель взрастил и розлил Александр,
Там Лидиин «Осел» мечтою осиян

И лаврами увит, там нежные Хариты
Сплетают урески свирельной Маргариты...
О мудрый Вячеслав, Χαίρη! – Максимильян.

Апрель 1907
Коктебель

529

Дубы нерослые подъемлют облак крон.
Таятся в толще скал теснины, ниши, гроты,
И дождь, и ветр, и зной следы глухой работы
На камне врезали. Источен горный склон,

Расцвечен лишаем и мохом обрамлен,
И стены высятся, как древние киоты:
И чернь, и киноварь, и пятна позолоты,
И лики стертые неведомых икон.

<1909
Коктебель>

530

Я не пойду в твой мир гонцом,
Но расстелюсь кадильным дымом –
В пустыне пред Твоим лицом
Пребуду в блеске нестерпимом.

Я подавил свой подлый крик,
Но я комок огня и праха.
Так отврати ж свой гневный лик,
Чтоб мне не умереть от страха...

Сиянье пурпурных порфир
Раскинь над славе предстоящим.
...И кто-то в солнце заходящем
Благословляет темный мир.

<Начало 1910>

531

День молочно-сизый расцвел и замер;
Побелело море; целуя отмель,
Всхлипывают волны; роняют брызги
  Крылья тумана.

Обнимает сердце покорность. Тихо...
Мысли замирают. В саду маслина
Простирает ветви к слепому небу
  Жестом рабыни.

<22 февраля 1910
Коктебель>

532–534. Надписи на книге

<1>

Богаевскому

Киммериан печальная страна
Тебя в стенах Ардавды возрастила.
Ее тоской навеки сожжена,
Твоя душа в горах ее грустила,
Лучами звезд и ветром крещена.

7 марта 1910
Феодосия

<2>

Алекс. Мих. Петровой

Тысячелетнего сердца семь раз воскресавшей Ардавды
Вещий глухой перебой, вещая, слушаешь ты!

6 марта 1910
Феодосия

<3>

Сергею Маковскому

В городе шумном построил ты храм Аполлону Ликею,
Я ж в Киммерии алтарь Громедону воздвиг.

7 марта 1910
Феодосия

535

В полдень был в пустыне глас:
«В этот час
Встань, иди и всё забудь...
Жгуч твой путь».

Кто-то, светел и велик,
Встал на миг.
В полдень я подслушал сны
Тишины.

Вестник огненных вестей,
Без путей
Прочь ушел я от жилищ,
Наг и нищ.

И среди земных равнин
Я один.
Нет дорог и граней нет –
Всюду свет.

Нету в жизни ничего
Моего,
Розлил в мире я, любя,
Сам себя.

Всё, что умерло в огне, –
Всё во мне.
Всё, что встало из огня, –
Часть меня.

Толща скал и влага вод –
Всё живет.
В каждой капле бытия –
Всюду я.

Влажный шар летит, блестя, –
Бог-Дитя.
Пламя радостной игры –
Все миры.

9 апреля 1910

536

Марине Цветаевой

К Вам душа так радостно влекома!
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»!
(Почему «альбом», а не «тетрадь»?)
Почему скрывает чепчик черный
Чистый лоб, а на глазах очки?
Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки,
Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В Вашей книге столько достижений...
Кто же Вы? Простите мой вопрос.
Я лежу сегодня: невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живем для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)

Ваша книга странно взволновала –
В ней сокрытое обнажено,
В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.
Помню всё: рассвет, сиявший строго,
Жажду сразу всех земных дорог,
Всех путей... И было всё... так много!
Как давно я перешел порог!

Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга – это весть «оттуда»,
Утренняя, благостная весть...
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: «Чудо – есть!»

2 декабря 1910
Москва

537–541. <Четверостишия>

1

Как ночь души тиха, как жизни день ненастен.
Терновый нимб на каждой голове.
Я сном души истоку солнц причастен.
Я смертью, как резцом, изваян в веществе.

2

Возьми весло, ладью отчаль,
И пусть в ладье вас будет двое.
Ах, безысходность и печаль
Сопровождают всё земное.

3

Молчат поля, молясь о сжатом хлебе,
Грустят вершины тополей и верб.
И сердце ждет, угадывая в небе
Невидный лунный серп.

4

Из края в новый край и от костра к костру
Иду я странником, без [веры], без возврата.
Я в каждой девушке предчувствую сестру,
Но между юношей ищу напрасно брата.

5

Цветов развертывая свиток,
Я понял сердца тайный крик:
И пламя пурпурных гвоздик,
И хрупкость белых маргариток.

<1911>

542

Я люблю тебя, тело мое –
Оттиск четкий и верный
Всего, что было в веках.
Не я ли
В долгих планетных кругах
Создал тебя?
Ты летопись мира,
Таинственный свиток,
Иероглиф мирозданья,
Преображенье погибших вселенных.
Ты мое знамя,
Ты то, что я спас
Среди мировой гибели
От безвозвратного небытия.
В день Суда
Я подыму тебя из могилы
И поставлю
Пред ликом Господним:
Суди, что я сделал!

18 августа 1912

543

Радость! Радость! Спутница живая,
Мы идем с тобой рука с рукой,
Песнями колдуя над землей,
Каждым шагом жизнь осуществляя.

В творческих страданьях бытия
Ты всегда со мной. В порыве воли,
В снах любви и в жале чуткой боли
Твой призыв угадываю я.

Но в часы глухих успокоений
Отдыха, в минуты наслаждений
Я один и нет тебя со мной.

Ты бежишь сомненья и ущерба.
Но в минуты горечи страстной
Ты цветешь, весенняя, как верба.

<1912>

544. Майе

Когда февраль чернит бугор
И талый снег синеет в балке,
У нас в Крыму по склонам гор
Цветут весенние фиалки.
Они чудесно проросли
Меж влажных камней в снежных лапах,
И смешан с запахом земли
Стеблей зеленых тонкий запах.
И ваших писем лепестки
Так нежны, тонки и легки,
Так чем-то вещим сердцу жалки,
Как будто бьется, в них дыша,
Темно-лиловая душа
Февральской маленькой фиалки.

<28 января 1913
Москва>

545. Лиле Эфрон

Полет ее собачьих глаз,
Огромных, грустных и прекрасных,
И сила токов несогласных
Двух близких и враждебных рас,
И звонкий смех, неудержимо
Вскипающий, как сноп огней,
Неволит всех, спешащих мимо,
Шаги замедлить перед ней.
Тяжелый стан бескрылой птицы
Ее гнетет, но властный рот,
Но шеи гордый поворот,
Но глаз крылатые ресницы,
Но осмугленный стройный лоб,
Но музыкальность скорбных линий
Прекрасны. Ей родиться шло б
Цыганкой или герцогиней.
Все платья кажутся на ней
Одеждой нищенской и сирой,
А рубище ее порфирой
Спадает с царственных плечей.
Всё в ней свободно, своенравно:
Обида, смех и гнев всерьез,
Обман, сплетенный слишком явно,
Хвосты нечесаных волос,
Величие и обормотство,
И мстительность, и доброта...
Но несказанна красота,
И нет в моем портрете сходства.

29 января 1913
Москва

546

Снова
Мы встретились в безлюдьи. И, как прежде,
Черт твоего лица
Различить не могу. Не осужденье,
Но пониманье
В твоих глазах.
Твое уединенье меня пугает.
Твое молчанье горит во мне.
Ты никогда ни слова
Мне не сказал, но все мои вопросы
В присутствии твоем
Преображались
В ответы...
Ты встречный, ты иной,
Но иногда мне кажется,
Что ты –
Я сам.
Ты приходил в часы,
Когда отчаяние молчаньем просветлялось,
Тебя встречал я ночью, или
На закате... и ветер падал.
Ты живешь в пустынях,
Пути усталости вели всегда к тебе.
О, если б иначе тебя увидеть,
Если б ты пришел
В момент восторга,
Чтоб разглядеть я мог
Твое лицо.

9 июля 1914

547

Плывущий за руном по хлябям диких вод
И в землю сеющий драконьи зубы, вскоре
Увидит в бороздах не озими, а всход
Гигантов борющихся... Горе!

3 февраля 1915

548

И был повергнут я судьбой
В кипящий горн страстей народных –
В сей град, что горькою звездой
Упал на узел токов водных.

<*1915*>

549

Чем глубже в раковины ночи
Уходишь внутренней тропой,
Тем строже светит глаз слепой,
А сердце бьется одиноче...

<*1915*>

550. Петербург

Бальмонту

Над призрачным и вещим Петербургом
Склоняет ночь край мертвенных хламид.
В челне их два. И старший говорит:
«Люблю сей град, открытый зимним пургам
На тонях вод, закованных в гранит.
Он создан был безумным Демиургом.
Вон конь его и змей между копыт:
Конь змею – «Сгинь!», а змей в ответ: «Resurgam!»
Судьба империи в двойной борьбе:
Здесь бунт, – там строй; здесь бред, – там клич судьбе.
Но вот сто лет в стране цветут Рифейской
Ликеев мирт и строгий лавр палестр»...
И, глядя вверх на шпиль Адмиралтейский,
Сказал другой: «Вы правы, граф де Местр».

8 февраля 1915

551

Нет в мире прекрасней свободы,
Чем в наручнях. Вольной мечте
Не страшны темничные своды.

Лишь в узах, в огне, на кресте
Плененных архангелов крылья
Сверкают во всей красоте.

Свобода – в стесненном усильи,
В плененном полете комет
И в гордом молчаньи бессилья.

Смиренья не будет и нет.
Мгновенно из камня и стали
Рождается молнийный свет.

Лишь узнику ведомы дали!

10 февраля 1915
Париж

552. Париж зимою

Слепые застилая дни,
Дожди под вечер нежно-немы:
Косматые цветут огни,
Как пламенные хризантемы,
Стекают блики по плечам
Домов, лоснятся на каштанах,
И город стынет по ночам
В самосветящихся туманах...
В ограде мреет голый сад...
Взнося колонну над колонной,
Из мрака лепится фасад –
Слепой и снизу осветленный.
Сквозь четкий переплет ветвей
Тускнеют медные пожары,
Блестят лучами фонарей
Пронизанные тротуары.
По ним кипит людской поток
Пьянящих головокружений –
Не видно лиц, и к стеблям ног
Простерты снизу копья теней.
Калится рдяных углей жар
В разверстых жерлах ресторанов,
А в лица дышит теплый пар
И запах жареных каштанов.

20 апреля 1915
Париж

553

Верь в безграничную мудрость мою.
Заповедь людям двойную даю.
Сын благодати и пасынок нив!
Будь благодарен и будь справедлив!
Мера за меру. Добро за добро.
Честно сочти и верни серебро.
Да не бунтует мятежная кровь,
Равной любовью плати за любовь.
Два полюбивших да станут одно,
Да не расплещут святое вино.

<1915
Париж>

554

Марии Сам. Цетлин

Широки окоёмы гор
С полета птицы.
Но еще безбрежней простор
Белой страницы.

Ты дала мне эту тетрадь
В красном сафьяне,
Чтоб отныне в ней собирать
Ритмы и грани.

Каждый поющий мне размер,
Каждое слово –
Отголоски гулких пещер
Мира земного, –

Вязи созвучий и рифм моих –
Я в ней раскрою,
И будет мой каждый стих
Связан с тобою.

14 марта 1919
Одесса

555

С тех пор как в пламени косматом и багровом
Столетья нового четырнадцатый Лев
Взошел, рыкающий, и ринулся на землю,
И солнце налилось багровой дымной кровью,
И все народы мира, охваченные страстью,
Сплелись в объятии смертельном и любовном,
Мир сдвинулся и разум утратил равновесье.
Мой дух был опрокинут в кромешной тьме.
И так висящий в беспредельном мраке
Сам внутри себя, лишенный указаний
И не зная в темноте, где верх, где низ,
Я как слепец с простертыми руками
И ощупью найти опору в самом себе
Хочу.

12 сентября 1919
Коктебель

556

Мир знает не одно, а два грехопаденья:
Грехопаденье ангелов и человека.
Но человек спасен Голгофой. Сатана же
Спасенья ждет во тьме. И Сатана спасется.

То, что для человека сотворил Христос,
То каждый человек свершит для Дьявола.
В мире дело идет не о спасеньи человека,
А о спасеньи Дьявола. Любите. Верьте.

Любите Дьявола. Одной любовью
Спасется мир. А этот мир есть плоть
Страдающего Сатаны. Христос
Распят на теле Сатаны. Крест – Сатана.

Воистину вам говорю: покамест
Последняя частица слепого вещества
Не станет вновь чистейшим из сияний,
«Я» человека не сойдет с креста.

Зло – вещество. Любовь – огонь. Любовь
Сжигает вещество: отсюда гарь и смрад.
Грех страден потому, что в нем огонь любви.
Где нет греха, там торжествует Дьявол.

И голод, и ненависть – не отрицанье,
А первые ступени любви.
Тех, кто хотят спастись, укрывшись от греха,
Тех, кто не горят огнем и холодом,
Тех изблюю из уст Моих!

<13 сентября 1919
Коктебель>

557. Л.П. Гроссману

В слепые дни затменья всех надежд,
Когда ревели грозные буруны
И были ярым пламенем Коммуны
Расплавлены Москва и Будапешт,

В толпе убийц, безумцев и невежд,
Где рыскал кат и рыкали тиуны,
Ты обновил кифары строгой струны
И складки белых жреческих одежд.

Душой бродя у вод столицы Невской,
Где Пушкин жил, где бредил Достоевский,
А ныне лишь стреляют и галдят,

Ты раздвигал забытые завесы
И пел в сонетах млечный блеск Плеяд
На стогнах голодающей Одессы.

19 сентября 1919
Коктебель

558. Сон

Лишь только мир
Скрывается багровой завесой век,
Как время,
Против которого я выгребаю днем,
Уносит по теченью,
И, увлекаем плавной водовертью
В своем страстном и звездном теле,
Я облаком виюсь и развиваюсь
В мерцающих пространствах,
Не озаренных солнцем,
Отданный во власть
Противовесам всех дневных явлений, –
И чувствую, как над затылком
Распахиваются провалы,
И вижу себя клубком зверей,
Грызущих и ласкающихся.
Огромный, бархатистый и черный Змей
Плавает в озерах Преисподней,
Где клубятся гады
И разбегаются во мраке пауки.
А в горних безднах сферы
Поют хрустальным звоном,
И созвездья
Гудят в Зверином Круге.
А после наступает
Беспамятство
И насыщенье:
Душа сосет от млечной, звездной влаги.
...Потом отлив ночного Океана
Вновь твердый обнажает день:

Окно, кусок стены,
Свет кажется колонной,
Камни – сгущенной пустотой...
А в обликах вещей – намеки,
Утратившие смысл.
Реальности еще двоятся
В зеркальной влаге сна.
Но быстро крепнут и ладятся,
И с беспощадной
Наглядностью
Вновь обступает жизнь
Слепым и тесным строем.
И начинается вседневный бег
По узким коридорам
Без окон, без дверей,
Где на стенах
Написаны лишь имена явлений
И где сквозняк событий
Сбивает с ног
И гулки под уверенной пятою
Полуприкрытые досками точных знаний
Колодцы и провалы
Безумия.

12 ноября 1919
Коктебель

559. Сибирской 30-й дивизии

Посв. Сергею Кулагину

В полях последний вопль довоплен,
И смолк железный лязг мечей,
И мутный зимний день растоплен
Кострами жгучих кумачей.

Каких далеких межиречий,
Каких лесов, каких озер
Вы принесли с собой простор
И ваш язык и ваши речи?

Вы принесли с собою весть
О том, что на полях Сибири
Погасли ненависть и месть
И новой правдой веет в мире.

Пред вами утихает страх
И проясняется стихия,
И светится у вас в глазах
Преображенная Россия.

23 ноября 1920

560

Был покойник во гробе трехдневен,
И от ран почерневшее тело
Зацветало червьми и смердело.
Правил Дьявол вселенский молебен.

На земле стало душно, что в скрыне:
Искажались ужасом лица,
Цепенели, взвившись, зарницы,
Вопияли камни в пустыне.

Распахнувшаяся утроба
Измывалась над плотью Господней...
Дай коснувшимся дна преисподней
Встать, как Лазарь, с Тобою из гроба!

27 октября 1921
Феодосия

561. Революция

Она мне грезилась в фригийском колпаке,
С багровым знаменем, пылающим в руке,
Среди взметенных толп, поющих Марсельезу,
Иль потрясающей на гребне баррикад
Косматым факелом под воющий набат,
Зовущей к пороху, свободе и железу.
В те дни я был влюблен в стеклянный отсвет глаз,
Вперенных в зарево кровавых окоемов,
В зарницы гневные, в раскаты дальних громов,
И в жест трагический, и в хмель красивых фраз.
Тогда мне нравились подмостки гильотины,
И вызов, брошенный гогочущей толпе,
И падающие с вершины исполины,
И карлик бронзовый на завитом столпе.

14 июня 1922
Коктебель

562. Ангел смерти

В человечьем лике Азраил
По Ерусалиму проходил,
Где сидел на троне Соломон.
И один из окружавших трон:
«Кто сей юноша?» – царя спросил.
«Это Ангел Смерти – Азраил».
И взмолился человек: «Вели,
Чтобы в Индию меня перенесли
Духи. Ибо не случайно он
Поглядел в глаза мне». Соломон
Приказал – и было так. «Ему
Заглянул в глаза я потому, –
Азраил сказал, – что послан я за ним
В Индию, а не в Ерусалим».

25 ноября 1923
Коктебель

563. Портрет

Ни понизь пыльно-сизых гроздий
У стрельчатых и смуглых ног,
Ни беглый пламень впалых щек,
Ни светлый взгляд раскосо-козий,
Ни яркость этих влажных уст,
Ни горьких пальцев острый хруст,
Ни разметавшиеся пряди
Порывом взмеенных кудрей –
Не тронули души моей
На инфернальном маскараде.

23 августа 1924
Коктебель

564. Соломон

Весенних токов хмель, и цвет, и ярь.
Холмы, сады и виноград, как рама.
Со смуглой Суламифью – юный царь.
Свистит пила, встают устои храма,

И властный дух строителя Хирама
Возводит Ягве каменный алтарь.
Но жизнь течет: на сердце желчь и гарь.
На властном пальце – перстень: гексаграмма.

Офир и Пунт в сетях его игры,
Царица Савская несет дары,
Лукавый Джинн и бес ему покорны.

Он царь, он маг, он зодчий, он поэт...
Но достиженья жизни – иллюзорны,
Нет радости: «Всё суета сует».

26 августа 1924
Коктебель

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

565. На себя

Когда стихи я сочиняю,
Не знаю, чем мне их начать.
Когда начну, тогда не знаю,
Чем эти мне стихи кончать.

1891

566. К Л. Л<яминой>

Низойди, о вдохновенье,
Ты сегодня на меня!
Слушай, Люба, мое пенье –
Я пою лишь для тебя!
Хорошо ли посвященье?
Похвалишь ли ты меня?

21 мая <1891>

567. Овечка

(к Д.А.)

Что головку опустила,
Черноглазая овечка?
Что ты смотришь так уныло?
Что не вымолвишь словечка?
Или, может, полюбила
Ты кого-нибудь другого?
Что ты глазки опустила?
Я не сделаю дурного!
Хоть одно скажи словечко!
Перестань меня томить!
И тебя, мое сердечко,
Буду я всегда любить!

1891

568. Письмо в стихах Зволинскому

Я пишу тебе, Зволинский,
И пишу тебе стихами.
Но о чем же мне писать-то?
Это, право, я не знаю.
Получив твое посланье,
Я прочел его сейчас же.
Правда, ведь оно не длинно –
Ну да Бог с тобой, мой милый.
Ты мне пишешь, что желал бы
Знать всё то, что в это время,
Как с тобой я не видался,
Написал и сочинил я.
Написал я очень мало
И почти не сочинял я:
Есть лишь несколько отрывков
Неоконченных творений.
Ну да разве это дело?
Всё равно, что ничего ведь!
Начал вот, от скуки ради,
Я к тебе мое посланье.
Пишу прямо набело я –
Ничего, кажись, выходит.
Пишу белыми стихами,
То есть попросту размером
И без рифмы сладкозвучной.
Это, я клянусь Зевесом,
Легче рифменных тех виршей,
Что писал тебе я раньше,
Легкий стих вот так и льется
Обольстительным напевом
Без помарок и преграды.

Я тебе здесь написал вот
Почти целых две страницы,
Не ломая ни минуты
Головы над трудной рифмой.
И позволь тебе заметить:
Повозившись так немножко,
Можешь ты писать, как прозой!
Вот недавно перевел я
Таковым стихом, как этот,
Одну греческую надпись,
То есть вольным переводом,
Своего прибавив много.
И теперь, если ты хочешь,
Я ее скажу до слова:
«Расскажи, о странник, Спарте,
Что мы здесь легли костями,
Но себя не посрамили,
Не нарушили законов.
Возвести, что 300 греков
Тут сражались за свободу
Против трех мильонов персов
И что мы как львы сражались.
Почти все в неравной битве
Все погибли за свободу,
Прославляя Леонида,
Вождя храброго спартанцев».
Как находишь эту надпись –
Иль хорошей иль плохою?
Напиши мне в понедельник,
Буду ждать я с нетерпеньем
Твоего письма другого.
Я боюсь, что ты как критик,
Уважающий цензуру,
Рифму любящий душою,
Разразишься не на шутку
На посланье мое громом.

Да и правда: что за дерзость
Вдруг писать — писать без рифмы!
Это просто преступленье!!
Не сердись, мой критик строгий:
Сам Гомер, отец поэтов,
Он одним писал размером —
Тем гекзаметром священным,
Что доныне все поэты
Перед ним благоговеют.
И Пиндар, который в песнях
Победителей на играх
Олимпийских незабвенных
Воспевал, и тот размером
Лишь одним, без легкой рифмы
Написал свои все оды.
И Гораций, и Овидий,
И другие все поэты —
И эллинские и Рима —
Свои чудные посланья,
Свои чудные поэмы
Все писали лишь размером.
И ты видишь, критик строгий,
Что я прав перед тобою
Чисто как агнец невинный...
Ну, об рифме-то довольно.
В другой раз, пожалуй, больше
Напишу тебе, мой милый,
А теперь пока довольно:
Умолкаю, написавши
Сто-стиховое посланье.
До свидания, мой критик,
Мой вельможный пан Зволинский.
Остаюсь тебе покорный,
Муз воспитанник примерный
Кириенко-Шут-Волошин,
Как зовет меня наш Кузя.

<Сентябрь 1891>

569. На Н. С<абани>на

Алла велик! Чрез Магомета
Он древле чудо совершил:
Собаке дал сан человека
И даром слова оделил.
Сей род Сабаниных всё жив поныне,
Живет он, как и прежде жил.
И хоть один из них и учится латыни,
Но все собачьи он привычки сохранил.

<До 21 сентября 1891>

570

«Толстой! На что ж это похоже?
Он еретик-с – ну, вот и всё.
С своим Евангельем суется тоже...
Ну, вот-с и больше ничего.
Извольте-ка-с урок ответить,
Да вашу книжечку-с пожалуйте сюда.
Мне надо вам кой-что отметить.
Наш будущий урок когда?
Да! Послезавтра. Завтра воскресенье...
Вам надо было бы поболее задать.
Ведь всё равно, с практической-то точки зренья,
Вы целый день-то будете гулять».

Январь 1892

571

Сколько мыслей, сколько дум
Осаждают бедный ум;
Сколько пламенных идей
Рвутся к выходу скорей.
Но в душе померкнул свет,
И сказать их силы нет,
Всюду ужас, мрак и страх,
Силы нет в моих словах.
Их нельзя в словах сказать,
Невозможно удержать.
А они сильней, сильней
Рвутся к выходу скорей.
От вопросов, мыслей, дум
Ослабел несчастный ум.

14 мая 1894

572

А.М. П<етров>ой

Я знал фиалочку. Она
В тени дерев могучих
В приятном обществе цвела
Репейников колючих.
И два репейника пред ней
Душой благоговели,
Старались быть всегда нежней
И в глубине скорбели.
Но наша фьялочка, увы!
Их чувств не понимала,
Она не ведала любви
И тихо увядала.

17 мая 1895
Феодосия

573

«Amicus homo, qui non fleret?»

Наступает страшный час
Алексеевской эмульсии.
У Фиалочки тотчас
Начались конвульсии.
Закусивши хлебной коркой
Тут эмульсию с касторкой,
Закричала: «Брат мой Орька!
Как мне горько! Как мне горько!»
А репейники вдвоем
Корчатся в волнении,
Поднимается содом
И столпотворение.
Обозвав репейник чушкой,
Размахнулась Фьялка кружкой,
В лоб репейнику пустила
И затем проговорила:
«Жизнь земная мне постыла!
Убирайтесь вон, пока
Не намяла вам бока!»
И пошли колючки прочь
И проплакали всю ночь.

17 мая 1895
Феодосия

574

Не высок, не толст, не тонок,
Холост, средних лет,
Вид приятен, голос звонок,
Хорошо одет.
У него в руках всё бьется,
Он любитель клякс –
И поэтому зовется
«Ах, мой милый Макс».

<1896–1897>

575

Как ты внимательна была,
Как это вышло мило!
Ты с Лерой к Харченке зашла,
Бумагу мне купила.
Затем пришла домой, и вот
Писать письмо мне стала,
А у Дурантевских ворот
Собака завывала.
Звучал недобрым этот вой...
(Тьфу, черт!! Простите – клякса.
Где ж промокашка?!!)... Пред тобой
Носился образ Макса...
И вой был вещим, может быть,
Огня ведь нет без дыму:
Как этот пес, готов я взвыть
С тоски моей по Крыму.
Густав Антоныч уж больной,
Я буду болен тоже,
Моя тоска, как этот вой,
Изобразится в роже.
(Хотел, как видите, сострить,
Да вышло очень скверно).
Пора в редакцию спешить –
Меня уж ждут там, верно...
Иду по улице – весна,
В шинели зимней жарко,
Зато вверху лазурь видна
И солнце светит ярко.
Уж тает снег, журчит ручей,
Каменья обнажая,

Где тени нет, там уж видней
Под снегом мостовая.
Весна! У всех мужчин штаны
Подвернуты от грязи...

<Начало марта 1898
Москва>

576

Пред экзаменом он до полночи сидел,
Извивалися строки, как змеи.
Гимн весенний над ним из окошка звенел,
Кто<-то> бледный над ним наклонялся и пел,
А вокруг становилось темнее.
И в туман расплывались страницы пред ним,
Голова на тетрадь опустилась.
То, чего он не знал, встало сном золотым,
А что знал – то совсем позабылось.
И пугливой мечтой в вещий сон погружен,
Видит он римо-греческий сон:
Птицы грецкие песни поют как на смех,
И в полях зацветает гречиха,
И в саду распускается грецкий орех,
И на грех, позабыв прародительский грех,
Грек на солнышке греется тихо.
«῾Ωπωποὶ» распевает в саду соловей,
«Φιλυί μοῦ» откликаются розы,
«᾿Αγαπῶ» слышно в чаще зеленых ветвей,
Почему-то вдали заблестел Вей-хай-Вей,
А над ним всё Эротовы грёзы.
В атмосфере склонений, как древний архонт,
Выступают спряженья яснее,
И гекзаметром волны идут через Понт,
И Платон, Геродот, Демосфен, Ксенофонт,
И девятая песнь Одиссеи!
Вот Горация слышен каданс золотой,
Расцветают в полях герундивы,
И суп<и>ны уж дышат теплом и весной,
И периодов звучных извивы!

«O quo usquem! – звучит (замерла агора),
Tandem tu, негодяй Катилина,
Abuter' patientia?!»...
                                        – «Барин! пора
Уж вставать вам!» – кричит Акулина.

<Начало апреля 1898
Москва>

577

Уж я юрист второго курса!
Корабль учености моей
Не изменил прямого курса,
Пройдя средь мелей и зыбей
Из обязательств, сервитутов,
Объектов, норм, обычных прав,
И государственных статутов.
Теперь, все рифы миновав,
И торжествующий победу
Стремится гордо он на юг...
Я еду! еду!! еду!!! еду!!!!
Я еду к Вам, мой старый друг!
В четверг я выеду с курьерским,
В субботу буду – со своей
Улыбкой вечной, тоном дерзким...
Готовьте рыбий хвост скорей!
Но встреч торжественных не надо:
Оркестр прошу не приглашать
И не устраивать парада.
Цветов не стоит покупать:
Я к Вам инкогнито явлюся.
Ваш гнев представить я могу
При виде гривы... Но клянуся,
Что гривы я не обстригу!

13 мая 1898
Москва

578

«Bova maxima» Вас провожала
И почтила отъезд Ваш слезой,
А Зюзюка полсуток рыдала
Перед тем, как уехать самой.
Сам Пешковский своею особой
Захотел Вас придти проводить:
Удостоились чести особой –
Он не очень-то любит ходить,
Когда нужно ему заниматься,
Когда физикой он увлечен,
Когда начал пред ним выясняться
Уже третий Ньютонов закон.
Макс хоть с виду веселым казался
И стихами Ваш путь устилал,
Но и он под конец разрыдался,
Когда поезд уехал... (соврал).
Даже Яша (не чудо ли, право?)
Умудрился стихи написать.
И когда! Когда римское право
Ему надобно было читать.
Словом, каждый по силам старался
Облегчить ваш отъезд из Москвы...
Поезд свистнул и быстро умчался.
Совершилось: уехали Вы.
На платформе пустой оставались
Только Макс да Пешковский вдвоем,
Они грустными оба казались.
А Пешковский сказал: «Ну, пойдем».
И пошли мы по улицам дальним,
На пустую квартиру пришли.

И, окинувши взором печальным,
Там лишь две только вещи нашли:
Лампу с розгой. И лампу ту медную
Макс к горячему сердцу прижал,
А Пешковский пред розгою бедною
Удивился, подумал, но взял.

<Середина декабря 1898
Москва>

579

Что вы, песни мои, над душою моей
Так пугливо и ласково вьетесь?
И, сплетясь с вереницами светлых теней,
С тихой музыкой к сердцу несетесь?
Стойте, песни мои! Залезайте в тетрадь,
Станьте смирно и ждите до сроку:
Буду вас по редакциям я рассылать,
А редакции станут в ответ высылать
Пятьалтынный за каждую строку...

18 марта 1899
Феодосия

580. Серенада

*Посвящается т-те Ликирики Тартарен,
вдове известн<ого> франц<узского>
путешественника*

Слышишь ли ты мои дикие крики,
Радость моя, Ликирики?!
Верь – то не сам я ночною порою
Мрак всколебал над змеистой рекою:
Ревность в могучей груди взбушевалась!
Песня во мраке прыжками помчалась,
Как кенгуру по безбрежным раздольям
Мчит, настигаем свистящим дрекольем.
Слышишь ли ты мои дикие крики,
Радость моя, Ликирики?
Белый тут был – он звался Тартареном,
Он надевал полосатые брюки,
Он целовал твои черные руки!
О, как я бил его гулким поленом!!
Гулким поленом об спину крутую!
Нынче я снова соперника чую.
Вот почему эти дикие крики
Слышит моя Ликирики.

Слушай! Твой друг постоянен и верен,
Новых измен я сносить не намерен.
С взглядом шакала и с сердцем орлиным
Буду один я твоим властелином.

Но чтобы ты никому не досталась,
Чтобы навеки моею осталась,
Не обращая вниманья на крики,
Съем я тебя, Ликирики!

23 марта 1899
Феодосия

581

Я ехал в Европу, и сердце мое
Смеялось, и билось, и пело.
Направо, налево, назад и вперед
Большое болото синело.
На самой границе стоял часовой –
Австриец усатый и бравый.
Ус левый указывал путь на восток,
На запад указывал правый.
Как всё изменилось! Как будто и здесь
Тянулось всё то же болото,
Но раньше на нем ничего не росло,
А только щетинилось что-то.
А здесь оно сразу оделось травой,
Повсюду проходят канавки,
Лесок зеленеет, желтеют стога,
И кролики скачут по травке.
И сразу двенадцать томительных дней
Из жизни куда-то пропало:
Там было восьмое число сентября –
Здесь сразу двадцатое стало.
И не было жаль мне потерянных дней,
Я только боялся другого:
Вернувшись в Россию в положенный срок,
Найти на границе их снова.

Вагон железной дороги
<Около 14 января 1900
По пути в Москву>

582. Ночь в Колизее

Посвящается
Его сиятельству кн. И.

Спит великан Колизей,
Смотрится месяц в окошки.
Тихо меж черных камней
Крадутся черные кошки.
Это потомки пантер,
Скушавших столько народу
Всем христианам в пример,
Черни голодной в угоду.
Всюду меж черных камней
Черные ходы. Бывало
В мраке зловещих ночей
Сколько здесь львов завывало!!
Тихо... Подохли все львы,
Смотрится месяц в окошки.
Смутно чернея средь тьмы,
Крадутся черные кошки...

Колизей. <Рим>
12 часов ночи 15 июля
<1900>

583

Душно в городе! Как только
Снег растает под лучами, –
Закажу себе ботинки
С двухдюймовыми гвоздями,
Приготовлю «Lederhosen»,
Альпеншток с крюком из рога,
«Ruckensak» себе достану,
Колбасы возьму немного.
И лишь первый луч заглянет
В запыленное оконце –
Набекрень надену шляпу,
Порыжелую от солнца.
И пойду себе я в горы
С неизменным красным гидом,
Поражая и пугая
Всех прохожих диким видом.
Побегут за мной мальчишки
Восхищенною толпою
(Я люблю быть популярным,
От читателей не скрою).
А когда, минуя город,
Я один останусь в поле,
А кругом засвищут птицы,
Запоют ручьи на воле,
Затяну я тоже песню,
Откликаясь птичкам дальним,
Хоть отнюдь не обладаю
Я талантом музыкальным,
Хоть ни разу верной ноты
Я не взял... Но вот привычка:
Если я один останусь,
То пою всегда, как птичка.

7 января 1901
Ташкент

584

Поздно утром в час полдневный
Спал я в комнате своей.
Вдруг раздался голос гневный,
Стук ужасный, крик плачевный –
Будто кто-то заметался у моих дверей.
Ясно помню ожиданье,
Солнца яркое сиянье,
На бензинке бормотанье закипающей воды...
И промолвил голос грозно:
«Стыдно, стыдно спать так поздно,
Когда обе встали мы!
Наши кофты не дошиты,
Рукава у них не вшиты,
Не разрезаны холсты.
Мы сердиты до экстаза,
Киселев уж был два раза –
И вставайте тоже вы!»
Я проснулся, встрепенулся,
Потянулся, заворчал;
Шевельнулось в сердце что-то,
«Уходите вы в болото!» –
Чуть я было не сказал.
После было умыванье,
Умывальника журчанье,
После – чаю разливанье,
Бесконечное ворчанье,
В магазинах разных шлянье,
Всевозможные страданья
Предотъездной суетни:

То кистей исчезновенье,
То нежданное явленье
Надоедливых гостей,
Чья-то кофта в нафталине –
Всё тонуло, как в трясине,
В этом хаосе вещей.
«Я собраться не успею,
Не поеду в Пиренеи,
К Балеарским островам.
Удеру от вас на полюс
И в Норвегии устроюсь
И останусь летом там».
Полтора часа осталось,
Всё скатилось, замешалось,
Ошалели сразу все.
Киселев над ниткой тщится,
В вихре бешеном кружится
Белка – белка в колесе.
Ранцев быстрое вязанье,
Экипажа ожиданье,
Страшно тихая езда;
В кассе спор о Тарасконе...
Наконец – сидим в вагоне,
На окошке Календа.

В вагоне 7 июня <1901>
утром, подъезжая к Foix

585

Лизавета Николавна
Искус выдержала славно –
И в своих больших ботинках
Вверх вспользла на четвереньках.
Лизавета же Сергевна
Отнеслася к горам гневно:
Чуть не с самого начала
Застонала, заворчала,
Вся в кровавых пятнах стала,
Застонала, заскрипела
И на камень злобно села.
Я ж, свершивши восхожденье,
Ощутил вдруг вдохновенье,
Стилограф скорей достал
И всё это написал.
Но по просьбе Киселева
Прибавляю еще слово:
Он ходил, сопел, молчал
И пейзажи гор писал.
Без крючков, гвоздей и палок
Лезли мы на кряжи гор,
Чтоб, поднявшись выше галок,
Любоваться на простор.
Полны детской, чистой веры,
Что в горах найдем пещеры.
Но, пока мы кверху лезли,
Те коварно вдруг исчезли.

<8 июня 1901
Пиренеи>

586

Мелкий дождь и туман застилают мой путь;
Онемил себе правую руку.
«Ах, испанский ямщик, разгони как-нибудь
Ты мою неотвязную скуку!
Был разбойником ты – признавайся-ка, брат,
И не чужд был движеньям карлизма?»
«Что вы, барин! Ведь я социал-демократ
И горячий поклонник марксизма.
Вон у Вас под сиденьем лежит "Капитал" –
Мы ведь тоже пустились в науку»...
«Ну, довольно, довольно, ямщик, разогнал
Ты мою неотвязную скуку!»

<Между 15 и 18 июня 1901
Вальдемоза>

587

Марья Львовна! Я глубоко
перед Вами извиняюсь,
что, не выучив урока,
на урок к Вам не являюсь.
Дело в том, что – редкий случай
при всегдашней неохоте:
чую я призыв могучий
к свежей творческой работе.
Потому ль я нынче в духе,
что поэмы Гейне «к Мухе»,
как Апухтинские «мухи»,
мне мешали ночью спать?
Иль в лице у «Бяки-Мухи»
грациозных линий Мухи
ясно вспомнилась печать?
В библиóтеку иду я
кончить «Письма об Андорре»,
эту длинную статью я
принесу к Вам, верно, вскоре
и прочту, никем не прошен.
До свиданья. Макс Волошин.

28 февраля 1902
Париж

588

Седовласы, желтороты –
Всё равно мы обормоты!
Босоножки, босяки,
Кошкодавы, рифмоплеты,
Живописцы, живоглоты,
Нам хитоны и венки!
От утра до поздней ночи
Мы орем, что хватит мочи,
В честь правительницы Пра:
Эвое! Гип-гип! Ура!

Стройтесь в роты, обормоты,
Без труда и без заботы
Утра, дни и вечера
Мы кишим... С утра до ночи
И от ночи до утра
Нами мудро правит Пра!
Эвое! Гип-гип! Ура!

Обормотник свой упорный
Пра с утра тропой дозорной
Оглядит и обойдет.
Ею от других отличен
И почтен и возвеличен
Будет добрый обормот.
Обормот же непокорный
Полетит от гнева Пра
В тарары-тарара...
Эвое! Гип-гип! Ура!

<1911>

589–596. Сонеты о Коктебеле

1
УТРО

Чуть свет, Андрей приносит из деревни
Для кофе хлеб. Затем выходит Пра
И варит молоко, ярясь с утра
И с солнцем становясь к полудню гневней.

Все спят еще, а Макс в одежде древней
Стучится в двери и кричит: «Пора!»,
Рассказывает сон сестре сестра,
И тухнет самовар, урча напевней.

Марина спит и видит вздор во сне.
А «Dame de pique» – уж на посту в окне.
Меж тем как наверху – мудрец чердачный,

Друг Тобика, предчувствием объят, –
Встревоженный, решительный и мрачный,
Исследует открытый в хлебе яд.

2
ОБЕД

Горчица, хлеб, солдатская похлебка,
Баран под соусом, битки, салат,
И после чай. «Ах, если б шоколад!» –
С куском во рту вздыхает Лиля робко.

Кидают кость; грызет Гайтана Тобка;
Мяучит кот; толкает брата брат...
И Миша с чердака – из рая в ад –
Заглянет в дверь и выскочит, как пробка.

– Опять уплыл недоенным дельфин?
– Сережа! Ты не принял свой фетин...
Сереже лень. Он отвечает: «Поздно».

Идет убогих сладостей дележ.
Все жадно ждут, лишь Максу невтерпеж.
И медлит Пра, на сына глядя грозно.

3

ПЛАСТИКА

Пра, Лиля, Макс, Сергей и близнецы
Берут урок пластического танца.
На них глядят два хмурых оборванца,
Андрей, Гаврила, Марья и жильцы.

Песок и пыль летят во все концы,
Зарделась Вера пламенем румянца,
И бивол-Макс, принявший вид испанца,
Стяжал в толпе за грацию венцы.

Сергей – скептичен, Пра – сурова, Лиля,
Природной скромности не пересиля,
«Ведь я мила?» – допрашивает всех.

И, утомясь показывать примеры,
Теряет Вера шпильки. Общий смех.
Следокопыт же крадет книжку Веры.

4

ФРАНЦУЗ

Француз – Жульё, но всё ж попал впросак.
Чтоб отучить влюбленного француза,
Решилась Лиля на позор союза:
Макс – Лилин муж: поэт, танцор и маг.

Ах! сердца русской не понять никак:
Ведь русский муж – тяжелая обуза.
Не снес Жульё надежд разбитых груза:
«J'irai périr tout seul à Kavardak!»

Все в честь Жулья городят вздор на вздоре.
Макс с Верою в одеждах лезут в море.
Жульё молчит и мрачно крутит ус.

А ночью Лиля будит Веру: «Вера,
Ведь раз я замужем, он, как француз,
Еще останется? Для адюльтера?»

5

ПРА

Я Пра из Прей. Вся жизнь моя есть пря.
Я, неусыпная, слежу за домом.
Оглушена немолкнущим содомом,
Кормлю стада голодного зверья.

Мечась весь день, и жаря, и варя,
Варюсь сама в котле, давно знакомом.
Я Марье раскроила череп ломом
И выгнала жильцов, живущих зря.

Варить борщи и ставить самовары –
Мне, тридцать лет носящей шаровары, –
И клясть кухарок? – Нет! Благодарю!

Когда же все пред Прою распростерты,
Откинув гриву, гордо я курю,
Стряхая пепл на рыжие ботфорты.

6
МИША

Я с чердака за домом наблюдаю:
Кто вышел, кто пришел, кто встал поздней.
И, с беспокойством думая о ней,
Я черных глаз, бледнея, избегаю.

Мы не встречаемся. И выйти к чаю
Не смею я. И, что всего странней,
Что радости прожитых рядом дней
Я черным знаком в сердце отмечаю.

Волнует чувства розовый капот,
Волнует думы сладко-лживый рот.
Не счесть ее давно-отцветших весен.

На мне полынь, как горький талисман.
Но мне в любви нескромный взгляд несносен,
И я от всех скрываю свой роман.

7
ТОБИК

Я фокстерьер по роду, но батар.
Я думаю, во мне есть кровь гасконца.
Я куплен был всего за полчервонца,
Но кто оценит мой собачий жар?

Всю прелесть битв, всю ярость наших свар,
Во тьме ночей, при ярком свете солнца,
Видал лишь он – глядящий из оконца
Мой царь, мой бог – колдун чердачных чар.

Я с ним живу еще не больше году.
Я для него кидаюсь смело в воду.
Он худ, он рыж, он властен, он умен.

Его глаза горят во тьме, как радий.
Я горд, когда испытывает он
На мне эффект своих противоядий.

8

ГАЙДАН

Я их узнал, гуляя вместе с ними.
Их было много. Я же шел с одной.
Она одна спала в пыли со мной.
И я не знал, какое дать ей имя.

Она похожа лохмами своими
На наших женщин. Ночью под луной
Я выл о ней, кусал матрац сенной
И чуял след ее в табачном дыме.

Я не для всех вполне желанный гость.
Один из псов, когда кидают кость,
Залог любви за пищу принимает.

Мне желтый зрак во мраке Богом дан.
Я тот, кто бдит, я тот, кто в полночь лает,
Я черный бес, а имя мне – Гайдан.

<Май 1911
Коктебель>

597

Шоссе... Индийский телеграф,
Екатерининские версты.
И разноцветны, разношерстны
Поля осенних бурых трав.
Взметая едкой пыли виры,
Летит тяжелый автобус,
Как нити порванные бус,
Внутри трясутся пассажиры.
От сочетаний разных тряск
Спиною бьешься о пол, о кол,
И осей визг, железа лязг,
И треск, и блеск, и дребезг стекол.
Летим в огне и в облаках,
Влекомы силой сатанинской,
И на опаснейших местах
Смятенных обормотов страх
Смиряет добрый Рогозинский.

<1912
Коктебель>

598. Серенький денек

И.Г. Эренбургу

Грязную тучу тошнило над городом.
Шмыгали ноги. Чмокали шины.
Шофёры ругались, переезжая прохожих.
Сгнивший покойник с соседнего кладбища,
Во фраке, с облезшими пальцами,
Отнял у девочки куклу. Плакала девочка.
Святая привратница отхожего места
Варила для ангелов суп из старых газет:
　　«Цып, цып, цып, херувимчики...
　　Цып, цып, цып, серафимчики...
　　Брысь ты, архангел проклятый,
　　Ишь, отдавил серафиму
　　Хвостик копытищем...»
А на запасных путях
Старый глухой паровоз
Кормил жаркой чугунною грудью
Младенца-бога.
В яслях лежала блудница и плакала.
А тощий аскет на сносях,
Волосатый, небритый и смрадный,
В райской гостиной, где пахло
Духами и дамскою плотью,
Ругался черными словами,
Сражаясь из последних сил
С голой Валлотоновой бабой
И со скорпионом,
Ухватившим серебряной лапкою сахар.

Нос в монокле, писавший стихи,
Был сораспят аскету,
И пах сочувственно
Пачулями и собственным полом.
Медведь в телесном трико кувыркался.
Райские барышни
Пили чай и были растроганы.

А за зеркальным окном
Сгнивший покойник во фраке,
Блудница из яслей,
Бог паровозный
И Божья Матерь,
Грустно меся ногами навозную жижу,
Шли на запад
К желтой, сусальной звезде,
Плясавшей на небе.

10 декабря 1915
Париж

599

Из Крокодилы с Дейшей
Не Дейша ль будет злейшей?
        Чуть что не так –
Проглотит натощак...

У Дейши руки цепки,
У Дейши зубы крепки.
        Не взять нам в толк:
Ты бабушка иль волк?

Июнь 1917
Коктебель

600. Татида
(Надпись к портрету)

Безумной, маленькой и смелой
В ваш мир с Луны упала я,
Чтоб мчаться кошкой угорелой
По коридорам бытия.

12 октября 1918

601

Вышел незваным, пришел я непрошеным,
Мир прохожу я в бреду и во сне...
О, как приятно быть Максом Волошиным –
Мне!

<Лето 1923
Коктебель>

602

Анчутке

За то, что ты блюла устав законов
И стопы книг на полках и в шкафах;
За то, что делала «наполеонов»
На тезоименитных торжествах;
За то, что ты устраивала сборы
На желтый «гроб», на новые заборы
И, всех волошинцев объединив,
Ты возглавляла дачный коллектив;
За то, что ты присутствовала скромно
На всех попойках и вносила пай
И – трезвая – была сестрой приемной
Упившимся бурдою невзначай;
За то, что ты ходила за больными
Поэтами, щенками... и за то,
Что, утаив пророческое имя,
Нимб святости скрывала под пальто;
За то, что соглашалась выйти замуж
За жуткого ветеринара ты,
За то, что как-то признавалась нам уж,
Что хромота есть признак красоты;
За то, что с осиянными очами
От Белого ты не спала ночами,
В душе качая звездную метель;
За то, что ты была для всех – АНЧУТКОЙ,
Растрепанной, нелепою и чуткой, –
Тебя благословляет Коктебель!

1 сентября 1924
Коктебель

603. Мистеру Хью

Е. С. Кругликовой

Хорошо, когда мы духом юны,
Хоть полвека на земле цветем,
И дрожат серебряные струны
В волосах и в сердце молодом.

Мир любить, веселием согретый,
Вольных гор синеющий уют
И чертить немые силуэты –
Беглый след несущихся минут.

Знать лишь то, что истинно и вечно,
Красотою мерить жизнь свою
И над жизнью танцевать беспечно,
Как изящный мистер Хью.

9 сентября 1926
Коктебель

604

На берегах Эгейских вод
Белье стирала Навзикая.
Над Одиссеем небосвод
Вращался, звездами мерцая.
Эфир огнями проницая,
Поток срывался Персеид.
И, прах о небо зажигая,
Не остывал аэролит.

Я падал в бездны. Мой полет
Насквозь, от края и до края,
Алмазом резал синий лед,
Пространство ночи раздирая.
Денница – жег миры тогда я,
Сам пеплом собственным повит,
Но, стужу звездную пронзая,
Не остывал аэролит.

Из века в век, из рода в род, –
Лафоргов вальс планет сбивая,
Сперматозоиды фокстрот
Танцуют, в гроте нимф сверкая.
И Афродита площадная
Тела качает, дух щемит,
Чтоб, вечность оплодотворяя,
Не остывал аэролит.

Поэт, упавший к нам из рая,
Ты спишь под гнетом звездных плит,
Чтоб, в землю семя зарывая,
Не остывал аэролит.

<Август 1928
Коктебель>

НЕОКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

605

Сбиралася буря. Свинцовые тучи
Над морем сурово висели.
И море утихло. Гранитные кручи
С угрозою в бездну глядели...

1891

606

Мечтатель безумный, с младенческих лет
Природу любить приучился.
В мечтаньях и думах я, бедный поэт,
Бог знает, куда уносился...

1891

607

То было в давни времена,
Когда Эллада вся была
Страной искусства и любви, –
Что знаешь, может быть, и ты.
И в той стране, под сенью древ,
Оставив игры прочих дев,
Одна красавица жила.
О ней хочу поведать я.
Она с рождения была
Тиха, задумчива всегда,
Как серна робкая легка,
Стройна, пуглива и дика.
Уйдет порой от дома прочь
И пропадает день и ночь.
Сидит над морем на скале,
На море смотрит. Вдалеке
Волна катится за волной –
Ей мил шумящий их прибой...

Январь 1892

608

По слову грозного владыки
Восстали тысячи людей.
Но умер он – и смолкли клики
Он позабыт в стране своей.
Но вот писатель. Он при жизни
Почти что не известен был...

<Сентябрь–октябрь 1892>

609

Меж чудных роз одна есть роза,
Нам жизнь и свет дает она.
Она не вянет от мороза,
Она спасет нас от зла.
Та роза есть любовь святая –
Любовь великая Христа...

20 окт<ября> 1892

610

В темнице под двойным запором
Сидит плененный Псаменит,
Лишенный царства. Грустным взором
В окно он узкое глядит.
И вдруг он видит, пораженный:
В одежде бедной и плохой
Его друзей и приближенных
Идут и дочери и жены,
Будто рабыни, за водой.
Он видит дочь свою меж ними,
Рыданья слышит их отцов...

<Октябрь—ноябрь 1892>

611

Послов посылает в Египет Камбиз,
Велит он сказать египтянам:
«Сдавайтесь мне, как другие сдались,
Не то самолично приеду в Мемфис –
И горе всем будет буянам!»
Вспылил не на шутку тогда Псаменит,
Указ выдает он престрогий,
Чтоб в Ниле послов, как котят, утопить,
А сам, улыбаясь, потом говорит:
«Туда дуракам и дорога!»
Камбиз, оскорбяся поступком таким,
Дружины в Египет приводит,
И, жаждою мести и гневом томим,
В полях Пелузийских он сходится с ним
И страшный тут бой происходит...
И хитрость такую устроил Камбиз:
Взять кошек велит он солдатам...

<Ноябрь–декабрь 1892>

612

Море воет, шумит и бушует во мгле –
Расходилося что-то сегодня оно.
Ты на берег поди и там сядь на скале
И послушай суровые песни его.
Оно скажет тебе про минувшие дни
И про славных героев, про подвиги их,
Как сражались и бились и гибли они,
На своих быстролетных ладьях расписных.
Оно скажет тебе о прекрасной земле,
Где под сводом сияющих, ясных небес
Гор вершины блестят в голубой высоте
И стоит изумрудный тропический лес,
И где воды живыми струями текут,
Где деревья растут, наклонясь над тобой,
И где чудные пальмы и лавры растут
И ветвями сплетаются между собой.
Оно скажет тебе и про цепь островов,
Что стоят на сверкающей глади морей,
Как большие корзины роскошных цветов,
И где солнце сияет прекрасней, теплей.
Раз у моря сидел я на темной скале
И внимал я раскатам сердитых валов.
И вот, что те волны поведали мне,
То сказанье хочу я поведать вам вновь.
То случилось в богатой и славной стране,
Но не знаю, когда. Что-то очень давно.
Я скажу только то, что поведали мне
Волны моря, шумя у утеса того.
Ею правил король, он был очень суров,
Под правленьем его весь народ изнывал

И томились в цепях миллионы рабов,
И без счета людей он в тюрьму заключал.
У брегов океана, в гранитной скале,
Там темницы иссечены были для них,
И томились они там без света во мгле,
И уж там навсегда забывали о них.
А народ же несчастный не смел и роптать
И конца он не видел страданьям своим,
В нищете и печали всю жизнь изнывать
Приходилось ему. Но внезапно меж ним...

<Ноябрь–декабрь 1892>

613

В сияньи солнечного дня
Земля и дышит и не дышит.
И дуновенья ветерка
Тростник над озером колышет.
Как чист и ясен свод небес!
Струится речка, изгибаясь.
Стоит угрюмый, темный лес,
В зеркальной влаге отражаясь.
Как всё трепещет и цветет,
Как всё сверкает, веселится
И бриллиантами искрится...

<Ноябрь–декабрь 1892>

614. Друзьям

Из страны, где море сине,
Где так ярок солнца свет,
Я на север мой унылый
Шлю друзьям свои привет.
Кто-то знает, что придется ль
Нам друг друга увидать.

<Июнь 1893>

615

Л. Ляминой

Часто тут средь этой дивной
Величавой красоты
О Москве моей далекой
Меня мучают мечты.
И мерещится мне часто...

<*Июль 1893*>

616

Опять нахлынули тяжелою волной
Мучительные сны, мучительные думы;
Опять душа полна суровой и угрюмой
И темной, будто ночь осенняя, тоской...
Опять сомнения, тревоги и страданья
Волнуют без того измученную грудь,
Опять волнения, порывы и
И силы нет...

<*1893*>

617. Поэту

Восстань, поэт! Теперь не время
В тиши, в бездействии дремать!
Ты должен ветреное племя
Своею речью просветлять.
В наш век науки и прогресса
Нет места лирике простой,
Лишь обличительная пресса
Имеет силу в век такой.
Восстань! Иди свободным словом
Пороки, подлость бичевать...

<1893>

618–622. Отрывки из поэмы

Пролог

Грозно ветер в ущелье шумит и ревет,
Небо черной подернуто мглою.
Слышишь? Вон Океан свою песню поет,
Бьет о берег могучей волною.
«Ты послушай меня. Я старик Океан,
Много тайн сокровенных я знаю.
Много дивных и чудных полуденных стран
Я прозрачной волной омываю.
Много разных сокровищ лежит у меня,
Много видел людских я страданий.
Много разных чудес покажу тебе я
И поведаю дивных сказаний!»
Так шумит Океан. Расходился Старик,
Вспомнил силу свою он былую.
Теперь много он скажет рассказов своих,
Что случилося в древность седую.
Много дивных рассказов его я слыхал,
Но рассказывать их я не стану.
Я один лишь из них для себя записал –
То рассказ Старика Океана.

Москва. В гимназии,
за латинск<им> уроком.

I

На юге где-то есть страна.
Лучами яркими она
Как будто легкой пеленой
Вся облита. Там над землей
Повис, как чудо из чудес,
Прозрачный, синий свод небес.
Да рассказать всё нету слов!
Колонны мраморных дворцов,
Приюта сладких южных грёз,
Покрыты кружевом мимоз.
Вон гор далеких силуэт,
Прозрачной дымкою одет,
Там, на краю самой земли
Слегка рисуется вдали.
Там всё сверкает и живет,
Там зелень вечная цветет,
Цветов роскошных дивный сад
Струит чудесный аромат.
А море чудное! Оно –
Клянусь! – прекраснее всего.
Там над хрустальною водой
Шатер раскинулся живой,
Там пальмы гордые растут,
Там кипарис и лавр цветут
И зелень стройных тополей
В лазури кажется светлей...

II

Он бедным пел: «Терпи, народ!
Не вечно тягостное бремя.
Придет пора, настанет время,
Когда спасение придет.
Сам Бог страдал! Он нам смиренье,

Любовь и правду завещал.
Своим страданием прощенье
Грехов он людям даровал.
Терпи, народ. Чем тяжче бремя,
Чем больше горя и забот,
То тем скорей настанет время,
Когда спасение придет!..»

III

...Тихо склонилися ивы плакучие
Над неподвижной зеркальной водой.
Дай же мне выплакать слезы горючие,
Дай же поплакать мне вместе с тобой.
Дай же мне высказать скорбь неисходную,
Что накипело в несчастной душе.
Сердце наполни мне верой свободною,
        Дай утешение мне!..

IV

Зачем печально, ангел мой,
Теперь ты смущена?
Зачем грустить! Ведь я с тобой,
Я твой и ты моя!
Не плачь. Лобзанием своим
Я слёзы осушу
И взглядом любящим, как дым,
Печаль всю прогоню.
Зачем печалью, ангел мой,
Теперь смущать себя?
Зачем грустить! Ведь я с тобой,
Я твой и ты – моя!

<*1893*>

623

Что за дивная ширь! Что за чудный простор!
Я гляжу – оторвать просто жаль
От чудесных картин очарованный взор:
Там, направо, налево, в прозрачную даль
Убегают уступы истерзанных гор;
От вершин до подошвы покрыты они
Темным мохом дремучих столетних лесов,
И, куда ни глядишь, – всюду горы одни...

2 августа <1893>
Коктебель

624

Только там, вдалеке, за границей хребта,
Где сгустился туман и темней и синей,
Словно вырвавшись прочь из гранитных оков,
Протянулася даль золотистых лугов,
Широта бесконечных степей...

<Сентябрь 1893>

625

Двенадцать пробило. Родился новый год.
И старый новому уж место уступает.
Что нового с собой нам этот принесет?
Что жизнь старого навеки потеряет?
Я был один. Я встретил новый год
Вдали от вас, друзья мои, на юге;
Я слышал: океан бушует и ревет,
И ветра свист, и ропот южной вьюги.
Я был один. И в комнате моей
Одна свеча печально догорала...

<31 декабря 1893>

626

Недавно над морем я долго стоял.
В туманной обманчивой дали
Ревел и катился бушующий вал,
Немые громады недвижимых скал
Под натиском моря дрожали.
Порывистый ветер в ущельях гудел,
И горы глядели угрюмо.
Я долго над морем стоял и смотрел,
Томимый мучительной думой.
Я думал: ты страшен, велик, океан,
Лежишь в бесконечном просторе.
Но есть и страшнее тебя великан –
И это житейское море;
Оно и грозней и опасней, чем ты,
Хоть часто в опасном покое
Ласкает и нежит и манит мечты,
Чаруя своей красотою.
Но много разбитых надежд там на дне...

<Декабрь 1893>

627

Чудный мир волшебной сказки!
Полный неги старый сад,
Освещенный весь луною,
Роз и фиалок аромат.
Воздух нежит и ласкает...

9 января 1894
Феодосия

628

У ворот разрушенного храма,
Где сплетаются и плющ и виноград
Вкруг колонн разбитой колоннады,
Где акаций белых аромат,
Что как кружевом на сером фоне камня
Рассыпают зелень яркую ветвей,
Так струится, нежный и прекрасный;
Посреди обломков и камений
Уцелела странная статуя.
Хоть от времени потрескалась она,
Но в лице ее чудесные черты...

<Январь 1894>

629

Море как зеркало. Тишь непробудная.
Неизмеримый простор.
Даль синеватая, светлая, чудная
Манит, ласкает мой взор.
Скалы в воде целиком отражаются.
Жарко! Уплыть лучше в ночь!

<Между 28 июня и 3 июля 1894>

630

Прекрасна благодатная
Юга красота,
Но жажда невозвратная
Манит меня всегда.
От юга вечно ясного
На север милый мой,
Хоть меньше там прекрасного,
Зато ведь он родной.
Уж так на свете водится,
Велося так всегда –
Гора с горой не сходится
Вовеки никогда.

<Конец июня–начало июля 1894>

631

Песни чудные милой отчизны моей,
Без конца я вас слушать готов.
Родились вы в просторе зеленых степей,
В глубине   лесов.
В вас

<1894
Коктебель>

632

Мне снилась ночь: в сиянии луны
Лежали бледные остатки разрушенья –
Обломки гордые далекой старины,
Развалины эпохи Возрожденья.
Лишь кое-где, изящна и стройна,
Из праха и пыли колонна возвышалась
Дорийски-строгая. Казалось, что она
Над силой времени спокойно издевалась.
Разбросаны кругом, лежали меж камней
Порталы, портики, фронтоны, изваянья,
Кентавр и сфинкс – смесь зверя и людей,
Фантазии причудливой созданья.
И мраморный раскрытый саркофаг
Лежал нетронутый под грудами развалин...

<Весна 1898
Феодосия>

633

В стенах наших душных больших городов,
Где нет ни простора, ни света,
Где воздух отравлен, где зелень садов
Желтеет средь знойного лета,
Где зелень лесов и раздолье полей –
В искусственных красках картины –
Мы видим при свете вечерних огней
За толстым окошком витрины.
Где даже сама чародейка-весна
Земли не ласкает цветами,
Не будит заснувшие реки от сна,
Не льется в канавках ручьями.
Давно мы отвыкли от ярких лучей,
От бодрой и светлой природы,
И нам не понятно, что шепчет ручей,
Рыданья ночной непогоды.
Степные туманы, безмолвие гор,
И звездочек светлых мерцанье,
И волн бесконечный, живой разговор,
И сосен немых очертанья.
Но здесь, под потоками ярких лучей,
Под небом родимого Крыма
Люблю я природу сильней, горячей –
Как тучки, плывущие мимо,
Спокойно скользят над моею душой
Простые и ясные думы.

634. Сон в Шули

<I>

В Шулинской долине привольно садам.
Кругом меловые отроги.
Отсюда к умершим давно городам
Идут через горы дороги.
В Шулинской долине – и тень и покой;
А ночью, когда разгорятся
Лучистые звезды в дали голубой,
В Шулинской долине бесшумной толпой
Виденья и тени роятся.
Видения к путнику сходят сквозь тьму,
Уйдут, возвращаются снова;
И вьются и шепчут, и снятся ему
Далекие тени былого.

II

Глядя на утесы и выступы скал,
На серые кручи, на эти
Могучие башни, я вдруг проникал
Сквозь мрак пролетевших столетий.
Спускается вечер. До слуха достиг
Ручья однозвучного ропот.
Чу! Снизу долины послышался крик
И конный отрывистый топот.
То мчится к Мангупу испуганный хан,
За ним царедворцы толпою.
Внизу по долинам ложится туман,
Поляны покрыты росою.

Чалма набекрень; отклонившись назад,
Он стиснул зубчатые шпоры.
Далёко в долине остался Албат,
Уж близки Мангупские горы.
Там в тихой долине на гребне горы –
Мангупа зубчатые стены,
Во время осады и смутной поры
Служившие ханам Равенной.

III

Торопит и бьет он нагайкой коня,
Чепрак весь от пыли белеет.
В последних лучах догоравшего дня
Вершина Мангупа алеет.
«Ах, Ваше величество! Царь из царей!
Брат солнца, властитель вселенной!
Могучий и грозный великий Гирей,
Меняйте же лошадь, бежим же скорей
За эти могучие стены!»
Так визирь великий смиренно изрек
Могучему хану Сарая –
А он и не слышит, лишь мчится вперед,
Нагайкой коня погоняя.

IV

Всё тихо. На темных мангупских стенах
Недвижно стоят часовые.
Луна, отражаясь на острых камнях,
Зажгла огоньки золотые.
А замок, окутанный тьмою, молчит,
Не слышно ни звука, ни шума...
Лишь хан у окошка безмолвно стоит,
На дальнее зарево долго глядит
И думает тяжкую думу.

Не спит и глядит он, и думает он,
Сжимая могучие руки:
«Аллах! О, ужели всё это не сон,
Все эти безумные муки?

....

VII

Как раненый змий, издыхает Сарай,
Убили его Московиты.
А будет и хуже! Так это и знай –
На эти долины взгляни ты.
Свежа и прекрасна родная страна,
Как гурия рая мила мне.
И будет врагами она сожжена,
И камня не будет на камне.
А после, когда разрешенье пройдет,
Замолкнет Мангуп опустелый, –
Толпа чужеземцев-гяуров придет
Разведать минувшего дело.
И будут безбожно писать на стенах
Свои имена и прозванья.
Бледнеешь! Так хочет великий Аллах –
Я знаю Аллаха желанье.
А дальше что будет – дрожи и внимай:
Сюда губернатор приедет,
И плотно закусит и выпьет здесь чай,
А после со свитой уедет.
Сынам твоим много придется терпеть,
Властитель Сарая богатый,
Твой правнук не будет Тараем владеть,
А только казенной палатой.
И скалы, пока времена пробегут,
Пребудут безмолвны и немы.
Затем – трепещи! здесь поэты пройдут
И вместе напишут поэму.

Затем предрекаю ужасные дни:
Прибудут студенты в отставке.
Поэму обдумывать станут они,
Воссевши на каменной лавке!!

<Июль 1899
Бахчисарай>

635

И был туман. И средь тумана
Виднелся лес и склоны гор.
И вдруг широкого Лемана
Сверкнул лазоревый простор.
Зеленый остров, парус белый,
«На лоне вод стоит Шильон»,
А горы линиею смелой
Рассекли синий небосклон.
И серебристые туманы
Сползают вниз по склонам гор,
И виноградник, как ковер,
Покрыл весь берег до Лозанны
И мягко складками идет
До самой синей [глади] вод.

<1899>

636

Народ – огромный, музыкальный
И очень сложный инструмент.
Лишь композитор гениальный,
Удачный выбравши момент,
С такою силою могучей
Ударить может по струнам,
Что вырвет целый ряд созвучий
Своим идеям и словам.
Когда же сам он, звуков полный,
Могучей музыкой звучит,
Так кто ж удержит, кто смирит
Его рокочущие волны?
Но вы, хотевшие лишь только,
Когда он сам был звуков полн,
Сдержать напор свободных волн...

<Январь 1900>
Берлин

637

Стихи мои! Как вехи прожитого
Я ставил вас на жизненном пути.
Но я так часто лгал, любуясь формой слова,
Что истину мне трудно в вас найти.
Поэзия так лжет! У каждого искусства
Такой большой запас
Готовых образов для выраженья чувства,
Красивых слов и фраз.
Красивые слова так ластятся, играют,
Послушно и легко ложатся под перо...

<Апрель 1900
Москва>

638. Отрывок о Тиволи

Фонтаны, аллеи... Запущенный сад...
Развалины старого дома...
Я всё это видел когда-то давно...
Мне всё это с детства знакомо...
Должно быть из сказок, наивно-простых,
Украшенных мыслью немецкой,
Которые в жизни цветут только раз
На почве фантазии детской.
И тают, как снежный узор на стекле,
При первом дыхании мысли...
В аллеях зеленый сырой полумрак,
Пушистые ветви нависли.
Горячий, трепещущий солнечный луч
Пробился сквозь ветви платана...
Блестя в темноте, и поет и звенит
Холодная струйка фонтана.
Зацветшие мраморы старых террас,
Разросшийся плющ на пороге...
В таинственных гротах одетые мхом
Забытые, старые боги...
Везде изваяния лилий – гербы
Фамилии д'Эсте старинной.
В развалинах весь восемнадцатый век:
Манерный, кокетливый, чинный,
Век фижем и мушек, Ватто и Буше,
Причудливый век превращений...
В сыром полумраке зеленых аллей
Скользят грациозные тени...
Чуть слышно атласные платья шуршат...

Со шпагой, изящен и ловок,
Идет кавалер – и мутятся ряды
Напудренных белых головок...
Проносится легкий, кокетливый смех
По дальним извивам дорожки...
По мраморным плитам широких террас
Скользят чьи-то белые ножки...
О, бедные ножки прекрасных принцесс,
Ласкавшие старые плиты!
Давно уж великой народной волной
Вы сломаны, стерты и смыты...

Другая эпоха – другой колорит:
Суровый, как бронзы Гиберти.
Ряды кипарисов и синих олив –
Печальные символы смерти.
Спокойно и тихо... Фундаменты стен.
Всё срыто, разрушено, голо...
И только горячее солнце палит
Цветные мозаики пола...

<До 20 января 1901>

639

Под небом Италии вы рождены,
Мои серебристые песни!
И блеском и светом они рождены,
В них всё отразилось широко:
И нега и синь средиземной волны,
И яркие краски востока.
Проникнуты солнечным зноем они...
Пусть веет от этих страниц же
Тем «югом», который так страстно манил
Великого Фридриха Ницше.
Тем «югом» искусства, ума, красоты,
Свободным, языческим югом,
К которому с детства стремились мечты
С мистическим странным испугом.
И всё, что ребенком манило меня,
Чем сердце бывало томимо,
Всё то воплотилось позднее в одном
Сияющем имени Рима.
И вот я свободен. Весь мир предо мной
И всюду мне вольная воля.
С ликующей песней, с мешком за спиной
Я шел по долинам Тироля.
На бархате ярко-зеленых лугов
Красивые церкви белели,
А выше, на фоне сияющих льдов,
Синели зубчатые ели.
«В Италию!» – громко звенело в ушах,
«В Италию!» – птицы мне пели,
«В Италию» – тихо шуршали кругом
Мохнатые старые ели.

Я шел через мхи в полумраке лесном,
Где сыростью пахло и гнилью,
Где тонкою нитью висел водопад,
Дробясь серебристою пылью.

Кровавым потоком меж темных громад
Сползают альпийские розы,
Сверкает и воет внизу водопад,
Склоняются ветви березы.
Родная березка! она здесь в горах
Казалась такой иностранкой,
Изгнанницей бедной в далеком краю,
Застенчивой русской крестьянкой.
В траве – бесконечные точки цветов,
Как в светлых пейзажах Беклина –
Мильоны фиалок, ирисов и роз,
Нарциссов, тюльпанов и тмина.
Всё выше! Веселая зелень долин
Уходит от вашего взгляда.
По узким краям недоступных стремнин
Сползает далекое стадо.
Коровы и овцы глядят на людей
С большим любопытством своими
Большими глазами. Я как-то в горах
Совсем очарован был ими.
Они всей толпой окружили меня,
Почтительно руки лизали;
Я даже подумал сперва, что они
Стихи мои, верно, читали.
Друзья же мои убедили меня,
Что я глубоко ошибался,
Что это звук «м-м-э», повторяемый мной,
Им чем-то родным показался.

<Июнь 1901
Майорка>

640

В истории много магических слов.
И тайная сила в их смысле
Влияет в течение целых веков
На ход человеческой мысли.
Италия! Рим! Где найдутся слова
С таким же громадным значеньем?

Да! Рим был разбойничьим страшным гнездом,
Но гнёзда бывали страшнее,
И корень величия Рима не в том,
А в том, что он грабил идеи.
И каждой идее, добытой мечом,
Давал он и власть и значенье
Всемирности. Рим был огромным котлом,
В котором свершалось броженье.
И сколько мой детский неопытный ум
Ни мучили классики в школе,
И сколько они ни терзали мой мозг,
Ни били, ни жгли, ни кололи,
Стараясь мою пробужденную мысль
Зарезать словами своими, –
Но даже они не могли омрачить,
Унизить великое имя.

<Лето 1901
Майорка>

641

Солнце дымкой даль заткало,
Чайки в воздухе летят,
Всеми красками опала
В море искры блестят.
На песок сырой, играя,
Волны синие скользят,
Белой пеной потрясая,
И смеются и звенят.
И десятками дорожек,
Полусмытых от воды,
Босоногих детских ножек
Отпечатались следы.
Обхожу я осторожно
Лапки маленьких зверей...

<Лето 1901
Майорка>

642. Девятнадцатый век

I

Его отец был гордый, умный
Старик. Вполне аристократ,
Любивший образ жизни шумный
И дрессированных солдат.
Любивший роскошь и почет,
Игру ума и блеск острот,
Искусство, знанье и свободу,
Но не дававший их народу.
Его считали атеистом,
Но атеистом не был он:
Философ, скептик и масон,
Он был, скорей всего, деистом.
Поклонник знанья и манер, –
Его оракул был Вольтер.

II

Он жизнь свою окончил крахом,
Подобно многим из людей,
И разлетелись, стали прахом
Обломки царственных затей.
Необычайные явленья,
Отца согнавшие во гроб,
Ребенка слабого рожденье
Сопровождали. Гороскоп
Руссо с Вольтером составляли,
Им Кант немного помогал,
И Шиллер гимн ему слагал,

И сказку первую (едва ли
Ее тогда он понимал)
Ему сам Гёте рассказал.

III

Та сказка «Фауст». Так в начале
Его великую судьбу
Явленья эти предвещали,
Но предвещали и борьбу.
И в самый миг его рожденья
Сиявший золотом дворец,
Где умирал его отец,
Объяло пламя разрушенья.
И знамя красное свободы
Подняв высоко над толпой,
Порабощенные народы
Туда ворвались. Их толпой
Был унесен ребенок-сын
В водоворот людских пучин.

IV

Его судьбой толпа играла,
И Революция сама
Его кормилицею стала.
И грудью собственной она
Ребенка чуждого вскормила;
И эта пламенная грудь
Его согрела, возродила
И сил дала на трудный путь.
Она, как мать, его ласкала
С безумной нежностью в очах,
Его качала на руках
И Марсельезу напевала.
И колыбельной песнью был
Ему тот гимн народных сил.

V

Но скоро был наставник новый
Ему судьбой капризной дан.
Солдат упрямый и суровый,
Матреубийца и тиран,
Сын Революции Великой,
Умевший твердо управлять
Народной массой полудикой
И буйным силам выход дать.
И легковерные народы
Сдержав железною уздой,
Он успокоил их войной
И бедным призраком свободы.
Свою же собственную мать
Велел подальше он убрать.

VI

Он был его молочным братом
И сам судьбу его решил:
«Ребенок должен быть солдатом»,
И тот, едва еще ходил,
Как приступил он к воспитанью:
Велел команду исполнять
И обучал маршированью.
Ребенка стала занимать
Такая жизнь. Его игрушки
В то время были барабан,
Труба, знамена разных стран
И каски, ружья, сабли, пушки.
Он, как мы все, – ни дать ни взять –
Любил в солдатики играть.

VII

. . . .
(Еще не написана. Но по общему
смыслу необходима).

VIII

Он рос и общее вниманье
К себе невольно привлекал,
Хотя не раз в негодованье
Почтенных старцев повергал
Своими играми, скачками,
Своим отсутствием манер
И неуместными словами.
Они в нем видели пример
Дурного тона и влиянья.
Сам дядька был с ним очень строг,
Его наказывал, чем мог,
И шло так дело воспитанья
(Не знаю, в пользу иль во вред)
Вплоть до четырнадцати лет.

IX

Уж раньше дядьки эти, или
Душеприказчики отца
Его покойного, решили,
Что это длится без конца,
Что им – опекунам присяжным –
Пора к рукам его прибрать
И, приступив к реформам важным,
Решили дядьке отказать.
Тут инцидент один случился:
Он отказался уходить.
Пришлося силой удалить:

Ушел, потом опять явился,
Прогнали снова, и тогда
Исчез он вновь и навсегда.

X

Итак, в системе воспитанья
Произошел переворот.
Теперь иные истязанья
Ему готовились. И вот,
Чтоб толковать о перемене
И обсудить вполне предмет,
Опекуны собрали в Вене
Педагогический совет.
И там пришли они к решенью,
Что все влиянья прежних лет
Приносят наибольший вред
И подлежат искорененью.
Ввиду чего был отдан он
В один закрытый пансион.

<XI>

И он широкими глазами
На мир испуганно глядел,
А мир, повитый облаками,
В осенних сумерках синел.
«И было время, час девятый».
Всё тихо было. И сквозь сон
Лишь бред Италии распятой
Во мгле унылой слышал он.
Да чьи-то слышались рыданья
У одинокого креста,
Где умирали красота
И мысль, и слово, и сознанье.
И в этот страшный крестный час
Сверкнул огонь – и вдруг угас...

<XII. О Байроне>

Он создан был из тьмы и света,
Великим гневом потрясен,
Как раскаленная комета
В стране туманов вспыхнул он.
Погрязших в будничных заботах
Он испугал, он ослепил –
И вдруг угас в гнилых болотах
Восставшей Греции. Он был
Одним могучим воплощеньем
Протеста личности.

<XIII>

У слова две великих силы –
Негодование и смех.
Они разят, как меч Атиллы,
Разврат и пошлость, зло и грех.
И если гневу как помеха
Сам стих послужит, может быть,
То против буйной силы смеха
Ничто не сможет защитить.
Когда огнем негодованья
Искоренить живой порок
Не может пламенный пророк,
То в буйном вихре ликованья
Приходит песня к ним – и он
Навеки смехом заклеймен.

<XIV>

И в этих песнях, где звучали
И жёлчный хохот, полный слез,
И бодрый гимн, и стон печали,
И недосказанный вопрос,
Для юной мысли мир прекрасный

Разверзся в ярком блеске звезд
И в ней зажег еще неясный,
Еще не сознанный протест.
И как сквозь дымку покрывала
Пред взглядом умственных очей,
В сияньи радостных лучей
Виденье той пред ним вставало,
Кого он в юности считал
За свой бессмертный идеал.

<XV>

Тот образ, смутный и неясный
Его любовью первой был.
И чары юности прекрасной
Ему он свято посвятил.
Он слил в нем лучшее, что стало
Его природой: ум отца,
Революцьонное начало,
Листы лаврового венца
И бесконечные походы,
И шепот дальней старины,
И философию, и сны –
Всё в чистом образе свободы
Он мыслью творческою слил
И первой страстью полюбил.

<XVI>

И стал он юношей. И стали
Бродить в нем признаки весны,
Но перемен не замечали
В нем лишь одни опекуны.
Они совсем не замечали
Что сквозь цензурные тиски

Уж мысли новые сверкали,
Что стали ветхи и узки
На муже детские одежды,
Что из-под временных заплат
Живые мускулы глядят,
И всё лелеяли надежды,
Что целый век и весь народ
Ребенком в землю и сойдет...

<XVII>

Да! Много вас – компрачикосов
Свободной мысли. Сколько зла,
Каких пороков и вопросов
В нем эта жизнь не родила.
В какие цепи вы сковали,
Какими пытками терзали
Его вы мысль. И, может быть,
Источник жизни замутить
Вам удалось. Хотя казалось,
Что он окончил как герой
С врагом своим неравный бой,
Но только в старости сказалась
Та ломка и та трата сил,
С которой вас он победил.

<XVIII>

То было радостное время,
Когда в Европе молодой
Идеалистов юных племя
Явилось шумною толпой.
Ничто им трудным не казалось.
Их мысль, как пряди их волос,
Победоносно развивалась.

На каждый заданный вопрос
Они ответ найти желали
Не в небесах, а на земле.
В аудитории Мишле
В немом восторге замирали.
И шум победный их знамен
Уже звучал со всех сторон.

<XIX>

В College de France лились потоки
Горячих мыслей. На земле
Явились новые пророки:
Кине, Мицкевич и Мишле.
И всех племен и всех наречий
В Париж стекалась молодежь
Послушать огненные речи.
Ее охватывала дрожь
При чудном имени «Свобода» –
И зрела в недрах городов
Дружина будущих бойцов,
«Освободителей народа».
То было время (странно это),
Когда Германия слыла
Страной безвольного Гамлета,
В ней философия цвела,
А не наука истребленья.
В ней был поэт и не один;
В то время центром просвещенья
Был скромный Веймар – не Берлин.

<XX>

К ногам возлюбленной Свободы
Все силы духа он сложил...

Он для нее трудился годы,
Страдал, боролся и любил.
Но, как Иаков у Лавана,
Опекунами сделан он
Был жертвой наглого обмана:
Когда он, счастьем упоен,
Сорвал с невесты покрывало...
Мечты рассеялись как дым –
То не *Свобода* перед ним,
А *Конституция* стояла...
Любовь, мечты, труд стольких лет
Всё был один наивный бред.

<XXI>

Плоды фантазии прекрасной,
Порывы юношеских грёз!
Вас вихрь холодный и ненастный
Сломил, развеял и унес.
Так вслед за сломанною розой
Уходит робкая весна,
Когда пустой и мутной прозой
Обдаст житейская волна.
И иногда потом – случайно
Средь «трезвых» мыслей и идей
Мелькнут виденья прежних дней –
Мелькнут и прочь уходят тайно,
Как трепет жизни молодой,
Как тихий звук во тьме ночной...

<XXII>

Под белой тканью покрывала
Она, сокрыта от людей,
В Египте некогда стояла

И «тайна» было имя ей.
В Элладе в виде человека
Она изваяна была.
И глыба камня ожила
В объятьях пламенного грека.
И пал он ниц пред ней – святой
Обожествленной «красотой».
Израиль тоже в дни иные
Ее прихода ожидал
На землю в образе «Мессии».
Железный Рим отождествлял
Всё то, что сделал он когда-то
В единой творческой мечте.
Другие верят, что распята,
Она страдала на кресте.
Со взглядом, полным детской ласки,
Суровый рыцарь едет вдаль
Святой отыскивать Грааль.
Она же спит в немецкой сказке,
Спит много лет и только ждет,
Когда возлюбленный придет.
Так, в вечной смене расстояний,
Эпох и наций, человек
Давал ей тысячи названий
И новых форм. Но прошлый век
Ее любовно звал «Наукой».

<XXIII>

. . . .
. . . .
Теперь он стар. Уж скоро минет
Ему сто лет и он умрет.
И жизнь на поле мира двинет
Ряд новых мыслей и забот.

Но он всё грезит, как когда-то,
В период веры молодой.
Так схож печальный блеск заката
С победной утренней зарей.

<Декабрь 1898–Август 1901
Москва, Вальдемоза>

643

Однажды ночью Он, задумавшись глубоко,
Сидел во мгле чернеющих олив
У темных осыпей Кедронского потока.
А возле головы, к кореньям прислонясь,
Одиннадцать дремали. И тоскливый
Холодный ветер дул с померкнувших равнин,
И ночь была темна и пасмурна... Один,
Облокотясь на черный ствол оливы,
Закутавшись в свой плащ, недвижный и немой,
Сидел и грезил Он, закрыв глаза рукой...
И дух унес его в пространство: во мгновенье
Увидел он широкий лик земли,
Мильоны солнц заискрились вдали...
И понял он, что пробил час виденья:
Гигантский смерч весь мир потряс до дна,
И   проклятья и рыданья,
Как клочья пены в бездне мирозданья
Несутся <?> боги, царства, племена

<1901–1902?>

644

Холодный Сен-Жюст
Глядит величаво и строго,
Как мраморный бюст
Бельведерского бога.

<*1904*>

645

Она ползла по ребрам гор,
Где тропы свиты в перепутья,
И терн нагорный рвал в лоскутья
Парчой серебряный убор.

А где был путь скалами сужен,
Там оставались вслед за ней
Струи мерцающих камней
И нити сорванных жемчужин.

Белел по скатам белый снег,
Ледник синел в изломах стекол.
И на вершине – человек
Стоял один, как царь, как сокол.

....
....
....
....

И подползла и ниц лицом
Она к ногам его припала.
И стынут льды немым кольцом,
Овиты дымками опала.

И время медлит... Мир притих...
Сбегает жизнь. Еще мгновенье
И смерть...

<Сентябрь 1904>

646

Дрожало море вечной дрожью.
Из тьмы пришедший синий вал
Победной пеной потрясал,
Ложась к гранитному подножью.
Звенели звезды, пели сны.
Мой дух прозрел под шум волны.

Мой дух словами изнемог
Уйти назад к твоей святыне
И целовать ступнями ног
Лицо пылающей пустыни.

<Декабрь 1904?>

647

Льняные волосы волной едва заметной
Спадают гладкие и вьются на конце,
И глубиной безумной и бесцветной
Прозрачные глаза на бронзовом лице.

<Лето 1905>

648

Царь-жертва! Ведаю и внемлю –
Властные безвластны и провидец слеп...
Здесь, в дворце, собой душившем землю,
В темных залах, гулких, точно склеп,
Вырос царь.
Бродит он, бессильный и понурый,
За стеной скрипит <?> людской усталый ворот –
Хмурый город,
Мутный, красный, бурый.
Бред камней. Слои кирпичных стен
Как куски обветренного мяса.
Сеть каналов – влага синих вен,
Впалых окон мертвая гримаса.
Над уступом громоздя уступ,
Горы крыш и толпы   труб,
Едких дымов черные знамена.
Грузно давит этот город-труп
Мутной желчью полог небосклона.
Город грезит древнею бедой,
Лютость волчью, чудится, таит он.
Каждый камень липкой мостовой
Человечьей кровию напитан.
[Камень этот] чует злую весть,
Стоки жаждут яда крови новой.
В тесных щелях затаилась месть,
Залегла во тьме многовековой.
И дворец всей тяжестью своей
Давит их – и бурый город-змей
Сжался весь, как душный злобой аспид,
И тяжел его тягучий взгляд.

Бледный Царь стране своей сораспят
И клеймен величием стигмат.
Цепи зал, просветы бледных окон.
Ночь длинна, и бледный Царь один,
И луна в туманах, точно кокон,
В тонких нитях снежных паутин.
По дворцу змеится непонятный шорох,
Скрип паркета. Лепет гулких плит.
Точно дно в серебряных озерах,
В этот час прошедшее сквозит.

<*1906*>

649

Я – понимание. Поэты, пойте песни
В безгласной пустоте.
Лишь в раковине уха различимы...
Я – ухо мира, и во мне гудит
Таинственное эхо мирозданья.
Лишь в зеркале очей моих живут
Скользящие обличия вселенной.
Мое сознанье – нитка, на которой
Нанизаны мгновенья: оборвется –
Жемчужины рассыпятся...
И ожерелью времени – конец!
Мое мгновенье – вечность.
Смертью утверждаю
Бессмертье бога, распятого в веществе.

<1907>

650

К древним тайнам мертвой Атлантиды
Припадает сонная мечта,
Смутно чуя тонкие флюиды
В белых складках чистого листа.
Но замкнуто видящее око
Лобной костью, как могильный склеп.
Не прочесть мне волящего тока –
Я оглох сознаньем, светом дня ослеп.

<1907>

651

Светло-зеленое море с синими полосами,
Тонко усеяно небо лепестками розовых раковин.
Плачут стеклянные волны ясными голосами,
Веет серебряный ветер и играет звонкими травами.

<Между 31 марта и 3 апреля 1907
Коктебель>

652

Закат гранатовый
Разлил багрец
На нити быстрых вод
И водоемы.
Из ковыля-травы
Седой венец
Душе, что тяжкий гнет
Глухой истомы.

<*1908*>

653

Пришла изночница; в постель
    Она со мной легла.
И мыслей сонную метель
    Качает мгла.
Придет волна, отхлынет прочь,
    Опять плеснет в лицо,
И пред зарею птица-ночь
    Снесет яйцо...

<1908>

654

Двойной лик Януса в единстве Солнцебога,
Разрыв антиномий в слияньи хмельных сил
В себе он выявил, вознес и утвердил,
Но свет его как яд, и смерть – его дорога.
И с...

<*1908*>

655

О да, мне душно в твоих сетях
И тесен круг,
И ты везде на моих путях –
И враг, и друг.
Вкусили корни земной мечты
Единых недр,
Но я не стану таким, как ты, –
Жесток и щедр.
В ковчеге слова я скрыл огонь,
И он горит,
Мне ведом топот ночных погонь,
Крик Эвменид.

<*1909*>

656

Я погружен горящим корнем
В живую влагу женских недр:
Так решено в совете горнем –
Из чрева девы встанет кедр.

<1909>

657

На пол пала лунная тень от рамы,
Горько в теплом воздухе пахнут травы,
Стены низкой комнаты в тусклом свете
        Смутны и белы.
Я одежды сбросила, я нагая
Встала с ложа узкого в светлом круге,
В тишине свершаются этой ночью
        Лунные тайны.

<*1910*>

658

Ты из камня вызвал мой лик,
Ты огонь вдохнул в него Божий.
Мой двойник –
Он мне чужд, иной и похожий.

Вот стоит он – ясен и строг,
И его безликость страшна мне:
Некий бог
В довременном выявлен камне.

<*1911*>

659

Ее зовут Ватрушкой. Нынче ей
Исполнилось четыре года ровно.
Она мила, проста и хладнокровна
Среди грызни рыкающих зверей.
У ней два брата – близнецы Андрей
И Алексей, которые любовно
Оберегают от несчастий, словно...

<Лето 1911>

660

Живописцу призрачного Крыма –
Заклинателю лорреновских теней:
Сном твоим душа моя палима
И тоскует горечью твоей.
И в закатном зареве огней,
И клубами жертвенного дыма...

<1911>

661

Милая Вайолет, где ты?
Грустны и пусты холмы.
Песни, что ветром напеты,
Вместе здесь слушали мы.
Каждая рытвина в поле,
Каждый сухой ручеек
Помнят глубоко до боли
Поступь отчетливых ног.
Помнят, как ты убегала
В горы с альпийским мешком,
С каждою птицей болтала
Птичьим ее языком.
Помнят, как осенью поздней
Жгли на горах мы костры.
Дни были четко-остры,
Ночь становилась морозней.

<Август 1912
Коктебель>

662

Так странно свободно и просто
Мне выявлен смысл бытия,
И скрытое в семени «я»,
И тайна цветенья и роста.
В растеньи и в камне – везде,
В воде, в облаках над горами,
И в звере, и в синей звезде
Я слышу поющее пламя.

<Август 1912
Коктебель>

663

И нет в мирах страшнее доли
Того, кто выпил боль до дна,
Кто предпочел причастье соли
Причастью хлеба и вина.

Ужаленного едким словом,
Меня сомненья увели
Вдоль по полям солончаковым,
По едким выпотам земли.

«Вы соль земли!» В горючей соли
Вся мудрость горькая земли.
Кристаллы тайной, темной боли
В ней белым снегом процвели.

Я быть хотел кадильным дымом.
Меня ж послал Ты в мир гонцом
В пустыне пред Твоим лицом
Ослепнуть в блеске нестерпимом.

Во мне живет безумный крик.
Я стал комком огня и праха.
Но отврати свой гневный Лик,
Чтоб мне не умереть от страха.

И кто-то в солнце заходящем
Благословляет темный мир...

<1912>

664

Я проходил, а вы стояли
У двери сада вдалеке:
Царевна в белом покрывале
С цветком подснежника в руке.

«Войди, прохожий, в сад мой тайный!
Здесь тишь, цветы и водомет».
– О нет, свободной и случайной
Стезей судьба меня ведет.

<1913>

665

Бойцам любви – почетна рана
На поле страсти, в битве битв.
Охотница! Ты вышла рано
В опаснейшую из ловитв.
Ты в даль времен глядела прямо,
Так непокорно, так упрямо
Качая юной головой.
К перу склоняя русый локон,
Ты каждый проходящий миг
Вплетала тайно в свой дневник,
Как нити в шелковичный кокон.

<1914>

666

Нет места в мире, где б напрасно
Не проливалась кровь людей,
Где б вихрь враждующих страстей
Не дул неистово и страстно.

Для тех, кто помнил мир иной –
Не исступленный, не кровавый,
Не омраченный бранной славой,
Не обесславленный войной, –

Пора крушений безвозвратных,
Усобиц, казней, стычек ратных,
Пора народных мятежей

<Декабрь 1917
Коктебель>

667. Киммерийская Сивилла

С вознесенных престолов моих плоскогорий
Среди мертвых болот и глухих лукоморий
Мне видна
Вся туманом и мглой и тоскою повитая
Киммерии печальная область.
Я пасу костяки допотопных чудовищ.
Здесь базальты хранят ореолы и нимбы
Отверделых сияний и оттиски слав,
Шестикрылья распятых в скалах Херувимов
И драконов, затянутых илом, хребты.

<Сентябрь 1919>

668

Как магма незастывшего светила
Ломает суши хрупкую кору
И гибнет материк, подобно утлой лодке, –
Так под напором раскаленных масс,
Зажженных гневом, взмытых ураганом,
Пылая, рушатся громады царств
И расседаются материки империй.
Беда тому, кто разнуздает чернь,
Кто возмутит народных бездн глубины.
Мы тонкой скорлупой отделены
От ропщущей и беспокойной хляби,
Ее же дна не мерил человек.
Передвиженья гуннов и монголов,
Кочевья незапамятных времен

<Июнь 1922
Коктебель>

669

Папирус сдержанный, торжественный пергамент
И строго деловой кирпич,
Сухой и ясный камень
И властный медный клич.
И щедрая ритмическая память
Рапсодов и певцов.
Полезный ремингтон, болтливая бумага,
Распутная печать
Из сонма всех бесов, рожденных в Вавилоне

<Конец 1922>

670

Среди верховных ритмов мирозданья
Зиждитель Бог обмолвился землей.
(Но Дьявол поперхнулся человеком.)

Для лжи необходима гениальность.
Но человек бездарен. И напрасно
Его старался Дьявол просветить.
В фантазии и в творчестве он дальше
Простой подмены фактов не пошел.
(Так школьник лжет учителю.) Но в мире
Исчерпаны все сочетанья. – Он
Угадывает в мире комбинаций
Лишь ту, которой раньше не встречал.

18 января <1926>
<Коктебель>

671. Россия
(Истоки)

Мы все родились с вывихом сознанья.
Наш ум пленен механикой машин,
А наше «Я» в глухих просторах дремлет.
Одни из нас шаманят новый день
За полночью дряхлеющей Европы,
Другие же не вышли до сих пор
Из века мамонта, из ледниковой стужи,
Звериных шкур, кремневых топоров.
Наш дух разодран между «завтра» мира
И неизжитым предками «вчера».

На западе язык, обычай, право
Сложились розно в каждой из долин,
А мы – орда. У нас одна равнина
На сотни верст – единый окоём.
У нас в крови еще кипят кочевья,
Горят костры и палы огнищан,
Мы бегуны, мы странники, бродяги,
Не знавшие ни рода, ни корней...
Бездомный ветр колючий и морозный
Гоняет нас по выбитым полям.

Безмерная российская равнина –
Земное дно – Россия и Сибирь.
Наш дух течет, как облачное небо,
Клубясь над первозданною землей,
Чуть брезжущей из тьмы тысячелетий.
Под панцирем полярных ледников,
Перетиравших сырты и увалы,

Моловших лёсс, пески и валуны,
Здесь рыли русла сказочные Оби
Предтечи человеческой орды.

И так всегда; сначала лес и степи,
Тропа в степи и просека в лесу,
Тюки сырья в бревенчатых острогах...
Потом кремли торговых городов
На тех же луках рек, на тех же бродах,
Из века в век вне смены царств и рас.

И та же рознь: невнятная земля,
Живущая обычаем звериным,
А в городах заморские купцы
С дружинами, ладьями и товаром.

Земной простор, исчерченный стезями –
Петлями рек и свёртками дорог,
Здесь шляхами торговых караванов,
Там плешами ладейных волоков.

Путь янтаря – от Балтики на Греки,
Путь бирюзы – из Персии на Дон.
Лесные Вотские и Пермские дороги,
Где шли гужом сибирские меха,
И золотые блюда Сассанидов,
И жемчуга из Индии в Москву.

Пути, ведущие из сумрака столетий
До наших дней сквозь Киммерийский мрак
Глухих степей, сквозь скифские мятели,
Сквозь хаос царств, побоищ и племен.
Кто, по слогам могильников читая
Разодранную летопись степей,
Расскажет нам, кто были эти предки –
Оратаи по Дону и Днепру?
Кто соберет в синодик все прозванья
Степных гостей от гуннов до татар?

История утаена в курганах,
Записана в зазубринах мечей,
Задушена полынью и бурьяном,
Зашептана в распевах пастухов.

Лишь иногда сверкнет со дна курганов,
Где спят цари со свитой мертвецов,
Вся в пламени сказаний Геродота
Кровавая и золотая Ски<фь>...

<5 мая 1928
Коктебель>

672

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.
Драконоборец Егорий,
Всю ты жизнь провел на посту –
В уединении лабораторий
И в сраженьях лицом к лицу.

<1931
Коктебель>

НАДПИСИ
НА АКВАРЕЛЯХ

673. Вечерние возношения

(Цикл темпер)

1

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы...

2

И льнет душа к твоим излогам
И слышит шорохи шагов
По бледно-розовым дорогам
В молчаньи рдяных вечеров...

3

Душа грустит среди холмов зеленых
Под сводами осенних вечеров...

4

И низко над холмом дрожащий серп Венеры
Как пламя воздухом колеблемой свечи...

5

И в пурпуре полей и в зелени закатов
Серп пепельной луны...

6

А заливы в зеркале зеленом
Пламена созвездий берегут...

7

Мерцает бирюзой залив
В пурпурной раме гор сожжённых...

8

Молчат поля, молясь о сжатом хлебе,
Грустят холмы и купы дальних верб,
И сердце ждет, угадывая в небе
Чуть видный лунный серп...

674. Десять лирических пауз одной прогулки

1

В зелено-палевых туманах
Грустят осенние холмы...

2

Вдаль по земле, таинственной и строгой,
Лучатся тысячи тропинок и дорог...

3

И дышит утренняя свежесть
На темной зелени лугов...

4

К лазурному заливу тропы
Бегут по охряным холмам...

5

В сизо-сиреневом вечере
Радостны сны мои нынче...

6

Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы...

7

Сквозь розово-призрачный свет
Просветятся лунные дали...

8

И горы – призраки на фоне вечеров...

9

Твой влажный свет и матовые тени
Дают камням оттенок бирюзы...

10

Мой легкий путь сквозь лунные туманы...

675. Надписи на акварелях

1) Багряные своды вечерних дерев
И озера синее око.

2) Базальтовые крылья херувимов,
Распятые на скалах Карадага.

3) Безгрустна грусть сквозь утренний хрусталь.
Жар-цвет 1928

4) Безмерная журчащая равнина,
Бегущая навстречу кораблю.
Жар-цвет 1928

5) Берега рассказывают сумеречный сон.

6) Беспокойные воды залива
И громады твоих облаков.
10 августа 1925

7) Беспокойные воды заливов
И зеркальные воды озер.
30 декабря 1925

8) Бледно-лиловая летняя ночь
Зыблет широкие блики.
9 сентября 1930

9) Бледный свет на серые холмы
С головокружительного свода.

10) Бурые спины холмов
Над зеркальною зыбью залива...
3 октября 1928

11) Был влажный вечер, выцветший от зноя,
И дали осмуглённых облаков.

12) В багровых сумерках
Литавры и фанфары
И взрывы облаков.

13) В вечернем небе буйное смятенье
Янтарных облаков.

14) В вечернем расплавленном свете
Сверкает лиловый залив.
1925. Симферополь

15) ...В глуши холмов,
Где выход только в небо.
1930

16) В желтых закатах заливы, заливы...
Башни и стены былых городов.
1928

17) В зелено-палевых туманах
Грустят осенние холмы.

*18) В изломах гор сияет тень...
Долина дышит ранним летом,
Как драгоценный камень – день
Проникнут четким синим светом...

19) В какую синюю страну
Ведет цветущее ущелье?
Жар-цвет 1928

20) В лунных зеркалах арабских сказок
Очертанья стен и куполов.
Жар-цвет 1928

21) В окне величиной с ладонь
Вмещу снега, простор залива.
4 сентября 1931

22) В предгорьях синие ручьи
Бегут, звеня, по белым гребням.
1917

23) В скорбном золоте листов
Гор лиловые молитвы,
И зазубренные бритвы
Дальних снеговых хребтов.

24) В туманах потонувшие
Озёра и холмы.

*25) В шафранных сумерках лиловые холмы.

26) Ведет сквозь волны и туманы
Мой лунный одинокий путь.
29 сентября 1929

27) Весенний снег в горах не стаял.
1930

28) Весенних утр пленительная свежесть.
1930

29) Ветер вздыбил в небе облака
Выст. 1927

30) Ветр свистит осенними шелками.

31) Вечерний свет хранят заливы
В глубоких пазухах земли.
Жар-цвет 1928

32) Вечерним облаком озарены заливы.
Жар-цвет 1928

*33) Вечерняя затеплилась звезда
Над отмелями синего залива.

34) ...Вечерняя лампада
Над озером пылает в тишине.
1917

35) Вечерняя полная чаша
В оправе охряных холмов.
Жар-цвет 1928

*36) Взбегают тропы по холмам
К зелено-розовым просторам.

37) Виденья гаваней и древних берегов,
Просеребренных лунным светом.
23 октября 1929

38) Вился в ветре прах летучий,
Полдень белый жёг костер.
Погромыхивали тучи,
Индевели срывы гор.

39) Вместе с тропинками,
Вместе с деревьями
К далям, ликуя, стремится душа...

40) Внезапный снег опорошил холмы
И плеши гор на склонах Карадага.
Жар-цвет 1928

*41) Воздушной и дымной вуалью
Ложится вечерний покров.
Над сизо-дождливою далью
Сияют снега облаков.

42) Волна шуршит о коктебельский берег.
30 октября 1925

43) Волны земли омываются волнами моря.
Жар-цвет 1928

*44) Волокнистых облак пряжи
И холмов крылатый взмах,
Как японские пейзажи
На шелках.

45) Восходит ночь из-под земли,
А в высоте яснеет небо.

46) Всё замерло – холмы, деревья, тучи
В лимонном олове осенних вялых вод.
10 декабря 1927

47) Вся туманом и мглой и тоскою повитая
Киммерии печальная область...
16 июля 1925

48) Где по весенним половодьям
Скользят скрипучие плоты.

49) Глубоко в пазухи земли вошли зеркальные
заливы...

Жар-цвет 1928

50) Глянец залива, чекан облаков
В светло-коричневой гамме.

5 сентября 1931

51) Грозою осененная земля,
Вся воспаленная от зноя.

16 июля 1925

*52) Громады дымных облаков
По Веронезовскому небу.

53) Гряды синеющих холмов
И груды белых облаков
На фоне мраморного неба.

54) Гряды холмов, виденье древней Скифи.

1928

55) Гуденье солнц из глубины веков.

14 марта 1930

56) Дожди лучей с кисейных покрывал.

57) Дождливые горы и серая даль
На зелени нежной приморской поляны.
Дремлют под розовой полной луной
Нагроможденья холмов и заливов.

58) Дымится море зыбкими столбами,
С налету ветры бьются грудью оземь.
Будь легка стопам твоя дорога,
А душе – отрадна тишина.

59) Жемчужный отсвет на водах
Белесоватого залива.

1928

60) Жемчужный свет ложится на поля
Сквозь кисею, просвеченную солнцем.

1926

61) За ветвями синеет река,
А над дымно-лиловыми кручами
Опоясаны тонкими тучами
Белоснежные облака.

62) За переплетами дерев
Стальная чешуя заливов.

1930

63) Зажигая костры по холмам,
Опрозрачила осень долины.

64) Залив зеркальный и зеленый,
И солнца круг в зеленой мгле.

1931

65) Застывшие в безмолвии заливы,
Развалины забытых городов.

Жар-цвет 1928

66) Звучанье солнц из глубины веков.

3 января 1929

67) Здесь башни Генуи заливы стерегут.

18 сентября 1928

68) Здесь правила Венеция когда-то...

69) Зелено-фосфорическая ночь
Колдует в тишине над берегами.

15 июня 1931

70) Зеленый воздух дня и охра берегов.

Одесса, 4 ноября 1928

71) Земля, усталая от смены лет и рас...

10 сентября 1928

72) Зеркальность лунной тишины.

1928

73) Зеркальных утр лучистые кристаллы.

Жар-цвет 1928

74) И бездны вниз сорвались под пятой,
И глубина простёрла к небу руки.

75) И в пурпуре полей и в зелени заливов
Серп пепельной луны...

1917

76) И волны гор, и зеркало залива,
И тишина небес в безмолвии земли.

Жар-цвет 1928

77) И гудит, гудит, гудит прибой
По широким отмелям песчаным,
И кипит под южным ураганом.

78) И дикий виноград под сенью темных круч
Широко распростёр сияющие крылья.

79) И дышит утренняя свежесть
На темной зелени лугов.

80) И земля, и небо, и заливы
Угасают в желтой тишине.

Жар-цвет 1928

81) И к морю меж дубов
Ведут песчаные дороги.

82) И льнёт душа к твоим излогам
И слышит шорохи шагов
По бледно-розовым дорогам
В пожарах рдяных вечером...

*83) И малахитовые дали
В хитоне ночи голубой.

84) И на плече Опук-горы
Остатки стен Киммерикона.

85) И небо и вода – две створы
Одной жемчужины.

1925

86) И низких сыртов известняк
Оснежен тусклым лунным светом.

87) И озеро меркнет в оправе холмов
Жемчужиной темной и влажной.

*88) И озеро, разверстое как око...

1917

89) И под дыханием междупланетной стужи
Оцепенелая в отчаяньи земля.

*90) И празелень травы, и поросли кустов
Лилово-розовых и розово-пунцовых...
1917

91) И просвет в глубине аллеи –
Язык лазурного огня.

*92) И розовой жемчужиною день
Одет в оправу сонного залива.
1925

*93) И снова увидали мы
Холмов взволнованное море
И вод зыбучие холмы.

94) ...И солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.
Выст. 1927

95) И тусклый свет, как мыльная вода,
Омыл полынные долины.

96) И уводит в земные просторы
Легкий шелест незримых шагов.
Над полями – марные горы,
Над горами – гряды облаков.

*97) И чудесно возникали
Под крылами облаков
Фиолетовые дали
Аметистовых холмов.

98) Из померкших далей холм
Рыжим выхвачен закатом.

99) К лазурному заливу тропы
Бегут по охряным холмам.

*100) Как быстро осенью трава холмов провяла
Под влажною стопой.
О, эти облака с отливами опала
В оправе золотой!

101) Как желтый лист, лилово-серый,
Неслышно умирает день.

Жар-цвет 1928

102) Как Микеланджеловский «День»
Из-за громад полдневных облаков.

103) Как молоко свернувшееся, ряби
Жемчужных облаков.

104) Камень, проникнутый воздухом далей,
Серый и синий...

105) Камни древних городов,
Осиянные лучами.

*106) Клёкот орлий, говор птичий,
А внизу среди камней
Обезглавленный возничий
Гонит каменных коней.

107) Клубятся медленные тучи...
Коричневые бархаты земли...

20 сентября 1925

108) Коктебельский залив и зубцы
Разметавшихся скал Кара-Дага.

1 ноября 1928

109) Коричневые бархаты земли.

1925

110) Крыло полуденной химеры.

22 июня 1927

*111) Лазурь небес и золото земли...

112) Лилово-палевые дали
И дремлющие облака...

113) Лиловых туч над рыжею землею
Осенние и поздние цветы.

27 мая 1927

*114) Луна восходит в тишине,
Благоухающей полынью.

Жар-цвет 1928

115) Лунный свет... Сухие русла
И молчанье древних вод.

22 июня 1928

*116) Материки огня, встающие во мраке.

117) Медный бубен гудел
Над взволнованной хлябью залива.

Жар-цвет 1928

*118) Мир – чаша, до краев наполненная тенью
И синим сумраком.

*119) Моей земли панические полдни.

120) Мои вечерние заливы, просеребренные луной.

1930

121) Мои долины, лукоморья,
Мои полынные холмы.

1927

122) Мой дом, затопленный водами ночи лунной...

11 ноября 1927

123) Мой легкий путь сквозь лунные туманы...

*124) Молчанье, как полная чаша
В оправе вечерних холмов.

Жар-цвет 1928

125) Молчат в предвечернем покое
Дорога, холмы и кусты.

126) Морская зыбь и водопад холмов.

Жар-цвет 1928

127) Морской залив и туч отлив павлиний.

1928

128) На белых отмелях
Осенние костры. ...

129) На грозовом синем небе
Раскаленный светом холм.

130) На дне долин, напитанных полынью,
С утра лежит пустая тишина.

30 мая 1925

131) На лучами заката разодранном,
На пурпуровом вретище туч. (Бурус)

132) На небе тамарисковые тучи,
У моря призраки дерев.

133) На огненной земле, в экстазе дня и света...

*134) На светлом облаке гранитные зубцы
Отчетливым и тонким силуэтом.

135) На серо-голубые горы
За дымчатым стеклом дождя.

*136) Нагроможденье бледных скал
На фоне грозового неба.
19 июля 1925

137) Над бледным зеркалом пустынного залива
затеплится звезда...
1917

138) Над затененными холмами
Пронизанная солнцем даль.
29 ноября 1925

*139) Над Карадагом мрачные завесы
И арки триумфальных облаков.

140) Над перламутровыми лбами
Клубятся белыми столбами
Предгрозовые облака.

*141) Над полянами – марные горы,
Над горами – гряды облаков.
И уводит в земные просторы
Легкий шелест незримых шагов...

*142) Над серебристыми холмами
Необагренными лучами
Изваянные облака.

143) Небо тучей грозовою
Кроет желтые холмы,
Побелевшие от зною...

1925

144) Не в свитках зорь, не в крутизне обрывов –
Вся жизнь моя заключена без слов
Здесь, в раковинах голубых заливов,
В торжественных оправах берегов.

Марусе – Макс. 25 октября 1928

145) Не иссякают сны Шехеразад,
Но рдяный луч колена студит,
И утр таких, как тридцать лет назад,
Теперь уж нет и более не будет.

26 ноября 1925

146) Неторопливые беседы
Идущих под гору дерев.

1927

147) Но отсвет затаенного заката
Лиловую просвечивает мглу.

148) Нора моей мечты, гнездо моих видений
И мыслей логово – мой коктебельский дом.

1927

149) Норд-ост от берега упорно гонит волны.

1928

150) Облака, пронизанные светом,
И молчанье звонкое земли.
1930

151) Облака, простертые над миром,
Облака над далями земли.

152) Овально-правильный залив –
Как вулканическое озеро.
1927

153) Один на ветке облетелой
Трепещет запоздалый лист.
1930

*154) Одна луна луне другой
Глядится в мертвенные очи.

155) Она склонилась над пустыней
В лилово-дымной, дымно-синей
Прозрачной траурной фате.

156) Опорошил зеленый иней
Лилово-серые леса.

157) Осенней чёткостью зеленых янтарей,
Морскими далями и окнами развалин
Грустит душа.
Жар-цвет 1928

*158) Осенний день по склонам горным
Зажег прощальные костры.

*159) Осенних сумерок лиловые миражи.
Жар-цвет 1928

160) Осень одела фатою вечерней
Бронзу холмов и зеленый залив.

24 октября 1929

161) Осень пишет тонкой кистью дали.

Жар-цвет 1928

162) Остатки генуэзских крепостей
Еще стоят на страже лукоморья.

7 ноября 1928

163) От берегов зеркальных вод
Вдоль по ступеням плоскогорий.

10 марта 1929

164) Отвесный взор вперила высота
И глубина простёрла к небу руки. (Карадаг)

165) Отмели, кипящие прибоем,
Чистая и звонкая земля...

166) Очерки башен, колонн и развалин
На окоёме померкшей земли.

1928

167) Панорамы диких скал Пуссена,
Очертанья древних крепостей.

1930

168) Певучие восходы и закаты.

1930

169) Песчаные холмы, кустарники и воды
Прозрачные... и взмывы облаков.

170) По пескам деревья-арлекины
Пляшут танец осени и смерти.

171) По траве глухой и бурой
Вяло-желтые листы.

172) Под темно-алыми ветвями
Полузаросшими тропами
Пройди к осенним берегам.

*173) Поля из мрамора и горы из стекла
И к небу взвившийся обледенелый пламень.

174) Поляны снежные под изморозью звёзд.

175) Последней ласкою закат
Дарит сожженные предгорья.

176) Послеполуденный нагрев
Вздымает облака.
Лазурь над купами дерев
Темна и глубока.

177) Преддверие незнаемых пустынь.

178) Прибой холмов и водопады гор.
1927

179) Привычных глазу очертаний
Свето-воздушная игра.
1928

*180) Прикрыв крылом края долины
И напоив луга, припал
Вечерний лебедь на вершины
Лилово-дымчатые скал.

181) Притушенный и дымчатый и чёткий,
Проходит день неслышною стопой.

1925

*182) Пройди по лесистым предгорьям,
По белым песчаным тропам
К широким степным лукоморьям,
К звенящим моим берегам.

*183) Пурпурных рощ осенние трельяжи
И над вершинами лилового хребта
Победных облаков султаны и плюмажи.

184) Пустынные заливы
Полдневных берегов,
Жемчужные отливы
Волнистых облаков.

185) Разливы вод и окоём земли.

Жар-цвет 1928

186) Раскаленным овалом в залив
Погружается медленно солнце.

20 октября 1929

187) Рассветный штиль и зелень с серебром.

Жар-цвет 1928

188) Резцом дождей чеканные холмы.

1927

189) Резцом чеканен, светом обесцвечен
Лоснящийся муаровый залив.

1927

190) Ртутный отблеск и сиянье
Оссиановских ночей.

Жар-цвет 1928

*191) Рыжий ветер... радужные дали...
Вянущие вретища земли...
Геральдические корабли
Паруса по небу разметали.

192) Свето-воздушная игра
Привычных глазу очертаний.

Жар-цвет 1928

193) Седые груды облаков
Над омраченным Карадагом.

1970

194) Седым стеклярусом строений
Просеребренные луга.

*195) Синим пламенем над рыжими холмами,
Пламенем дымятся облака!

*196) Сквозь блеск зеленого стекла
Сквозят каменья дна
И голубая тишина
На берег прилегла.

*197) Сквозь зелень сизую растерзанных кустов
Стальной клинок воды в оправе гор
сожженных.

*198) Сквозь желтые смолы полудней
Сквозят бирюзой небеса.

199) Сквозь облачный янтарный день –
Сиянье горных аметистов.

1928

200) Сквозь осень дымных рощ
Сквозит тоска залива.

1927

*201) Сквозь празелень вечерней тишины
В оправах гор мерцающие воды.

Жар-цвет 1928

202) Сквозь серебристые туманы
Лилово-дымчатые планы
С японской лягут простотой.

203) Сквозь серый пепел розовое пламя.

204) Сумерек чарующая ясность.

1930

205) Сухой чекан земли и взрывы облаков.

1930

206) Творят вечерние молитвы
Холмы, деревья и залив.

207) Тень облаков, бегущих над заливом.

Жар-цвет 1928

208) Тех не отпустит Коктебель,
Кто раз вкусил тоски полынной...

209) Тишина от луны, от холмов и от скал Карадага.

Жар-цвет 1928

210) Тонкий свет серебряной луны
В простынях невыявленной ночи.

1928

211) Тонко вырезаны дали,
Смыты светом облака.

1928

212) Тонкой дымкой прикрытые дали
И залитые солнцем холмы...

213) Трепещет и плещет
Средь скудных песков
Бессонное водное око...

*214) Туманные сиянья и лучи,
Кипенье вод, и ртутный блеск парчи,
И гулкий ропот рушащейся пены.

215) Тяжелый шрифт земли и ленты облаков
Глубоко врезаны, как на цветной гравюре.

216) У берегов незнаемой земли.
1926

217) Фанфары солнца и литавры вод...
16 сентября 1929

218) Холмы из мрамора и горы из стекла.
7 марта 1929

219) Холмы, напитанные сумраком вечерним.
1930

220) Холмы, окованные медью,
Сквозь дымно-розовый янтарь.

221) Холмы пустынь и синих гор зубцы,
Вечернею увенчанные славой.

222) Холмы, размытые в сияньи летней ночи.
29 октября 1928

223) Хрусталь земли сквозь утренний топаз.
Жар-цвет 1928

224) Цветенье белых облаков
Над поясами туч лиловых.

225) Чёрной тушью чётких теней
Отчеканенная даль.
14 ноября 1925

226) Шафранных солнц закатное гуденье.
1930

227) Эти облачные пряжи
И победные плюмажи
На победных шлемах гор.

228) Январь оснежил склоны Карадага.
19 января 1928

*229) Янтарный свет в зеленой кисее...
И хляби волн, и купол Карадага.
Жар-цвет 1928

*230) Ясен вечер... Облаков громады,
Точно глыбы светлых янтарей.

676–680. Посвящения на акварелях

М.С. Волошиной

1.

На самом дне отчаянья судьба
Для радости великой нас связала...

8 июня 1925 Духов день

2.

Землетрясение и голод, и расстрелы,
И радость, и людей мы вынесли с тобой.
И я всегда был горд моей подругой смелой,
Как ты в душе сама подчас гордилась мной.

1927

3.

Поводырке этих скорбных лет –
Всей любви моей, увы! последний цвет.

20 июня 1932

4. О.Ф. Головиной

Каждый год мы видим те же сны.
И в июле по пескам залива
Ты меж нас проходишь молчаливо,
Как виденье знойной тишины.

24 июля 1929

5. Вс. Попову

Лишь тот, кто ведает рукопожатье смерти,
Имеет власть пленять и нежным быть, как ты.

13 июля 1929

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Материалы раздела публикуются по авт. маш. или автографам из архивного фонда Волошина (ИРЛИ) и по печатным источникам. Список условных сокращений см. с. 638–640.

272

Пролог

авт. маш. *первонач. ред.*

Восхищенный в духе, видел я ступени,
Ведущие из бездны в высоту,
И каждая ступень отмечена была
Особым знаком:
Зверем или рыбой,
Растением, металлом, камнем, –
Ниже
Клубились солнца и туманности,
И был мне голос:
«Вот лестница, по ступеням которой
Шел человек.
Вселенная – всё то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды –
Шлак плоти,
Перегоревший в творческом огне:
Все в свой черед служили человеку
Подножьем,
Каждая ступень
Была безумьем творческого духа.
Два выхода раскрыты для существ:
Путь мятежа и путь приспособленья. –
Законы
Природы неизменны.
Но в борьбе
За правду невозможно – безумец
Преображает плоть свою в огонь,
А приспособившийся – гаснет,
застывая

На пройденной ступени.
Древний зверь, сойдя с ума, очнулся
человеком –
Опаснейшим и злейшим из зверей:
Неразрешимым сгустком всех
противоречий
Страстей, инстинктов и сознаний:
Разум
Есть творчество навыворот,
И человек
Вспять исследил все звенья
мирозданья,
Разъял материю на вес и на число,
Построил щупальца, вникающие в
недра,
Впился, как паразит, в спинной хребет
земли
Он стал ее неугасимой болью.
Он врос в материю, не возрастая
ввысь,
Он пересоздал косную природу,
По своему подобию, и мир
К нему оборотился лютым зверем,
Ощеренным, свирепым двойником –
Настало время внутреннего зверя
Убыть в себе и вновь сойти с ума.
Благоразумные вернутся мирно в
стадо
Безумец вновь пересоздаст себя.
Иди, и возвести о том, что знаешь:
Надо,
Чтоб каждый раб был призван к
мятежу
Иди освобождать, но помни:
Правда
Должна в душе, как семя, прорасти –
Принявший истину на веру –
Ею слепнет, –
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой
Грех обращенья – самый тяжкий грех. –

Ты хочешь бунта. –
– Сей противоречья.
Ты хочешь дать свободу.
– Соблазни.
Будь поджигателем. –
Будь ядом. –
Будь трихиной.
Будь оводом, безумящим стада. –

«Недра». 1923, кн. 2 СоТ *<ч.> 3 3–6*

И наименовался человеком.
Он тлеет в «я», и вещество не может
Его объять, пожрать и задушить.
Горенье – жизнь. И в каждой точке
мира

автограф Тт-3 *<ч.> 5 вместо 16–20*

[Мы дети Каина. Мы внуки
Люцифера.
Мы утверждаем Бога мятежом.
Творим неверьем. Строим отрицаньем.
К запретным тайнам мы куем ключи.
Мы рушим своды древних равновесий.
Мы – зодчие. Ваяло наше – смерть,
А глина – вихри собственного духа.]

«Недра». 1923, кн. 2 СоТ *<ч.> 6 вместо 18*

Он заблудился в собственных пещерах
И стал рабом своих же гнусных слуг.

274

«Россия». 1924, № 9 *первонач. ред.*

«Война и мир»

Вступление

1

В арабских сказках про Синбада-
Мореходца
Рассказывается, как он нашел
однажды
Запечатанную
Шестиугольную бутылку,
Открыл ее, и тотчас впал во власть

Могучего и яростного джина,
Плененного когда-то Соломоном.

2

В египетском рассказе, перепетом
Гёте,
Читаем об ученике, который
В отсутствии учителя, призвав
Стихийных духов, ими был растерзан.

3

Печати снять и разнуздать не трудно
Стихийные неведомые силы,
Но трудно
Заставить их себе повиноваться.

4

Так человек,
Овладевая тайнами природы,
Освобождает демонов, плененных
В извечных равновесьях вещества,
И делается в их руках игрушкой,

5

Доколь, не победив себя,
В своей свободной воле не находит
Те равновесия, что сам нарушил
В устойчивом, запечатленном мире.

6

Ибо
Каждой ступени в области познанья
Должна ответствовать такая же
ступень
Отказа
От личной выгоды.

7.

Иначе им освобожденная стихия
В себя берет

Всё, что есть косного и злого
В его душе,
И он очнется в лапах
Ликующего, пляшущего беса

8

Сам человек есть бог, но люди
в стаде – звери
И жизнь их учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В их собственный помет,
В кровавую, расползшуюся жижу.

9

Поэтому за каждым откровеньем,
За каждым новым подвигом ума,
Идут десятки лет, века, тысячелетья
Упорных войн, усобиц и насилий,
Захватов, рабства, классовой борьбы.

10

Пока не утолятся вожделенья,
Пока презрение и ненависть к врагу
Не сменятся взаимным уваженьем,
Которое в итоге будет равным
Силе,
Когда-то сдвинутой с устоев человеком.

11

Так в кузне войн куют народы мир,
Так меч ваяет право и гражданство.

автограф Тт-3; авт. маш. *<ч.> 1 после 9*

И дерзкий ум, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

авт. маш. *<ч.> 6 вместо 1 – 3*

И вслед за каждым новым
Разоблачением природы
Идут тысячелетья войн,
Усобиц, рабства, зависти, насилий.

вместо 11–18 Затем что надо,
Чтоб шагу каждому на лестнице познанья
Такая же соответствовала степень
Отказа от личной выгоды,
Чтоб воля вещества
Противовесилась моральной силой.

<ч.> 7
весь текст
Дороги Каина записаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях производства и в машинах.

277

СоТ *<ч.> 7*
после 7
Закончился не только век Меча,
Но всё цветенье огненной культуры.
На месте Агни воцарился взрыв,
И вихрь над устьем динамитной бомбы
Стал символом разъявшихся времен.

279

автограф Тт-3 *<ч.> 5*
[Машине нужен жадный,
Голодный сгусток мускулов
И верный раб,
Продешевивший душу
За власть и за комфорт:
Рабочий коллектив,
Проникнутый партийной дисциплиной,
И собственник, отдавший каждый нерв
Служению ее верховной воле.
Чтоб обеспечить их согласный труд,
Одним
Она сказала:
«Собственность священна».
Другим:
«Кто не работает – не ест».
И написала на стенах:
«Изгои
Всех стран, соединяйтесь!»,

«Нет закона
Иного кроме классовой вражды».
Так был на зависти заложен вечный свод

СоТ *<ч.> 5 после 9*

И кончилось господство человека.]
Сказала Хаму: «Ты венец культуры»
(И, высосанный ею до мозгов,
Себя почувствовал царем вселенной);
Другим же зарубила: «Нет закона
Иного, кроме классовой вражды».
Так был на зависти заложен свод
И основалось Каиново братство
Всех граждан мира в рабстве и труде.

280

авт. маш. *<ч.> 5 после 41*

Люби врагов,
Молись за палачей,
Но помни, что пылающие угли
Ты собираешь на головы им:
Любовь безжалостна,
Любовь язвит и мучит,
Любовь целит,
Любовь сжигает зло.
Любовь – вся жизнь:
Апостол Павел учит,
Что если ты владеешь знаньем тайны,
Имеешь дар пророчества
И веру,
Способную сдвигать устои гор,
Раздашь именье
И плоть отдашь на муку,
Любви же не имеешь –
Ты – ничто. –

СоТ *<ч.> 6 перед 1*

Законодатель строит государство
Не на правах, а на лишеньи прав:
Зане для дум не хватит в мире места,
Раз оба не поступятся своим.
А вы стремитесь каждому вернуть
Обменной ценностью
Плоды его работы?

281

АМА *первонач. ред.*

Аполлион

Посв. В. Ропшину.

И открыл он кладезь бездны
И вышла саранча...
И царем над собою она имела Ангела
бездны... Имя ему – Аполлион,
что значит Истребитель».
Откров. IX 1-12

Из звездной бездны внутренних
пространств
Раздался голос возвестивший:
«Время
Топтать точило ярости!
За то, что люди
Для демонов, им посланных служить,
Тела построили
И создали престолы;
За то, что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра;
За то, что в своевольных
Теченьях воздуха сплели гнездо
Мятежным духам взрыва;
За то, что безразличью
Текучих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса;
За то, что скупость руд
В рать пауков железных превратили,
Неумолимо ткущих
Сосущие и душащие нити;
– За то – освобождаю
Плененных демонов
От клятвы покорности.
А хаос, скованный в круженьях
вещества,
И в пляске вихрей –

От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не покорят их вновь,
В себе самих смирив и оборов
Гнев, Скупость, Своеволье,
Безразличье»...

И видел я:

Разверзлись двери неба
В созвездьи Льва,
И бесы
На землю ринулись...
Оставив домы,
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
И, вырывши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ –
Сами – и пастыри, и пища
Время
Как будто опрокинулось...
И не крещенным водой Потопа
Казался мир:
Из тины выползали
Огромные, коленчатые гады,
Железные кишели пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали снопы огня
И жалили хвостом,
В морях и реках рыбы
Метали икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застилался,
Падали на землю
Разрывные и огненные яйца,
Тучи насекомых,
Чудовищных строеньем и размером,
В телах людей горючие личинки
оставляли;
И эти полчища исчадий, получивших

И лик, и плоть, и злобу от людей,
Снедь человечью жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли, жевали,
пожирали,
А города, подобно жерновам
Без устали работая, мололи
Зерно отборное из первенцев семейств
На пищу демонам...
И Ангел Бездны,
Ликуя, возгласил:
«Снимается проклятье Вавилона!
Языков разделенью
Пришел конец!
Одни и те же речи–
Живут в устах врагов.
Но смысл имен и емкость слов
Я исказил внутри:
Понятия спутались,
Язык же стал
Безвыходно единым.
Каждый мыслит
Убийством истребить убийство,
И одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит
Мою же ложь.
Мудрость,
Бесстыдно обнажившись, как
блудница.
Ласкает воинов,
А Истины, сошедшие с ума,
Резвясь, скользят по лужам
Обледенелой крови...»

23. IV 1915
Париж

СоТ; автограф Тт-3; авт. маш. *между <ч.> 2 и 3*

3[1]

И некий бес воскликнул, издеваясь:
«Снимается проклятье Вавилона;
Языков разделенью
Пришел конец; одни и те же речи
Живут в устах врагов!
Но смысл имен и емкость слов
Я исказил внутри.
Понятья спутались, язык же стал
Безвыходно-единым· каждый мыслит
Войной убить войну
И одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит
Мою же ложь!
Мудрость,
Бесстыдно обнажившись, как блудница,
Ласкает воинов,
А истины, сошедшие с ума,
Резвясь, скользят по лужам
Оледенелой крови. Человеку,
Достигшему согласия во всем,
Не остается ничего иного,
Как истреблять друг друга до конца».

СоТ; автограф Тт-3; авт. маш. *<ч.> 6 между 8 и 9*

Сдирали скальпы, резали ремни,
Сквернили церкви, жгли дворцы, взрывали
Пути, мосты, заводы, города,
Уничтожали склады и запасы,
Ломали плуги, угоняли скот,
Гноили хлеб, опустошали села,
Насиловали, отымали, жгли,
Расстреливали голодающих,

[1] Текст воспроизводится по СоТ (в других названных здесь источниках имеются незначительные словесные и пунктуационные варианты).

286

авт. маш. *первонач. ред.*

Поэту революции

Вытрави из словаря слова «Красота»,
«Вдохновенье» –
Подлый жаргон рифмачей, выверты
шарлатанов.
Это слова для толпы – поэту понятья:
Правда, конструкция, план,
равносильность, сжатость и точность;
В трезвом, тугом ремесле –
вдохновенье и честь поэта.
Правь поэму, как текст заокеанской
депеши:
Сухость, ясность, нажим – начеку
каждое слово.
Букву за буквой врубай на твердом и
тесном камне.
Чем скупее слова, тем напряженней их
сила.
Мысли заряд волевой равен
замолчанным строфам.
Скромно учись мастерству у
ремесленников и у младших.
Четко чекань имена: пригвождай
действительность словом.
Будь стрелой и огнем: впивайся в
сущность явлений.
Верою выявляй то, чему нет обличья.
Горн свой раздуй на горе в пустынном
месте над морем
Человеческих множеств, чтоб голос
стихии широко
Душу качал и крылил, междометья
людей заглушая.
Остерегайся друзей, ученичества,
шума и славы:
Только противник в борьбе может
быть истинным другом;

Ученики развинтят и вывихнут мысли
и строфы;
Слава тебя прикует к глыбам твоих же
творений:
«Солнце Мертвых» – живым – она
намогильный камень.
Будь один против всех: молчаливый,
тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск
прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает
смятение множеств.
Верь в человека; толпы не уважай и не
бойся.
В каждом преступнике чти распятого в
безднах бога.
В смутах усобиц и войн сознавай
целокупность.
Будь не частью, а всем, не с одной
стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой: ты не актер и
не зритель –
Ты соучастник судьбы, раскрывающий
замысел драмы.
В дни, когда спазмы любви
выворачивают народы,
В дни, когда Справедливость
ослепшая меч обнажает,
В дни Революции – будь человеком, а
не гражданином.
Помни, что для тебя партии, клички,
программы –
То же, что списки больных для врача
сумасшедшего дома.
Если тебя невзначай современники
встретят успехом –
Знай, что из них никто твоей не
осмыслил правды:
Правду оплатят тебе клеветой,
ругательством, камнем.

Будь изгоем при всех царях и
народоустройствах:
Совесть народа – поэт: в государстве
нет места поэту!

12 октября 1923
Коктебель

287

автограф Тт-3 <*ч.*> *I, после 10* Волю связать змеей и узел стянуть туго.
Быть стрелой и огнем. Впиваться в
сущность явлений.
Верою обличать то, чему нет обличья.
Четко гранить имена. Заклинать
действительность словом.
«Что» важнее, чем *«как»*, но *«кто»*
несравненно важнее.

289

[И панцирем из камня и бетона
авт. маш. <*ч.*> *5* *27 – 28* Одел тюрьму, где заточил свой дух.]

296

[– «Как могу я
авт. маш. *Пролог между 115 и 116 (см. с. 101)* Сжаться в человека?
Вся земля ничтожней искры малой –
Я же есмь верховный обод мира,
Весь пронизан светом и очами,
Мною равновесятся созвездья,
И внутри меня дымятся солнца...»

Отвечает Серафиму Богоматерь:
«Пресвятая Троица не выше ль
Ангельских чинов и иерархий?
Божий Сын
Не выше ль Серафимов?
Как в тебе роятся роем солнца –
В Нем клубится множество вселенных
Будущих и бывших и текущих.

Мир миров,
Вселенную вселенных
Выносила Я – Мария –
В чреве.
Господу,
Который больше мира,
Сжаться до пределов человека!
Вечному –
Разодранным быть в мире
Строем распинающих мгновений!
Каждый дух, рожденный в тварном мире,
Воплощаясь
В человечьей плоти,
Сквозь угольное ушко проходит.
Боли нет больней,
Чем боль рожденья:
Каждый шаг твой будет крестной мукой,
Каждый миг твой –
Смертью.
Смерть – рожденьем».

– «О, Владычица!
Довольно слова
Твоего –
И я на землю ринусь.
Но пред тем, как сгинуть и погаснуть,
Дай познать мне судьбы человека!»

– «Быть рожденным
Значит быть извечно
Названным по имени Творцом.
Девять есть небесных иерархий.
Человек – десятая:
Всех меньше,
Но на нем всё締 упованье мира.
Человек – единая из тварей –
Создан был
По образу и по подобью
Господа.

Единому ему дана свобода.
Ангел – преисполнен воли Божьей:
Он – лишь луч,
Стремящийся от солнца.
Человек – подобен капле влаги,
Отразившей солнце –
В малом,
Но вполне.
Божий Лик поручен человеку,
Чтобы он пронес его
Сквозь бездны
Мира преисподнего.
Каждый человек – темница.
Пламя,
В нем плененное,
Должно проплавить,
Прокалить,
Прожечь,
Преобразить
Толщу стен слепой и косной глины.
Посмотри на этот малый сгусток
Тусклых солнц
И стынущих планет;
Этих звезд морозные метели –
Только вихри пыльного потока,
Леденящего
И гасящего жизни
И с собою увлекающего в бездну
Безвозвратного небытия.
Этот мертвый мир,
В котором
Всё распадается,
Ничто не создается, –
Этот мир
Был создан
Из чистейшей
Славы Божьей!
Ни одна частица
Не должна погибнуть и погаснуть.
Божий Сын был распят на кресте

Человеческого тела
И Голгофой
Выкуплен Адам
У жадной плоти.
Человек же должен плоть расплавить
И спасти Архангела – Денницу
От смертельных вязей вещества.
Я – Мария –
Матерь и материя!
Из Меня возник
И вновь в Меня вернется
Земный мир, пылающий страданьем.
Я – Мария –
Роза всех молитв,
Память мира,
Целокупность твари,
Я – сокровищница всех имен, –]

<гл.> I, между 26 и 27

[И цветет –
Отбрасывая шлаки
Рыб и птиц,
Растений и зверей, –
Всею незапамятною жизнью
Человеческого прошлого;]

<гл.> I, между 44 и 45

[Сидор Мошнин был благочестив.
Брал подряды на строенье храмов:
Курский храм
Во имя Сергия Радонежского
Строил он по планам
Зодчего Растрелли.
Рано умер.
И вдова
Приняла все мужние дела.
Отроду имея здравый смысл
И строгий распорядок
В делах житейских,
Достраивала храм,
Вела торговлю,
Наставляла сына в Святом Писании
И житии святых.]

<гл.> I, между 58 и 59

[Отроком он захворал
Так крепко,
Что надежды не было на выздравленье.
Мальчику приснилась Богоматерь
И сказала:
«Я Сама приду
Исцелить тебя».
И вскоре
В образе иконы чудотворной
Крестным ходом
К дому их пришла.
Вынесли больным,
А возвратился здравым.]

<гл.> II между 15 и 16

[В Благовещенье
Гора заколебалась
Благовестом колокольным.
Слыша звон,
Окрестные крестьяне
На горе искали
Тайных кладов
И отрыли шесть крестов дубовых,
А седьмой был медный.
Поняли, что место –
Свято,
И Господь его прославит.]

<гл.> II, между 23 и 24

[А стеречь его
Поставлены Пречистой
Были иноки
Иосиф и Пахомий,
Два святых и прозорливых старца,
Как столпы от неба до земли.]

<гл.> II, вместо 32

[Настоятель пустыни Пахомий
Принял Прохора
И отдал в послушанье
На семь лет отцу Иосифу.
Так начался монастырский искус.
Прохор

Был сперва келейником при старце.
После послушанье нес в столярне.]

<гл.> III, после 26

[С тех пор еще смиренней
И усерднее стал Серафим.
Целый день не выходил из храма
И жалел о том,
Что человек не может
Господу служить, подобно ангелам.
Чрез семь лет
Пахомий, умирая,
Сам благословил его
На новый подвиг –
На пустынножительство.]

первонач. ред.

IV

Не из ненависти к миру инок
Удаляется в пустыню,
Но чтоб глубже
Слиться с Господом в уединеньи.
Серафим себе построил келью
На обрыве Саровки средь бора,
Огород вскопал,
Поставил ульи,
Мох сбирал,
Рубил дрова,
Молился,
Совершая правило по чину
Преподобного Пахомия Великого.

Раз в неделю он ходил за хлебом
И, питаясь сам, делился
Со зверьми и птицами лесными.
В полночь к келье собирались звери –
Лисы, зайцы, волки и куницы,
Прилетали вороны и дятлы,
Приползали ящеры и змеи,
Принимали хлеб из рук святого.

Раз пришла монахиня и видит:
Серафим сидит на пне и кормит

Сухарями серого медведя.
Обомлела
И ступить не смеет.
Серафим же говорит:
«Не бойся,
Покорми сама медведя, матушка!»
– «Да боюсь – он руку мне отъест».
«Ты только веруй –
И не отъест руки».
И обратясь к медведю:
«Что ты, Миша,
Сирот моих пугаешь-то?
Ступай-ко
Да принеси нам утешеньице,
А то поди мне гостью
И потчевать-то нечем».
Час спустя медведь ввалился в келью,
Подал пчельный сот,
Завернутый в листы.
Ахнула монахиня,
А Серафим
Говорит:
«Ты помнишь, как святому
Герасиму на Иордане
Лев служил?
А Серафиму убогому – медведь.
Ты радуйся; чего нам унывать,
Когда нам звери служат.
Во, радость моя, – звери
Тоже веруют и жаждут воскресенья.
Апостол Павел говорит, что тварь
С надеждой ожидает откровенья
От человека,
Потому что покорилась
Не добровольно,
А по принужденью,
Стенает, мучится и ждет освобожденья
В свободу славы Божиих сынов.
Что для людей Христос,
То человек для зверя,
И бес, что зверь,

Но зверь снаружи,
А бес внутри.
И бесы веруют и, веруя, трепещут.
Кто беса вымолил, тот создал зверя.
Вот, матушка, послушай
Присказку о некоем монашке:

По первонач. нумерации далее следовала гл. V («Святой Франциск») – см. наст. изд., т. 1, № 269

<гл.> V, после 64 (см. с. 111)

[Соблазнивши человека,
Сатана
Исказил гниением и смертью
Божий мир
И, земной плотью
Сам себя связав,
Он должен
Вместе с ней спастись или погибнуть.
Посулил:
«Вы станете как боги».
Дондеж слово это не свершится,
Он – невольник соблазненной твари.

Каждый день он всю обходит землю,
Всюду рыщет,
Ищет неустанно
Тех, кто плоть собой преодолели,
И, найдя такого, испытует
И вступает с ним в единоборство,
Дабы
Быть им побежденным,
Дабы
Семя Евы змию жало стерло.]

гл. VI (VII по первонач. нумерации), между 15 и 16 (см. с. 112)

[Бес сперва хотел его отвадить
От молитв посредством
«страхований»:
Выл зверьми вокруг пустынной кельи,
Лез в окно ощеренным медведем,
В дверь швырял тяжелым
корневищем,

То вздымал его высоко в воздух
И с размаха ударял о землю.
Эти искушения подобны
Паутине – дунь – и нет ее,
Перекрестишься – и наважденья
Сразу кончатся.
Но вскоре Дьявол
Приступил к святому самолично.
Тысячу ночей и столько ж дней
Серафим лицом к лицу боролся
С Дьяволом – коленопреклоненный
На гранитном камне, среди леса,
Лишь одно оружие имея
Против сил нечистого – молитву
«Боже,
Буди милостив ко мне,
Грешному!»
И сей молитвой
Поборол его;
И отошел до срока
Сатана
И стал пытаться старца
Из пустыни выжить по-иному:
То придут просить его
Принять
Настоятельство
В обители далекой,
То внушит разбойникам,
Что старец
Укрывает в келье много денег.
Три разбойника его однажды
До смерти избили.
Еле жив приполз в обитель старец,
Но, восстав с одра,
Опять вернулся
В лес,
В пустыню,
К прерванным молитвам.

Он сосредоточился на новом
Подвиге:

На подвиге молчанья.
Угасил в себе все чувства
И все мысли,
Кроме мыслей, обращенных к Богу.
К посетителям не выходил,
Перед встречным
Падал ниц
И не вставал,
Пока
Тот не проходил,
В обитель
Не являлся даже в день воскресный.
Совершенное безмолвие есть крест,
На котором должен человек
Со страстьми
И с похоти распяться.
Таинство есть будущего века.

Раз бродил в лесу
Захожий инок –
И набрел на келью Серафима.
Слышит – вихрь кругом гудит,
И видит –
Келья потрясается
И ходит
Ходуном.
А заглянул в оконце:
В воздухе,
Аршина два от пола,
Старец молится коленопреклоненный.
Ужаснулся инок
Этой тихой
И сосредоточенной молитве.
Рассказал в монастыре монахам.

Дьявол же пустил в умах соблазны,
Как, мол, старец там живет
В пустыне,
В праздники в обитель не приходит
И Святых Даров не принимает?

Собирались старшие монахи,
Рассмотрели, обсудили и решили,
Чтоб ему в обитель возвратиться.
Старец молча выслушал и следом
Посланному в монастырь вернулся.
Он пятнадцать лет провел в пустыне
И теперь молчальничества
Не нарушил,
А замкнулся снова, усугубив
Прежний подвиг – подвигом затвора.

VIII

Вместо сосен –
Каменные стены,
Вместо неба –
Закоптелый полог,
Вместо синего, студеного простора –
Людный монастырь
И келья с гробом.

Раньше он уста замкнул,
А ныне
Скрыл лицо от человечьих взоров.
Пищу приносившего встречал он
Молча
И коленопреклоненный,
Темной тканью голову покрыв.
Он в себя весь мир земной
С грехами,
С бесами,
Зверьми
И с человеком
В подвиге молчальничества принял.
А теперь,
Стерев лицо,
Он вспомнил
Самого себя
И свой небесный облик.
Прояснилось зеркало, и стал он
До конца прозрачен
Всею плотью.

Дивное
Творилось в тесной келье:
Разверзались ангельские бездны,
Небо
Светами и славами кипело...
Серафим
Из преисподней бездны
Пламенем молитв
Святил слепую землю.
Сотни свеч
Горели в малой келье
За живых,
За мертвых,
За неживших.
Ураган ли к Сарову подходит,
Громоздя по лесу буреломы,
Он возжжет свечу,
Помолится –
И буря
Сразу стихнет.
Он за души грешных
Состязался с Дьяволом:
Однажды
Умерла монахиня.
Он видел,
Как душа по мытарствам водилась,
Истязуема была,
Судима
И осуждена.
В когтях у Сатаны
Видел он потерянную душу.
Трое суток
Умолял он Богоматерь:
Вымолил и выплакал прощенье.
Чистой голубицей
Из когтей бесовских
Вырвалась душа.
И, не стерпев потери,
Сатана на старца ополчился,
Поразил его ударом в спину.
«Если б не Христос

Да Богоматерь, –
Старец говорил, –
Никто бы
Исцелить меня не мог...
Но уж стоять –
До конца стоять
В борьбе с нечистым».

Так
Еще пятнадцать лет в затворе
Он провел,
Уставы естества
Силою молитвы побеждая.
И еще семь лет
Ему осталось жизни
На земле.
И приказала Богоматерь
Быть ему с людьми,
В людских делах.]

<гл.> VII (IX по первонач. нумерации), между 54 и 55 (см. с. 114)

[Говорил монаху:
«Жизнь монаха
Есть смертельный бой
С собой и с миром.
На войну не ходят без оружья,
В монастырь
Не входят без молитвы.
Послушанье, кротость и терпенье –
Вот нам истинная власяница.
Если кто нас оскорбляет,
Мы же
С радостью обиды переносим.
Вот нам подвиг,
Вот вериги нам.
Пост не только в изнуреньи плоти,
Но чтоб брату, алчущему хлеба,
Дать кусок, который хочешь съесть».

Говорил игумену:
«Ты пастырь:

Не дерзай напрасно беспокоить
Путников, идущих в вечность,
Ибо
Слово – сильно,
Посох твой – как бич!»

Девушку, просватанную замуж,
Уговаривал:
«Останься с нами,
Радость моя,
Твой жених – Христос».

Говорил желавшему постричься:
«Воздержись.
Ты должен жениться.
Нынче вечером твоя невеста
Будет здесь.
Иди ее встречать».]

297

автограф Тт-3 *загл.*

Заклинание над Марусей
(По Куэ)

между 7 и 8 [Без веры ничего достичь нельзя.
И у тебя есть вера и возможность
Преображенья мира и себя.]

298

авт. маш. *между 5 и 6* [Собранный в зверином напряженьи,
Львенок-Сфинкс к плечу Ее прирос,
К Ней прильнул и замер без движенья,
Весь – порыв, и воля, и вопрос.]

между 65 и 66 [И Владимирская Богоматерь
Русь вела сквозь мерзость, кровь и срам,
На порогах киевских ладьям
Указуя правильный фарватер.]

354

автограф *первонач. ред.*

Святая Роза

Когда божественный Учитель
Страдал и умер за людей
И смертью крестною своей
Отверз им путь в блаженную обитель,
Они Ему венец терновый
Сплели, безумно веселясь,
И по челу Его катясь,
На землю падал пот багровый.
Из крови той, гласит преданье,
Родилась роза; и она
Смягчает горе и страданья,
Как символ вечного добра.
И роза та цветет поныне,
Широко, пышно разрослась
И манит всех к себе во власть,
Как светлый ключ среди пустыни.
Та роза есть любовь святая,
Которую Он людям завещал,
Когда за нас в страданьях умирая,
Он всё врагам своим прощал.

25 января 1892
Москва

382

автограф *черновые наброски*

I.

О Боже! Боже! Сколько сил
Свобода эта погубила.
Кто жил бы много, с пользой жил
И чья была б полезна сила.
Добра и правды палачи,
Тираны, изверги народа
На трон низвергнутый взошли
И обесчестили свободу.
Они свободы Божество
Невинной кровью оросили,
С злорадным смехом осквернили

Изображение его.
Они лишь только для себя
Искали власти и свободы,
И гильотину палача
Свободой выдали народу.
Они хотели управлять,
Они свершили святотатство,
Себе позволивши попрать
Свободу, равенство и братство.
Как много тут погибло сил
Отважных и веселых,
Кто в это время честен был
Среди тех скопищ...

II.

...Свобода! Дар благой небес,
Крылатая посланница из рая.
Дана ты людям в дар, и над тобой
Ругаются они, убийством оскорбляя!
Смотрите на народ! Что сделал с нею он?
Он осквернил ее убийством и разбоем.
Казнен ими король, низвергнут самый трон;
Злодеи собрались и гнусным жадным роем
На трон низвергнутый восстать они хотят
И лестью грубою потворствуют народу.
Враждуют меж собой. Своих граждан казнят.
И говорят, что веруют в свободу!

III.

...И скоро весть Европу облетела:
Во Франции попрали правду и закон.
Свершилося неслыханное дело –
Людовик был низвержен и казнен...

393

автограф	*11*	Такою радостью исполнена душа

423

автограф	*29–32*	Как будто всё было наполнено радостью тихой И чистой любовью, и вечным святым поклоненьем Великой природе в том храме великом, Который зовется – вселенной.

467

Quasi una fantasia

автограф *первонач. ред.*

Мне часто снится чудный сон:
Он и теперь передо мною.
Стою я будто, окружен
Широко плещущей толпою
В огромном зале. Светлый зал
Огнями яркими сверкает,
Толпа гудит и замирает,
Как будто в море бурный вал.
И вот, под этот рев толпы
Я выхожу на край эстрады –
Со всех сторон обращены
Ко мне тоскующие взгляды.
Я весь дрожу. Я весь в огне.
Мой голос робкий, замирая,
Звучит, средь шума пропадая,
Как звук на порванной струне.
Но вот прошло одно мгновенье,
И становлюся я смелей,
Проходит первое смущенье –
И речь моя звучит сильней.
Мой голос плеск толпы шумливой
Своею силою покрыл,
Я в сердце чувствую приливы
Могучей воли, гордых сил.
Тоска стихает. Над толпою

Лишь я один царю теперь –
Он покорен и связан мною
Многоголовый дикий зверь.
Теперь я бог. Сильнее власти
Не может быть ни у кого.
Движеньем пальца моего
В толпе могу я вызвать страсти,
Заставить плакать и страдать,
Смеяться, петь и веселиться
И в умилении молиться
И в грозном гневе проклинать.
О, эти чудные мгновенья,
Когда все чувства всех людей
Могучей силой вдохновенья
Совмещены в душе моей.
Когда вся жизнь всей могучей,
Всей многочисленной толпы
Слилась в один аккорд могучий
Недостижимой высоты.
Тогда я бог. Я бог. Мгновенье –
Еще минута и пройдет,
Как блеск зарницы, вдохновенье,
И жизнь, как прежде, потечет.
Но эта власть, – одно сознанье
Толпой стотысячной владеть –
Нет счастья выше в мирозданьи!
На миг сверкнуть и умереть!
Но вот я кончил. Всё молчит,
Как будто море пред грозою.
Чу! Первый вихрь, шумя, летит,
И всё смешалось предо мною.
На землю падая без сил,
Я слышу рев рукоплесканий,
Восторги, крик... Но час пробил –
И нет ни власти, ни мечтаний.

12 мая 1895
Феодосия

автограф *первонач. ред.*

507

Человек

(Посвящается А.М.П<етров>ой)

Душа моя широка.
Как небесный свод,
Вмещает она в себе
Всю вселенную.
Ревет ли буря,
Сияет ли солнце,
Плывут ли облака
По синему небу –
Всё отражается в ней,
Всё находит в ней отклик.

Сердце мое глубоко.
Оно как море бывает спокойно,
Как море – прекрасно,
Как море – бурно.
Много сокровищ
Лежит в глубине его.
Но только буря
Их бросить может
Из глубины
На берег.

Мысль моя – это молния.
Огненным зигзагом
Рассекает она
Черные тучи,
И на мгновенье
Озаряет мрак,
Окружающий меня...

Сам я – червяк.

21 января 1897
Феодосия

509

автограф *после 64*

[Да только... Теперь ведь от голоду он
Остался – лишь кости да кожа,
А тут уж из кожи полезет он вон
На фабриках этих? И что же:
Теперь он, по крайности, кожей одет,
Хоть ходит с рукою по миру,
А тут уж, совсем превратившись в скелет,
Едва ли захочет он сыру.]

516

автограф *после 40*

[У Диккенса ряд превосходных страниц,
Рисующих темною ночью
Жизнь этих огромных чудовищ-столиц –
Я здесь пережил их воочью.]

41–45

...Стемнело. Повсюду сверкают огни.
Движенье кипит на бульварах.
Довольно же блеску. Уйдем в лабиринт
Запутанных, тихих и старых
Таинственных улиц... О, если б они

53–56

Всё стерто. Их время коснулось крылом.
И стерло неясные знаки.
Затопленный морем огромных домов,
Собор еле виден во мраке.

после 60

[Я видел соборы других городов –
Милана, и Вены, и Кёльна.
Они еще гордо и прямо стоят,
Себе подчиняя невольно
Весь город. Но тут необъятный Париж...]

517

черновой автограф *после 4*

[В далекий путь я взял с собой
Из мира, брошенного мной,
Лишь грёзы детства...]

520

черновой автограф *1–4*

Я Вечный Жид. Все люди братья.
О, как дорога далека!
Благословенное проклятье,
Благословенная тоска.

8–9

А в людях только блеск мечты.
Весь мир, как море пред зарею,

521

автограф *после 28*

Серый Город все растет,
Стены тянутся все выше...
Будет день, и в темный свод
Навсегда замкнутся крыши...

525

черновой автограф *1–2*

И с каждым мгновеньем, лишь ты удалялась,
Всё подлинней делались взмахи крыла

вместо 16

Единый и цельный прилив бытия...
Мы были и ветром и лесом и светом,
Текучей водою и снежной горой

551

автограф *6–8*

Сверкают во всей полноте.
Свобода в безумьи усилья,
В плененном порыве комет,

554

автограф 2, Тт-3 *13–16*

Вязи рифм и имен святых,
Вскрытых судьбою... –
И да будет в ней каждый стих
Связан с тобою.

560

автограф *11–12*

Дай услышать на дне преисподней
Голос: «Лазарь! изыди из гроба!»

600

автограф 2, Тт-2	*1–2*	Носатой, маленькой и смелой В огромный мир ворвалась я,

620

автограф 2	*<отрывок> II, 1–4*	Терпи, народ! Любовь, смиренье Христос несчастным завещал, И вам в пример среди мучений Своих мучителей прощал! *1 марта 1893. Москва*

639

автограф	*после 34*	Я шел сквозь ущелье, где бился поток О камень холодный и твердый, Куда опускался огромный ледник Запачканной мёрзлою мордой... Я шел по сияющим снежным полям, И празелень льдов вековая Зияла из трещин. И мертвым кольцом Лежала пустыня немая...

640

автограф	*перед 1*	Всё то, о чем в детстве я страстно мечтал, Чем сердце бывало томимо, Всё то воплотилось теперь для меня В сияющем имени Рима.
	2	Их сила, сокрытая в смысле

642

автограф	*<гл. XXII>, 1–4*	Бессмертной дочерью познанья Ее считает человек, Но люди новые названья Давали ей из века в век.

653

автограф		Пришла изночница. В постель Со мной легла.

отдельные строфы

И мыслей тонкую кудель
Свивает мгла.
Ах, где начало и конец
Любви кольца?
Нагой Амур – слепой стрелец
Встал из яйца
[О лебедь – Время, ты]

автограф 2, Тт-2 | *6–8*

Плеснет в лицо,
Крылами бьет. То Птица-Ночь
Снесла яйцо.

655

черновой автограф Тт-2 | *между 8 и 9*

Я не предам приносящих дар,
Как ты – мечу,
На души жаждущих свой пожар
Не расточу.

662

черновой автограф Тт-2 | *5–8*

И в камне и в звере – везде,
В горах, в облаках над скалами,
В травинке и в яркой звезде
Я вижу текучее пламя.

663

автограф 2, Тт-2 | *отдельные строфы*

Не шли меня в свой мир гонцом,
Но дай мне стать кадильным дымом,
В пустыне пред Твоим лицом
Ослепнуть в блеске нестерпимом.

Я сам комок Огня и Праха,
Но я сдержу свой подлый крик,
Но отврати свой гневный лик,
Чтоб мне не умереть от страха.

Я соль земли. В горючей соли
Вся мудрость горькая земли,
Кристаллы зла и темной боли
В ней белым снегом процвели.

Сквозь воскресенье, сквозь могилу
Я понесу святую боль.
Ведь если соль утратит силу,
Кто сделает соленой соль?

667

авт. маш.

Я живу на зубчатой горе среди ужаса
омертвелых пустынь и стоячих болот.
Среди мертвых болот и глухих
лукоморий
С вознесенных престолов моих
плоскогорий
мне видна
вся туманом и мглой и тоскою повитая
Киммерии печальной страна.
Я пасу костяки допотопных чудовищ
и драконов затянутых илом стада,
здесь базальты хранят на себе ореолы
омертвелых сияний и оттиски слав.
Обода колесницы, исполненной глаз,
Шестикрылья распятых в скалах
Херубу...
И гулка голосами моих подземелий
и змеиных ходов и драконовых троп

КОММЕНТАРИИ

Второй том Собрания сочинений Волошина включает четвертую книгу авторского собрания стихотворений – «Путями Каина», стихотворения 1925–1929 годов (завершенные поэтические тексты, созданные после формирования этого итогового собрания), а также стихотворения 1891–1931 годов, не включавшиеся Волошиным в авторские сборники и в макеты неосуществленных изданий; среди них выделены в особые разделы шуточные и незаконченные. Из 401 произведения, составившего том, 120 публиковались ранее лишь в составе научных сборников или в извлечениях; значительная часть публикуется впервые.

Звездочка у номера произведения означает отсылку к разделу «Другие редакции и варианты».

Составитель комментариев выражает свою признательность М.-О. Альбер (Париж), Е.Н. Будаговой (СПб.), В.Г. Зарубину (Смф.), С.И. Субботину (Москва–Троицк), Р.П. Хрулевой (СПб.).

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

авт. маш. – авторизованная машинопись.

альм. – альманах.

АМА – *Волошин М.* Anno mundi ardentis 1915. М.: Зерна, 1916.

Антология – сб. «Антология». М.: Мусагет, 1911.

Б. – Берлин.

б. д. – без даты.

БП – *Волошин М.* Стихотворения и поэмы / Сост. В.П. Купченко и А.В. Лавров. СПб.: Наука – Петербургский писатель, 1995. (Библиотека поэта. Большая серия).

Воспоминания – сб. «Воспоминания о Максимилиане Волошине» / Сост. В.П. Купченко и З.Д. Давыдов. М.: Сов. писатель, 1990

ВРХД и ВРСХД – журн. «Вестник русского христианского движения» либо «Вестник русского студенческого христианского движения» (Париж).

Выст. – выставка.

ГИМ – Рукописный отдел Государственного Исторического музея (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей. Отдел рукописей (Москва).

ГРМ – Государственный Русский музей. Отдел рукописей (С.-Петербург).

ДМВ – Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель).

Иверни – *Волошин М.* Иверни: Избранные стихотворения. М.: Творчество, 1918.

Из лит. наследия-1 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. 1». СПб.: Наука, 1991.

Из лит. наследия-2. – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. 2». СПб.: Алетейя, 1999.

Из лит. наследия-3 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. 3». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописей (Москва).

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

История моей души – *Волошин М.* История моей души / Сост. В.П. Купченко. М.: Аграф, 1999.

Книга для чтения – «Книга для чтения по истории новейшей русской литературы» / Сост., вводные статьи и коммент. В.Л. Львова-Рогачевского. Л.: Прибой, 1925. Т. 2.

Кругликова – «Париж накануне войны в монотипиях Е. Кругликовой». Пг.: Унион, 1916.

Куприянов – *Куприянов И.Т.* Судьба поэта. Киев: Наукова думка, 1978.

ЛТ-88 – *Волошин М.* Лики творчества / Изд. подготовили В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л.: Наука, 1988. (Серия «Литературные памятники»).

МГ – «Московская газета».

Менделевич – *Менделевич Э.* «Пойми простой урок моей земли...»: (Статьи о Максимилиане Волошине). Орёл: Б.С. Вишневская, 2001.

Молитвослов – «Православный Молитвослов и Псалтирь». [Владимир:] Издание Владимирской епархии Московской Патриархии, 1995.

НЖ – «Новый журнал» (Нью-Йорк).

НК – *Волошин М.* Неопалимая Купина (машинописный сборник – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 141).

НРС – газ. «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

ПБС – «Православный богослужебный сборник». М.: Издание Московской Патриархии, 1991.

Пинаев – *Пинаев С.М.* «Близкий всем, всему чужой...»: Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте серебряного века. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1996.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РЛ – журн. «Русская литература» (Ленинград – Санкт-Петербург).

СиП-2 – *Волошин М.* Стихотворения и поэмы / Под ред. Б.А. Филиппова, Г. П. Струве и Н. А. Струве при участии А.Н. Тюрина. Paris: YMCA-Press, 1984. Т. 2.

Смф. – Симферополь.

СоТ – *Волошин М.* Стихи о терроре. Б.: Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923.

Стих. – *Волошин М.* Стихотворения: 1900–1910. М.: Гриф, 1910.

Стих-77 – *Волошин М.* Стихотворения / Вступ. статья С.С. Наровчатова. Сост., подгот. текста и примеч. Л.А. Евстигнеевой. Л.: Сов. писатель, 1977. (Библиотека поэта. Малая серия).

Труды и дни – *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.

Тт-1 – творческая тетрадь Волошина (стихи 1903–1907, ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 5).

Тт-2 – творческая тетрадь Волошина (стихи 1907–1918, ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 6).

Тт-3 – творческая тетрадь Волошина (стихи 1919–1931, ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7).

ФКГА – Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского. Фонды.

Книга четвертая

ПУТЯМИ КАИНА
Трагедия материальной культуры

Большинство стихотворений, составивших цикл «Путями Каина» (Волошин называл его как циклом, так и поэмой) создавалось в 1922—1923 годах. В книгу под этим же заглавием Волошин включил также два стихотворения 1915 года (284 и 285). По сути, это изложение воззрений поэта на всемирную историю – «переоценка материальной культуры», начатая им еще в 1900 году. Сохранился автограф развернутого плана Волошина, темы и идеи которого, в основном, отражены в цикле (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 389):

«Трагедия материальной культуры

(Путями Каина)

Эволюция, как приспособление, и эволюция, как бунт. Приспособившийся понижается до уровня среды. Мятежник пересоздает себя, делая среду, нужную для жизни, своим внутренним достоянием. Истинная революция есть бунт против законов природы.

Бунт позвоночного: мя<те>жник уносит в себе жизненную среду древнего океана (кровь).

Бунт человека – употребление огня, которое выставляет человека из звериного стада.

Отношение человека к природе: магическое и научное познание мира. Всякое новое знание и всякая новая сила, не уравновешенные отречением от личных выгод. становятся источником всяческих бедствий и катастроф.

Орудия разрушения и производства, как создатели правовых норм.

Каин как зачинатель материальной культуры. Культура и мораль кулачного права.

Культура меча и ее моральная история. Культура Пороха. Культура Пара. Культура взрыва.

Машина и ее социальные и философские последствия. Машина и война. Машина и государство.

Государство как система монополий. Монополия крови, воспитания, воровства, обмана и правды. Смысл буржуазных революций.

Человек сам создал себе ту среду, в которой он больше не может дышать: эта среда — машинная культура.

Социализм как приспособление к этой среде.

Пути мятежа: бунт против формул буржуазной свободы, бунт против заработной платы, против справедливости, против собственности, против благодарности.

Очагом будущей социальной семьи станет взрыв, и земля – очагом вселенной.

Эволюция космогоний: Каббала, Вавилон, Греция. Христианство, материализм, теория относительности.

Пути грядущей культуры: мы используем силы разложения мертвой природы, будущее человечество найдет их в созидающих силах роста природы органической».

Касаясь задуманной «поэмы», Волошин писал В.В. Вересаеву 14 апр. 1922: «В ней, мне кажется, удастся сконцентрировать все мои культурно-исторические и социальные взгляды, как они у меня сложились за 20 лет жизни на Западе и как они выявились в плавильном огне русской Революции. Я еще совершенно не знаю, чем окажется моя поэма в качестве художественного произведения. Но у меня, по крайней мере, будет завершенная формулировка моего отношения к современной культуре, к человеку и, поэтому, к политике». 23 дек 1923 в письме к А.М. Пешковскому Волошин так характеризовал произведение: «“Путями Каина” – это цикл стихов, касающийся материальной культуры человечества. Россия и русская революция затронуты в ней только стороной. Но там я формулирую почти все мои социальные идеи, большею частью отрицательные. Общий тон – иронический» (ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 27). В архиве Волошина сохранился ранний (машинописный) вариант текста и композиции цикла («Порядок глав»): «Пролог» (позднее – «Мятеж»), «1. Огонь», «2. Кулак», «3. Магия», «4. Меч», «5. Пар», «6. Порох», «7. Машина», «8. Война», «9. Распад», «10. Государство», «11. Наука», «12. Пророк» (позднее – «Бунтовщик»), «13. Левиафан», «Эпилог» (позднее – «Суд»); главы «Распад» и «Наука» отсутствуют (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1). В 1925 году Волошин планировал дополнить цикл новыми произведениями: «Таноб», «Взрыв», «Цареубийство», «Боги-игрушки (Петрушка)», «Людоедство-Евхаристия», «Культура» (Тт-3, л.151), – но они не были написаны (за исключением поэмы «Таноб»). Определенное влияние на Волошина оказала книга немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы». 2 апр. 1923, благодаря В.В. Вересаева за присылку этой книги, поэт писал: «Необычайно вдохновляющая, оплодотворяющая книга, хотя с нею в большинстве слу-

чаев и не соглашаюсь. Для моей работы над "Пут<ями> Каина" она драгоценна». В письме к М.С. Шагинян от 20 нояб. 1923 Волошин уточнял, что для него «очень много разверзла» шпенглеровская «идея судьбы-времени». В одном из планов цикла у Волошина записано: «Первый мятежник против семьи – Каин».

Текст печатается по авт. маш., входящей в НК, с проверкой и отдельными исправлениями по другим авторизованным текстам (СоТ, автографы и авт. маш. списки из архива Волошина).

С.К. Маковский писал о цикле: «Это стихи, так глубоко провеянные тысячелетиями средиземноморской культуры с ее эзотерической углубленностью в загадки духа и плоти, что и сам Волошин кажется, в наш немудрый век, не то каким-то последним заблудившимся гностиком-тамплиером, не то какой-то гримасой трагической нашей современности накануне новой, неведомой судьбы...» (*Маковский С.* Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 323). Из людей науки в числе первых высоко оценили «Путями Каина» П.А. Флоренский, почвоведы и гидрогеологи Р.С. Ильин и А.Ф. Лебедев; много позднее астроном В.И. Цветков сформулировал (в статье «М.А. Волошин и естественные науки»): «По глубине охвата научной темы Волошину нет равных в поэзии XX века. Лишь в прошлом, в творениях гигантов типа Лукреция или Гёте мы находим подобный синтез науки, философии и поэзии» («Волошинские чтения: Сб. научн. трудов». М.: ГБЛ, 1981. С. 127).

В последние годы ценные замечания о цикле даны в работах С.М. Пинаева, С.В. Кричевского, Э.С. Менделевича. С.М. Пинаев подтверждает большое влияние, которое оказал на Волошина Лукреций Кар (Пинаев. С. 206) и отмечает сходство главных мыслей Волошина и В.И. Вернадского, который писал: «Человечество выживет только в том случае, если мир биологический, биосфера, сменится миром разумным, ноосферой, если человек, неотделимый от природы, но постоянно ее насилующий, вернется к ней, сольется с ней на базе высшего Разума» (цит. по: Пинаев. С. 227). Летчик-космонавт (и доктор философии) С.В. Кричевский предлагает новое прочтение волошинской поэмы «в условиях глобального кризиса цивилизации» на стыке XX и XXI веков, – утверждая, что поэт дает нам ответы на важнейшие вопросы современности («Философия М.А. Волошина и проблемы техники и экологии XX века». – «VIII и IX Волошинские чтения: Материалы и исследования». Смф., 1997. С. 60–61).

***272. Мятеж.** Альм. «Недра». 1923, кн. 2. - - СоТ. - - Книга для чтения. Первоначальная редакция (авт. маш. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1–1 об.) – под названием «Пролог» (т. е. пролог ко всему циклу), работа шла с 15 мая по 16 июня 1922 (Тт-3, л. 122). Вариант – автограф в Тт-3 (л. 117 об.–118). Среди выписок Волошина есть цитата из Гераклита: «Мятеж – отец всех вещей». А.И. Цветаевой запомнились такие слова Волошина: «...есть люди, которых миссия есть миссия отрицания <...>. Которым всю жизнь дано быть непокорными. Бунт. Но этот бунт может быть ближе к Богу, чем вера. Не забывай, что пути к Богу различны. И что путь богоборства может быть еще гораздо вернее богопокорности. <...> Помни, что непокорность – это самое сыновнее чувство, непокорные вместе с творцом творят мир» (*Цветаева А.* Королевские размышления. М.: [Б. и.], 1915. С. 15).

1. *В начале был мятеж ∾ началось чрез мятеж.* – Полемическая параллель евангельской формуле Предвечного Слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. <...> Все чрез Него начало быть» (Иоанн. I, 1, 3). *Мятеж был против Бога.* – Имеется в виду Люцифер.

3. *...сплавляющий огонь.* – Эта мысль высказана Волошиным в статье «Демоны разрушения и закона» (1906): «Жизнь – это горение. <...> Огонь, впившись в толщу звериного однородного человечества, состоявшего из самцов и самок, выплавил из него семью <и т. д.>» (ЛТ-88. С. 177).

4. *Мир – лестница...* – Согласно оккультным теориям, человек движется через физический мир, «набирая опыт в пространстве с помощью времени» (фрагмент из неустановленного теософского сочинения по выписке из него Волошина – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459, л. 11 об.) и поднимаясь постепенно на душевный, а затем на духовный уровень. *Животные и звёзды ∾ служили человеку Подножием...* – По оккультным теориям, растения развиваются из минералов, животные – из растений, люди – из животных.

5. *Ваяло* – орудие для ваяния, резец.

6. *...зверь, сойдя с ума, очнулся человеком.* – Образ, заимствованный Волошиным у Вяч. Иванова, – в письме к А.М. Петровой (ок. 29 июля (11 авг.) 1904) Волошин приводит его слова: «Совершается единственное в истории: животное, охваченное безумием. Обезьяна сошла с ума и стала человеком» (Из лит. наследия-1. С. 169). В заметке «О неврастении (Ответ г<осподи>ну Лопатину)» (1911) Волошин

писал: «Когда обезьяна стала безумна логикой и математикой, то законы постоянных величин удержали ее на тысячелетие на этом уровне, который пока и сознан нами как история человечества».

273. Огонь. Альм. «Недра». 1923, кн. 2. - - СоТ. Ряд мыслей об огне (частично заимствованных у М. Метерлинка) Волошин изложил в статье «Демоны разрушения и закона» (ЛТ-88. С.176–178).

1. *Плоть человека – свиток...* – В записях Волошина (1907) помечено: «Человек – это книга, в которую записана история мира».

3. *Наш пращур ∾ в себе унес весь древний Океан ∾ Живую кровь.* – См. коммент. 182–196 (5): наст. изд., т. 1, с. 504.

6. *Агни* – бог огня в древнеиндийской ведической и индуистской религиях.

7. *Ригведа* – одна из священных книг древних индусов, собрание гимнов и богослужебных формул (X в. до н. э.). *Праманта* (санскрит) – палочки для получения огня трением.

***274. Магия.** Альм. «Недра». 1923, № 2. - - СоТ. Первоначальная редакция – под загл. «“Война и мир”. Вступление» («Россия». 1924, № 9). Вариант – автограф в Тт-3 (л. 110–111), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, 134). В одном из набросков Волошин формулировал: «Содержание науки и магии тождественно, но подход различен. Что для дневного знания является математической, или физиче<ской>, или химич <еской> формулой, то для магическ<ого> познания является живой волей персонифицирован<ного > в лице духа и отношение с ним является договором, пактом». «Равновесие между силой и моралью» – записано у Волошина как одна из тем поэмы.

1. *Синбад* (Синдбад) – герой средневековой книги арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Э.С. Менделевич отождествляет «отмель незнаемого моря» с коктебельским побережьем, а скитальца Синдбада с самим Волошиным (Менделевич. С. 59). *Соломонова печать* – чудесный перстень с изображением пентаграммы, с помощью которого Соломон, третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965–928 до н. э.), согласно легенде, укрощал демонов. *Джины* (джинны) – в мусульманской мифологии злые духи, созданные Аллахом из бездымного огня.

2. *А на дорогах легче было встретить Бога, чем человека...* – Цитата из римского писателя Марка Теренция Варрона (116–28 до н. э.),

приводившаяся Волошиным в статье «Анри де Реньє» (ок. 1919. // Из лит. наследия-1. С. 321). *И он вступал в борьбу и в договоры С живыми волями ..* — В статье «О теософии» (1907) Волошин указывал: «Там, где современная наука постигает законы природы безусловно и математически, там магия видела живую волю стихийных духов, управляющих природой, и вступала в личную борьбу с ними» («В вечных поисках истоков...»: Максимилиан Волошин – поэт-оккультист / Публ. В.П. Купченко. – «Наука и религия». 1990, № 2. С. 31). *Ундины* – по средневековым воззрениям, духи, управляющие водной стихией. В статье «Памяти Н.Н. Сапунова» Волошин писал об ундинах: «Магия учит, что они обладают природой изменчивой, чувственной, мягкой, холодной, восприимчивой к образам и творящей призрачные формы...» (ЛТ-88. С. 290). *Саламандры* – духи огня.

3. *Очнулся он* <человек> *к скупому дню ∾ начал ∾ ощупывать и взвешивать природу....* – Перекличка со стихотворением Ф.И. Тютчева «А. Н. М<уравьеву>» (1821): «Нет веры к вымыслам чудесным, Рассудок всё опустошил И, покорив законам тесным И воздух, и моря, и сушу, Как пленников – их обнажил...». *...в природе живы ∾ силы, что овладевают ∾ страстями человека...* – В окт. 1913 Волошин писал Ю.Л. Оболенской: «Надо во всем том, что мы считаем законами природы и механикой, научиться различать живую волю, страсть и мысль творящих мир существ, а все свои чувства, мысли, настроения почувствовать как реальные силы, немедленно отражающиеся на окружающих».

4. *Кобольты* (герм. миф.) – род гномов, живущих под землей. *Эльфы* – духи воздуха. *Никсы* – духи воды. Еще 11 окт. 1905 М.В. Сабашникова, пересказывая одну из лекций Р. Штейнера, писала Волошину: «Все эти существа – гномы, ундины, сильфы и саламандры – существуют в реальности. Их мысли – законы природы».

5. *...человек, освобождая силы ∾ делается в их руках игрушкой.* – В статье Волошина «О теософии» читаем: «Характерно то, что все открытия науки, все приложения великих сил – пара, электричества и взрывчатых веществ, найденных на процветание человечества, – все они послужили больше на зло и на порабощение человека, чем во благо его. Это происходит от нарушения равновесия между властью и нравственными законами» («Наука и религия». 1990, № 2. С. 31).

275. Кулак. Альм. «Недра». 1923, кн. 2. - - СоТ. Тема определена у Волошина: «Эволюция справедливости». Противопоставление «ку-

лачного права», как наиболее гуманного, «праву пушечному» идет от статьи М. Метерлинка «Похвала боксу»; впервые изложено Волошиным в статье «Демоны разрушения и закона» (ЛТ-88. С. 164–166, 173).

1. *«Враги нам близкие ∾ не пойдет за мной».* – Ср.: «И враги человеку домашние его. Кто любит отца и мать более, нежели Меня, недостоин Меня...» (Матфей. X, 36–37).

2. *...убил кочевника, топтавшего посевы.* – Имеется в виду Авель, который был пастухом (Бытие. IV, 2). *...ушел с пылающим клеймом.* – Каин, перед изгнанием в землю Нод, получил от Бога некое знамение (Бытие. IV, 15). Впоследствии оно стало трактоваться как клеймо преступника – «каинова печать». *«Отмстится всемеро ∾ Каина».* – Ср.: «...всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро» (Бытие. IV, 15 и 24).

3. *Строитель городов...* – Ср.: «И построил он <Каин> город...» (Бытие. IV, 17). *Ковач металлов...* – «Ковачом всех орудий из меди и железа» именуется в Библии не сам Каин, а его потомок с созвучным прародителю именем Тувалкаин (Бытие. IV, 22). *Создатель музыки ∾ он вырезал свирель и натянул струну...* – В Библии «отцом всех играющих на гуслях и свирели» назван опять-таки не сам Каин, а еще один его потомок – Иувал (Бытие. IV, 21).

5. *Сручье* – инструмент.

7. *«Свобода, братство, равенство иль смерть»* – лозунг Великой французской революции, впервые выдвинутый в постановлении парижского клуба кордельеров 30 июня 1793.

276. Меч. «Красная новь». 1922, № 3. - - СоТ. Поэтическое переложение раздела «Меч» из статьи «Демоны разрушения и закона» – с прямыми цитатами из эссе Метерлинка «Похвала шпаге» и «Бог войны» (ЛТ-88. С. 166–170).

3. *«In te, o Domine, speravi!»* – «На тебя, Господи, уповаю!» *(лат.)*. *«Отклер», «Дюрандаль»* – названия мечей Оливье и Роланда, героев старофранцузского рыцарского эпоса «Песнь о Роланде».

4. *«Si! Si! – No! No!»* – «Да! да! – Нет! нет!» *(исп.)*. «Основное свойство сознания – рассекать единую истину на два антиномичных понятия: да! и нет!» – записано в набросках Волошина (ок. 1909). *Сидов меч «Тисона».* – Сид Кампеадор (наст. имя Родриго Диас де Бивар, между 1026 и 1043 – 1099) – кастильский рыцарь, герой испанского эпоса. По другой версии, вышеприведенная надпись украшала еще один меч Сида, именуемый «Коллада» (ЛТ-88. С. 167); так называет Волошин меч Сида в одном из вариантов текста.

6. *Хирург и филантроп* – Жозеф Игнас Гильотен (1738–1814), врач, по предложению которого во Франции была введена в употребление гильотина (первая казнь – в апр. 1792). Еще 30 июня 1906 Волошин опубликовал в газ. «Двадцатый век» статью «Гильотина как филантропическое движение». *Сен-Жюстом, Робеспьером...* – См. коммент. 218–221 (3) и 216–217 (2); наст. изд., т. 1, с. 521 и 520. *Антиномией Кантова ума.* – Имеется в виду одна из основополагающих категорий философии Иммануила Канта (1724–1804) – сочетание двух взаимопротиворечаших суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково убедительное логическое обоснование.

7. *«Горе побежденным!»* – В IV в. до н. э. галлы, захватив Рим, потребовали выкуп золотом; при выплате дани они принесли слишком тяжелые гири, но, когда трибун стал возражать, вождь галлов Бренн добавил к гирям свой меч, воскликнув: «Горе побежденным!». *Не веривший ли в справедливость ∾ Сначала всех людей.* – Переложение фрагмента романа А. Франса «Суждения господина Жерома Куаньяра» (*Франс А.* Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. Т. 2. С. 536). Эти же идеи Волошин излагал в статьях «Во времена революции» («Око». 1906, 11 авг.), «Разговор» («Око». 1906, 28 сент.), «Пророки и мстители» («Перевал». 1906, № 2). *«Не мир, а меч»...* – Имеются в виду слова Иисуса Христа: «...не мир пришел Я принести, но меч» (Матфей. X, 34). *«Отмщенье Мне и Аз воздам за зло».* – Парафраза напоминания апостола Павла: «Ибо написано: "Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь"» (Послание к римлянам. XII, 19).

***277. Порох.** «Красная новь». 1922, № 3. - - СоТ (вариант). Идеи стихотворения отчасти заимствованы из работ М. Метерлинка (см. предыд. коммент.) и из статьи П. де Сен-Виктора «Музей артиллерии» (см. статью Волошина «Демоны разрушения и закона» // ЛТ-88. С. 172–178). Сходные мысли поэт нашел в «Путевых картинах» любимого им Г. Гейне: «Порох уравнял людей, ружье в руках горожанина стреляет не хуже, чем в руках дворянина» (*Гейне Г.* Собр. соч. в 10-ти т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1957. Т. 4. С. 426). «Взрыв в промышленности» – первоначальное авторское определение темы стихотворения.

2. *Преступного монаха.* – Имеется в виду Бертольд Шварц – немецкий монах, около 1330 года случайно изобретший порох.

3. *Аркебуза* – первоначальный вид ручного огнестрельного оружия, появившийся в первой трети XV в. *«О, сколь благословенны...»* – пересказ речи Дон Кихота «о военном поприще и учености» из 38-й главы первой части романа М. де Сервантеса Сааведры «Дон Кихот Ламанчский» (1615). *Неистовый Орланд* – герой поэмы итальянского писателя Л. Ариосто (1474–1533) «Неистовый Роланд» («Orlando Furioso», 1516).

6. *Всеобщую военную повинность* .. – «Всеобщая воинская повинность была главным фактором, понизившим моральный уровень Европы в XIX веке», – писал Волошин в письме к Л.Б. Каменеву (1924, черновик).

7. *...облики чудовищных теней...* – В набросках статьи «Демократизация искусства» Волошин прямо писал об опасности «интраатомной энергии» («Кодры». 1989, № 12. С. 142). Среди источников по современной физике, которыми он пользовался, можно назвать книги Г. Лебона «Эволюция сил» (СПб.: Общественная польза, 1910) и «Эволюция материи» (СПб.: Общественная польза, 1911).

278. Пар. «Красная новь». 1923, № 2. - - СоТ. Идеи стихотворения первоначально были изложены в статьях Волошина «Вопросы современной эстетики» («Русь». 1904, 15 июня), «Бунт машин» (МГ. 1911, 20 сент.) [Ср. также: «Все мы будем раздавлены автомобилями» (МГ. 1911, 3 нояб.)] и в его неопубликованных работах: «Демонизм машины» (см. коммент. 177–178 (1); наст. изд., т. 1, с. 501), «Автомобиль» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 119). Сохранился такой план стихотворения: «Демонизм машины: Костюм. Перепроизводство (империализм). Соблазн комфорта. Машина и материализм. Идея собственности <...> вещей). Система Тейлора» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 277).

2. *...хозяин догадался Котел ~ поставить на колёса..* – Паровой котел был изобретен Д. Папеном в 1680, первые паровозы были созданы в Великобритании в 1803 (Р. Тревитик) и в 1814 (Д. Стефенсон).

3. *Минотавр* (греч. миф.) – чудовищный человекобык, живший в подземном лабиринте на Крите; ежегодно ему поставлялись на съедение семь юношей и девушек.

5. *Дорога.* – Мысли о возникновении дороги содержатся в статье Волошина «Город в поэзии Валерия Брюсова» (1908; ЛТ-88. С. 419).

7. *Он человеческому торсу придал Подобие котла...* – Суждения о городском костюме XIX века, взятые из книги французского художественного критика Р. де Ла Сизерана «Вопросы современной эстетики» (*La Sizeranne R. de.* Les questions esthétiques contemporaines. Paris: Libraire Hachette et C-ie, 1904), Волошин пересказал в статье «Современная одежда» (ЛТ-88. С. 185–186).

***279. Машина.** СоТ. Вариант – автограф в Тт-3 (л. 100–102). Некоторые мысли стихотворения были ранее изложены в статье Волошина «Бунт машин» (МГ. 1911, 20 сент.) и в наброске статьи «Демонизм машины» (см. также наст. изд., т. 1, с. 501).

4. *Как ученик волшебника...* – Отзвук названия баллады И.В. Гёте «Ученик чародея» (1797), имеющей первооснову в древнеегипетской сказке «о неопытной колдунье». *Однообразные ненужные предметы...* – В тетради выписок Волошина находим слова Р. де Гурмона: «Цивилизация – увеличение потребностей, накопление вещей. Европейское рабство от вещей». Близка была Волошину и мысль Гонкуров: «Только рука человека придает вещам жизнь. Машины изготовляют мертвые вещи» (*Гонкур Э. и Ж. де.* Дневник. М.: Худож. литература, 1964. Т. 1. С. 420).

6. *Она* <машина> *∾ наглядно доказала, Что духа нет ∾ Что человек – такая же машина...* – Имеются в виду идеи французских материалистов, в частности Ж. Ламетри (1709–1751), изложенные в его работах «Трактат о душе» (1745), «Человек-машина» (1747) и др.

***280. Бунтовщик.** СоТ, под загл. «Пророк». Под тем же загл. – автограф в Тт-3 (л. 118 об.–119 об.), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, л. 11–12). Вариант загл. в рукописи – «Наби» (*др.-евр.*: пророк) в письме к В.В. Вересаеву от 18 марта 1922, – где Волошин характеризовал стихотворение: «Голос пророка, призывающего к мятежу против вещества».

1. *...голос вопиющего в пустыне...* – Выражение восходит к Библии; ср.: «Глас вопиющего: в пустыне приготовьте путь Господу...» (Исайя. XL, 3).

2. *...не мечи им истин...* – «Правда – только то, что вырастает из глубин духа, как подводное растение», – писал Волошин в статье о драме Ф.О.М. Вилье де Лиль-Адана «Аксёль». Герой этой драмы отказывается принять готовую истину, требуя, чтобы она «выросла из самых глубин их сознания <...> и этим стала личной и безусловной»

(ЛТ-88. С. 21). «Людей, изнасилованных истинами», поэт видел в большинстве штейнерианцев (письмо к Ю.Л. Оболенской от 21 окт. 1913). *...сей противоречья...* – «Противоречие мысли и дела – это вечные двигательные пункты в жизни человека...» – писал Волошин в неизданной статье (1902) «Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого» (РЛ. 1996. № 3. С. 137. Публикация О.А. Бригадновой). *Трихины* – образ из эпилога романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»; см. также наст. изд., т. 1, с. 514.

3. *Я призываю вас ∾ к прыжку из человечества...* – Возможно, антитеза выражению Ф. Энгельса (в «Анти-Дюринге»): «Прыжок из царства необходимости в царство свободы».

4. *Свободы нет. Но есть освобожденье...* – Мысль мастера Януса из драмы Ф.О.М. Вилье де Лиль-Адана «Аксёль». *...единственное место ∾ тюрьма!* – Еще 8 марта 1902 Волошин писал А.М. Петровой (цитируя неназванного автора): «В стране, где существует рабство, самое подобающее место для честного человека – тюрьма» (Из лит. наследия-1. С. 154).

5. *Все преступленья создает закон.* – Ср. в Новом Завете: «...где нет закона, нет и преступления» (Послание апостола Павла к римлянам. IV, 15). *Не противьтесь злому...* – Свое неприятие теории «непротивления злу насилием» Л.Н. Толстого Волошин излагал в статье «Судьба Льва Толстого» (1910): «Не противясь злому, я как бы хирургически отделяю зло от себя и этим нарушаю глубочайшую истину, разоблаченную Христом: что мы здесь на земле вовсе не для того, чтобы отвергнуть зло, а для того, чтобы преобразить, просвятить, спасти зло. А спасти и освятить зло мы можем, только принявши его в себя и внутри себя, собою его освятив» (ЛТ-88. С. 533). *Довольно вам заповедей на «не»...* – Среди записей Волошина читаем: «Все заповеди, которые от Бога и для Бога, – утверждают. “Возлюби”, “Аз есмь”. Те же, что от людей, – запрещают и ограничивают – “не убий”, “не укради”, “не прелюбодействуй”. Они для общественного устроительства». *Единственная заповедь: «ГОРИ».* – Ср. у К.Д. Бальмонта: «Ничего не ответило солнце, Но душа услыхала: “Гори!”» (стихотворение «Завет бытия», 1901). *Бог есть любовь.* – Слова из Нового Завета (Первое соборное послание св. Иоанна Богослова. IV, 8).

6. *...лишь подаянье Есть мзда...* – мысль, сопоставимая с евангельской притчей о работниках на винограднике (Матфей. XX,

1–16). В наброске статьи «О Граде Господнем» Волошин писал: «Строй ГРАДА ГОСПОДНЯ будет заключаться в том, что каждый будет работать на двух безо всякой мысли об оплате, а все нужное для себя будет получать от других в виде милостыни» («Кодры». 1989, № 12. С. 145). *Не отдавайте давшему ..* – Этот парадокс Волошин высказал впервые в письме к матери от 13 авг. 1915, назвав возвращение долга «дьявольским» моральным обязательством. В наброске статьи «О Граде Господнем» Волошин писал: «То, что получаешь от одного, отдай сторицей, но никогда тому, от кого получил, а всегда другому. Только тогда ни одно доброе дело не пропадет для человечества, а будет расти неудержимо, как лавина. Только тогда добро получит ту наступательную силу, которая в нашей культуре является исключительной привилегией зла» (там же).

7. *Отжившую планету Швырните ∾ в звездные миры ∾ комками грязи..* – Ср.: «Среди этой бесконечности миров наше солнце – только пузырек газа, а земля – капля грязи» (А. Франс, «Сад Эпикура», 1884).

***281. Война.** АМА (первоначальная редакция под загл. «Аполлион» с датой и пометой: 23.IV.1915. Париж). - - Иверни (первоначальная редакция под тем же загл.). - - СоТ. Вариант – автограф в Тт-3 (л. 120 об.–121 об.), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 131; ед. хр. 132, л. 4–6; ед. хр. 136, л. 12 об.–14 об.). *Аполлион* (Аваддон) – ангел бездны (Откровение св. Иоанна Богослова. IX, 11), синоним смерти. От его лица идет монолог во 2-й и 3-й главках. 16 авг. 1915 Волошин писал А.М. Петровой об этом стихотворении (посланном ей в мае): «Там весь мой взгляд на войну». И определял: «Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов. Они совершают свои гнусные пищеварительные процессы, а им посылают отборных юношей. И демоны машин пожирают прежде всего самых чистых, искренних, правдивых, кто (они знают) не примет их царства» (Из лит. наследия-2. С. 141).

1. *Лиддит* и *мелинит* – взрывчатые вещества.

2. *Точило ярости* – образ из Откровения св. Иоанна Богослова (XIX, 15); точило – чан с желобом для выжимки винограда... *люди демонам ∾ тела построили ..* – 22 янв. 1915 Волошин писал матери: «...демоны, для которых человечество построило стальные и медные тела, органически ненавидят создания искусства, создания духа». *В себе самих смирив и поборов Гнев ∾ безразличье .* – Волошин исходит

из оккультных представлений о «стихийных духах», подчинить которых можно лишь обуздав в себе их недостатки: «Знание – власть. Она дается лишь тому, кто достоин и не воспользуется ею <во> зло» («Демонизм машины»; см. также коммент. 177–178 (I); наст. изд., т. 1, с. 501).

4. *Пляска смерти.* – Имеются в виду случаи массовых истерических танцев в Средние века (см.: *П. де Сен-Виктор.* Боги и люди. М.: М. и С. Сабашниковы, 1914. С. 298–307), а также популярные тогда же аллегорические изображения (в картинах, гравюрах, скульптуре) различных сцен с непременным участием Смерти, как олицетворения тщеты всего земного.

6. *Долой войну племен...* – В статье «Русская революция и грядущее единодержавие» Волошин писал: «Борьба, шедшая 4 года по перпендикулярным сечениям – т. е. по государствам, возымела склонность перейти к борьбе по сечениям горизонтальным, т. е. классовым, т. к. современн<ое> государство строится <...> не столько по признакам крови, национальности и языка, а по признакам желудка, рынка и интерессов» («Урал». 1990, № 3. С. 163). *Наконец пришла чума.* – После окончания Первой мировой войны в 1918 по миру прошла пандемия «испанки» (гриппа), унесшая почти столько же жизней, как сама война.

282. Космос. Альм. «Недра». 1924, № 5. - - «Воля России». Прага, 1924, № 1/2. Волошин так определял тему поэмы: «Эволюция космогонии от Каббалы до теории относительности и совр<еменной> физики» (письмо к Ю.Л. Оболенской от 25 дек. 1923). О влиянии на «Космос» книги О. Шпенглера «Закат Европы» поэт писал В.В. Вересаеву 15 июня 1923: «Тема портретирования Культур – близко подходящая к Шпенглеру. Я начал писать “Космос” до знакомства с ним, а заканчивал, уже прочтя. Но полезен мне он оказался только в нескольких строках о Греции и в мысли об относительности математических познаний. Но вдохновения и новых мыслей дал он много». Е.К. Герцык писала Волошину о поэме (лето 1923): «Вы делаете то, чего никто не делал еще в поэзии, и потому творите новые ценности» (Сёстры Герцык. Письма / Составление и комментарии Т.Н. Жуковской; вступ. статья М.В. Михайловой. СПб.: Инапресс, 2002. С. 555). М.С. Шагинян 10 янв. 1924 высказала такое мнение: «“Космос” очень хорошо инструментирован, впечатление от него почти симфоническое». Гидрогеолог и почвовед А.Ф. Лебедев (1882–1936) считал, что «по поводу этого стихотворения можно читать университетский курс»

(письмо его сына Н.А. Лебедева к М.С. Волошиной от 6 февр. 1936 – ДМВ).

1. *Созвездьями мерцавшее чело...* – В этой главке по Каббале (книга Зогар) излагается, как проходило сотворение мира. 16 июля 1905 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Я вчера наткнулся на поразительный отрывок из Каббалы, о сотворении мира <...>: “Чело Господнее, венчанное пламенем, поднялось над равнинами моря”». *Гексаграмма* (или «щит Давидов») – шестиугольник, каббалистический знак (символ мирового порядка). В другом варианте – пентаграмма. *Адам был миром...* – «Адам в представлении каббалистов является гигантом, а по Сведенборгу вся вселенная имеет вид человека», – писал Волошин М.В. Сабашниковой 16 июля 1905.

2. *Мир ∾ на лоне океана.* – Изложение концепции мира на древнем Востоке – в Месопотамии, Египте. *...Каин разбирал ∾ клинопись созвездий.* – В древнем Двуречье (долины Тигра и Евфрата), где в ходу было клинописное письмо, возникли астрономия и астрология. *Халдейский звездочет.* – Халдеи – семитские скотоводческие племена, расселявшиеся в первой половине 1-го тысячелетия до н. э. на окраинах Вавилонии (на северо-западном берегу Персидского залива), затем перешедшие к оседлости и образовавшие в южной части Месопотамии ряд княжеств. В библиотеке Волошина по этой теме есть труд Франсуа Ленормана (F. Lenormant, «Les premières civilisations. Chaldee et Assyrie, Phinicae». Paris: Maisonneuve et C-ie, 1874).

3. *Арена* – частная гимнастическая школа в Древней Греции, имевшая открытые площадки, беговые дорожки, бассейны. *На фоне винно-пурпурного моря ..* – Э.С. Менделевич (С. 42) отмечает здесь перекличку с «пурпурными волнами» в «Илиаде» Гомера (I, 427). *Все было осязаемо и близко...* – Например, Эмпедокл считал, что расстояние от земли до неба меньше протяженности земли в ширину. *Метоп* – часть фриза дорического ордера, каменная плита с рельефными изображениями. Метопы Парфенона изображали битвы богов с гигантами, греков с амазонками, Троянскую войну. *Эпод* – в античной трагедии заключительная часть песни, исполнявшейся хором после ряда строф и антистроф. *...Фидиевых строф.* – Метафорическое уподобление произведений скульптора Фидия (ок. 500–430 до н. э.) строфам стихов. *И человек был мерой всех вещей* – подразумевается изречение Протагора из Абдеры (V в. до н. э.).

4. *Могильники ∾ извергли кости праотца Адама...* – Согласно христианскому мифу, патриарх Мелхиседек зарыл голову Адама у под-

ножья Голгофы. В момент смерти Христа скала треснула, череп вынесло наверх, и кровь Иисуса смыла первородный грех. *Земля была недвижным, темным шаром...* – Ученые и философы древности считали Землю неподвижным центром Вселенной; геоцентрическая система мира господствовала до XVI в. Для нарисованной далее картины Волошин использовал начало эссе А.Франса «Сад Эпикура» (*Франс А.* Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. Т. 3. С. 253), отзвук которого имеется также в стихотворении 289. *Эмпирей* – в античной натурфилософии высшая огненная часть неба; в средневековой космологии – местопребывание ангелов и праведников. *Бог был окружностью...* – С.М. Пинаев напоминает, что Божье существо считали шарообразным еще Ксенофан и Парменид (Пинаев. С. 218). *Интердикт* – практиковавшееся в Средние века запрещение совершать богослужение и религиозные обряды, налагавшееся Папой в виде наказания.

5. *Галилей* Галилео (1564–1642) – итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания. *Галактея,* галактика – звездная система. *Фома* – один из апостолов; на известие о воскресении Христа заявил: «...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Иоанн. XX, 25). *Ипостась* в христианском вероучении – название каждого лица Троицы. *Лаплас* Пьер Симон (1749–1825) – французский математик и астроном. *Ньютон* Исаак (1643–1727) – английский математик, астроном и физик; создатель классической механики. *Закон сохранения материи и силы* (или массы и энергии) сформулирован к середине XIX в. (однако в начале XX в. пересмотрен в связи с открытием теории относительности).

6. *А в сущности не знаем ничего...* – В записях Волошина есть такая цитата из А. Франса: «Мы ничего не знаем о жизни. Ее развитие во времени – чистая иллюзия. Лишь благодаря ограниченности наших чувств мы не можем видеть завтра, осуществленным, как “вчера”». Сходные рассуждения находим в «Саде Эпикура» того же автора (*Франс А.* Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. Т. 3. С. 254–255). *Пролет* ∾ *случайной птицы...* – 21 окт. 1913 Волошин писал Ю.Л. Оболенской: «Органически не в состоянии помыслить жизнь вне перевоплощений, как единичную случайность. Ненавижу скандинавские притчи о птичке, пролетающей сквозь освещенную пещеру. Кто говорит *смерть* – говорит воскресение».

7. *Как глаз ∾ налагает перспективу...* – Перекличка с мыслями английского астрофизика А.С. Эддингтона (в его книге «Теория относительности» (Одесса: Матезис, 1923) подчеркнуто Волошиным: «Мы сознаем искажение, вносимое в царство природы нашей узкой точкой зрения, с которой мы наблюдаем ее, и стараемся поместиться так, чтобы исключить это искажение, – так, чтобы наблюдать то, что в самом деле есть. Но это тщетное стремление. Куда бы мы ни поставили нашу камеру, фотография необходимо оказывается двумерным изображением, искаженным соответственно законам перспективы: никогда нет точного сходства с самим предметом»). *И человек не станет никогда Иным, чем то, во что он страстно верит.* – Здесь Волошин отталкивается от идеи оккультизма, использованной им в статье «Апофеоз мечты»: «Ты лишь то, что ты мыслишь, мысли же себя вечным» (ЛТ-88. С. 18). Сходную мысль поэт находил в дневнике Гонкуров: «Человек становится тем, чем он должен быть. Истинное призвание, истинный талант, одаренность обладают силою пара – всегда наступит момент, когда они вырвутся наружу» (запись 15 марта 1862 // *Гонкур Э. и Ж. де.* Дневник. Записки о литературной жизни: Избранные страницы в двух томах. М., 1964. Т. 1. С. 336. Перевод А. Андрес). *Льяло* – форма для литья, изложница.

283. Государство. СоТ. В маш. списке, сохранившемся в архиве В.В. Вересаева, против этого стихотворения Волошин пометил (видимо, в расчете на цензуру): «Государство империалистического типа». Здесь же обозначены темы главок «1. Культура. 2 (Монополия крови). 3 (Воспитание). 4 (Фиск). 5 (Парламентаризм). 6 (Пресса). 7 (Буржуазные революции)» (Собр. В.М. Нольде, Москва). Здесь же сохранилась рукопись стихотворения, побывавшего в какой-то московской редакции, с надписью: «Передать В.В. Вересаеву» и резолюцией: «По технич<еским> соображениям отклонить. Л<итературно->Худ<ожественный> сектор. Вход<ящий> № 555. 28/V–24 г.» (там же). Стихотворение предлагалось в «Красную новь», затем А.К. Воронский предполагал опубликовать его в альм. «Круг» – «с исключением места, где говорится о духе революции» (письмо к Волошину б. д.).

3. *Из всех насилий ∾ тягчайшее же – воспитанье.* – Эту мысль Волошин записал в дневнике еще 28 сент. 1904: «Из всех насилий, производимых над человеческой личностью, – убийство наименьшее насилие, а воспитание – наибольшее». *Компрачикосы* – похитители

и покупатели детей (в XIII–XVII вв.), уродовавшие их для продажи в качестве шутов в богатые дома или балаганы (подробно описаны в романе В. Гюго «Человек, который смеется», 1869); здесь – в переносном смысле.

4. *Фиск* – в Римской империи с IV в. единый общегосударственный финансовый центр, куда стекались все виды доходов и сборов и откуда шли указания о порядке сбора налогов и пр. *...собственность есть кража* – выражение П. Ж. Прудона (в его книге «Что такое собственность?», 1840).

5. *Политика есть дело грязное...* – Еще 8 авг. 1917 Волошин писал Р.М. Гольдовской: «Чем дальше идут исторические события, тем больше неприязни и презрения я чувствую к политике как таковой. Впрочем, это уже застарелая антипатия. Каждый, проваливающийся в эту кашу, отказывается одновременно и от здравого смысла и от религиозной веры, то есть от тех двух сил, в которых исчерпываются все возможности общественного творчества».

7. *Гаррота* (гаррот) – вид (и орудие) смертной казни (удавление) в Испании и на острове Куба (до 1898).

284. Левиафан. АМА, с еще одним эпиграфом: «"Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов... На все высокое он смотрит смело, Он царь надо всеми сынами гордости". Книга Иова. XLI» (ст. 16, 26). - - Сб. «Салон поэтов весенний первый: Избр. стихи за 1914–1916 гг.». М.: Зёрна, 1917. С. 42–43; без строк 1–4 (с теми же эпиграфами). - - Сб. «Весенний салон поэтов». М.: Зёрна, 1918; без строк 1–4 (с теми же эпиграфами). - - Иверни (с теми же эпиграфами). - - СоТ. *Левиафан* (библ.) – морское чудовище, олицетворение первобытного хаоса, враждебного Богу-творцу и некогда им покоренного. Эпиграф – из сочинения английского философа Т. Гоббса (1588–1679) «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). В стихотворении Волошин отождествляет себя с героем библейской «Книги Иова», подвергнутого Богом ряду жестоких испытаний. Отклик на Первую мировую войну. Посылая стихотворение 15 дек. 1915 А.М. Петровой, Волошин отмечал: «Его считаю очень важным для себя. Написав его, я закончил книгу стихов "1915. Anno mundi ardentis"». 19 янв. 1918 он писал ей же: «Не понимаю, почему Вы говорите об "*отживших* принципах империализма": они более живучи, чем когда-либо. Я ненавижу "ле-

виафана", но что он восторжествует теперь так, как никогда, не сомневаюсь. И даже считаю вредным бороться прямо против него, потому что его надо преобразить изнутри, "окрестить" его, как кто-то из Фиваидских отшельников окрестил великого Сфинкса» (Из лит. наследия-2. С. 150, 192). «Мое отношение к государству: см. "Левиафан"» – писал поэт в «Автобиографии» (Воспоминания. С. 39).

6. *Лишь первый шаг к пожарищам любви...* – Волошин пояснял в набросках статьи «Демократизация искусства»: «Любовь в чистом творческом виде только мыслима для человека. В действительной жизни мы ее видим только в смешанном, нечистом виде. Смешиваясь с материальным миром, проникая физический мир человека, она становится земным пламенем, страстью, приобретает лик ненависти. <...> Поэтому все проявления любви в мире материальном носят характер крайней жестокости и как бы противоречат самой сущности любви. Таковы проявления исторического христианства» («Кодры». 1989, № 12. С. 142–143).

285. Суд. «Русская мысль». Пг., 1915, № 4, под загл. «Dies illa tam amara» («День этот так горек», – *лат.)* и с эпиграфом: «И отдала земля мертвых, бывших в ней» (парафраза новозаветного текста; ср.: «Тогда отдало море мертвых, бывших в нем...» – Откровение св. Иоанна Богослова. XX, 13). - - АМА, под тем же загл. и с тем же эпиграфом. - - Иверни, под загл. «И отдала земля мертвых, бывших в ней». - - СоТ. Первоначальное загл. «Воскресение мертвых» (письмо Волошина к матери от 13 апр. 1915). Автограф в Тт-2 – под загл. «Dies illa tam amara» (л. 106); авт. маш. 1 под загл. «Эпилог. Суд» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 133, л. 14–14 об.); авт. маш. 2 – под загл. «...И отдала земля мертвых, бывших в ней», «Страшный Суд» (там же, ед. хр. 111, л. 17). Стихотворное переложение новозаветного пророчества о Страшном Суде, в котором Э.С. Менделевич находит параллель с суждением философа Н.Ф. Федорова: «История – это воскрешение, а не суд» (Менделевич. С. 114).

2. *И вспомнил себя я...* – В статье Волошина «Horomedon» («Золотое руно». 1909, № 11/12) имеется такое обращение: «Сократ, учись музыке перед тем, как тебя покинет сознание земной формулы бытия: вспомни самого себя!»

6. *Звериный Круг* – круг Зодиака.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1925-1929 ГОДОВ

Этот раздел составлен из произведений Волошина, написанных им после формирования основного корпуса стихотворений и поэм и при жизни автора не печатавшихся (за исключением стихотворения 290). Источник основного текста этих произведений – беловые рукописи и авторизованные машинописные списки, хранящиеся в архиве Волошина.

***286. Поэту.** ВРХД. 1977, № 120. Печатается по Тт-3 (л.151). Начало работы – в окт. 1923 (варианты загл.: «Virtus poetae», «Самому себе», «Мастер», «Доблесть поэта»). Первоначальная редакция – «Поэту революции» (авт. маш. с датой и пометой: «12 октября 1923. Коктебель» – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 66, л. 2–2 об.). 20 нояб. 1923 Волошин писал К.И. Чуковскому: «Закончено только одно стихотворение "Поэту" – своего рода программная декларация, написанная в предвиденьи поездки в Петро-скву Посылаю Вам». 1 нояб. 1923 Волошин пояснял В.В. Вересаеву: «Каждую строчку хотелось сделать окончательной формулой, за которую можно постоять до конца. Стих – освобожденный гекзаметр. Но я нарочно делю его поцезурно, чтобы избегнуть внешнего начертательного сходства с классическим стихом». Работа возобновлена в янв., затем – в апр. 1925; при этом стихотворение распалось на два: данное и следующее (287).

3. *Слава* ∾ *солнце мертвых* .. – «Слава – это солнце мертвых» – выражение О. де Бальзака в философском этюде «Поиски Абсолюта» (1834). Приводилось Волошиным в статье «Серпантин Парижа» («Русь». 1904, 8 нояб.).

7. *Толпы не уважай и не бойся.* – «Искусство никогда не обращается к толпе, к массе, оно говорит отдельному человеку в глубоких и скрытых тайниках его души», – писал Волошин в набросках статьи «Демократизация искусства» («Кодры». 1989, № 12. С. 142). 27 дек. 1922 он писал И.В. Быстрениной: «Два новых дара я приобрел за эти годы: дар молитвы и дар говорить с толпой».

***287. Доблесть поэта.** Альм. «День поэзии 1971». М.: Сов. писатель, 1971 (1 часть). - - ВРХД. 1973, № 107. Печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 66, л. 4, 5). Вариант – автограф в Тт-3 (л. 150 об.).

2. *Творческий ритм ∾ от весла, гребущего против теченья .* — 20 дек. 1924 Волошин писал Е. Ланну: «Столь популярное среди поэтов нашего времени уловление “ритма современности” есть не более, как один из видов малодушного приспособления к непонятным и жутким катаклизмам, пассивная отдача себя течению времени, которое всегда уносит назад, в то время как творческий ритм — это мерное движение весел, выгребающих против “реки времен”». *. быть Человеком, а не Гражданином* — Среди записей Волошина (1900-е) есть цитата из Г.Д. Торо: «Мы прежде всего должны быть людьми и после уже гражданами». В черновике статьи о Э. Верхарне (1916) Волошин отмечал: «Долг гражданина и поэта не совпадают и могут противоречить один другому. Гражданин несет свой долг по отношению к своей стране, в данный исторический момент. Поэт исполняет долг по отношению к человечеству, в данную историческую эпоху» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 316, л. 30).

288. Памяти В.К. Цераского. ВРХД. 1977, № 120. Печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 72, ед. хр. 106, л. 13—13 об.). Автограф — Тт-3 (л. 152). *Цераский* Витольд Карлович (1849—1925) — астроном, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1914), в 1890—1916 — директор обсерватории Московского университета. Измерил блеск более 500 звезд, один из первых определил (1903) звездную величину Солнца. Волошин встречался с Цераским в Феодосии, где тот жил с 1917 по 1922. В окт. 1920 (при белых) поэт писал в Бюро Таврического научного съезда о Цераском: «Лишенный употребления рук и ног от нервной болезни, явившейся следствием его мужественного поведения в 1905 году, когда он оставался один на Обсерватории, находившейся в центре Пресненского восстания, и спас ее, но и теперь продолжающий диктовать свои последние работы, лишенный пенсии, не получающий никакой правительственной субсидии, о которой уже не раз поднимался вопрос, поддерживаемый только своей женой, тоже далеко не безызвестным в Европе ученым, открывшим более 160-ти переменных звезд, 65-летней старухой, которая зарабатывает хлеб грошовыми уроками французского языка, он все-таки не был освобожден от реквизиции половины своей крошечной квартиры».

Пастер Луи (1822—1895) — французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии. *Дарвин* Чарлз Ро-

берт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, основоположник теории эволюции органического мира (дарвинизма). *Паскаль* Блез (1623–1662) – французский математик, физик, религиозный мыслитель и писатель. *Обонпол* – по другую сторону. *Галактея* – см. коммент. 282 (5). *.. кто первый впряг в работу солнце..* – 16 июня 1922 газ. «Красный Крым» сообщала: «Проживающим в Феодосии В. Цераским закончены работы по утилизации солнечной энергии».

***289. Таноб.** ВРСХД. 1973, № 107 (гл. 2 и 7). - - СиП-2. Печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 139). Автограф – в Тт-3 (л. 144 об.–145, 160–161 об.), с пометой над текстом: «(Путями Каина)». Предполагалась к включению в «Путями Каина», однако место поэмы в композиции цикла автором не определено. Вариант – авт. маш. (частное собрание).

Таноб («темница») – обитель для кающихся монахов в Фиваиде; описана в трактате *Иоанна Лествичника* (ок. 525 – ок. 600), византийского религиозного писателя. Его книга «Лествица, возводящая к небесам» содержит 300 бесед о различных ступенях духовного восхождения к совершенству. Волошин перелагает 5-ю ступень (3–14) «Лествицы» («О попечительном и действительном покаянии, в коем описуется житие святых осужденников, и о темнице»). Волошин определил тему стихотворения как «аскетизм науки» (письмо к Ю.Л. Оболенской от 25 дек. 1923). В письме к В.В. Вересаеву 14 февр. 1924 он уточнял: «Сейчас работаю над главой “Таноб” (“П<утями> Каина”) – *аскетизм* религиозный и научный, в конце концов оправданный, как исконная форма мятежа».

2. *Горючим ядом было христианство.* – «Христианство – это религия любви, но не жалости, – пересказывал Волошин летом 1904 А.М. Петровой слова Вяч. Иванова. – Религия безжалостной любви, истребляющей, покоряющей» (Из лит. наследия-1. С. 169). 26 окт. 1915 он писал ей же: «Огнь Христов, прорабатывая человеческую душу, выявлял часто любовь *гневом*» (Из лит. наследия-2. С. 147). В письме к матери 28 янв. 1914 Волошин объяснял этот феномен: «Христианство, на место старого общественного “не” поставив приказательное “люби”, выявило в человеческих душах всю смуту противоречий и “преступлений”. Поэтому *историческое* христианство с его войнами, инквизицией, нетерпимостью – истинно выражает то, что конечно по божественному замыслу, и должно быть. <...> Это естественная

реакция активной морали, заменившей пассивную, запретительную» (Из лит. наследия-3. С. 447). *Отравленный хитон Геракла* – хитон, пропитанный кровью кентавра Несса, превратившейся в яд. *Доминиканцы* – католический нищенствующий монашеский орден, основанный в 1215 испанским монахом Домиником для борьбы с еретиками; в 1232 Папа передал в руки ордена инквизицию... *университеты жгли колдуний.* – В статье «О теософии» Волошин отмечал: «Характерно то, что средневековье совершенно не знало процессов ведьм. Они начинаются только в XVI, XVII веке и притом по инициативе университетов, а не церкви (см. книгу Сперанского "Ведьмы и ведьмовство")» («Наука и религия». 1990, № 2. С. 31. Имеется в виду книга Н.В. Сперанского «Ведьмы и ведовство», вышедшая в 1906 г. – но не во всем достоверная: процессы над ведьмами шли и в Средние века). *Хоть* – похоть. . *Грядущему в полночи жениху*. – Отзвук евангельской притчи о десяти девах, где есть такое место: «...в полночь раздался крик: "вот, жених идет, выходите навстречу ему"» (Матфей. XXV, 6).

3. .. *разверзал ~ зияющую ёмкость преисподней* .. – Следующая далее картина отчасти заимствована из франсовского «Сада Эпикура» (*Франс А.* Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. Т. 3. С. 253). .. *Бог, пришедший яко тать в ночи* . – Парафраза церковно-славянского новозаветного текста; в русском переводе: «...день Господень так придет, как тать ночью» (Первое послание к фессалоникийцам св. апостола Павла. V, 2). Об исторической *Галилее* см. наст. изд., т. 1, с. 472–473. *Крылатый вестник девичьих светлиц* – архангел Гавриил, возвестивший деве Марии грядущее рождение Христа. *Персть* – плоть.

4. Николай *Коперник* (1473–1543) – польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира, был каноником Вармийской епархии (по берегам Вислы), с 1512 г. жил в городе Фрауенбург (Фромборк). *Кеплер* Иоганн (1571 – 1630) – немецкий астроном, открывший законы движения планет и составивший таблицы для определения их положения в любой момент времени. *И стрелы солнца взвесил на ладони.* – Имеются в виду физические опыты П.Н. Лебедева, в 1901 измерившего давление света на твердое тело.

5. ...*вшивал звериный пол.* – Имеются в виду опыты по омоложению человека пересадкой семенных желез, проводившиеся Ш.Э. Броун-Секаром (1889), Э. Штейнахом (1920) и др. ...*пальцы в термостатах* .. – Сначала было: «в парафине»; замена предложена невропологом К.И. Платоновым (1877–1969).

6. *Энтропия* – в физике мера внутренней неупорядоченности системы тел (в частности, Вселенной), которая или возрастает (необратимые процессы) или остается неизменной (обратимые процессы) *Кантовы часы.* – Имеется в виду четкий регламент, присущий И. Канту в быту, позволявший жителям Кёнигсберга проверять часы по его перемещениям. *Лапласовы колёса.* – Имеются в виду труды П.С. Лапласа по небесной механике (1798–1825) и его космогоническая гипотеза (1796). *Риманова сфера.* – Немецкий математик Бернгард *Риман* (1826–1866) положил начало геометрическому направлению в теории аналитических функций; ввел понятие так называемого риманова пространства.

290. Коктебельские берега. Каталог 4-й осенней выставки картин. Одесса: Общество им. К.К. Костанди, 1928. С. 4. - - «Юность». 1969, № 7. С. 63. Печатается по Тт-3 (л. 166 об.).

.. по дороге в Гурзуф. – Пушкин проплывал мимо Коктебеля на парусном бриге «Мингрелия» вечером 18 авг. 1820, по пути из Феодосии в Гурзуф.

291. Дом поэта. НЖ. 1952, № 31. Печатается по Тт-3 (л. 165–165 об.; под текстом помета: «Начато 18 дек. 1925. Написано в течение декабря 1926 г.»). Программное стихотворение, подводящее некоторые итоги культурно-общественной деятельности Волошина в Коктебеле. Посылая его 27 дек. 1926 А.Г. Габричевскому, поэт пояснял: «Оно посвящается всем гостям Коктебеля». Дом на берегу Коктебельского залива Волошин построил летом 1903; в 1912–1913 была пристроена двусветная мастерская с летним кабинетом на антресолях и плоской площадкой («вышкой») на крыше. Кроме этого дома, состоявшего из 21 помещения (включая чердак-мансарду), Волошин с 1923 располагал каменным домом своей матери в два этажа и двумя одноэтажными флигелями из калыба (сырцовый кирпич – смесь глины с соломой и навозом). Волошин сразу мыслил свой дом как пристанище для соратников по искусству – писателей, художников, а также ученых и артистов. В 1924 он сообщал Л.Б. Каменеву: «Сюда из года в год приезжали ко мне поэты и художники, что создало из Коктебеля, который я застал 30 лет назад прекрасным и совершенно безлюдным заливом, своего рода литературно-художественный центр. <...> Устраиваются лекции, чтения нов<ых> произведений, беседы по

литературным вопросам, музыкальн<ые> вечера, драматическ<ие> импровизации, идут живописн<ые> работы. <...> Двери открыты всем, даже приходящему с улицы».

Цикады певчие – насекомые отряда равнокрылых (Homoptera), подотряд цикадовых (Tibicen pledeja Scop.), обычные для Крыма и Средиземноморья; громкие продолжительные звуки издают самцы. *Медитация* – умственное усилие, имеющее целью приведение психики человека в состояние глубокой сосредоточенности, а также само это состояние. *Айлант* высочайший (Atlanthus altissima) – иначе китайский ясень. *Алкеев стих* – по имени древнегреческого поэта Алкея. *...когда вулкан ∾ потрясал.*– Вулканическая деятельность Карадага (см. коммент. 67–80 (4); наст. изд. т. 1, с. 465) относится к среднеюрскому периоду (ок. 170 миллионов лет назад). *..некое подобье...* – См. коммент. 152 (наст. изд., т. 1, с. 491). *Слезница* – сосуд для благовоний. *Ольвийский герб.* – Ольвия – античный город-государство, основанный в начале VI в. до н. э. выходцами из Милета на правом берегу Бугского лимана; существовал до IV в. н. э. *...глёт зеленовато-бусый...* – глазурованный сосуд (или черепок его) зеленовато-буро-дымчатого или зеленовато-буро-пепельного цвета. *Здесь ∾ людских культур не просыхала плесень..* – Перекличка с суждением А. Франса (роман «Аметистовый перстень» (1899), гл. X): «Жизнь – это болезнь, присущая только нашей планете, плесень на поверхности нашей растленной земли» (*Франс А.* Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. Т. 4. С. 406. Перевод Г.И. Ярхо). *Мы вытоптали мусульманский рай...* – Крымовед И.М. Саркизов-Серазини писал: «Те сведения, которые дошли до нас к моменту покорения Крыма войсками Екатерины, рисуют страну как густо населенный край, покрытый цветущими селениями» («Крым: Путеводитель». М.: Земля и фабрика, 1925. С. 59). *Осиротелые зияют сакли.* – После присоединения Крыма к России в 1783 значительная часть местного населения – татары, греки, армяне – эмигрировали. Волошин писал в статье «Культура, искусство, памятники Крыма»: «Еще с первой половины XVIII века, с походов Миниха и Ласси, начинается истребление огнем и мечом крымских садов и селений. <...> То, что земли систематически отнимались у тех, кто любил и умел их обрабатывать, а на их место селились те, кто умел разрушать налаженное; что трудолюбивое и лояльное татарское население было приневолено к ряду трагических эмиграций в Турцию <...> – это показатель стиля и характера русского культуртрегерства» (там же. С. 138, 140) *Улисс* – латинизирован-

ное имя Одиссея. .. *мой дом* ∾ *хранил права убежища..* – Волошину довелось реализовать пожелание другого поэта – К.К. Случевского: «Я дом воздвиг в стране бездомной, Решил задачу всех задач, – Пускай ко мне, в мой угол скромный, Идут и жертва и палач» (стихотворение «Здесь счастлив я, здесь я свободен...», <1897>: *Случевский К.* Песни из уголка: 1895–1901. СПб.: А.Ф. Маркс, 1902. С. 7). *И красный вождь, и белый офицер...* – Волошин укрывал от белых М.И. Гинцбурга, редактора «Известий Феодосийского ревкома», и И. Хмелько-Хмельницкого, секретаря Феодосийского комитета большевиков. Из белых на его даче жили: подпоручик С.Я. Эфрон (см. коммент. 225; наст. изд., т. 1, с. 524), генерал-лейтенант Н.П. Калинин, врач А.Л. Любарский; бывали же – десятки. *И сам читал* ∾ *в кровавых списках собственное имя.* – Упоминание о том, что Волошин видел свое имя в списках людей, предназначенных ЧК к расстрелу, было в письме поэта к А.С. Ященко (1922; НЖ. 1952, № 31. С. 106). Существует легенда, что в доме Волошина останавливался и Бела Кун, инициатор красного террора в Крыму. *Таиах* – см. наст. изд., т. 1, с. 450. *...полки книг возносятся стеной...* – В мастерской и летнем кабинете сосредоточена библиотека Волошина, насчитывающая более девяти тысяч книг и журналов. *Почётней* ∾ *списываться тайно и украдкой...* – Начиная с 1917, Волошин перепечатывал свои стихи на машинке и охотно давал переписывать их всем желающим. Печатаемый все реже, он с удовлетворением отмечал в «Автобиографии», что его стихи «распространяются по России в тысячах списков» (Воспоминания. С. 33). *«Мир посетить в минуты роковые»* – измененная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Цицерон» (1830). *Мрежи,* мережи – рыболовные сети.

292. Четверть века. «Литературная Грузия». 1972, № 10. - - ВРСХД. 1973, № 107. Печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 66, л. 8–9 об., 10–11 об.). Автограф – в Тт-3 (л. 169 об. –170).

В духе родился... – В «Автобиографии» Волошин формулировал: «Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры. <...> Здесь же создалось решение на много лет уйти на запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы» (Воспоминания. С. 37). *С Павлом – от пристаней Антиохии .* – Апостол Павел – проповедник

христианства в I в., неустанно путешествовавший по Средиземноморью и Малой Азии. Из Антиохии Сирийской (главного города Римской провинции Сирии на реке Оронт) началось весной 45 его первое миссионерское путешествие (Деяния апостолов. XIII, 1). *Лойола* Игнатий (1491–1556) – основатель ордена иезуитов. Волошина привлекала «исступленность» его веры. На горе *Монсеррат* под Барселоной, в монастыре бенедиктинцев, Лойола, как писал Волошин, обдумывал «свой план о завоевании мира» (статья «По глухим местам Испании» – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 166). *Эту кипящую магму народов...* – «В центре Азии, в том котле, где кипела всегда народная буря, выбрасывающая свою пену до самых отдаленных стран запада и затоплявшая своим внезапным разливом обширные низменности восточной Европы», – так определял Волошин свое местонахождение в письме к Я.А. Глотову 23 окт. 1900. *Древней Праматери рас и богов.* – Еще в 1912, в незаконченном наброске «Меня манил и манит ныне...», Волошин формулировал: «Среди моих земных походов К тебе я приближался встарь, Престол Праматери народов, Великой Азии алтарь!» (Тт-2). *Взгляд Галилея на кольца Сатурна...* – С помощью изобретенного им телескопа Г. Галилей в 1610 первым увидел кольца Сатурна. *Знамя Писарро над сонмами вод..* – Имеется в виду плавание по Тихому океану экспедиции (1531) испанского конкистадора Франсиско Писарро (между 1470 и 1475–1541) для завоевания империи инков (ныне территория современного Перу). *На ступенях Иоаннова Зданья...* – См. коммент. 200 (наст. изд., т. 1, с. 513). *Тот, кто не пережил годы затишья Перед началом великой войны...* – Ср. выражение Ш.М. Талейрана: «Кто не жил в том десятилетии, которое предшествовало Великой Революции, тот никогда не познает истинной сладости жизни» (процитировано Волошиным в его статье «Архаизм в русской живописи». – «Аполлон». 1909, № 1. С. 47; ЛТ-88. С. 277). *Омела* – вечнозеленое кустарниковое растение Viscum album, паразитирующее на деревьях; по верованиям кельтов, приносит счастье. *И в сумасшествие Мартобря.* – См. коммент. 271 (наст. изд., т. 1, с. 562). *Ордалии,* или суд Божий: испытание посредством огня и воды в Средние века. *Какангелие* – «дурная весть» (*греч.*), по ассоциации с Евангелием («благая весть»). Подразумевается учение о классовой борьбе. .. *средь смрада голодных жилищ..* – Имеется в виду голод 1922 (см. коммент. 260; наст. изд., т. 1, с. 552). *...я кинут во внешнюю хлябь.* – Образ из Евангелия: «...а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (Матфей. VIII, 12). *И под но-*

гой содроганье земли.. – Подразумевается крымское землетрясение, которое началось в ночь на 12 сент. 1927, с эпицентром близ Ялты; всё слабеющие толчки продолжались до декабря. «Мы познали и хтонический ужас, и нервное потрясение, и морскую болезнь <...>, и бессонные ночи от настороженности к каждому звуку», – писал Волошин 29 окт. 1927 Э.Ф. Голлербаху.

293. «Весь жемчужный окоём...». «Радяньске літературознавство». Киев, 1972, № 9. Печатается по Тт-3 (л.172). Обращено к М.С. Заболоцкой, с 1927 – Волошиной (см. коммент. 242; наст. изд., т. 1, с. 537). На книге «Иверни» Волошин 4 нояб. 1927 надписал «дорогой Марусе»: «Всё, что ты принесла мне в жизни, – всё радость» (ДМВ).

294. Аделаида Герцык. В кн.: *Герцык Е.* Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1973, без загл. Печатается по автографу в Тг-3 (л. 176 об.) и авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 74, л. 5). *Герцык-Лубны* А.К. – См. коммент. 9–19 (11); наст. изд., т. 1, с. 443. Стихотворение написано в ответ на просьбу Е.К. Герцык, сестры поэтессы, в письме от 28 янв. 1929 написать «неск<олько> слов» для вечера памяти А.К. Герцык в Париже. О начале работы над стихотворением Волошин писал жене 7 февр. 1929, а 10 февр. сообщал ей об окончании работы. «Мне кажется, она похожа, а этого мне хотелось больше всего». Получив стихотворение, Е.К. Герцык 23 марта 1929 писала Волошину: «Самые первые (4) строчки в стихах об Аде мне прозвучали чуждо, *не о ней,* но дальше идет такое внутреннее нарастание, что вся вторая часть стиха (особенно отсюда: слепая к дням...) как единый, истинно лирический взлет. <...> ...это *откровение* о ней и именно угаданное Вами каким-то лирическим, родственным ей порывом». 8 мая 1929 Волошин написал Е.К. Герцык, отвечая на критику: «Первые строки о “правде” необходимы. Это первое, что обычно поражало в Адел<аиде> Казимир<овне>. Хотя бы в том, как она передавала другим ею слышанное. Она <на>столько *по иному видела* и *слышала* людей, что это было первое впечатление ее необычного существа. Но для *Вас,* конечно, его не было. “Паркеты зал” – необходимо художественно, как контраст с последними строфами. И, в конце концов, фактически (сколько я помню Ваши московские квартиры разных лет) не так уж неверно. Эта антитеза обстановки нужна».

Действительность бесследно истлевала. – В статье «Из мира детских игр» А.К. Герцык признавалась: «Так жила я среди людей, все

время видя за ними создания своей фантазии, слыша за их речами речи тех, – других, и это слепое лунатическое состояние заслоняло все события жизни» («Русская школа». 1906, № 3. С. 44). *На рынок и в тюрьму.* – А.К. Герцык зимой 1920–1921 находилась в заключении; об этом периоде она рассказала в главе своих воспоминаний «Подвальные очерки» («Перезвоны». Рига, 1926, № 25/27; см.: *Герцык А.* Стихи и проза. М.: Дом Марины Цветаевой; Возвращение, 1993. Т. 2. С. 36–61). *В седых камнях Сугдейской старины.* – Сугдея – старинное генуэзское название Судака (где у семейства Герцык был дом).

295. Сказание об иноке Епифании. «Труды отдела древнерусской литературы». М.; Л.: Наука, 1961. Т. XVII (публ. А.Н. Робинсона). Печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 79, л. 4–7; первоначальное загл. «Инок Епифаний»). Автограф – в Тт-3 (л. 177–178 об., под загл. «Старец Епифаний»). Поэтическое переложение «Жития» инока Епифания – ближайшего друга Аввакума, его духовного отца и «соузника» по пустозерской темнице. Сожжен с Аввакумом 14 апр. 1682. Замысел стихотворения «Раскол (Старец Епифаний)» был зафиксирован в Тт-3 осенью 1925. Работа началась весной 1926 и продолжена 12 февр. 1929. Посылая поэму Е. Герцык, Волошин писал ей 17 февр. 1929: «Это pendant <дополнение, пара – *фр.*> к “Аввакуму”. Его судьба меня давно волновала и трогала. И, кажется, удалось передать трогательное в его вере». Историку С.Ф. Платонову Волошин 15 марта 1929 пояснял: «Моя творческая роль была здесь самая скромная: выбрать самое ценное и характерное из подлинника и стих подчинить интонациям живой речи. Передать обаяние старорусской души тем, от кого она скрыта за семью печатями» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 79, л. 1). В письме к В.В. Вересаеву от 20 марта 1929 поэт отмечал, что поэма «умилительна, строго документальна и, на мой взгляд, очень современна». Художник М.В. Нестеров в письме к Волошину от 28 марта 1929 отозвался о поэме: «Вам удалось сохранить не только стиль подлинника, но и дух времени, характер, образов».

1. *..ушел ∾ в обитель к преподобным Зосиме и Савватию.* – Т. е. в Соловецкую обитель, основателями которой были Зосима (ум. 1479) и Савватий (ум. 1435), Соловецкие чудотворцы. *Никон* – патриарх; см. наст. изд., т. 1, с. 540. *Арсен* – см. коммент. 245 (наст. изд., т. 1, с. 541). *Тот грек ∾ трижды отрекся от Христа..* – В глазах консервативно настроенных москвичей Арсений Грек был человеком, не внуша-

ющим доверия: будучи учеником иезуитской коллегии в Риме, затем принял магометанство, а потом стал униатом. . *на остров на Виданьской...* — на реке Онеге, в 12 верстах от города Онега Олонецкой губернии. *Вольяшный,* вальяжный (от *льяк* — форма) — литой, массивный. *Не вем* — не ведаю. *Возбнухся* — очнулся. *Пойду на Вытегру.* — Имеется в виду, по-видимому, Троицкая Лужандозерская пустынь на реке Вытегре, недалеко от впадения ее в Онежское озеро, вблизи селения Вытегорский погост.

2. *Никонианцы, взяв меня в пустыне...* — В действительности Епифаний был арестован (в 1666) в Москве, куда отправился со своей обличительной книгой, чтобы «спасти» царя от ереси. *...народом пустозерским..* — Пустозерск — см. коммент. 245; наст. изд., т. 1, с. 542. *.. у Николы Угрешского.* — Т. е. в Никольском монастыре в урочище Угреши на левом берегу реки Москвы (основан в 1381). *Бухвостов* Василий был тогда «головой» 3-го полка стрельцов в Москве. *Болото* — местность в Замоскворечье, исторически связанная с казнью Е.И. Пугачева (см. «Историю Пугачева» А.С. Пушкина). *Язык урезали мне...* — Епифанию «урезали» язык 27 авг. 1667. *Свезли меня в темницу в Пустозерье.* — Епифаний (вместе с Аввакумом и Лазарем) прибыл туда 12 дек. 1667. *Елагин — полуголова стрелецкой...* — Иван Елагин приехал в Пустозерск весной 1670. *Слины* — слюни. *.. начал правило ҃ творити.* — Речь идет, возможно, о Богородичном правиле, в соответствии с которым ежедневно читается 150 раз молитва «Богородице Дево, радуйся...». *«Возрадуется мой язык о правде Твоея»...* — Ср.: «...возрадуется язык мой правде Твоей» (Псалтирь. L, 16). *«Веселися сердце, радуйся язык»* .. — Ср.: «...веселися сердце мое и возрадовася язык мой...» (Псалтирь. XV, 9).

3. *...с ним* [Епифанием] *вместе пострадавших..* — Вместе с Епифанием, Аввакумом и Лазарем был сожжен дьякон Федор.

***296. Святой Серафим.** НЖ. 1963, № 72. - - СиП-2. Весь текст, кроме гл. 4, печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 59, л. 1—26); вариант — там же. Гл. 4 (переработанная редакция) печатается по другой авт. маш. (там же, ед. хр. 78). *Серафим* Саровский (в миру Прохор Мошнин; 1759—1833) — иеромонах Саровского мужского монастыря в Тамбовской губернии; прославился как великий подвижник, канонизирован в 1903. Его личностью интересовалась М.В. Сабашникова, написавшая книгу «Святой Серафим» (М.: Духов-

ное знание, 1913). О работе над поэмой Волошин впервые сообщал А.М. Петровой 11 окт. 1919: «...работаю безвыходно и упорно». 17 окт. он писал ей же: «У меня план и перспектива наметились. Конечно, это <не> будет ни ортодоксально, ни церковно (тогда надо житие писать, а не поэму!), но, конечно, "Гавриилиады" не напишу» (Из лит. наследия-2. С. 212, 213). 7 нояб. 1919 поэт сообщал И.А. и В.Н. Буниным, что «уже два месяца» работает «над большой поэмой о св. Серафиме»: «...весь в этом напряжении и неуверенности, одолею ли эту грандиозную тему. Он должен составить диптих с "Аввакумом"». 20 нояб. в письме к А.К. и Е.К. Герцык Волошин упоминал, что использует для работы книгу М.В. Сабашниковой и «Житие св. Серафима», составленное Н.М. Левитским; в библиотеке Волошина также имеются: брошюра Г.С. Петрова «Преподобный Серафим Саровский» (М., 1904) и «О цели христианской жизни. Беседа Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым» (1914). 30 нояб. 1919 сёстры Герцык выслали Волошину (по его просьбе) «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», составленную Л.М. Чичаговым (М., 1896). 2 дек. 1919 Волошин извещал Л.П. Гроссмана, что надеется закончить поэму к февралю и что в ней «будет от 1.000 до 1.500 стихов». «Пролог» датирован 3 дек., вся поэма – 30 дек. 1919 г.; 22 янв. 1920 Волошин читал «часть поэмы <...>, ныне им заканчиваемой», на собрании литераторов и журналистов во ФЛАК'е (Феодосийском литературно-артистическом кружке). Об этом сообщала газ. «Крымская мысль» 21 и 29 янв. Этот вариант поэмы в 1920 попал за границу (в частности, его рукопись привез в Константинополь Н.П. Лампси). Упомянутая редакция текста содержала «Хвалу Богоматери» (в «Прологе» – фрагмент от «Тайна тайн непостижимая» до «Безвозвратного суда»; датировано 27 нояб. 1919; см. о нем также наст. изд., т. 1, с. 511) и отдельную главу «Святой Франциск». Эта глава позднее была изъята из поэмы при ее доработке и стала самостоятельным произведением (см. наст. изд., т. 1, № 269). Впоследствии Волошин продолжал работать над поэмой. Новым импульсом стал для него образ Владимирской Богоматери (см. коммент. 298): в письме к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 7 апр. 1925 он высказывал надежду найти в нем «тот ключ», который даст ему «дописать <...> "Серафима"». Летом 1927 Волошин собирался съездить в Саров (письмо к нему В.А. Виноградовой от 28 февр. 1927), а в февр. 1929 вновь вернулся к поэме. О намерении «подойти к переплавке "Св. Серафима"» Волошин писал жене 15 февр., а 20 февр.

сообщал: «Сейчас сижу за обработкой старых материалов и за чтением книг. Группирую и формирую новые главы». Глава «Тварь» (новый вариант текста) датирована 1 апр., но и позже (16 апр.) Волошин писал жене: «Пишу стихи (Серафим)». Тогда же, по-видимому, в поэме были сделаны обширные сокращения – и она приняла окончательный вид. В черновиках поэмы «Россия» есть такой вариант строки: «Молюсь, чтоб мне, как старцу Серафиму, увидеть рассветающую Русь» (Тт-3). Эпиграф записан в Тт-3 как цитата из Леона Блуа (см. о нем коммент. 229; наст. изд., т. 1, с. 526).

П р о л о г. *«Тайна тайн непостижимая ∾ Приснодевственная мать!..* – В этой части текста Волошин не раз использует (зачастую в перефразированном виде) формулы песнопений и молитв православного обихода, обращенных к Богородице и к Богу. *Глубь глубин ∾ радости земной!..* – Ср.: «...радуйся, глубино неудобозримая и ангельскими очима... высото неудобовосходимая человеческими помыслы... Радуйся, Еюже радость возсияет!» (контаминация из фрагментов первого икоса «Акафиста Пресвятой Богородице» – Молитвослов. С. 56). *Торжество непобедимое...* В начальном кондаке того же «Акафиста...» Богородица определяется «яко имущая державу непобедимую» (там же). *Ангельски дориносимая Над родимою землей...* – Ср. с песнопением при Великом входе на Литургии: «Яко да Царя всех подымем, ангельскими невидимо дориносима чинми» (ПБС. С. 49). Дориносимый *(греч.)* – сопровождаемый почетной стражей. *Купина неопалимая!..* – Одно из именований Божией Матери (ср.: «Купина в горе огненеопальная...» – ПБС. С. 160) и Ее иконы («Неопалимая Купина»). *Херувимов ∾ славнейшая ∾ Серафим <...> Без истленья Бога родшая..* – Перефразировка «Песни Пресвятой Богородице»: «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую <...> Тя величаем» (ПБС. С. 25). *.. всенепорочная..* – Одно из молитвенных обращений к Богородице (Молитвослов. С. 30). *Незакатная звезда.* – Еще одно сходное обращение (ср.: «Радуйся, Звезды Незаходимыя Мати...» – Молитвослов. С. 58). *Радуйся, о благодатная...* – Парафраза известного: «...радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою...» (ПБС. С. 16). *Цвет земли неувядаемый .* – Одно из именований Божией Матери (ср.: «Ты еси <...> неувядаемый цвет чистоты». – Молитвослов. С. 35) и Ее иконы («Неувядаемый Цвет»). *.. бездна девяти небесных иерархий· Ангелы ∾ Серафимы.* – Согласно Псевдо-Дионисию Ареопагиту (в его труде «Небесная Иерархия»), ангелы делятся на три иерархии с подразде-

лением каждой на три лика. Высшая иерархия: Серафимы, Херувимы, Престолы (у Волошина – Троны); средняя: Господства, Силы, Власти; низшая: Начала, Архангелы, Ангелы. В перечне Волошина Начала фигурируют дважды – как собственно Начала и как Архаи (термин, восходящий к Р. Штейнеру; см., напр., его лекции «Эго космоса и эго человека» [1912], «Миссия единичных народных душ в связи с мифологией германского Севера» [1917], «Три встречи человеческой души с духами Вселенной» [1917]). В то же время поэт совсем не упоминает еще одну из Иерархий – Силы.

I. *Нету духам* ∾ *чрево матери.* – Ср.: «Для духов в тесноту земного бытия Иные не открыты двери» (из стихотворения Волошина «Пещера»; наст. изд., т. 1, с. 150). *. входящий в жизнь* ∾ *пробегает весь разбег творенья.* – Эта мысль изложена Волошиным в статье «Откровения детских игр» («Золотое руно». 1907. № 11/12. С. 68). *Сидора с Агафьей Мошниных.* – Исидор Иванович Мошнин (1717–1760; с 1748 – Машнин) был курским купцом, имевшим кирпичные заводы и бравшим подряды на постройку церквей и домов. Его жена Агафья Фатеевна (урожд. Завозгряева, 1725 – ок. 1778), дочь курского посадского, после смерти мужа продолжала его дело, возводя церкви, и воспитывала дочь Параскеву и двух сыновей – Алексея и младшего Прохора, родившегося 19 июля 1759. (Уточненные сведения о семье Мошниных см. в кн.: «Преподобный Серафим Саровский», М.: Воскресение, 1993. С. 151–152.) *Славянство Плоть имеет* ∾ *чистую от записи страстей.* – Это и последующие суждения отчасти взяты из откровений Р. Штейнера.

II. *...меж Сатисом и Сарой...* – Сатис и Сара (Саровка) – реки. *..юный инок.* – Иоанн Федоров (1670–1737), после пострижения – Исаакий. Впервые поселился в Сарове (на месте татарского городища Сараклы) в 1691. *Основал обитель.* – Первая церковь пустыни сооружена в 1706; в должности настоятеля Исаакий утвержден в 1709. *В Саров он пришел в канун Введенья.* – Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы отмечается 4 дек. (21 нояб.). Прохор Мошнин поступил в Саровскую пустынь послушником 20 нояб. 1778. *«Господи Иисусе...»* – так называемая «Иисусова молитва», вошедшая в обращение на Руси с XV в. *Прохор* ∾ *три года болен был.* – Прохор заболел водянкой в 1780, половину времени из трех лет болезни провел в постели. *Возвратившись* ∾ *Удостоен был монашеского сана.* – Прохор был пострижен в монахи 13 авг. 1786, получив в иночестве имя Серафима (без его ведома и выбора); 2 сент. 1793 рукоположен в иеро-

монахи. *Пахомий* (в миру Борис Назарович Леонов, ум. 1794) – настоятель обители с 1777.

IV. *Не из ненависти к миру ∾ виден по-иному...* – Переложение слов св. Серафима. (См.: «Преподобный Серафим Саровский». М.: Воскресение, 1993. С. 30). *Жить ушел в пустыню...* – Серафим удалился в лесную келью на берегу реки Саровки, в 5–6 верстах от Сарова, 20 нояб. 1794. *...питаясь крохами, делился Со зверьми и птицами...* – Серафим, сначала питавшийся хлебом и овощами со своего огорода, затем перешел на одни овощи, а последние три года пустынножительства питался лишь отваром из травы снытки, собираемой им в лесу. Примером в подкармливании диких зверей и птиц мог служить Серафиму Франциск Ассизский. *Раз пришла монахиня и видит: Серафим ∾ кормит ∾ медведя.* – Свидетельницей этого события была старица Дивеевской обители Матрона Плещеева. *Лев служил Герасиму в пустыне...* – Эпизод из жития св. Герасима, жившего в V в. (Египет, Палестина, Малая Азия).

V. *Не бежать греха, но ∾ собой его очистить...* – Эти мысли принадлежат, по-видимому, самому Волошину: в отличие от св. Серафима, главным своим духовным орудием избравшим смирение, постничество, столпничество и т. п., поэт ратовал за активное претворение зла в добро с помощью любви. (См.: *Купченко В.* «Единственная заповедь: “Гори”»: Человек в этике Максимилиана Волошина // НЖ. 1996. № 205. С. 79–95). *Но лишь только он засветит пламя Внутренней молитвы ∾ бесы ∾ стремятся Погасить лампаду...* – Это свойство человеческой психики Волошин отмечал 9 янв. 1925 в письме к В.Д. Финкельштейн: «Когда средний человек решает начать “работать” над собой и самоусовершенствоваться, то в нем немедленно оживают и подымают голову все те страсти, которых он даже и не подозревал в себе» (далее идет фрагмент из поэмы).

VII. *Растворил он людям двери кельи.* – Вернувшись в мае 1810 в Саров, Серафим принял на себя подвиг затворничества, никуда не ходя из своей кельи и никого в ней не принимая. Через пять лет он снял запрет с посещения его желающими, но не изменил обету молчания. И лишь еще через пять лет стал не только отвечать на обращенные к нему вопросы, но и беседовать с посетителями.

VIII. *Мотовилов* Николай Александрович (1809–1879) – симбирский помещик, совестный судья. Был болен три года, Серафим исцелил его 9 сент. 1831. *Каждый человек есть ангел.* – См. коммент.

229 (наст. изд., т. 1, с. 526; мысль Л. Блуа, к которой не раз обращался Волошин). *Быть в Духе.* – См.: Откровение св. Иоанна Богослова, IV, 2. *...посреди поляны ярче солнца ∾ клубится шестикрылье ∾ Лик Серафима.* – Серафим явился Мотовилову «светлее солнца» в конце нояб. 1831. *Мой мир даю вам ..* – См.: Иоанн. XIV, 27. *Царство Божье внутри нас..* – См.: Лука. XVII, 21.

IX. *Три удела емлет Богоматерь: Иверский, Афонский и Печерский.* – Согласно легенде, Иверия (нынешняя Грузия) досталась «в удел» Богоматери в 44 г., для распространения там христианства; однако корабль Богоматери прибило к горе Афон (второй удел), – где был затем основан Иверский мужской монастырь (с храмом Успения Богоматери). Печерский – Киево-Печерская лавра, с чудотворной иконой Успения Богоматери (из Влахернского храма в Греции). *Дивеевский – четвертый ..* – Дивеевский женский монастырь в Ардатовском уезде Нижегородской губернии (в 12 верстах от Сарова) был основан в 1760 старицей Александрой (ум. 1789, в миру – вдова полковника Агафья Семеновна Мельгунова, урожд. Белокопытова). В 1825 в обители было 50 монахинь, в июле 1900 – 950. *.. затеплил скит девичий...* – Серафим образовал особую Серафимо-Дивеевскую девичью общину. *. пламень ∾ от сердец Марии и Елены...* – Мария Семеновна Мелюкова (в монашестве Марфа) пришла в обитель в дек. 1825, умерла в 1829, 19-ти лет. Елена Васильевна Мантурова умерла «за *послушанье*» в 1832, 27-ми лет. *Ксения Михайловна* Кочеулова (урожд. Милованова) выбрана начальницей Дивеевской общины в 1796. *Братец твой* – Михаил Васильевич Мантуров (1798–1858), отставной военный, помещик села Нучи (в 40 верстах от Сарова). Был исцелен Серафимом от тяжелой болезни, после чего стал преданнейшим учеником старца, его доверенным лицом по Дивеевской обители.

X. *Евдокия-старица* – Евдокия Ефремова, впоследствии мать Евпраксия; была свидетельницей явления Серафиму Богоматери 25 марта 1831, за 21 месяц до кончины старца. *Фёкла, Юлиания, Варвара, Пелагея, Ксения, Ирина* – христианские девы-великомученицы. *Четьи-Минеи* – повествования о жизни святых Православной Церкви, изложенные по порядку дней и месяцев, в которые отмечается их память. *Ликовался* (церк.) – прикладывался щекой к щеке. *Велия* – великая. *Умер, как стоял ..* – Серафим был обнаружен в своей кельс утром 2 янв. 1833 стоящим на коленях перед иконами.

***297. Заклинание.** ВРХД. 1977, № 120. Автограф – в Тт-3 (л. 179 об.), под загл. «Заклинанис над Марусей (по Куэ)»; вариант. Печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 75, л. 5), с отдельными исправлениями по Тт-3.

Маруся – М.С. Заболоцкая, с 1927 – Волошина (см. коммент. 242; наст. изд., т. 1, с. 537). *Куэ* Эмиль (Coue, 1857–1926) – французский фармацевт и психотерапевт. В библиотеке Волошина сохранилась его брошюра «La maîtres de soi-même par l'autosuggestion consciente» (Nancy, 1928). Волошин и сам прибегал к самовнушению; 17 мая 1929 он писал С.А. Толстой-Есениной: «Зима у нас была кошмарная <...>. Обрели мы покой работой над собой по методу Куэ самовнушения». *...ты, упорствуя в работе ∾ превысишь меру сил...* – На Марии Степановне лежала вся работа по уборке дома, стирка, приготовление еды, уход за садом и т. д. 24 апр. 1926 Волошин писал А.П. Остроумовой-Лебедевой: «Маруся хлопочет, разрывается, утомляется и переполняет дом толчками своей страстной самоотверженной и бестолковой энергии».

***298. Владимирская Богоматерь.** ВРХД. 1971, № 100. Печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 77, л. 1–1 об.). Автограф – в Тт-3 (л. 180 об.–181; под датой – приписка: «Написано во время травли и процессов»). Икона *Владимирской Богоматери* – одна из самых прославленных икон в Древней Руси, привезенная в Киев из Константинополя в начале XII в. От первоначальной, очень тонкой по выполнению, богатой полутонами живописи остались только лица Марии и Младенца: всё остальное переписано в XV–XVI вв. Волошин впервые увидел икону уже расчищенной (см. ниже) весной 1924 в Историческом музее в Москве. По воспоминаниям Т.В. Шмелевой, он приходил «на свидание с иконой» несколько дней подряд, проводя перед нею по несколько часов (Воспоминания. С. 485). Вернувшись из поездки в Москву и Ленинград домой, поэт писал С.А. Толстой-Есениной 24 мая 1924: «Лишь два момента подлинной жизни <...> я пережил и унес с собою сюда: Лик Владимирской Богоматери и рукопись Аввакума». Фоторепродукция иконы стояла, с весны 1925, на рабочем столе Волошина. «Все эти дни живу в сиянии этого изумительного лица», – писал он С.З. Федорченко 9 апр. 1925. Работа над стихотворением началась 15 нояб. 1928, продолжена 17 янв. и в марте 1929. Учтя суждения о стихотворении М.В. Нестерова, А.И. Аниси-

мова, С.Н. Дурылина, С.М. Соловьева, Волошин сократил текст на восемь строк (см.: *Лавров А.В.* «Владимирская Богоматерь» Максимилиана Волошина: проблема основного текста // Свободный взгляд на литературу. Проблемы современной филологии: Сб. статей к 60-летию научной деятельности академика Н.И. Балашова. М.: Наука, 2002. С. 228–234). В целом же оценка стихотворения была весьма высокой; искусствовед А.Г. Габричевский посвятил ему целый разбор (в письме к Волошину б. д.), где, в частности, писал: «Ты в этой вещи совершил невероятное, ты расколдовал то Слово, которое стало плотью в иконе, и снова воплотил его в новой стихии». Вяч. Иванов, получивший стихотворение в Риме от В.М. Зуммера, писал ему: «Спасибо за стихи Максимельяновы, пронзительно-трогательные: как он поэтически похорошел» (цит. в письме В.М. Зуммера к Волошину от 4 окт. 1929).

Лука-иконописец. – Евангелист; считался покровителем художников. *В злые дни гонения икон ..* – Имеется в виду иконоборство – движение против почитания икон, возникшее в Византии в первой половине VIII в. и продолжавшееся до середины IX в. *И ушла с Андреем в Боголюбов...* – Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111–1174) в 1155 покинул Вышгород под Киевом и ушел в Суздальскую землю, вывезя с собой икону Божьей Матери. Конь, везший икону, остановился в 11 верстах от Владимира, это было сочтено за знамение, и Андрей заложил здесь село Боголюбово. *Хромец Железный* – Тимурленг (Тамерлан). Разбив в 1395 золотоордынского хана Тохтамыша, преследовал его до русских пределов, разрушив Елец. *Кто в Москву ему прохода не дал...* – Под угрозой нашествия Тамерлана великий князь Василий Дмитриевич велел перенести священную икону из Владимира в Москву, где она была 26 авг. 1395 торжественно принята в *Успенском* соборе; в тот же день Тамерлан оставил пределы России. *И ушла Предстательница-Дева...* – Во время нашествия Наполеона в 1812 икона была увезена во Владимир, затем – в Муром; возвращена в московский Успенский собор весной 1813. *Ты явила подлинный свой Лик...* – В 1919 икона Владимирской Богоматери была расчищена от поздних наслоений в Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи под руководством И.Э. Грабаря и А.И. Анисимова. *Светлый Лик Премудрости-Софии...* – София – понятие-мифологема античной и средневековой философии, связанное с представлением о смысловой наполненности и устроенности вещей; образ «Вечной Женственности», запечатленной в поэме В.С. Соловьева «Три свидания» (1898); трактовку

этого образа у Волошина дают Пинаев (с. 38–39) и Менделевич (с. 77). *Анисимов* Александр Иванович (1877–1937) – искусствовед и реставратор, в 1921–1929 возглавлял отдел церковных древностей в Историческом музее. Его монография «Владимирская икона Божией Матери» вышла в 1928 в Праге на русском и английском языках. Осенью 1930 А.И. Анисимов был впервые арестован; расстрелян 2 сент. 1937 (см.: «Сов. культура». 1990, 14 апр.).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1891-1931 ГОДОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ

Тексты этого раздела, публиковавшиеся при жизни Волошина, воспроизводятся по соответствующим печатным источникам; не публиковавшиеся автором – по автографам либо по авторитетным посмертным публикациям (с проверкой по рукописи).

По возможности в полном объеме здесь представлены стихи Волошина-гимназиста, – начиная с самого первого его стихотворения. Отвечая на вопросы литературной анкеты в 1911, Волошин констатировал: «Начал регулярно писать стихи с 12 лет». Среди писателей, влиявших на его ранние произведения, он назвал А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, а также Г. Гейне, Н. Ленау, Л. Уланда и Ф. Фрейлиграта, «(которых переводил)». Качество этих опытов Волошин ставил невысоко: «Фантазия была в смысле комбинаций, но не в смысле выдумки. В детстве наблюдений над людьми не делал. Очень сильно было впечатление природы (в Крыму). <...> Наибольшее влияние, как творческое перерождение, оказали путешествия» (Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф.Ф. Фидлер. М.: И.Д. Сытин, 1911. С. 165).

Однако 25 мая 1921 А.М. Петрова записала в своем дневнике «по поводу юношеских стихов» Волошина: «В них нет ровно *ничего*, нет слов, нет никакого намека на оригинальность, но – в них *есть* уже светлая, радостная, переполняющая до какого-то захлёбывания *вдохновенность*, чувствуется ее интенсивный заряд, который *не может* не идти поступательно, вперед, по здоровому своему нарастанию по мысли (?) и цепкости в отношении всего "возвышенного", *не может* оказаться "впустую" – как часто бывает у вдохновенной самой по себе юности. В этом отношении, вернее вместе, юношеские стихи его воистину трогательны, а вовсе не незначительны, не "ни-

что", как сам он думает. Наметились уже и тогда пути этой широкой вмещающей души» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 12).

В 1911 Волошин отмечал, что сохранились все его стихи «с 12 лет». В настоящее время имеются четыре основных источника этих текстов.

Во-первых, они включены в его дневниковые записи – и, как правило, это первый их вариант, самая ранняя фиксация текста.

Во-вторых, это подготовленное им самим «собрание сочинений» в пяти «томах» (представляющее на деле тонкие ученические тетрадки; «тома» I–II – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 11, «тома» III–V – там же, ед. хр. 3), обнимающие февр. 1891 – янв. 1897 В первом (февр. – нояб. 1891) – 50 стихотворений, во втором (нояб. 1891 – сент 1893) – 70, в третьем (сент. 1893 – дек. 1894) – 60, в четвертом (янв 1895 – дек. 1896) – 58, в пятом (янв. 1897) – всего 8 (итого – 246) Почти все тексты датированы; каждый «том» подписан полной фамилией автора: «М. Кириенко-Волошин». Из них 30 переводных.

В-третьих, это «Записная книжка на 1889 год», – в которую стихи Волошина (без дат) вписаны вперемежку со стихами других поэтов (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 449). Помимо уже названных А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, мы находим здесь стихи А.С. Хомякова, Ф.Н. Глинки, А.Н. Плещеева, В.С. Курочкина, В.С. Соловьева и – особенно много – А.К. Толстого. (Свои стихи, поставленные в один ряд с именитыми предшественниками, юноша подписывает «М. Волошин», уже тогда выбрав свое поэтическое имя, под которым и войдет в историю русской литературы. К именам же любимых им в отрочестве поэтов здесь будет уместно добавить еще П.Ж. Беранже, А.Н. Майкова, Л.А. Мея, Я.П. Полонского, Ф.И. Тютчева.)

Четвертый источник – синяя тетрадь из 17-ти листов, с эпиграфом (не вполне точным) из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828): «Не для житейского волненья, Не для корысти, не для битв, Мы рождены для вдохновенья, Для сладких звуков и молитв» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 11). Это, по существу, избранное из ранних поэтических опытов – и, хотя даты здесь также не проставлены, мы можем считать включенные сюда варианты текста наиболее поздними (всего 41 стихотворение).

Вторичный характер имеет тетрадь (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр 450), озаглавленная: «Стихотворения из дневника 1890 г.» – с ошибкой в дате (надо: 1891). Кроме того, мы имеем две черные клеенчатые тетради (в 36 и в 98 листов), со стихами 1899–1900 годов и, наконец,

стихи на отдельных листах, в дневниках (напр., в «Записной книжке на 1893–1894 год» – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450) и стихи из писем к разным лицам. За небольшими исключениями (оговоренными в комментариях), все они появляются в печати впервые – и представляют большой интерес для представления о формировании Волошина-поэта, об его истоках и творческом развитии. По сути, это его лирический дневник, в котором отражены как события его жизни гимназиста (затем студента), так и впечатления природы, и особенно – внутренние переживания и мысли.

Суммируя впечатления от всего раннего творчества Волошина, можно отметить философичность его лирики. Довольно рано юноша начинает размышлять о смысле жизни, о призвании человека; поднимает вопросы этики. Неизменен его интерес к истории и отдельным ее героям; неизменно захватывает его природа (степь, горы и особенно море) во всех проявлениях времен года и суток. Уже тогда закладывался в нем будущий пейзажист (а увлечение Волошина рисованием также началось в гимназии) и портретист – как в рисунке, так и в поэзии. По своей мировоззренческой ориентации он верен своим любимым русским поэтам, – переняв от них народолюбие, социалистические упования, веру в прогресс и науку. Показательно при этом, что, не приемля уроки Закона Божьего, Волошин постоянно обращается к образам Нового Завета («Святая роза» – несколько вариаций!). Стремление к свободе и справедливости, призывы к борьбе за них, неприятие лицемерия, пошлости и мещанского прагматизма, евангельский идеал любви – неизменно вдохновляют юношу. Постоянен и его интерес к призванию поэта, – роль которого в установлении на земле принципов Добра и попрания Зла Волошин утверждал уже в те годы.

Конечно, в юношеских его произведениях много наивного, а с формальной стороны – непрофессионального. Но от года к году его мысль становилась глубже, а форма совершеннее. Усложняется ритмика, разнообразятся размеры, богаче становится словарь. Вместо книжных и банальных «видов» идеализированного «Юга» начинающий автор постепенно переходит ко всё более точным, зарисованным с натуры – пейзажам конкретных гор и моря («Зима», «Сурп-Хач»). Отчетливым переломом в мировосприятии и окончанием ученического периода творчества ознаменовались для Волошина его путешествия в Европу в 1899 и 1900. Они дали ему небывалую раско-

ванность, легкость, юмор. Спали с глаз шоры народничества и социализма, а копившаяся исподволь эрудиция мгновенно обрела новое качество – став одной из определяющих черт зрелой поэзии Волошина. Главную роль тут сыграл Париж – с его широтой горизонтов, скептицизмом, всеохватностью, культом поэтической формы. Теперь кумирами Волошина в поэзии стали «парнасцы» и французские символисты, а также К.Д. Бальмонт, с которым он лично знакомится в конце 1902.

Однако при этом оказалось, что многие его последующие «взрослые» образы, чувства и мысли уже мелькали или предвиделись в ранних, незрелых стихах. Так, мистическое начало, ставшее одной из главных составляющих зрелой волошинской поэзии, заявлено еще в стихотворении 1894 («Мысль и форма», III). Любимая мысль Волошина об ангельской сущности каждого человека (принятая им в зрелые годы в формулировке Л. Блуа) в 1893 была сформулирована как призыв «уважать человека В несчастнейшем нищем и в жалком рабе» («Памяти Тургенева»). Решительное неприятие «войны и истребленья» впервые выражено в 1892 («Герои») – в том числе и жертв, порождаемых революцией («Свобода»). Увлечение парадоксами восходит к «Песне о нужде» (1894), а радостное восприятие боли и страдания – к стихотворению «Тяжелые думы, горячие слёзы...» (1895). В стихотворении «Жизнь» (1894) описаны покрытые снегом вершины «на краю самой земли»: не предвидение ли «предгорий Памира», где он окажется лишь через шесть лет?.. Образ из стихотворения «Предвестия» (1905): «Уж занавес дрожит перед началом драмы...» – находим в стихотворении «Грядущего приподнята завеса...» (1893), а «Дымы черных алтарей» из «Дэлоса» (1909) – в стихотворении «Рассвет» (1894). Очарование «старых писем» (стихотворение 1904) впервые намечено в экспромте 1896-го («Случайно брошенное слово...»).

Знаки препинания юный поэт игнорировал (особенно в 1891–1892). Поэтому, при сохранении редких имеющихся, остальные расставлены здесь в соответствии с современными нормами. Посвятительные надписи Волошин поначалу нередко ставил как название стихотворения. В настоящем издании они обозначаются как посвящения (за несколькими исключениями).

В подготовке текстов огромную помощь оказала мне Р.П. Хрулева, которой выражаю свою искреннюю благодарность.

299. Наступление ночи. Труды и дни. С. 18 (три строфы). Без названия стихотворение включено в «Записную книжку на 1889 год» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 449, л. 66).

301. Одоакр. Черновик стихотворения — в дневнике 1891 (л. 9 об.—12) с датой «18 марта 1891»; в «Записную книжку на 1889 год» (л. 72—75) включено с подзаголовком: «I. Предсказание». Печатается по тексту этого, более полного, варианта.

Одоакр (ок. 431—493) — правитель Италии (с 476), вождь германского племени скиров, живших в долине Дуная. Поступив около 470 на военную службу в Италии, стал предводителем одного из наемных германских отрядов в армии императоров. Низложив императора Ромула Августула, провозгласил себя 22 авг. 476 «королем Италии»; его возвышение считается концом Западной Римской империи. *Теперь он в Пассау попал...* — на этом кончается стихотворение в «томе I» (с датой 18 марта 1891). *Пассау* — город в Баварии, при впадении рек Инн и Ильц в Дунай. *Безвестным от ножа умрешь.* — Потерпев ряд поражений от римлян (при Изонцо, при Вероне, при Адде) Одоакр еще два года правил в Равенне, но в 493 был убит вождем вестготов Теодорихом.

302. Над рекой. Черновик стихотворения — в записной книжке с дневниковыми записями (л. 12 об.), под 20 марта 1891; в «Записной книжке на 1889 год» — без названия с разделением на строфы.

Кубынчики — кувшинки.

303. Разрушенный замок. В «томе I» — под названием «Развалины замка»; в «Записной книжке на 1889 год» — б. д.

308. Ночь. В дневнике 1891 г. — без названия, с примечанием: «На лодке, во время поездки на Воробьевы горы».

309. Спящее царство. Стихотворение вначале было включено в «том I» под № 12 (с посвящением). Вторично оно вписано в тот же «том» под номером 37 — под тем же названием, но без посвящения, с мелкими разночтениями и с датой: 12 сентября 1891.

...жестоко насолил. — В позднем варианте: «отомстил». *...всяку ночь...* — Позднее: «ночью вдруг». *И на пруду там кто-то пел.* — Вариант: «С утеса в озеро глядел».

311. «Коль увидеть хочешь...». В оригинале описка в дате: 1 мая.

312. Буря. В оригинале описка в дате: 2 мая.

313. Карл Испанский. Карл I (1500–1558) – испанский король (из династии Габсбургов) в 1516–1556, затем император Священной Римской империи, под именем Карла V (в 1519–1556).

Пиратов и мавров ∾ уж навек победила. – Карл I подавил восстание мавров в Валенсии, Гранаде и Арагонии в 1520-х, на море же вел борьбу с алжирскими пиратами. Несмотря на эти и другие политические успехи и внешнее величие страны, Испания при нем переживала глубокий экономический спад. *«Хуана! Хуана, что каждое утро ∾ И радости бедных лишил!»* – В дневнике 1891 г. вписано под самостоятельным названием «Испанская песня».

318. На смерть Надсона. Поэт С.Я. Надсон умер в Ялте от туберкулеза 19 янв. 1887, 25-ти лет от роду.

327. Из письма к М. Сакулину. Модест Викторович *Сакулин* – сын инженера, учащийся Земледельческой школы, приятель Волошина. В тетради избранного: «К М.С-ну».

328. Русалки. В тетради избранного имеет посвящение «Е.С. Л<ями>ной». Елена Сергеевна *Лямина* (1870–1952) – двоюродная сестра Волошина.

329. Утро. Куприянов. С. 21.

330. «Ты пела, я слушал, и тихо листы...». В оригинале описка в дате: «июля».

338. «Пускай осмеян я толпою...». Куприянов. С. 20.

339. Н. Давыдову. Николай Петрович *Давыдов* (1876 – до 4 февр 1933, Варшава) – одноклассник Волошина, сын коллежского асессора. Позднее поступил на медицинский факультет Московского университета. 24 сент. 1891 Волошин записал в дневнике: «Давыдов поэт никак не ожидал! Чудеса. Стихи пишет очень хорошие. А он еще все

прежде надо мной смеялся!» А 1 нояб.: «Сегодня Давыдов мне дал свою поэму “Исповедь контрабандиста”. Написана ничего, но есть некоторые несообразности. Я ему начинаю завидовать».

341. «Тихо всё. Стоят чинары...» *Чатыр-Даг* (Шатер-гора, *тат.*) – платообразный массив (яйла) в Главной гряде Крымских гор, к северо-западу от Алушты; высотой до 1527 м. Сложен известняками, на склонах – леса из бука, граба и сосны.

342. Сафо. *Сафо* (Сапфо) – древнегреческая поэтесса (1-я половина VI в. до н. э.); согласно легенде, покончила с собой из-за безответной любви к кормчему Фаону, бросившись в море со скалы.

343. К Л. Л<ями>ной. Любовь Сергеевна *Лямина* (1874–1957) – двоюродная сестра Волошина, позднее (в замужестве) Шмелева; сохранилось 32 ее письма к поэту.

345. Вечер. В тетради «Из дневника» – без названия.

346. Железная дорога. Стихотворение в прозе. Включено в тетрадь «Стихотворения из дневника 1890 г.»; явный прообраз будущего знаменитого «В вагоне» (наст. изд., т. 1, с. 13–14).

347. Троекурово. Труды и дни. С. 19.

Троекурово – деревня на берегу реки Сетунь, с остатками старинной барской усадьбы князей Троекуровых – с парком, копаными прудами, арочным мостом и двухъярусной церковью (1699–1706).

348. «Расскажи, о странник, Спарте...». Печатается по записной книжке № 23 «Стихотворения из дневника 1890 г.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450). В «томе II» – с первой строкой «Возвести, о странник, Спарте...» и с эпиграфом по-гречески:

Ὦ ξεῖν', ἀγγέλλειν Λακεδαιμονίοις ὅτι τῆδε κείμεθα, τοῖς κείνων ῥήμασι πειθόμενοι

Перевод Г.А. Стратановского:

«Путник, пойди, возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костьми полегли».

Под эпиграфом помета Волошина: «Надпись Симонида на мраморном льве». Речь идет об авторе текста, поэте Симониде Кеосском (ок. 556 – ок. 468 до н. э.). Приведенный дистих был выполнен на каменном льве, поставленном греками в честь знаменитого боя трехсот спартанцев с многотысячной армией персидского царя Ксеркса в Фермопильском ущелье (480 до н. э.). Все они вместе с царем *Леонидом,* который стоял во главе спартанского отряда, погибли.

349. Весна. Первая главка из задумачной, но так и не оконченной поэмы «Четыре времени года»; позднее написаны «Лето» и «Осень».

350. «Откуда вы, станицы журавлей...». Печатается по записной книжке № 23 «Стихотворения из дневника 1890 г.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450). В «томе II» первая строка стихотворения – «Откуда вы, крылатые станицы журавлей...».

351. «Солнце жаром палит...». Куприянов. С. 24 (с ошибкой в одном слове и с указанием Коктебеля как места написания).

353. К N. N. Борис Михайлович *Саблин* (1875–?) – одноклассник Волошина, сын статского советника; впоследствии помощник присяжного поверенного.

358. Земля и море. *П. З<волинск>ий* – Павел Александрович Зволинский, гимназист Первой московской казенной гимназии, жил в Хамовниках (Пуговичный пер., дом Соколова); позднее юрист. Сохранилось 46 его писем к Волошину.

359. Таврида. *Жрица молодая.* – Имеется в виду Ифигения, жрица в храме, посвященном Артемиде, в Тавриде.

360. Ночь. В «избранном» название снято.

362. К N. N. В тетради стихотворений из дневника название снято.

364. Лето. Второе стихотворение из «поэмы» (скорее цикла) «Четыре времени года».

365. Осень. Третье стихотворение из этого же цикла.

366. Москва. В «избранном» название снято.

368. Н. Н.*** Обращено, скорее всего, к Н.А. Некрасову.

372. Что такое жизнь... *То был не философ...* – Вариант: «ученый».

374. Писателю. Куприянов. С. 26 (с ошибкой). В дневнике Волошин приписал: «Это стихотворение написано под влиянием Некрасова. У него есть одно стихотворение "Сеятелю", мне оно очень понравилось».

375. Сотрудникам. Куприянов. С. 26–27 (без первых четырех и последних двух строк). - - Труды и дни. С. 22 (без последних двух строк).

Вариация на тему стихотворения Алексея Николаевича Плещеева (1825–1893) «Вперед! Без страха и сомненья...» (1846), получившего известность как революционная песня.

***382. Свобода.** *«Allons, enfants ∾ est levé. Marseillaise.* – «Вперед, сыны отечества! Час славы настал. Против нас поднято кровавое знамя тирании»... Марсельеза – государственный гимн Франции; слова и музыка написаны в 1792 К.Ж. Руже де Лилем. *Они на зло своих врагов ∾ Увы! Совсем они забыли.* – Эта строфа в «томе II» зачеркнута. *Людовик был низвергнут и казнен...* – Имеется в виду французский король Людовик XVI, свергнутый восставшим народом с престола 10 авг. 1792 и гильотинированный 21 янв. 1793. *...французские Лилеи* – королевская символика.

384. К N. N. София Павловна *Теш* (1867 – ок. 1901, в замуж. Быховская) – дочь П.П. фон Теша, гражданского мужа Е.О. Кириенко-Волошиной.

388. К Мод. Сак<ули>ну. Обращено к Модесту Сакулину.

390. В Коктебеле. Труды и дни. С. 28.

392. «От берегов цветущих Крыма...». *Румянцев* Владимир – одноклассник Волошина по московской гимназии. Играл на скрипке, после окончания гимназии в 1898 поступил в Московское филармоническое училище.

394. «Ужасный век! Ужасные явленья!..». Этим стихотворением начинается «том III», включающий стихотворения сент. 1893 – дек. 1894.

395. «Среди людской тревоги и волненья...». Позднее (в марте 1932) Волошин вспоминал об Ольге Васильевне *Яшеровой*: «Поэтесса. Обмен стихами. Городское событие. Обеспокоенность директора Виноградова и начальницы Женской гимназии. Слухи о наших стихах и детской влюбленности стали сказкой всего города. Я ничего не имел против. Оля, очевидно, тоже» (История моей души. С. 302).

399. «На ваше грустное посланье...». Труды и дни. С. 31.

400. «Почему в душе моей...». 9 дек. 1893 Волошин записал в дневнике: «Теперь я в ссоре с поэтессой. Произошло это потому, что я во вторник не вышел на бульвар. Раскланивались очень холодно, но и принужденно. Тоска последнее время страшная. Жду не дождусь, пока, наконец, домой не поеду, в Коктебель. Я целых полтора месяца дома не был». Приведя далее стихотворение «Почему в душе моей...», Волошин замечает что написал его «вчера у Алкалаевых Написал совершенно для меня неожиданно и непроизвольно, не обдумывая раньше, а как бы оно само так и вылилось».

401. «Мне душно здесь, средь этой лжи и прозы...». Труды и дни. С. 32.

402. Зима. В «томе III» стихотворения 401 и 402 не имеют даты и поставлены вслед за стихотворением от 6 марта 1894. Датируется по тексту, находящемуся в тетради «Из дневника 1893 г.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 435), где название не обозначено.

406. «Вам в день вашего рожденья...». Валерия Альфонсовна *Воллк-Ланевская* (1875–1943, в замуж. Гауфлер) – в то время гимна-

зистка. Позднее поступила в Московскую консерваторию по классу фортепиано. О семье Воллк-Ланевских см.: История моей души. С. 299–302.

409. «Людскому уму недоступны видения мира иного...». Труды и дни. С. 34.

414. К К. П<онса>р. Клементина Семеновна *Понсар* (ок. 1878 – ?) – француженка, сестра жены Артура Пешковского; гимназистка. О своей влюбленности в нее Волошин позднее упомянул в мемуарах (История моей души. С. 304).

417. Света! Света! *«Licht! Licht! Mehr Licht!» Goethe.* – «Света! Света! Больше света!» *(нем.)* – слова, якобы сказанные И.В. Гете перед смертью.

418. На рубеже. *Братством, истиной, свободою...* – неточная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Песня Ерёмушке» (1859); вариант в дневнике правилен: «Братством, равенством, свободою...».

434. В степях. Написано на обратном пути в Крым из Херсонской губернии, где Волошин гостил у В.А. Алкалаева в имении Долинское.

435. «Что за тишь, что за гладь...». *И люби, пока можешь любить ..* – перекличка со стихотворением Ф. Фрейлиграта «O lieb, solang du lieben kannst!..» (1849), которое Волошин перевел в апр. 1894 (с первой строкой «Люби, пока любить ты можешь...»).

441. Сурп-Хач. «Победа». Феодосия, 1972. 3 июня (без посвящения; публ. В.П. Купченко).

Сурп-Хач (святой крест, *арм.*) – средневековый армянский монастырь в горных лесах в окрестностях Старого Крыма, сооруженный в XIV в. В конце XVIII в. монастырь пришел в упадок в связи с массовым переселением крымских армян в 1778 в Приазовье.

442. «Прекрасны бывают старинные сказки...». Использован сюжет немецкой сказки (по-видимому, братьев Гримм), которую Воло-

шин в 1902 упомянул в тексте лекции «Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого»: «Поэт – это ребенок, который плачет жемчужными слезами», – говорит Гейне и рассказывает сказку об ребенке, жившем в чужой семье, которому благодетельная и чрезвычайно непроницательная фея, желая его осчастливить, дала чудесный дар плакать жемчужными слезами. Из этого подарка вышло только то, что люди начали сильнее истязать его, чтобы добыть больше жемчуга» (РЛ. 1996. № 3. С. 134–146. Публ. О.А. Бригадновой). Изложение этого сюжета – во 2-й части книги Г. Гейне «Французские дела» («Französische Zustande», 1831–1832).

444. Над могилой В.К. Виноградова. Сб. «Памяти Василия Ксенофонтовича Виноградова / Сост. Ю. Галабутский». Феодосия, 1895. С. 50.

Эта публикация стала литературным дебютом Волошина. Василий Ксенофонтович *Виноградов* (1843–1894) – директор Феодосийской мужской гимназии. Стихотворение его памяти Волошин прочел на похоронах педагога в Феодосии. Характеристику В.К. Виноградова поэт дал в своих мемуарах (История моей души. С. 285–286).

445. «Когда Анджело Моисея...». Имеется в виду скульптура Микеланджело Буонарроти «Моисей» (1515–1516).

447. К портрету Е.В. Д<уран>те. Елена Викентьевна Дуранте (ок. 1868 – ок. 1940, в замужестве Иванова) – старшая сестра из многочисленной феодосийской семьи итальянского происхождения; в 1884 училась в 4-м классе женской гимназии.

448. В альбом Е.К. П<апахри>сто. *Папахристо* – феодосийцы, родственники Воллк-Ланевских. 26 окт. 1900 Е.О. Кириенко-Волошина писала сыну о смерти «старика Папо Христо».

449. В альбом Д.О. Д<уран>те. Сведения об адресате записи не выявлены.

451. Памяти И. А. Крылова. Написано к 50-летию со дня кончины И.А. Крылова.

452. Жизнь. Стихотворение представляет вариацию на темы поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри» (1839) с ее формальными особенностями: четырехстопный ямб со сплошной мужской рифмовкой.

453. Пророк. Автограф стихотворения сохранился также в фонде В.А. Десницкого (знакомого Волошина по Коктебелю в 1928–1932) в ИРЛИ (ф. 411, № 31) под заглавием «Предтеча», без эпиграфа и с датой: «24 февраля 1901 г. В вагоне, подъезжая к Асхабаду».

456. «Тяжелые думы, горячие слёзы!..». Это стихотворение начинает «том IV», включивший произведения янв. 1895 – дек. 1896 (наряду с несколькими переводными).

459. «Я вышел недавно за город гулять...». *...туда, где тот парус, белея, плывет...* – Аллюзия на начало стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» (1832).

461. «Я вечером долго над морем сидел...». Об Александре Михайловне *Петровой* см. наст. изд., т. 1, с. 458.

***467. «Quasi una fantasia».** – Перевод заголовка – «вроде фантазии, почти фантазия» (*итал.*). Название, восходящее к именованию известной фортепианной сонаты Л. ван Бетховена «Sonata quasi una Fantasia» (она же «Лунная»), по-видимому, возникло здесь опосредованно – точно так же называется стихотворение А.А. Фета, написанное 31 дек. 1889 и включенное в состав четвертого выпуска его сборника «Вечерние огни» (1891).

Я высек вновь огонь... – После этой строки зачеркнута строка: «Я вывел их из мрака заблужденья».

468. «Есть люди на свете: их нервы как струны...». Посвящено Александру Михайловичу *Пешковскому* (1878–1933), ближайшему другу Волошина в феодосийской гимназии (позднее – ученый-лингвист). О нем см.: История моей души. С. 290–293.

475. «Если в жизни вам взгрустнется...». Посвящено Евгении Альфонсовне Воллк-Ланевской (1872–1959): гимназистка, впоследствии надзирательница женской гимназии.

476. «Она как птичка весела...». Посвящено Вере Матвеевне Нич (1878–1918, в замуж. Гергилевич): гимназистка; впоследствии педагог, начальница собственной частной гимназии в Феодосии.

480. «У морских берегов, где дробятся валы...». Посвящено Ольге Владимировне Фредерикс (1877–1900), приемной дочери генерала Н.А. Маркса (дочь его жены от первого брака). Знакомство Волошина с ней – судя по стихотворению – произошло на даче А.В. Фредерикс в Приморских Отузах, недалеко от подножья Карадага (с западной его стороны). Старшая дочь Н.А. Маркса Татьяна Никандровна (1893–1978, в замужестве Тарыдина) позднее привела 2-ю и 4-ю строфы этого стихотворения в мемуарной заметке «В памяти моей...» (НРС. 1976, 23 сент.).

483. «Случайно сказанное слово...». БП. С. 399 (только первые четыре строки). Посвящено Лидии Антоновне Соломос (1875–1953, в замужестве Лампси) – гимназистке, одной из красивейших девушек Феодосии. Первая строфа стихотворения (с начальной строкой «Случайно брошенное слово») была записана Волошиным 3 апр. 1900 в Москве на обороте своего фотопортрета, сделанного перед этим в Берлине (ГЛМ).

484. «Как звонкий звук трубы, разнесшись по лесам...». Посвящено Вениамину Людвиговичу Гауфлеру (1875–1943), гимназическому товарищу Волошина, немцу, увлекавшемуся музыкой. Впоследствии – педагог, основатель Музыкальной школы в Феодосии. Перед этим стихотворением в «томе IV» вписаны три перевода стихотворений В. Гауфлера, написанных им по-немецки и посвященных В.А. Воллк-Ланевской (его будущей жене).

486. В альбом М. К<адыгро>б. Имеется в виду М<ария> Витальевна Кадыгроб, феодосийская гимназистка, дочь подполковника, начальника конвойной команды.

487. Сократ перед судом. «Русский Туркестан». Ташкент, 1901, 8 апр. Вариант – под названием «Последняя речь Сократа пред судом» *Сократ* (ок. 470–399 до н. э.) – древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики. Был приговорен к смерти по обвине-

нию в «поклонении новым божествам» и в «развращении молодежи»; принял яд цикуты.

491. Многим. «Русский Туркестан» Ташкент, 1901, 2 марта. Стихотворение было послано Волошиным матери в письме от 22 дек. 1896.

Аналогичное название – у стихотворения В.В. Вересаева (1884).

. *«забытые слова»...* – аллюзия на одноименное стихотворение А.М. Жемчужникова (1889), заголовок которого повторяется в самом тексте произведения как рефрен.

492. «Вам всего тринадцать лет...». Обращено, возможно, к Н. Кадыгроб, сестре адресата стихотворения 486.

494. «Шумный бал окончен, а в глазах мелькают...». Это стихотворение – уже из «тома V», включившего произведения янв. 1897. Е.О. Кириенко-Волошина писала сыну 10 февр. 1897: «Твои стихотворения: “Вечером”, “Посвящается Воллк-Ланевской” и “Шумный бал окончен...” мне совсем не нравятся; от этой рифмованной канители я чувствую тяжесть под ложечкой и впадаю в уныние; сравнительно с ними “Многим” цветущий оазис по мысли, содержанию, чувству».

497. «Плещут в море волны...». В дате возможна ошибка: еще 21 янв. 1897 Волошин послал матери это стихотворение и стихотворение «Душа моя широка...» (впоследствии: «Мой дух широк...»; см. в наст. томе № 507) выдав их за «недавно» сделанные переводы из Гейне, чтобы получить более объективный ее отзыв (см.: Из лит. наследия-3. С. 133–134).

498. Фритьоф Нансен. Фритьоф *Нансен* (1861–1930) – норвежский исследователь Арктики. В 1893–1896 на корабле «Фрам» совершил дрейф через Северный Ледовитый океан, от Новосибирских островов до Шпицбергена. 4 февр. 1897 Волошин писал матери, что читает книгу В.Г. Брёггера и Н. Рольфсена «Фритьоф Нансен» (М., 1896), замечая: «Нансен, как человек, замечательно симпатичен» (Из лит. наследия-3. С. 135).

После этого текста идет перевод из Горация («Весна»), которым и завершается рукописный юношеский «пятитомник» Волошина.

499. Посвящение. Из лит. наследия-1. С. 18. Стихотворение написано перед отъездом в Москву для поступления в университет; по-видимому, было вручено затем А.М. Петровой вместе с «собранием сочинений». Хранится в ФКГА.

500. Прощанье. Из лит. наследия-1. С. 22. Стихотворение послано А.М. Петровой в письме из Москвы от 11 сент. 1897.

501. «Час урочный настает...». Из лит. наследия-1. С. 38–39. Стихотворение было написано экспромтом «без четверти 12» на вечеринке в семействе Жебуневых; послано (без даты) А.М. Петровой с примечанием: «Последние две строчки <...> взяты из второй части “Фауста”. Это песня Эвфориона – сына Фауста и Елены, в лице которого Гёте олицетворил Байрона» (Из лит. наследия-1. С. 39).

502. 19 февраля. Из лит. наследия-1. С. 50–51. 19 февр. 1861 был опубликован манифест Александра II об освобождении русских крестьян от крепостной зависимости. Стихотворение было послано А.М. Петровой 24 февр. 1898 (как написанное ранее). 15 февр. 1902 это крамольное стихотворение было изъято при обыске у двоюродной сестры Волошина Л.С. Ляминой. 25 февр. (10 марта) 1902 Волошин в Париже писал об этом Я.А. Глотову: «Мне ужасно совестно, что мои стихи об 19 февраля попались в Охранку. Они ведь очень слабы. Я готов писать Зубатову и просить его не судить об моем поэтическом таланте по ним. Уж лучше бы я ему написал “XIX век” или “Версаль”» (см. ниже № 642 и 509, соответственно).

Непробудную дрёму с очей... – Сказка «Спящая красавица» французского писателя Шарля Перро (1628–1703), вошедшая в его сборник «Сказки моей матушки Гусыни» (1697). *Николаевских времен* – то есть эпохи правления Николая I (с 1825 по 1855) с ее военными поселениями, усилением бюрократического аппарата, разгромом в Крымской войне и т. п.

503. «Увядший цветочек...». Из лит. наследия-1. С. 50. Экспромт, обращенный к А.М. Петровой, приславшей Волошину из Феодосии фиалку.

504. «Думы непонятные...». Труды и дни. С. 66. Стихотворение было написано в имении Вяземских Еленкой под Севастополем. Не-

которое время Волошин рассматривал его как программное. Он написал его на своей фотографии, подаренной И.И. Гейеру осенью 1900, и А.Н. Арендт (без даты), вписал в альбом Н.Л. Ауэр (20 янв. 1902) и в альбом А.Ф. Онегина (7 янв. 1902).

505. Доля русского поэта. Ср. со стихотворением В.К. Кюхельбекера «Участь русских поэтов» (1845), которое, однако, было впервые опубликовано только в 1936. Автограф – в записной книжке № 18 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 453) – вписан перед 6 сент. 1898.

Умирать идет на юг. – Здесь имеется в виду С.Я. Надсон, скончавшийся от туберкулеза в Ялте; Волошиным зачеркнута строка: «Ялта – пышная гробница...».

506. «В чем мое горе? – спросил я у ветра ночного...». Стихотворение внесено в записную книжку (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 15).

***507. «Мой дух широк...».** Последний вариант стихотворения послан в письме профессору И.Х. Озерову 6 мая 1899.

508. «Вот парк Монсо... Здесь Мопассана...». Описан памятник Ги де Мопассану в парижском парке Монсо; установлен в 1897, скульптор Р. Верле, архитектор А. Деглан.

Здесь жил Флобер... – Г. Флобер жил в доме № 240 на rue du Faubourg de Saint-Honore.

***509. Версальский сыр.** Из лит. наследия-1. С. 96–97. Свои впечатления о посещении Версаля Волошин изложил в письме А.М. Петровой 30 нояб. 1899 (Из лит. наследия-1. С. 80–81), стихотворение же было послано ей уже из Берлина 9 янв. 1900. Вариант названия: «В Версале».

Roi le Soleil – Король-солнце *(фр.)*, прозвище Людовика XIV. *Ментенон де*, маркиза, она же Франсуаза д'Обинье (1635–1719) – любовница Людовика XIV, затем вторая его жена (с 1683); внучка предводителя гугенотов Т.А. д'Обинье. *...coq le Dieu!* – Избави Бог! *(фр.)* *...лимбургский сыр...* – т. е. произведенный в бельгийской провинции Лимбург.

510. «Теперь сижу в Берлине я...». Из лит. наследия-1. С. 91 (в письме к А.М. Петровой от 9 янв. 1901). *Со шрамом по всему лицу...* –

Следы сабельных дуэлей, считавшиеся у немецких студентом (буршей) признаком мужской доблести. *«И верится и плачется»...* — Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» (1839).

512. На Дунае. «Русский Туркестан». Ташкент, 1901, 28 янв. (в тексте очерка «Листки из записной книжки»). - - Из лит. наследия-1. С. 238. Стихотворение вписано в «Журнал путешествия» (который Волошин вел по очереди со своими двумя спутниками во время путешествия по Австро-Венгрии, Швейцарии и Италии), 31 мая (13 июня) 1900.

513. «...И бысть в Берлине велий глас...». В стихотворении выражен протест Волошина против интервенции войск ряда европейских стран, во главе с Германией, в Китай, для подавления восстания ихэтуаней («боксеров»), проводившегося со средневсковой жестокостью. В письме к матери без даты (ок. 10 дек. 1900) Волошин возмущался походом немецкого фельдмаршала А. фон Вальдерзее «для осквернения гробниц Мингов» и цитировал речь Вильгельма II к отплывающим в Китай войскам: «Пленных не берите, пощады не давайте — *приготовьте путь культуре*».

Велий — великий. *...дракон ..* — то есть китайский народ; так В.С. Соловьев назвал свое стихотворение, приветствующее Вильгельма (как легендарного героя Зигфрида) в его борьбе с китайцами. *...Цин принял союзный ультиматум.* — Пекин был занят интервентами в середине августа 1900, цинские правители бежали из Пекина в Сиань. В 1901 восстание было подавлено, хотя в отдельных районах Китая борьба продолжалась и в 1902. *Ведут мятеж упорный буры...* — Имеется в виду англо-бурская война в Южной Африке, которую Великобритания вела против буров — местных колонистов-выходцев из Нидерландов, в 1899—1902. *Сожгите ж в пламени пожара ∾ принципам Омара!* — Омар ибн-Хаттаб (591—644) — второй мусульманский халиф (с 634), сподвижник пророка Мухаммеда; завоеватель ряда стран. Инициатор уничтожения знаменитой Александрийской библиотеки.

514. Вечер. «Русский Туркестан». Ташкент, 1901, 1 апр. Написано в конце 1900 — начале 1901.

515. «Стемнело. И черные тени...». «Русский Туркестан». Ташкент, 1901, 4 февр. (за подписью «Макс Волошин»).

***516. Камни Парижа.** Из лит. наследия-1. С. 95, 104–105, 106–108. Это стихотворение было написано в несколько приемов и отсылалось А.М. Петровой по частям в письмах от 9 янв., 7 апр. и б. д. (апр.) 1900. Запечатлено оно и в черной клеенчатой тетради из 36 листов со стихами 1899–1900 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 16). Название «Камни Парижа» фигурирует в письме к М.В. Лаврову (которому стихотворение было послано в конце янв. – начале февр. 1901); в конце июля (?) 1901 М.В. Лавров обещал показать его своему отцу, редактору журнала «Русская мысль».

В поэзии старых больших городов ∾ *Как краски у Клода Лоррена...* – Эта часть стихотворения (без строк 17–20) была послана автором А.М. Петровой в письме от 9 янв. 1900 из Берлина (Из лит. наследия-1. С. 95). Клод *Лоррен* (наст. фам. Желле, 1600–1682) – французский живописец и график, представитель классицизма. В торжественные по композиции «идеальные» пейзажи вносил лиризм, мечтательно-элегическое настроение, тонкие эффекты освещения. *Palais de Justice* – Дворец правосудия *(фр.)* на острове Сите, бывшая резиденция французских королей. Многократно горел и перестраивался; от пожара 1776 уцелела лишь угловая башня с часами, построенная в 1298; на северном фасаде (выходящем на набережную de l'Horloge) также сохранились башни XIII в. С начала XIX в. во Дворце правосудия разместились суды высших инстанций. *..мумии* ∾ *меж пьяных гостей проносили.* – Обычай проносить деревянное изображение покойника на богатых пирах в Древнем Египте (с призывом наслаждаться жизнью) описывает в своей «Истории» (ч. 2, п. 78) Геродот. *Собор Notre Dame ..* – парижский собор Богоматери. ...«'ανάγκη»... – «Судьба, рок *(греч.)*. См. роман Гюго» (примечание Волошина). Это слово фигурирует в предисловии к роману В. Гюго «Собор Парижской богоматери» (1831) и обозначено в названии одной из его глав (кн. 7, гл. IV). *Фигур, переплетов, узоров.* – В письме к А.М. Петровой указано: «На этом обрывается. А вот дальше о Лувре». Однако в черной тетради следует продолжение с датой: 9 апр. *Вот Лувр* ∾ *в течение долгих столетий.* – Дворец французских королей Лувр, строился на месте замка начала XIII–XIV веков, с 1546 по 1850-е, рядом архитекторов. В 1791 был превращен в национальный художественный музей. *Таинственный облик богини.* – Имеется в виду античная скульптура Афродиты Милосской (2 в. до н. э.). *. старое кладбище* ∾ *На белой плите Написано славное имя .* – Речь идет о Генрихе Гейне, который похоронен на кладбище Монмартр в Париже; памятник работы датского

скульптора Л. Хассельриса (1844—1912) установлен в 1890. Посещение могилы Г. Гейне Волошин описал в письме к А.М. Петровой от 5 (17) нояб. 1899. (Из лит. наследия-1. С. 86). *И верных друзей поражали не раз Его ядовитые стрелы.* — В книге «Романтическая поэзия» (1833) Гейне жестоко нападал на немецких романтиков Августа и Фридриха Шлегелей и Новалиса, которых прежде боготворил; в памфлете «Людвиг Бёрне» (1840) разделался с прежде близкой ему литературной группой «Молодая Германия». Нападками на былых союзников полна и поэма «Атта Тролль» (1843). *...в цветы Теперь расцвели его слезы.* — Начало второго стихотворения Г. Гейне (в переводе Волошина) из цикла «Лирическое интермеццо» (1823), вошедшего в его «Книгу песен». *...не мог уже встать ∾ со страшной «матрацной могилы».* — Сраженный болезнью спинного мозга, Гейне с мая 1848 был не в состоянии двигаться, безотлучно находясь в постели с двенадцатью матрацами. *Я помню картину ∾ Весь этот Париж необъятный.* — Здесь изложены впечатления о виденной Волошиным 7 (19) ноября 1899 инаугурации памятника «Триумф республики» на площади Нации, описанной в письме к А.М. Петровой от 4 дек. 1899 из Берлина (Из лит. наследия-1. С. 90—91). *«Ni dieu et ni maître!»* — «Ни бога, ни господина!» *(фр.)*, девиз французского коммуниста-утописта Луи Огюста Бланки (1805—1881) и заглавие его газеты, вышедшей в нояб. 1889. *В ∾ парке Монсо Есть мраморный бюст Мопассана...* — См. коммент. 508.

***517. «Жизнь — бесконечное познанье...».** БП. С. 399. Печатается по автографу в тетради Волошина 1901—1903 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4, л. 3). Автограф (там же, ед. хр. 18, л. 5—6) — как заключительная часть стихотворения «Пустыня» (его основной текст — наст. изд., т. 1, с. 11—12).

518. К Герцену. «Москва». 1977. № 5. Стихотворение вписано в альбом Наталье Львовне Ауэр (1874—1933, в замуж. Миклашевская), хранящемся в РГАЛИ (ф. 701, оп. 1, ед. хр. 17). Без названия (как стихотворение, «навеянное Герценом») было послано Волошиным П.Б. Струве в Штутгарт (в янв. 1903), на адрес журнала «Освобождение».

519. «На заре. Свежо и рано...». СиП-2; с посвящением А.В. Гольштейн, по автографу из Бахметевского архива (Колумбийский уни-

верситет, США). Печатается по автографу в рабочей тетради Волошина 1901–1903, с таким пояснением: «Это я написал третьего дня, сидя на площади Plebescito в кафе. Это отголосок разговора с А.В. Г<ольштей>н в вечер ее отъезда в Савойю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4, л. 13–14).

***520. «Я – Вечный Жид. Мне люди – братья...».** «Новый путь». 1903, № 8. Вариант – черновой автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 18, л. 18). 1 янв. 1903 (19 дек. 1902) отправлено из Парижа Я.А. Глотову, как «не последнее <...>, а одно из последних».

Вечный Жид – Агасфер, персонаж христианской легенды позднего Средневековья, обреченный из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа, которого он оскорбил во время крестного пути и который один может снять с него проклятие.

***521. «Город умственных похмелий...».** «Золотое руно». 1906, № 11/12. Вариант – автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 90, л. 2–2 об.). Стихотворение примыкает к циклу «Париж» (см. № 9–19; наст. изд., т. 1, с. 22–29). Посылая текст стихотворения в письме к М.В. Сабашниковой от 6 янв. 1904, Волошин добавлял: «Это только отрывочные строфы, и я еще не знаю, что я из них сделаю. Париж для меня снова воскрес и приобрел свое обаяние». В.Я. Брюсов отозвался о стихотворении (в письме Волошину ок. 10/23 февр. 1904) так: «“Город умственных похмелий” – очень “Волошинское”; но иные рифмы бесстыдно придуманны (особенно “палитры – Митры”), конец очень из меня» (Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Кн. 2. С. 311).

Жрец Ормузда или Митры. – Ормузд (или Агурамазда) и Митра – божества древнеиранской мифологии: верховный бог и бог солнца.

522. Tête Inconnue. БП. С. 401–402. Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 83, л. 6).

Tête Inconnue (голова неизвестной – *фр.*) – бюст работы итальянского мастера Франческо Лауранны (ок. 1430–1502), хранящийся в Лувре. Волошин имел в Париже гипсовый слепок с него, позднее перевезенный в Коктебель. См. также наст. изд., т. 1, с. 451, коммент. 38 (11).

523. «Весна» Миллэ. «Око». 1906, 6 окт. В письме к А.М. Петровой от 10 марта (25 февр.) 1904 вписано под загл. «Певице», с подзаголовком «"Printemps" Миллэ». Начало работы – весна 1903, в Коктебеле (Тт-1, л. 12).

Милле Жан Франсуа (1814–1875) – французский живописец. Его картина «Весна» (1869–1874) экспонируется в Лувре: над цветущим садом – грозовые тучи с радугой. *...поющее пламя...* – Более чем через год (в письме к М.В. Сабашниковой от 24 (11) июля 1905) Волошин скажет об А.Р. Минцловой: «Я никогда не говорил с певучим пламенем, а теперь говорю».

524. «Весна идет, щебечут птицы...». Автограф в записной книжке № 10, заполненной в основном рукой М.В. Сабашниковой; экспромт Волошина – на л. 29 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 448, IX).

***525. «И с каждым мгновеньем, как ты отдалялась...».** БП. С. 402. Печатается по автографу в письме к М.В. Сабашниковой от 10 сент. 1905, где имело приписку: «Эти строфы пели во мне, когда я ехал» (т. е. ехал из Цюриха в Париж, 6 сент.). Вариант – черновой автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 21, л. 3).

И не было мыслей ∾ покой бытия. – Волошин писал М.В. Сабашниковой 27 окт. 1905, что этот фрагмент «совершенно совпадает» с описанием «плана Будды» в книге «Свет на пути».

526. «Лежать в тюрьме лицом в пыли...». Сб. «Волошинские чтения». М.: ГБЛ, 1981 (первые две строфы – в статье Л.А. Евстигнеевой «Прозревая будущее»). - - СиП-2 (тот же текст). - - БП. С. 402–403. Печатается по автографу в Тт-1 (л. 60 об.).

Минаков Петр Андреевич (1865–1931) – судебный медик, в 1900–1911 – заведующий кафедрой судебной медицины Московского университета. Эпиграф взят из его статьи «По поводу смертной казни» («Русские ведомости». 1906, 3 окт.).

527. Набат (На башне). Русь. 1906. Илл. прилож. № 2 (дек.). С. 33. В Тт-1 без загл. (перед стихами дек. 1906); имеется также автограф на отдельном листе под загл. «Призыв». В стихотворении отражены впечатления от подъема на колокольни соборов Шартра и Руана в 1905.

528. «Я здесь расту один, как пыльная агава...». НЖ. 1988, № 168/169. Печатается по автографу в письме Волошина к М.В. Сабашни-

ковой от 17 апр. 1907 – с примечанием: «Третьего дня я отправил Вячеславу открытку с таким сонетом, приветствующим “Цветник Ор”».

кошницы легких Ор – «Цветник Ор: Кошница первая» – альманах, составленный Вяч. Ивановым; вышел из печати в мае 1907. Ниже упомянуты основные участники издания: *Валерий* Брюсов, *Вячеслав* Иванов, *Константин* Бальмонт, *Александр* Блок. *Лидиин «Осел»*... – Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866–1907) дала в «Цветник Ор» фрагмент своей пьесы «Певучий осел» (вариация на тему «Сна в летнюю ночь» Шекспира). . *свирельной Маргариты* . – М.В. Сабашникова напечатала в альманахе цикл стихотворений «Лесная свирель». *Χαίρη* – привет *(греч.)*.

529. «Дубы нерослые подъемлют облак крон...». ВРХД. 1977, № 120. - - «Радяньске літературознавство». 1977, № 3. Печатается по автографу в Тт-2 (л. 28). Начато в апр. 1907.

530. «Я не пойду в твой мир гонцом...». СиП-2. Печатается по Тт-2 (л. 51).

531. «День молочно-сизый расцвел и замер...». Антология (в составе цикла «Киммерийская весна»). Дата – в Тт-2 (л. 58 об.). Стихотворение написано сапфической строфой.

532–534. Надписи на книге. СиП-2. Печатается по Тт-2 (л. 60 об.). Дарительные надписи на экземплярах Стих.

О К.Ф. *Богаевском* см. наст. изд., т. 1, с. 464 и 514. *Ардавда* (Ардабда) – древнее название Феодосии (видимо, аланское); Волошин считал, что киммерийское. Об *А.М. Петровой* см. наст. изд., т. 1, с. 458. О С.К. *Маковском* см. наст. изд., т. 1, с. 470. .. *построил ты храм Аполлону* . – Имеется в виду журнал «Аполлон», который Маковский начал выпускать осенью 1909. *Ликей (др.-греч.)* – волчий; один из эпитетов бога солнца Аполлона. *Горомедон* (Horomedon) – «вождь времени», еще один эпитет Аполлона; так была названа теоретическая статья Волошина об искусстве («Золотое руно». 1909, № 11/12).

535. «В полдень был в пустыне глас...». СиП-2. Печ. по Тт-2 (л. 59; незачеркнутый вариант ст. 1: «В знойный полдень был мне глас»). Начало работы – лето 1909.

536. «К Вам душа так радостно влекома...». «Современные записки». Париж. 1933, № 52 (в составе очерка М. Цветаевой «Живое о живом»). - - «Литературная Армения». 1968, № 6 (то же). - - Стих-77. Было послано в письме к М.И. Цветаевой, о чем она рассказала в указанных мемуарах. Дата – в Тт-2 (л. 65 об.).

«Вечерний альбом» – название первой книги стихов М.И. Цветаевой, вышедшей из печати в 1910. *Я давно уж не приемлю чуда...* – 21 июня (4 июля) 1905 Волошин писал А.М. Петровой: «В мире нет чуда... Только одни позитивисты и реалисты признают еще чудо, низводя его до мещанской разновидности случая. Но нет ничего случайного <...>» (Из лит. наследия-1. С. 182).

537–541. <Четверостишия>. СиП-2. Печатается по Тт-2 (л. 76).

2. Стих-77.

4. Вариант первой строфы стихотворения 124.

542. «Я люблю тебя, тело мое...». СиП-2. Печатается по Тт-2 (л. 81).

Ты летопись мира... – В статье «Откровения детских игр» («Золотое руно». 1907, № 11/12) Волошин писал: «Каждый входящий в человеческий мир через двери рождения должен повторить вкратце всю историю этого мира. <...> В таком же стремительном сокращении проходит в нем вся история человечества: история всех племен, всех народов, всех погибших цивилизаций, экстазы всех религий, сны всех мифологий, устремления всех страстей и откровения всех познаний» (ЛТ-88. С. 493–494). См. выше первую главу поэмы «Святой Серафим» (с. 102).

543. «Радость! Радость! Спутница живая...». БП. С. 410. Печатается по Тт-2 (л. 83 об.).

544. Майе. «День поэзии в Крыму». Смф., 1965. - - Стих-77. Печатается по Тт-2 (л. 85).

Майя – Мария Павловна Кювилье (1895–1985, в замуж. Кудашева, во втором браке Роллан), поэтесса, переводчица. См. стихотворение 167 и коммент. к нему (наст. изд., т. 1, с. 187, 497).

545. Лиле Эфрон. ВРХД. 1977, № 120. - - *Журавлев Д. Н.* Жизнь, искусство, встречи. М.: Всероссийское театральное общество, 1985, под загл. «Лиля». Печатается по Тт-2 (л. 85).

Эфрон Елизавета Яковлевна (1885–1976) – актриса и режиссер-педагог, сестра С.Я. Эфрона, золовка М.И. Цветаевой. См. о ней в кн. А.И. Цветаевой «Воспоминания» (М.: Сов. писатель, 1983. С. 376–377). *...сила токов ∾ двух рас...* – Мать Елизаветы Яковлевны – русская аристократка Елизавета Петровна Дурново, а отец – еврей-разночинец Яков Константинович Эфрон. *Обормотство.* – Е.Я. Эфрон была одной из зачинательниц т. н. «обормотского» стиля жизни в доме Волошина; определение это появилось впервые в 1911. См. также коммент. 588.

546. «Снова...». СиП-2. - - «Наше наследие». 1989, № 1. Печатается по Тт-2 (л. 102). Обращено, по-видимому, к Р. Штейнеру (1861–1925), главе Антропософского общества, возглавлявшего строительство Гетеанума (см. коммент. 200; наст. изд., т. 1, с. 513). Волошин познакомился с ним в 1905, летом 1914 готовился к поездке в Дорнах. В авг. 1914 поэт писал А.М. Петровой: «Какая странная судьба, которая меня привела к Штейнеру в 1905 году и теперь вновь приводит в 1914, именно на это время уводя из России» (Из лит. наследия-2. С. 127). 14 (1) авг. 1914 Волошин записал о Р. Штейнере: «Все черты его лица углубились и заострились за эти годы. Отошла гармония огня. Все стало глубже и более скорбно».

547. «Плывущий за руном по хлябям диких вод...». АМА. Эпиграф к первому разделу книги – «Внутренние голоса».

Плывущий за руном. – Имеется в виду Ясон (греч. миф.), возглавивший поход аргонавтов.

548. «И был повергнут я судьбой...». АМА. Эпиграф ко второму разделу книги – «Солнечные сплетения».

549. «Чем глубже в раковины ночи...». АМА. Эпиграф к третьему разделу книги – «Армагеддон».

550. Петербург. АМА. Автограф – с припиской под текстом: «Написано в состязании с Бальмонтом в виде протеста против переименования Петербурга в Петроград, чтобы в безвыходных сонетных рифмах зафиксировать имя Петербурга» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 8). Отклик на переименование Санкт-Петербурга в Петроград в 1914. «Петрограда я не принимаю, – пояснял Волошин в письме к

Ю.Л. Оболенской от 25 янв. 1915. – Зачем обижать Петра и голландцев? <...> Что может быть уместно, как шутливая вольность пушкинского стиха, совершенно неприемлемо, как исторический факт».

Демиург – имеется в виду Петр I. *«Resurgam!»* – «Восстану!» *(лат.)* *...в стране ~ Рифейской...* – Рифеем античные географы называли Урал. Здесь – синоним России. *Палестра* – гимнастическая школа в Древней Греции. *Местр* Жозеф де (1753–1821) – французский философ и писатель, в 1802–1817 – посланник Сардинии в Санкт-Петербурге, автор книги философских диалогов «Санкт-Петербургские вечера» (1821). «Де Местр – гениальный писатель, и из русских его можно приравнять к Вл. Соловьеву и Леонтьеву, хотя он совсем иной», – писал Волошин матери 3 мая 1915. О собеседнике де Местра он писал 26 окт. 1915 А.М. Петровой: «С кем говорил Де Местр? – Не с Пушкиным – Пушкин тогда еще в лицее был мальчишкой. Это один из собеседников “Soirées de St. Petersbourg” – безымянных М. б. – “Сенатор”» (Из лит. наследия-2. С. 148).

***551. «Нет в мире прекрасней свободы...».** ВРХД. 1977, № 120 Печатается по Тт-2 (л. 110). Вариант – автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп 1, ед. хр. 39, л. 11). Ср. со стихотворением 121 (наст. изд., т. 1, с. 139)

552. Париж зимою. Кругликова. - - Иверни, без загл. Печатается по первой публикации. Автограф – под загл. «Париж зимой» (Тт-2, л. 116 об.–117). Некоторые строки были написаны летом 1904 (Тт-1)

553. «Верь в безграничную мудрость мою...». Стих-77. Печатается по Тт-2 (л. 120). Монолог от лица некоего демона, подобного «Вестнику» из стихотворения «Пролог», призывающего: «Любовь воздай за меру мерой, // А злом за зло воздай без мер» (наст. изд., т 1, с. 230). В письме к матери от 13 авг. 1915 Волошин высказал свое истинное отношение к проблеме благодарности: «В европейской морали утвердилось такое (сатаническое, дьявольское) моральное обязательство: за благодеяние благодарность возвращается тому именно кто благодеяние оказал, долг обязан быть уплачен целиком именно тому, от кого получен, не другому. Таким образом, добро немедленно погашается между двумя. А зло возмещается не только тому, от кого оно пришло, но и его близким, и его соплеменникам – и возмещается рукою щедрой, не считая...» (См.: *Купченко В.* «Расти неудержимо.

как лавина...». – «За автомобильно-дорожные кадры». М., 1980, 13 мая).

***554. «Широки окоёмы гор...».** РЛ. 1975, № 2. Печатается по Тт-3 (л. 3). Вариант – автограф 2 в Тт-3 (л. 14; под загл. «М. С. Ц.»).

Цетлин М. С. – см. коммент. 171 (наст. изд., т. 1, с. 498). *Ты дала мне эту тетрадь.* Речь идет о тетради-подарке адресата стихотворения (на первом ее листе – надпись: «М.А. Волошину от Марии Цетлин. 7 II 1919. Одесса»). Эта тетрадь стала одной из «творческих тетрадей» поэта (Тт-3). Автограф стихотворения предшествует в Тт-3 другим записям.

555. «С тех пор как в пламени косматом и багровом...». СиП-2. Печатается по Тт-3 (л. 50 об.).

Четырнадцатый Лев – подразумевается начало Первой мировой войны. Лев – здесь зодиакальное созвездие. См. коммент. 200 (наст. изд., т. 1, с. 513).

556. «Мир знает не одно, а два грехопаденья...». СиП-2. Печатается по Тт-3 (л. 51 об.).

И Сатана спасется. – О том, что Сатана обратится к Богу и будет спасен, учил раннехристианский мыслитель Ориген (185–253). *Тех изблюю из уст Моих!* – Парафраза слов из Откровения св. Иоанна Богослова (III, 16).

557. Л. П. Гроссману. ВРХД. 1977, № 120. Печатается по Тт-3 (л. 40 об.).

Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) – поэт, прозаик, литературовед; глубоко изучал жизнь и творчество Достоевского, издал монографии о нем и о Пушкине. Волошин познакомился с ним в Одессе в 1919. *.. ярким пламенем Коммуны ∾ Будапешт.* – Имеется в виду Венгерская советская республика, существовавшая с 21 марта по 1 авг. 1919. *Кат* – палач. *Тиун* – наместник, управляющий. *. млечный блеск Плеяд.* – Имеется в виду не только созвездие с таким названием, но и «Плеяда» – французская поэтическая школа эпохи Возрождения (возникла в 1549), которая ввела во французскую литературу форму сонета. Книжку своих стихотворений «Плеяда» (Одесса: Фьяметта, 1919), посвященных поэтам этой школы, Гроссман надписал Волошину 22 авг. 1919. *Стогны* – улицы.

558. Сон. Стих-77. Печатается по Тт-3 (л. 53). Тема подсознательного («сонного сознания») издавна интересовала Волошина. В статье «Театр – сонное видение» («Русь». 1906, 9 дек.) он писал: «Для сна есть особая логика, совершенно отличная от логики нашего дневного сознания, но, тем не менее, вполне строгая и согласная с какими-то основными, но мало известными нам свойствами нашего мозга».

В своем страстном и звездном теле... – Имеется в виду астральное тело (см. коммент. 128; наст. изд., т. 1, с. 484).

559. Сибирской 30-й дивизии. «Известия Феодосийского ревкома». 1920, 27 нояб. Автограф не выявлен. Отклик на вступление в Феодосию 30-й Иркутской (Сибирской) дивизии (см. коммент. 256; наст. изд., т. 1, с. 550). 19 нояб. 1920 Волошин был назначен «заведующим охраны памятников», он начал чтение лекций по истории искусства в Народном университете, созданном для красноармейцев (там же преподавали, кроме Волошина, В.В. Вересаев, П.С. Соловьева). М.П. Кудашева (см. коммент. 167; наст. изд., т. 1, с. 497) впоследствии вспоминала «восторг <...> в первые дни прихода Красной армии в Феодосию, с паденьями и подъемами» (письмо к Волошину от 7 нояб. 1921). В этот же период Волошин написал не найденное пока стихотворение памяти Ф. Энгельса – по заказу тех же «Известий» (редактором газеты был М.И. Гинцбург-Даян).

Кулагин Сергей Александрович – начальник ЧК 30-й дивизии, уроженец Вологодской губернии.

***560. «Был покойник во гробе трехдневен...».** СиП-2. Печ. по Тт-3 (л. 93). Вариант – автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 61, л. 7).

561. Революция. НРС. 1978, 15 окт. Печатается по Тт-3 (л. 111 об.).

Фригийский колпак – головной убор древних фригийцев; в Риме его носили освобожденные рабы, почему он получил значение символа свободы. Во время Французской революции фригийский колпак носили санкюлоты и якобинцы, в нем изображена героиня картины Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ» (1830). *И карлик бронзовый на завитом столпе.* – Имеется в виду Вандомская колонна в Париже со статуей Наполеона I наверху.

562. Ангел смерти. ВРХД. 1977, № 120. Печатается по Тт-3 (л. 130). Первоначальная редакция – автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 73, л. 30).

Легенда о визире Душарфаре («Тысяча и одна ночь»), послужившая основой сюжета стихотворения, приведена у П. де Сен-Виктора («Боги и люди». М.: М. и С. Сабашниковы, 1914. С. 309–310). Волошин также пересказал ее в статье «Париж и война: Жертвы» («Биржевые ведомости». 1915, 26 июня). Стихотворение на тот же сюжет есть у английского поэта Э. Арнолда (1832–1904). Волошин мог прочесть его перевод на русский язык в книге А.П. Барыковой «Стихотворения и прозаические произведения» (СПб.: А.А. Пороховщиков, 1897), имевшейся в его библиотеке.

Азраил – ангел смерти у мусульман.

563. Портрет. СиП-2. - - «Литературная учеба». 1988, № 4. Печатается по автографу (ДМВ). По-видимому, портрет поэтессы Адалис (Аделины Ефимовны Ефрон; 1900–1969): в письме к Н.А. Габричевской от 15 дек. 1924 Волошин называет Адалис в шутку «инфернальной козой». Написано на поэтическом конкурсе с участием В.Я. Брюсова, С.В. Шервинского, Адалис, П.Н. Зайцева. По воспоминаниям А.П. Остроумовой-Лебедевой, на написание стихотворения участникам конкурса давалось полчаса времени (см.: *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. М.: Центрполиграф. 2003. Т. III. С. 67).

564. Соломон. «Сион» (Израиль). 1972, № 1. - - «Литературная учеба». 1988, № 4. Печатается по автографу (ДМВ). Написано на поэтическом конкурсе с участием В.Я. Брюсова, С.В. Шервинского, Адалис.

Офир (библ.) – страна, богатая золотом (возможно, Аравия или Индия). *Пунт* – у древних египтян совокупность стран по берегам Чермного (современного Красного) моря (Абиссиния, Сомали, Аравия). *Царица Савская...* – Балкис – царица Савы, страны, находившейся предположительно в Южной Аравии. *«Всё суета сует»* – парафраза библейского изречения (см.: Екклезиаст. I, 2).

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

566. К Л. Л. Обращено к Л.С. Ляминой (см. коммент. 343).

567. Овечка (к Д. А.). Адресат стихотворения не выявлен.

568. Письмо в стихах Зволинскому. В «томе II» – без посвящения.

«Расскажи, о странник, Спарте ∾ вождя храброго спартанцев». – Первоначальная редакция стихотворения 348. *Кузя* – прозвище преподавателя гимназии К.К. Павликовского.

569. На Н. С<абани>на. Николай Алексеевич *Сабанин* (1876–?) – одноклассник Волошина по Первой московской казенной гимназии, потомственный дворянин; жил на Арбате в гостинице «Столица». 21 сент. Волошин записал в дневнике: «Написал оду на Сабанина, которая разошлась сейчас по классу. Сабанин злится, а я очень рад. Не всё же ему к другим приставать, попробуй-ка на себе».

570. «Толстой! На что ж это похоже?..». Труды и дни. С. 30. Стихотворение вписано в дневнике на 1891–1892 (записная книжка № 33; ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 448) сразу после стихотворения 355 («То было в давни времена...»); изображает гимназического законоучителя (а Закон Божий Волошин недолюбливал).

С своим Евангельем суется тоже... – Л.Н.Толстой создал «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий» в 1880–1881.

572. «Я знал фиалочку. Она...». Шуточное стихотворение, которое Волошин позднее упоминал в мемуарах (История моей души. С. 294). Сопровождается эпиграфом из неустановленного немецкого поэта о двух репейниках (под которыми автор подразумевал себя и А.М. Пешковского) и фиалке (А.М. Петрова).

См. также стихотворение 575.

573. «Наступает страшный час...». Печатается по автографу ФКГА (№ 68). Волошин вспоминал, что А.М. Петрова болела брюшным тифом (История моей души. С. 294).

«Amicus homo, qui non fleret?» («Друг человек, кто не восплачет?» *лат.*) – Парафраза строки из католической молитвы к Богоматери

«Stabat mater» («Стояла Матерь»): «Quis est homo qui non fleret...» – «Какой человек не восплачет...»). *Алексеевской эмульсии* – по имени феодосийского доктора Фомы Константиновича Алексеева (1852–1912). *Орька* – Орест Михайлович Петров, один из пяти братьев А.М. Петровой.

574. «Не высок, не толст, не тонок...». Надпись на обороте фотопортрета, подаренного А.М. Петровой «от Гипопо-Макса» (собрание Ю.А. Арендта).

575. «Как ты внимательна была!..». Из лит. наследия-1. С. 53. Экспромт, обращенный к А.М. Петровой и посланный ей в письме без даты (около 12 марта 1898).

Харченко – владелец магазина писчебумажных принадлежностей, издатель видовых открыток. *Лера* – В.А. Воллк-Ланевская. *Густав Антонович* – Дуранте (1839–1906) – феодосиец, сосед А.М. Петровой; как она сообщала, у него на ноге уже месяц было кожное воспаление, «рожа». *Пора в редакцию спешить...* – Волошин в этот период занимался составлением сборника в пользу недостаточных студентов Московского университета, предполагавшегося быть изданным редакцией журнала «Русская мысль».

576. «Пред экзаменом он до полночи сидел...». 15 апр. 1898 Волошину предстоял экзамен по римскому праву. Стихотворение взято из его записной книжки (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1. ед. хр. 452).

῾Ωπωποὶ – Ах! (*греч.*), *Φιλυί μοῦ* – мои друзья (*греч.*), *᾽Αγαπῶ* – люблю (*греч.*). *Почему-то вдали заблестел Вей-хай-Вей...* – последнее выражение, возможно, восходит к английскому *highway* (торная дорога).

Герундив, супин – глагольные формы латинского языка; *период* – здесь единица текста. *Quo vadis (лат.)* – куда идешь? Ср.: «...Господи, куда Ты идешь?» (Иоанн. XIII, 36). *Агора* – торговая площадь и место народных собраний в древнегреческих городах; соответствует древнеримскому форуму. *Катилина* – Луций Сергий Катилина (ок. 168–62 до н. э.), римский претор, участник заговора, разоблаченного Цицероном. *O quo usquem* (грамматически правильно: *O quousque*) *Tandem ∾ abuter' patientia?!.* – «Доколе же будешь испытывать терпение?!» *(лат.)*; начало речи Цицерона против Катилины.

577. «Уж я юрист второго курса...». Из лит. наследия-1. С. 66. Экспромт, посланный А.М. Петровой в виде письма.

Сервитут (юр.) – ограничение собственности, сообщающее лицу, в пользу которого оно установлено, самостоятельное вещное право пользования чужим недвижимым имуществом в точно определенном размере.

578. «“Bova maxima” вас провожала...». *Bova maxima* – великий змей (*лат.*); под этим именем Волошин, видимо, имеет в виду всю компанию провожающих. Стихотворение описывает отъезд А.М. Петровой из Москвы; автограф сохранился на отдельном листе (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 15, л. 5). *Третий Ньютонов закон* – закон равенства действия и противодействия, сформулированный И. Ньютоном в его труде «Математические начала натуральной философии» (1687). *Яша* – Яков Александрович Глотов (1878–1938), двоюродный брат Волошина, студент-юрист.

579. «Что вы, песни мои, над душою моей...». «Русский Туркестан». Ташкент, 1901. 25 марта (за подписью «М. Волошин»).

580. Серенада. Стихотворение находится в записной книжке, по соседству с написанными совместно с М.П. Свободиным, и, возможно, подсказано последним. *Тартарен* – незадачливый путешественник-фанфарон, герой романов А. Доде «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» (1872), «Тартарен в Альпах» (1885), «Порт Тараскон» (1890). *Ликирики* – этим именем впоследствии Мария Николаевна Кларк называла в своих письмах к Волошину свою подругу Е.И. Дмитриеву, гостившую у поэта в Коктебеле летом 1909. И в открытке Волошину (б. д.) А.М. Петрова писала, что ждет его к себе в Феодосию вместе с «гавайской поэтессой», явно имея в виду Дмитриеву. Не исключено, что именно этот мистификационный образ (происхождение которого еще предстоит установить) трансформировался затем в образ Черубины де Габриак.

581. «Я ехал в Европу, и сердце мое...». Автограф в тетради стихотворений 1899–1900 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 16, л. 6 об.). В письме к Я.А. Глотову Волошин так описывал свое первое путешествие за границу: «Наконец 7-го сентября мы подъехали к границе. В Радзивилове какие-то типичные евреи повлезали в вагоны и начали

менять деньги. Наконец поезд отошел. Моросил дождь, и кругом было болото, на котором щетинилась неведомо какая произрастаемость, вдоль по речке шлепали мальчишки без штанов. Вдруг мелькнул перед окнами вагона столб и около него австрийский часовой в кепи. Сразу произошла разительная перемена. Дождь перестал идти; болото, хотя оно и осталось прежним болотом, но оказалось покрытым мягкой зеленой травкой, местами тщательно скошенной и сложенной в скирды, причем над каждой скирдой был устроен балдахинчик из соломы, чтобы ее дождем не мочило. По кустикам везде шныряли кролики и, для полного завершения картины, мальчики в штанах и с книгами подмышкой выходили из школы».

582. Ночь в Колизее. Из лит. наследия-1. С. 274. Экспромт, написанный в римском Колизее.

Кн. И. – князь Василий Петрович Ишеев (1878–1920), студент юридического факультета Московского университета, спутник Волошина по итальянскому путешествию.

583. «Душно в городе! Как только...». «Русский Туркестан». Ташкент, 1901, 28 янв. (в тексте очерка «Листки из записной книжки»). Стихотворение было вписано в записную книжку № 26 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 437) 11 янв. 1901.

«Lederhosen» – кожаные штаны *(нем.)*. Прочтя в газете объявление о непромокаемых кожаных брюках для рабочих всего за четыре с половиной марки, Волошин сообщал матери о них 7 янв. 1899. А 20 янв. 1900 последовало сообщение о приобретении этих «Leder Hose-Hercules», сшитых «из чего-то абсолютно несокрушимого» металлическими нитками. Однако двухмесячного путешествия по Европе эти штаны не выдержали и были выкинуты незадолго до его окончания. *И пойду ∾ С неизменным красным гидом* – т. е. с путеводителем издания фирмы, основанной В.К. Бедекером (1801–1859), которые выпускались в красных переплетах.

584. «Поздно утром в час полдневный...». Стихотворение (написанное размером «Ворона» Эдгара По) описывает приготовления к путешествию в Андорру и Испанию, предпринятому Волошиным из Парижа совместно с художниками Елизаветой Сергеевной Кругликовой (1865–1941), Елизаветой Николаевной Давиденко (1867 – не

ранее 1918) и Александром Александровичем Киселевым (1855 – после 1918). У Волошина ошибочно датировано «? июня».

Белка – Е.С. Кругликова. *Календа – собств.* первый день месяца *(др.-римск.). Foix* – железнодорожная станция (Фуа, с одноименным старинным замком) к югу от Тулузы, куда путешественники выехали из Парижа в 20 час. 30 мин.

585. «Лизавета Николавна...». У Волошина ошибочно: «7 мая».

Шуточное описание путешествия в Андорру. *Лизавета Николавна* – Е.Н. Давиденко. Описывая переход через Пиренеи, Е.С. Кругликова в очерке «Андорра» вспоминала: «Начались горы. Не доверяя Максу, я сказала, что возьму проводника – не могу такой багаж тащить на себе, я не верблюд и не осел! И легла на землю. Макс взял мой рюкзак...» (сб. «Е.С. Кругликова: Жизнь и творчество». Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 47).

586. «Мелкий дождь и туман...». Автограф в записной книжке № 17 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 3). Шуточная вариация на тему стихотворения Н.А. Некрасова «В дороге» (1845). Описание переезда от испанского городка Уржель (Сео-д-Уржель) до железнодорожной станции. 15 июня 1901 Волошин писал Я.А. Глотову из Барселоны: «Сведения о карлистах сообщил мне кучер дилижанса, знавший несколько слов по-французски. “А Вы сами карлист?” – спросил я его. Он обиженно посмотрел на меня и с гордостью ответил: “Нет, сеньор, я, слава Богу, социалист!” Тьфу, пропасть! Вот тоска-то».

Движенья Карлизма. – Карлисты – сторонники испанского претендента на престол дона Карлоса Старшего (1788–1855) и его наследников, крайние приверженцы абсолютизма и клерикализма, развязавшие гражданскую войну в Испании в 1833–1839 и 1873–1876.

587. «Марья Львовна! Я глубоко...». Обращено к Марии Львовне Ауэр (1883–1959), дочери известного скрипача, профессора Л.С. Ауэра, носившей в семье шутливое прозвище Муха. Волошин влюбился в нее (впервые в жизни) и, после отъезда девушки из Парижа, переписывался с ней. Стихотворение было послано закрытым письмом в Париже 28 февр. 1902.

Апухтинские «Мухи». – Имеется в виду стихотворение Алексея Николаевича Апухтина (1840–1893) «Мухи (“Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою...”)» (1873). Примечание Волошина:

«Извините... только для рифмы». *Муха* – чешский художник Альфонс Муха (1860–1939), в 1888–1910 работавший во Франции, один из видных мастеров стиля модерн. *«Письма об Андорре»* – эту статью Волошин начал писать еще в авг. 1901 (для журнала «Русская мысль»), но так и не закончил. (См.: *Волошин М.* Путник по вселенным. М.: Сов. Россия, 1990. С. 53–60).

588. «Седовласы, желтороты...». Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 42, л. 1, 2 об.).

Обормоты – так в шутку Волошин стал называть обитателей своего дома в Коктебеле (включая себя с матерью) после лета 1911, создавшего особый стиль общения – с постоянными розыгрышами, маскарадами, присвоением шутливых прозвищ всем членам компании. (См.: *Купченко В.* «Стройтесь в роты, обормоты». – «Крымский альбом». Феодосия–Москва: Изд. дом «Коктебель», 1998. С. 175–183). *Пра* (от «Праматерь») – прозвище матери Волошина, Е.О. Кириенко-Волошиной.

589–596. Сонеты о Коктебеле. ВРХД. 1980, № 131. - - *Волошин М.* Коктебельские берега. Поэзия, рисунки, акварели, статьи / Сост. З. Д. Давыдов. Симферополь: Таврия, 1990. Печатается по автографу (ДМВ). Художник Л.С. Фейнберг вспоминал, что Волошин написал этот цикл к своему дню рождения, 16 мая: «К этому дню Макс собственноручно сколотил фанерный ящик – вроде почтового – и прибил его к стене на террасе. Было предложено всем желающим опустить в гостеприимную щель любые шутливые (а также и серьезные) стихи и рисунки, карикатуры, смешные пожелания – любые творческие подарки. И вот – сам Макс, без подписи, опустил в ящик рукопись "коктебельских сонетов": подарок самому себе и всем другим» (Воспоминания. С. 273).

1.**Утро.** *Андрей* – видимо, работник Волошиных. *Пра* – см. коммент. 588. *В одежде древней.* – Пресловутый «хитон» Волошина: рубаха до колен с подпояской. *«Dame de piques»* («Пиковая дама») – одна из жилиц, знакомая Е.О. Кириенко-Волошиной. *Мудрец чердачный* – двоюродный брат Волошина Михаил Сергеевич Лямин (1883–?), химик, страдавший манией преследования.

2. **Обед.** *Лиля* – Е.Я. Эфрон. *Толкает брата брат.* – Мальчики-близнецы, видимо внуки «Пиковой дамы». *Сережа* – С.Я. Эфрон; лечился от туберкулеза.

3. **Пластика.** *Вера* – Вера Яковлевна Эфрон (1888–1945), сестра Е.Я. и С.Я. Эфронов, одно время посещала школу пластических танцев Е.И. Рабенек в Москве. *Следокопыт* – один из близнецов.

4. **Француз.** «Дон». 1980, № 7 (в тексте воспоминаний Л.Е. Фейнберга). Фамилия французского негоцианта, влюбившегося в Е.Я. Эфрон, была Жулиа, он также носил прозвище «мсье Карадаг». *«J'irai périr tout seul à Kavardak!» (фр.)* – «Я уйду в одиночестве умереть в Кавардак!». Кавардак – видимо, переиначенное Карадаг (см. коммент. 67–80, 4; наст. изд., т. 1, с. 465).

5. **Пра.** «Дон», 1980, № 7. *Пря* – борьба. *Я ∾ Кормлю стада голодного зверья.* – Е.О. Кириенко-Волошина, державшая пансион, очень уставала от домашнего хозяйства и с годами все больше раздражалась от необходимости вести его.

6. **Миша.** Адресовано М.С. Лямину.

7. **Тобик.** «Дон», 1980, № 7. *Батар* – т. е. бастард, ублюдок. *...испытывает он ∾ эффект своих противоядий.* – Речь идет о М.С. Лямине: он боялся быть отравленным.

8. **Гайдан.** «Дон». 1980, № 7. *Я же шел с одной.* – Имеется в виду М.И. Цветаева, писавшая о собаках Коктебеля: «Их было много, когда я приехала; когда я пожила, то есть обжилась, их стало – слишком много» (Воспоминания. С. 243).

597. «Шоссе. Индийский телеграф...». СиП-2. Печатается по Тт-2 (л. 81 об.).

Индийский телеграф .. – Столбы англо-индийского телеграфа Лондон– Калькутта, законченного строительством в 1870. *Екатерининские версты* – каменные столбы, установленные в честь путешествия по Крыму Екатерины II в 1787. *Рогозинский* Владимир Александрович (1882–1951) – инженер, архитектор; два лета приезжал из Москвы в Крым на своем автомобиле.

598. Серенький денек. СиП-2. - - «Наше наследие». 1989, № 1. Печатается по Тт-2 (л. 133–133 об.). Весной 1932 Волошин вспоминал, как возникло это стихотворение: «По вечерам мы всегда встречались с Эренбургом и иногда просиживали в маленьком кафе у Gare Montparnasse (вокзала Монпарнас, *фр.*) до рассвета, читая стихи, и я возвращался в Пасси пешком вдоль линии метро. <...> В этот период Илья писал книгу о "Канунах". Это был ряд набросков и настроений первого года войны, со всею <*1 сл. нрзб.*> и ложью, которые тогда уже

начинали кристаллизоваться в атмосфере и личностях. Отсюда тот ряд странных образов, которыми обновили стихи модернисты франц<узские> поэты – Аполлинер, Макс Жакоб и др. К ним непосредственно примыкал и Илья Эренбург. Как-то раз, проходя около Трокадеро, я стал думать об этих же темах, и у меня сложилась пародия на Эренбурга "Серенький денек", которой эпиграфом могли бы служить знаменитые строчки:

"День прошел весьма обыкновенно,
Облака сидели на диванах..."»
(История моей души. С. 306–307).

...тощий аскет... – И. Эренбург. *Райская гостиная* – салон М.С. Цетлин. *С Валлотоновой бабой.* – От фамилии французского художника Феликса Валлотона (1865–1925).

599. «Из Крокодилы с Дейшей...». «Наше наследие». 1989, № 1. С. 100. Печатается по автографу (ДМВ).

Крокодила – популярная в годы Первой мировой войны песенка, в Коктебеле переиначенная на местные сюжеты. *Дейша* – Дейша-Сионицкая Мария Адриановна (урожд. Сионицкая, 1861–1932) – оперная певица, имевшая в Коктебеле дачу по соседству с Волошиным. Эпатированная вольностями «обормотов», вела против них борьбу, возглавив «нормальных дачников». Стихотворение было написано Волошиным на плакате его работы с изображением Дейши в виде ведьмы на помеле (ДМВ).

***600. Татида.** СиП-2. Печатается по Тт-2 (л. 186 об.; вариант).

Татида – прозвище и псевдоним Татьяны Давидовны Цемах (1890– ок. 1943), бактериолога и поэтессы.

601. «Вышел незваным, пришел я непрошеным...». «Чукоккала: Рукописный альм. Корнея Чуковского». М.: Искусство, 1979. С. 312. Было вписано в альбом К.И. Чуковского в Коктебеле.

602. «За то, что ты блюла устав законов...». «Наше наследие». 1989, № 1. Печатается по автографу в альбомчике «Прощание с Коктебелем» (1924. ДМВ). Посвящено Анне Александровне Кораго (1890–1953), в доме Волошина носившей прозвище *Анчутка* (от «Анна чуткая», см.: *Дадина Л.* М. Волошин в Коктебеле // НЖ. 1954, № 39.

С. 184). Педагог и библиотекарь, перевела с французского роман Ж. Куртелина «Поезд 8.47» (М.: ЗИФ, 1926).

«Гроб» – шуточное название дворовой уборной. *..пророческое имя...* – По-древнееврейски Анна – это благодать. *От Белого ты не спала ночами.* – Андрей Белый, живший в доме Волошина летом 1924, отличался экспансивностью и неуравновешенностью (см.: История моей души. С. 257; *Рождественский В.А.* Страницы жизни. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. С. 336–337).

603. Мистеру Хью. НЖ. 1988, № 168/169. - - «Наше наследие». 1989, № 1. Печатается по автографу (ДМВ). Посвящено Е.С. Кругликовой, летом 1926 гостившей у Волошина в Коктебеле. В импровизированной оперетте «Путями Макса» (или «Саша-паша») она исполнила роль американского ученого *мистера Хью.* Н.А. Габричевская вспоминала, что Кругликова «играла поразительно. Легко, четко, много прибавляя от себя» (архив О.С. Северцовой, Москва).

604. «На берегах Эгейских вод...». «Литературная учеба». 1988, № 4. Печатается по авт. маш. (ДМВ). Написано на конкурсе баллад на тему «Не остывал аэролит», в котором участвовали Е. Ланн, Н.Л. Манухина, Л.Е. Остроумов, Г.А. Шенгели, С.В. Шервинский и др.

Персеиды – метеорный поток, наблюдаемый с 25 июля до 20 авг. *Денница* – см. коммент. 182–196 (12); наст. изд., т. 1, с. 505. *Лафоргов вальс планет.* – Речь идет о стихах Ж. Лафорга (см. коммент. 26; наст. изд., т. 1, с. 446) из его посмертного сб. «Рыдания земли». *Фокстрот.* – Этот танец, официально запрещенный в СССР в те годы, был популярен в Коктебеле у молодежи. *Поэт, упавший к нам из рая.* – Имеется в виду Э. По, на могиле которого, согласно легенде, был положен вместо плиты крупный метеорит.

НЕОКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

610. «В темнице под двойным запором...». *Псаменит* – иначе Псамметих III, последний фараон (526–525) XXVI династии, был взят персами в плен и затем казнен; по другим сведениям – покончил жизнь самоубийством.

611. «Послов посылает в Египет Камбиз...». *Камбиз* (также Камбис) – древнеперсидский царь (?– 522 до н. э.) из династии Ахеменидов (с 530 до н. э.). В 525 до н. э. завоевал Египет, разгромив египетское войско при городе Пелусии; основал XXVII династию фараонов.

624. «Только там вдалеке, за границей хребта...». Этим стихотворением (под номером 70) заканчивается «том II».

632. «Мне снилась ночь в сиянии луны...». Автограф в записной книжке № 28 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 452).

634. Сон в Шули. Стихотворение было написано по впечатлениям путешествия от Ялты до Севастополя (с посещением Бахчисарая и плато Мангуп), причем писали его (видимо, по очереди) Волошин (чьи строфы находим в его записных книжках) и его приятель по университету Михаил Павлович Свободин (1880–1906). Последний сочинил главки поэмы под номерами IV и V, ныне неизвестные. В письме Л.В. Кандаурову (б. д.) Волошин называет поэму «Сон в Шули» («Покойный мулла из Албата») – «совместной с Мишелем» («Грани». М., 1998. № 186. С. 232–233). Строки в конце стихотворения, написанные не рукой Волошина, набраны петитом.

Шули – татарская деревня в горном Крыму, неподалеку от Бахчисарая, основанная в XV в. После 1944 – Терновка. *...к умершим давно городам...* – Имеются в виду средневековые пещерные города – Эски-Кермен, Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Кыз-Кермен. *Мангуп* – крупнейший средневековый город на обрывистом плато, в 17 км. к югу от Бахчисарая. Существовал с V в., в XII–XV вв. был центром княжества Феодоро. *Албат* – татарская деревня в горном Крыму (после 1944 – Куйбышево Бахчисарайского района). *Равенна* – город и порт в Северной Италии; в 402, спасаясь от вестготов, там укрылся император Священной Римской империи Гонорий. *Гирей* – собственное имя, часто встречающееся у крымских ханов. *Сарай* – то есть Бахчисарай. *Твой правнук ∾ будет ∾ владеть ∾ только казенной палатой.* – В письме Л.В. Кандаурову (б. д.) Волошин писал: «Относительно же председателя Симферопольской Казенной Палаты <...> знаю, что раньше был им Крым-Гирей, потомок крымских ханов, а теперь не он» («Грани». М., 1998. № 186. С. 232). Председателем Таврической Казенной палаты был Николай Александрович Султан-Крым-Гирей

(1836–1921), член-учредитель Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК); в 1898 он переехал из Симферополя в Петербург.

635. «И был туман...». Автограф в тетради стихов 1899–1900. Написано во время путешествия за границу в 1899. В письме к А.М. Петровой (по-видимому, от окт.) Волошин писал: «Сперва был туман. Воды озера были свинцово-серы, и гор не было видно. Потом облака разошлись, сверкнула синяя гладь Лемана и выступили очертания гор, еще наполовину окутанных туманом. Бесконечным зеленым ковром лежали кругом виноградники».

«На лоне вод стоит Шильон» – начальная строка главы II поэмы Д.Г. Байрона «Шильонский узник» (в пер. В.А. Жуковского).

636. «Народ – огромный, музыкальный...». Автограф в тетради (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 16, л. 10).

637. «Стихи мои! Как вехи прожитого...». Этим стихотворением завершается черная тетрадь 1899–1900 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 16).

638. Отрывок о Тиволи. Из лит. наследия-1. С. 282–284. Послано в письме Я.А. Глотову, с примечанием: «Я как-то начинал писать об Италии. Но все пока отрывки. Вот отрывок о Тиволи (вилла д'Эсте и вилла Адриана)».

Вилла д'Эсте в городе Тиволи (вблизи Рима) построена в 1550–1572 архитектором Пирро Лигорио (ок. 1510–1583) для кардинала Ипполито д'Эсте; известна живописным расположением и парком. *Ватто* А. и *Буше* Ф. – французские живописцы (подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 451). *Гиберти* Лоренцо (ок. 1381–1455), итальянский скульптор и ювелир флорентийской школы Раннего Возрождения. *Другая эпоха – другой колорит...* – Имеются в виду руины виллы императора Публия Элия Адриана (76–138) близ Тиволи; строилась в 125–135.

***639. «Под небом Италии вы рождены...».** «Русский Туркестан». Ташкент, 1901, 18 марта, в тексте «Листков из записной книжки» (5–8 строфы). - - СиП-2.

...югом, К которому с детства стремились мечты... – Позднее Волошин писал об этом своем влечении периода московской гимназии: «Меня томила в то время тоска по югу, какое-то воспоминание о

пустырях, сухих травах, плитах, камнях – очевидно, память Севастополя начала 80-х годов...» (История моей души. С. 279). Арнольд *Бёклин* (1827–1901) – швейцарский живописец, чьи фантастические сцены сочетали мистическую символику с натуралистической достоверностью деталей. Увлекавшийся его произведениями в тот период, Волошин посвятил художнику некролог «А. Бёклин» в газете «Русский Туркестан» (Ташкент, 1901, 31 янв.).

***640. «В истории много магических слов...».** Автограф в записной книжке № 17 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 3, л. 126).

641. «Солнце дымкой даль заткало...». Автограф в записной книжке № 17 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 3, л. 149).

***642. Девятнадцатый век.** «Русский Туркестан». Ташкент, 1901, 1 и 3 янв. (фрагменты IV–VI, XVI, XX, XXI, в тексте статьи «Эпилог XIX века»). Поэма написана (в большей своей части) онегинской строфой. О начале работы над ним Волошин писал А.М. Петровой 15 янв. 1898: «Теперь работаю над большим оригинальным стихотворением. Тема очень необыкновенная. Я хочу в стихах обрисовать XIX век, как личность: его воспитание, обстоятельства жизни, характер. Если не удастся дело в стихах, то попробую состряпать нечто вроде андерсеновской сказочки, немножко наивно<й> и в достаточной степени ядовитой». 24 февр. 1898 Волошин сообщал Петровой, что «XIX век» застрял «на 8-ой строфе», и, приведя уже написанные 38 строк, добавлял: «У меня план уже почти совсем выработан в подробностях. <...> Оно вовсе не будет всеобъемлющим и глубоким, как вы думаете, а будет написано скорее в легком тоне» (Из лит. наследия-1. С. 40, 49, 51). В письме без даты (ок. 15 окт. 1898) были приведены первые 9 строф (Из лит. наследия-1. С. 73–74), в письме от 27 авг. 1901 – строфы XI, XVIII, XIX, XXII (там же. С. 143); остальные фрагменты в черной клеенчатой тетради с заголовком: «Стихи 1899–1900 годов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 16).

I. *Его отец* – то есть XVIII век.

II. *Он жизнь свою окончил крахом...* – В статье «Эпилог XIX века» Волошин пояснял: «Апоплексический удар, от которого умер XVIII век, был удар топора 21 января 1793 года, которым был обезглавлен Людовик XVI». *И Шиллер гимн ему слагал..* – Знаменитая ода Ф. Шиллера «К радости» (1785).

III. *Та сказка «Фауст».* – Над трагедией «Фауст», начатой в 1773, И.В. Гёте работал много лет, закончив лишь в 1831. Незаконченный набросок под названием «Фауст. Фрагменты» появился в печати в 1790. *Порабощенные народы Туда ворвались...* – Имеется в виду Великая французская революция 1789–1794.

V. *Наставник новый* – т. е. Наполеон I Бонапарт. *Свою же собственную мать Велел ∾ убрать.* – Подразумевается революция.

IX. *Он отказался уходить ∾ Исчез он вновь и навсегда.* – Речь идет об отречении Наполеона I от престола 6 апр. 1814, о высадке его во Франции и о вторичном царствовании («сто дней» – с 20 марта по 22 июня 1815), а затем – о вторичном отречении после поражения при Ватерлоо.

X. *...педагогический совет.* – Имеется в виду Венский конгресс 1814–1815, завершивший войну коалиций европейских держав с наполеоновской Францией. *..был отдан он В один закрытый пансион.* – Историю девятнадцатого века Волошин изложил, использовав уже написанные стихотворные фрагменты, в прозаическом этюде «Эпилог XIX века» (см. место его публикации в начале данного коммент.). Он пояснял в нем, что «закрытое учебное заведение», в которое отдали «юношу», имело вывеску «Священный Союз» заключен в Париже 26 сент. 1815) и директором его был «сухой, скучный, исполнительный немец – Меттерних». («Грани». М., 1998. № 188. С. 10–11).

XI. *И он широкими глазами ∾ Сверкнул огонь – и вдруг угас...* – Этот фрагмент поэмы снабжен ремаркой: «Самая глухая пора реакции (20-е годы)»; был отправлен в письме к А.М. Петровой от 27 авг. 1901 из Парижа (Из лит. наследия-1. С. 143). *«И было время, час девятый».* – «Около девятого часа» Иисус Христос «испустил дух» на кресте (Матфей. XXVII, 46–50).

XII. *<О Байроне>.* – Этот и следующий фрагменты вписаны в черную тетрадь (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 16).

XIII. *Услова две великих силы ∾ Навеки словом заклеймен.* – Этот фрагмент стоит перед стихотворением «В Версале» и датирован 26 дек. 1899 (14 дек. по старому стилю). *...меч Атиллы ..* – Правильно: Аттила (?– 453), предводитель гуннов с 434.

XIV. *И в этих песнях, где звучали ∾ За свой бессмертный идеал.* – Этот фрагмент следует за фрагментом «О Байроне», но уже имеет в виду XIX век.

XVI. Под этим фрагментом без окончания стоит дата: «6 декабря 1899 г. Берлин». Публикуя его в составе статьи «Эпилог XIX века»,

Волошин уточняет, что его герою было около тридцати лет, и в 1830 «он в первый раз решился открыто выступить против насильственной опеки» (имея в виду французскую революцию июля 1830, приведшую к свержению Бурбонов).

XVII. *Да! Много вас – компрачикосов ∾ С которой вас он победил...* – Этот фрагмент имеет дату: «22 декабря». *Компрачикосы* – см. коммент. 283.

XVIII. В письме Волошина к А.М. Петровой от 27 авг. 1901 из Парижа этот фрагмент (приведенный без нумерации, слитно с фрагментом, обозначаемым здесь как XIX) снабжен ремаркой: «Сороковые года в Европе» (Из лит. наследия-1. С. 139).

Жюль *Мишле* (1798–1874) – французский историк. В годы Июльской монархии был кумиром радикального студенчества как страстный борец против католической церкви.

XIX. *College de France*, Коллеж де Франс – одно из старейших (с 1530) научно-исследовательских и учебных заведений Франции, не имеющее стабильных учебных планов и программы и не проводящее экзаменов. Эдгар *Кине* (1803–1875) – французский историк и политический деятель; с 1841 профессор Коллеж де Франс, откуда был уволен в 1846 за борьбу против католического духовенства и иезуитов. Адам *Мицкевич* (1798–1855) – польский поэт, деятель освободительного движения. С 1829 жил в эмиграции, преимущественно в Париже. *Веймар – не Берлин.* – Город *Веймар* в Тюрингии был во второй половине XVIII – начале XIX в. крупнейшим центром германского Просвещения. Здесь жили и творили К.М. Виланд, И.В. Гете, И.Ф. Шиллер, Ф. Лист. После этих слов стоит помета Волошина: «Дальше еще не отделано» (Из лит. наследия-1. С. 139).

XX. В очерке «Эпилог XIX века» этот фрагмент был отнесен к 1848–1849; за ним идет прозаический отрывок, соответствующий фрагменту «Она» («Под белой тканью покрывала...»). («Грани». М., 1998. № 188. С. 14–15).

...как Иаков у Лавана... – Имеется в виду библейский патриарх Иаков, согласившийся служить скотоводу Лавану в течение семи лет, чтобы получить в жены его младшую дочь Рахиль. Однако по истечении семи лет Лаван хитростью выдал за Иакова старшую свою дочь Лию, предложив служить за Рахиль еще 7 лет (см.: Бытие. XXIX–XXXI).

XXII. «Русь». 1905, 1 янв. (под названием «Истина»).

В письме Волошина к А.М. Петровой от 27 авг. 1901 стихотворный текст предварен ремаркой: «После 48<-го> года. Новая любовь

XIX века, помимо своей супруги Конституции. Кто была она?» (Из лит. наследия-1. С. 139). А в «Эпилоге XIX века»: «Она родилась в Египте. Там она стояла в храме, оберегаемая жрецами, закутанная в священное покрывало Изиды и называлось “Тайной”. <...> Евреи называли ее “Познанием”. Прометей унес ее с неба под видом “Огня”. Позже она стояла воплощенная в мраморе и ожила в объятиях греческого художника. Тогда она называлась “Красотой”».

Святой Грааль, согласно бретонским сказаниям, – чаша евхаристии, в которую затем Иосифом Аримафейским был собрана кровь Христа, в результате чего она получила ряд таинственных и могущественных свойств. Сюжет о поисках Святого Грааля разрабатывался французским трувером 2-й половины XII в. Кретьеном де Труа в романе «Персеваль» (до 1191) и – более обстоятельно – немецким поэтом Вольфрамом фон Эшенбахом (ок. 1170–1220) в стихотворном романе «Парцифаль». Впрочем, Волошин мог почерпнуть сведения о Граале и его рыцарях и из оперы Р. Вагнера «Парсифаль» (1882).

XXIII. *Теперь он стар.* – Написано в дек. 1899.

643. «Однажды ночью Он, задумавшись глубоко...». БП. С. 432. Печатается по черновому автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 18, л. 7).

У ∾ Кедронского потока... – Кедрон – поток между Иерусалимом и горой Елеонской.

644. «Холодный Сен-Жюст...». БП. С. 433. Печатается по автографу в Тт-1 (л. 13 об.). Одно из первых обращений Волошина к теме Великой французской революции.

645. «Она ползла по рёбрам гор...». БП. С. 433. Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 91, л. 13). Автограф в Тт-1 (л. 33 об.); автограф в письме Волошина к М.В. Сабашниковой б. д. (сент. 1904). Вариант загл. – «Женщина на горе» (письмо Волошина к М.В. Сабашниковой от 9 авг. 1904). Тема стихотворения была задана М.В. Сабашниковой; 23 мая 1900 она записала в дневнике замысел картины: «На скале сидит пророк, женщина лежит у его ног, за ней тянутся ее одежды – тяжелые, богатые, зацепившиеся за терны и за скалы. Все лишнее остается позади» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 18). 13 июня 1904 Волошин записал эту тему в своем дневнике: «Женщина выползла на верх горы. Она была в тяжелом платье с драгоцен-

н<ыми> камнями. Оно рвалось. За ней остались следы лохмотьев и струйки оборванных драгоценностей. На верху нищий. Таким большим орлом. Самая вершина. Кругом горы, белеют снега. И она припала к его ногам и замерла. Это последняя минута полного успокоения. Может, она сейчас умрет» (История моей души. С. 62).

646. «Дрожало море вечной дрожью...». Стих-77. Печатается по Тт-1 (л. 38; черновой автограф).

647. «Льняные волосы волной едва заметной...». БП. С. 434. Печатается по автографу в Тт-1 (л. 40 об.).

648. «Царь-жертва! Ведаю и внемлю...». РЛ. 1976, № 2 (в статье В.П. Купченко «М. Горький и М. Волошин»; без последних 8 строк). - - СиП-2 (тот же текст, под загл. «Король»). Печатается по Тт-1 (л. 66—66 об.; черновой автограф). Первоначальная фиксация текста стихотворения «Король», посланного Волошиным 15 дек. 1906 М. Горькому для публикации в сборниках «Знания». Беловой автограф стихотворения не выявлен.

649. «Я – понимание. Поэты, пойте песни...». «Новый мир». 1977, № 5. Печатается по Тт-3 (л. 130 об.; в подборке «Иверни»).

Лишь в раковине уха. – В черновом варианте стихотворения уточнено: «Они <т. е. песни > станут слышимы только в раковине моего уха». «Словом творить можно только в понимании – если не современников, то их потомков», – писал поэт Е. Ланну 20 дек. 1924. *Бессмертье Бога.* – В предыдущих публикациях: «бессмертье сна» – описка. В Тт-3: «Моею смертью я утверждаю бессмертье распятого Бога».

650. «К древним тайнам мертвой Атлантиды...». «Новый мир». 1977, № 5. Печатается по Тт-3 (л. 130 об.; в подборке «Иверни»).

Атлантида. – Скорее всего, речь идет о теософской трактовке истории легендарного материка; в библиотеке Волошина, в частности, сохранился труд У. Скотт-Эллиота «L'Historié de l'Atlantide» (Paris: Publications Theosophiques, 1901) именно такого плана.

651. «Светло-зеленое море с синими полосами...». «Радяньске літературознавство». Киев, 1977, № 3. Печатается по Тт-2 (л. 20).

652. «Закат гранатовый...». БП. С. 436. Печатается по автографу в Тт-2 (л. 18 об.).

***653. «Пришла изночница. В постель...».** Стих-77. Печатается по Тт-3 (л. 131; в подборке «Иверни»). Вариант – автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 1), автограф в Тт-2 (л. 22).

Изночница – бессоница.

654. «Двойной лик Януса в единстве Солнцебога...». Черновой автограф на обороте листка со стихотворением 659.

Янус – древнее италийское божество, первоначально бог света и солнца, позднее бог входов и выходов, божество всех начал. Янус изображался человеком с двумя лицами (одно считалось обращенным в прошлое, другое в будущее).

***655. «О да, мне душно в твоих сетях...».** СиП-2. Печатается по Тт-3 (л. 131 об., в подборке «Иверни»). Вариант – черновой автограф в Тт-2 (л. 40 об.). Обращено, по-видимому, к Вяч. Иванову.

Вкусили корни ∾ Единых недр. – Ср. со стихотворением 129 (наст. изд., т. 1, с. 147). *Эвмениды* (миф.) – богини мщения, хранительницы кровных уз материнского рода.

656. «Я погружен горящим корнем...». Автограф в Тт-2.

657. «На пол пала лунная тень от рамы...». «Литературная Грузия». 1972, № 10. Печатается по Тт-3 (л. 131 об., в подборке «Иверни»). Реминисценция библейской «Книги Песни Песней» (V, 2–5).

658. «Ты из камня вызвал мой лик...». СиП-2. - - «Наше наследие». 1989, № 1. Печатается по Тт-3 (л. 131 об., в подборке «Иверни»). Обращено к польскому скульптору Эдварду Виттигу (1879–1941). О своем бюсте его работы Волошин писал матери в нояб. 1908 (см. коммент. 170; наст. изд., т. 1, с. 497–498). «Он удивительно хорош, – добавлял поэт в другом письме к ней же. – Я не говорю о сходстве, но он сам по себе будет очень крупным произведением искусства» (Из лит. наследия-3. С. 373). Впоследствии Виттиг перевел бюст в камень, и он был установлен (как парковая скульптура) в сквере на бульваре Эксельманс в Париже.

659. «Ее зовут Ватрушкой...». Автограф на отдельном листе. Речь идет о сестре братьев-близнецов, детей «Пиковой дамы», выведенных в «Сонетах о Коктебеле».

660. «Живописцу призрачного Крыма...». Автограф на отдельном листе. Обращено к К.Ф. Богаевскому.

661. «Милая Вайолет, где ты?..». «Радяньске літературознавство». Киев, 1977, № 3. Печатается по Тт-3 (л.132, в подборке «Иверни»). Посвящено *Вайолет* Харт (см. коммент. 41; наст. изд., т. 1, с. 453). Летом 1912 Харт была в Коктебеле, ездила с Волошиным в Судак (см.: Воспоминания. С. 155).

***662. «Так странно свободно и просто...».** Стих-77. Печатается по Тт-3 (л. 132, в подборке «Иверни»). Вариант – черновой автограф в Тт-2 (л. 80 об.).

Поющее пламя – см. коммент. 523.

***663. «И нет в мирах страшнее доли...».** СиП-2. Печатается по Тт-2 (л. 82 об.). Вариант – отдельные строфы (там же). Автограф – в Тт-3 (л. 132 об., в подборке «Иверни»). Развитие темы и образного строя стихотворения 530.

Того, кто выпил боль до дна. – Имеется в виду Иуда (см. коммент. 268; см. наст. изд., т. 1, с. 555). *«Вы соль земли!»* – слова Христа (Матфей. V, 13), обращенные к ученикам.

664. «Я проходил, а вы стояли...». «Радуга». 1982, № 10. Печатается по Тт-2 (л. 87 об.). Ср. стихотворения 121 и 125 (наст. изд., т. 1, с. 139 и 143). Вариант начала: «Я шел в неведомые дали, А ты стояла вдалеке»; вариант заключительных строк: «О нет, царевна, – обещаний Я не беру и не даю» (Тт-2).

665. «Бойцам любви - почетна рана...». «Радуга». 1982, № 10. Печатается по Тт-3 (л. 133; в подборке «Иверни»). По-видимому, посвящено М. Кювилье (см. коммент. 167 и 169; наст. изд., т. 1, с. 497).

666. «Нет места в мире, где б напрасно...». БП. С. 440. Печатается по Тт-2 (л. 163 об.). Над текстом – незачеркнутый набросок начала стихотворения: «Нет на всей земле такого места, Где бы» (там же).

***667. Киммерийская Сивилла.** «Литературная Грузия». 1972, № 10. - - Стих-77. Печатается по Тт-3 (л. 49 об.). Вариант – авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 48, л. 4). Стихотворение задумано в 1911, тогда же написаны две строки (3 и 4). *Киммерийской сивиллой* Волошин называл А.М. Петрову (см. преамбулу к разделу «Звезда Полынь» – наст. изд., т. 1, с. 458).

668. «Как магма незастывшего светила...». СиП-2. Печатается по Тт-3 (л. 111 об.). По-видимому, набросок для цикла «Путями Каина».

669. «Папирус сдержанный, торжественный пергамент...». СиП-2. Печатается по Тт-3 (л. 116 об.). Возможно, заготовка для цикла «Путями Каина».

670. «Среди верховных ритмов мирозданья...». Стих-77. Печатается по Тт-3 (л. 156 об.). По-видимому, фрагмент, предназначавшийся для стихотворения 289.

671. Россия (Истоки). БП. С. 442–444. Печатается по Тт-3 (л. 172–172 об.; черновой автограф). Незавершенная обработка темы, затронутой в 1925 во фрагментах стихотворения «Русь» (Тт-3, л. 152 об.–153; СиП-2).

Сырты – в Заволжье и Южном Предуралье вытянутые плоские широкие увалистые возвышенности (высотой 300–350 метров), расчлененные балками и покрытые степной растительностью. *Сассаниды* – персидская династия, правившая в 224–641 г. н. э. *...золотая Ски...* – недописанное слово; очевидно, «Ски<фия>».

672. «Революция губит лучших...». СиП-2. - - *Волошин М.* «Средоточье всех путей...». М.: Моск. рабочий, 1989. С. 212. Печатается по Тт-3 (л. 184). Стихотворение обращено к Семену Ивановичу Златогорову (1873–1931), микробиологу, профессору Военно-медицинской академии. Был в гостях у Волошиных в 1925, 1926, 1930. Организатор и участник экспедиций по борьбе с чумой, холерой и другими инфекциями в Астраханской губернии (1899), на Дону (1902), в Иране (1904), в Китае (1911). Был арестован ГПУ и умер 17 марта 1931 в тюремной больнице в Ленинграде. 28 марта 1931 Волошин писал М.В. Дороговой: «Это был профессор Маруси, большой ученый и человек редкой деликатности, отзывчивости, который всю жизнь

провел на эпидемиях в разных концах земли». «Какая страшная потеря», – писал он в тот же день А.П. Бобкову.

НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

Волошин писал свои пейзажи по памяти, отбирая в изображаемом то, что ему казалось наиболее значительным. Э.Ф. Голлербах отмечал, что Волошин «не копирует “виды”, а творит их на основе тех форм и красок, которые присущи Коктебелю» (каталог «Акварели М.А. Волошина». Л.: Литературно-худож. кружок, 1927). 20 окт. 1917 Волошин пояснял в письме к Ю.Л. Оболенской, что его стихи на акварелях – «вовсе не заглавия акварелей»: «Представьте себе, что Вы идете с раннего утра и до поздней ночи по тропинкам, погруженная в свои мысли и в созерцание, и иногда в Вас возникает стих или строфа: она не вполне соответствует тому, на что Вы смотрите, но она связана с общим настроением пейзажа. Их сочетание не параллельно, а иррационально. Возникающий стих вовсе не описывает видимый пейзаж, но загорается от него. <...> Здесь главное стих, акварель служит только музыкальным аккомпанементом. <... > Я очень против параллелизма искусств. <...> Надо искать симфонического, а не унисонного сочетания». Волошин фиксировал надписи не только непосредственно на акварелях, но и в специальных подборках – в «творческих тетрадях» и в других авторизованных источниках, сохранившихся в его архиве.

Надписи на акварелях публиковались в «Вестнике РСХД» (1973, № 107), сборниках «Пейзажи Максимилиана Волошина» (Л.: Художник РСФСР, 1970) и «Максимилиан Волошин – художник» (М.: Сов. художник, 1976), журналах «Радуга» (1965, № 9), «Радяньске літературознавство» (1972, № 7; 1977, № 3), «Дружба народов» (1977, № 5) и др. изданиях. Наиболее полная подборка надписей (148 в основном корпусе и 5 в дополнениях) – в СиП-2; тексты надписей располагаются в этом издании в алфавитной последовательности.

В настоящем издании печатаются два цикла надписей на акварелях, сформированных самим автором, и подборка (в алфавитной последовательности – по первому слову) из разных источников (за исключением надписей, представляющих собой фрагменты стихотворений Волошина, входящих в основной корпус его собрания сти-

ков). Эта подборка не претендует на полноту: акварели Волошина исчисляются тысячами и разбросаны по множеству собраний.

673. Вечерние возношения. Печатается по авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 81). Об отправке серии пейзажей с этим загл. в Москву (с оказией) Волошин сообщал Ю.Л. Оболенской 24 сент. 1917. «...Я, кажется, нашел способ применить мой блокнот черной бумаги», – добавлял он. Пейзажи были выполнены в технике темперы.

674. Десять лирических пауз одной прогулки. Печатается по авт. маш. (там же). Серию акварелей под таким загл. Волошин послал М.С. Цетлин в Москву (с ее братом) 12 сент. 1917, на другой день известив об этом письмами Ю.Л. Оболенскую (которую просил передать работы «в распоряжение» К.В. Кандаурова) и В.А. Рогозинского (которого уведомлял, что пейзажи предназначены для выставки «Мир искусства»). В письме Ю.Л. Оболенской 20 окт. 1917 Волошин объяснял процесс создания акварелей и соотношение изображения и стихотворной «подписи» (см. выше), замечая: «Я думал, что эта сторона достаточно ярко подчеркнута заглавием цикла: "Десять лирических пауз одной прогулки", а также призрачностью и прозрачностью пейзажей, видимых сквозь успокоенную лирическую влагу мыслей». Работы выставлены не были, о чем Волошин упоминал в письме к Ю.Л. Оболенской 1 апр. 1925, запрашивая об их сохранности у К.В. Кандаурова.

675. Надписи на акварелях. Печатаются по авт. спискам акварелей для выставок «Жар-цвет» (1928), «Киммерия» (1930, не состоялась; ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 2, л. 11–15), в Тт-3, а кроме того – по публикациям в печатных каталогах выставок Волошина в Москве (1970) и в Феодосии (1972).

Звездочкой при номере отмечены надписи, публиковавшиеся в БП.

3. *Жар-цвет 1928* – выставка одноименного общества московских художников (1928), одним из устроителей которой был К.В. Кандауров, друг Волошина. Надписи на акварелях к этой выставке приводятся по списку Волошина в Тт-3 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7).

67. *..башни Генуи...* – Генуэзские колонии существовали в Крыму в XIII–XV вв.; их оборонительные укрепления сохранились в Феодосии, Судаке, Балаклаве – однако Волошин изображает на своих акварелях крепостные башни вне реального пейзажа.

68. *...правила Венеция когда-то ...* – Венецианские фактории и колонии существовали в Восточном Крыму в XIII в. (в частности, на средневековых картах была отмечена венецианская гавань в районе нынешнего Коктебеля).

84. *Опук* – гора (85 м над уровнем моря) на южном берегу Керченского полуострова, возле мыса Элькен-Кая. *Киммерикон* – античный город, существовавший с V в. до н. э. до IV в. н. э. у западных склонов горы Опук. На рубеже эр на вершине горы была воздвигнута мощная цитадель; раскопками обнаружены оборонительные стены, жилые дома, зерновые ямы, цистерны для воды.

96. *Марные* горы – горы, подернутые маревом. См. также коммент. к надписи 141.

102. *...Микеланджеловский «День»* .. – одна из статуй (символизирующих быстротечность времени) на гробнице одного из братьев Медичи в церкви Сан-Лоренцо во Флоренции работы Микеланджело Буонарроти.

124. Первоначально во второй строке было: «*...усталых* холмов».

125. В каталоге выставки 1970 г. ошибочно: «Молч*али*».

131. *Бурус* (также Сугут-Оба, от татарского «сугут» – ива, верба) – гора (955 м) в Восточном Крыму близ села Земляничное (прежде Орталан).

141. В каталоге выставки 1970 г. ошибочно: «*морские* горы».

144. Эта надпись воспроизведена на открытке, выпущенной Домом-музеем Волошина (2003).

167. *Пуссен* Никола (1594–1665) – французский живописец (см. наст. изд., т. 1, с. 496).

190. *...Оссиановских ночей.* – Аллюзия на книгу поэм шотландского поэта XVIII в. Джеймса Макферсона «Песни Оссиана», являющихся обработками древних кельтских преданий и легенд.

676–680. Посвящения на акварелях.

679. Надпись сделана по нижнему краю акварели «Долина Армутлука». *Долина Армутлука* – долина к северо-западу от Коктебеля, получившая название от слова «армут» (груша, *тат.*); деревня Армутлук была разрушена в 1942–1944.

681. На обороте акварели от 10 апр. 1931 (с надписью: «Охра размытых холмов И пряди весенней листвы») надписано: «20 июня 1932. Дорогой и милой Марусе <в> День ее ангела».

682. Ольга Федоровна *Головина* (1890—1974, в замуж. Альбрехт), дочь председателя 2-й Гос. думы, служащая Центросоюза.

683. Всеволод Иванович *Попов* (1887—1936) – педагог, библиофил; страдал тяжелым пороком сердца, так что его жизнь ежедневно была в опасности.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Книга четвертая
ПУТЯМИ КАИНА
Трагедия материальной культуры

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1925 – 1929 ГОДОВ

* См также раздел «Другие редакции и варианты»

СТИХОТВОРЕНИЯ 1891 – 1931 ГОДОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НЕОКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

В оформлении суперобложки
использована акварель
М. Волошина «Карадаг в облаках»

Волошин М.

В68 Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891–1931 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; Коммент. В.П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2004. – 768 с.

ISBN 5-902152-19-4 (т. 2)
ISBN 5-902152-05-4

Во второй том собрания сочинений М.А. Волошина входят стихотворения и поэмы 1891–1931 гг. Значительная часть произведений публикуется впервые.

ББК 84(2Рос-Рус)-5

Максимилиан Александрович Волошин

Собрание сочинений
под общей редакцией
В.П. Купченко, А.В. Лаврова

Том второй

Стихотворения и поэмы 1891–1931

Редактор
Н.П. Ходюшина

Художественный редактор
В.Н. Сергутин

Корректор
Е.И. Коротаева

Верстка
А.Б. Метелкин

Подписано в печать 20.04. 2004
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 35,7. Тираж 3000 экз.

Заказ № 2345

ЛР № 01716 от 05.05 2000

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-74-72. Факс· 254-26-11.
E-mail: ellisluck2000@mail.ru

ГУП Московская типография № 2
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (МПТР России).
Тел.: 282-24-91. 129085, Москва, пр. Мира, 105.

ISBN 5-902152-19-4

